

FORGOTTEN REALMS®

Искушение Дальминстера

Эд Гринвуд

Чем соблазнить архимага, у которого все есть?

Из темной и пыльной могилы восстает Эльминстер, в ожидании указаний Мистры, и лишь тишина ему в ответ. Он попал в когти таинственной и зловещей Леди Теней. Путь его ведет к противостоянию, сотрясающему Королевства, туда, где Эльминстеру придется сделать самый важный выбор в его долгой жизни.

И что бы он ни выбрал, Королевства уже не будут прежними...

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "Forgotten Realms". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Переводчик: **Борис Маслов**

Редактор: **Дариэль**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Эд Гринвуд

«ИСКУШЕНИЕ ЭЛЬМИНСТЕРА»

Сага об Эльминстере (книга 3)

Стиву и Дженни Хеллайнер

Отличные друзья, хорошие люди, чемпионы игр и геймеры, которые играют.
Пусть все ваши совместные победы не будут в Другом Море.

Королевство Галадорна лежало к востоку от Дельтантла. Его столица, Нетрар, сохранилась как современная Нетра. События Части I охватывают около пяти лет, начиная с Года Пропавшего Клинка (759 ЛД). События Части II охватывают шестнадцать или семнадцать дней в Году Пробуждающегося Змея (767 ЛД).

ПРОЛОГ

В разворачивающейся истории могущественного Старого Мага Долины Теней есть время, которое некоторые мудрецы называют «годами, когда Эльминстер лежал мертвым». Я не видел там никакого трупа, поэтому предпочитаю называть их «Тихими годами». Меня поносили и высмеивали как худшего из фантазирующих идиотов за такую позицию, но мои критики и я согласны в одном: что бы Эльминстер ни делал в те годы, все, что мы знаем об этом,—это вообще ничего.

*Антарн Мудрец
из **Великой Истории Могущественных Архимагов Фаэруна**,
опубликованной примерно в Год Посоха*

Меч обрушился, чтобы нанести смертельный удар. Куст роззеля не защищался, только издал сильный глухой звук, когда закаленная сталь прорезала его. Колючие сучья упали с сухим треском, нога в сапоге соскользнула, и раздался тяжелый грохот, за которым, когда трое искателей приключений одновременно затаили дыхание, последовала напряженная тишина.

— Амандарн? — спросила одна из них, когда больше не могла держать язык за зубами. Ее голос был резким от дурного предчувствия. — Амандарн?

Имя эхом отразилось от стен руин — стен, которые казались словно настоженными... и ожидающими. Все трое пробирались вперед по рыхлым

обломкам, держа оружие наготове, бросая взгляды то туда, то сюда в поисках характерной темной ленты змеи.

— Амандарн? — снова раздался крик, более низкий и дрожащий. Ловушка может быть где угодно, или притаившийся зверь, и...

— Боги прокляните эти камни и шипы... И сумасшедших нетерезских строителей тоже! — голос, более раздраженный, чем страдающий от боли, слегка приглушенно прорычал откуда-то впереди, где земля уступала место темноте.

— Не говоря уже о еще более сумасшедших ворах! — прогремела в ответ женщина, которая так тревожно звала. Ее голос был громким и теплым от облегчения.

— Перераспределители богатства, Нуресса, *с твоего позволения*, — обиженно ответил Амандарн, когда камни сдвинулись и загремели вокруг его копающих рук. — Термин «вор» — такое вульгарное, ограничивающее карьеру слово.

— Как слово «идиот»? — хрипло спросил третий голос. — Или «герой»? Его грубость была похожа на издевательское рычание поверх тонов жидкого бархата.

— Айриклаунавэн, — строго сказала Нуресса, — мы уже говорили об этом, не так ли? Оскорбления и провокационные комментарии предназначены для тех случаев, когда мы бездельничаем у огня, в безопасности дома, а не посреди гробницы какого-нибудь смертоносного колдуна с неизвестными нетерезскими заклинаниями и призраками-хранителями, снующими вокруг нас.

— Мне показалось, я услышал что-то странное, — добавил глубокий, грубый четвертый голос со смешком. — Должен сказать, что призраки снуют гораздо громче, чем во времена моего отца.

— Хммм,— едко ответила Нуресса, протягивая длинную бронзовую мускулистую руку в темноту, чтобы поднять все еще сопротивляющегося Амандарна на ноги. Острие гигантского меча в ее другой руке ни на мгновение не дрогнуло и не опустилось. — Сверхумные дварфы, как я слышала, — добавила она, более или менее подняв перераспределителя богатств в воздух, как довольно тонкий рюкзак, — умирают так же легко.

— Где ты слышишь такие вещи? — спросил Айриклаунавэн легким, сардоническим тоном насмешливой зависти. — Я должен пойти туда выпить. — *Айрик*, — предостерегающе прорычала Нуресса, опуская вора на землю.

— Скажи, — взволнованно прокомментировал Амандарн, взмахнув рукой в черной перчатке, призывая к тишине. — В этом есть что-то особенное! Мы могли бы назвать себя... «Сверхумный Дварф»!

— Мы *могли бы*, — сухо сказала Нуресса, опуская свой меч и складывая руки на крестовине. Было очевидно: то, что скрывалось в этом склепе — или мавзолее, или чем бы это ни было, зияющем темным и угрожающим прямо перед ними — больше не спало и было предупреждено. Необходимость в спешке исчезла, а шанс скрытности исчез навсегда. Мускулистая женщина-воин прищурилась на солнце, прикидывая, сколько осталось до конца дня. Ей было жарко в своих доспехах... по-настоящему жарко, впервые с прошлого урожая. В миртуле года Пропавшего Клинка был неожиданно теплый день, и четверо искателей приключений, карабкающихся в море разбитых каменистых обломков, потели под слоем густой пыли. Самый

низкорослый, и крепкий из них весело усмехнулся и сказал своим грубым, надломленным трубным голосом:

— Я едва ли могу уклониться от своего врожденного долга быть дварфом — так что вам остается быть «сверххумными». Но, клянусь богами, я сомневаюсь, что даже втроем вы осилите...

— Хватит, — сказал эльф, стоящий рядом с ним, голосом таким грубым, как у любого дварфа. Я не в восторге от этого названия, и мне не нужно шуточное имя. Как мы можем гордиться...

— Ты имеешь в виду, расхаживать с важным видом, — пробормотал дварф.

— прозвищем, от которой наверняка устанем самое большее через месяц? Почему бы не что-нибудь экзотическое, что-нибудь... — он махнул рукой, словно призывая вдохновение, и, мгновение спустя, на него снизошло, — Что-нибудь вроде Стальной Розы.

Последовал момент задумчивого молчания, которое Айриклаунаван мог расценить как нечто вроде победы, прежде чем Фолоссан снова усмехнулся и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я выковал несколько цветов для нас? Пряжки для ремня? Гульфики?

Амандарн перестал растирать свои синяки и сухо спросил:

— Тебе обязательно все превращать в шутку, Лоссум? Мне нравится это название.

Женщина в вороненых доспехах, которая возвышалась над ними всеми, медленно сказала:

— Но я не знаю, что мне нравится, сэр Вор. Меня называли примерно так же, когда я была рабыней, благодаря порке за мое непослушание. «Стальная роза» — это рубец, оставленный хлыстом со стальной колючей проволокой. Веселый гном пожал плечами.

— Это делает «Розу» дурным названием для группы смелых и опасных авантюристов? — спросил он.

Амандарн фыркнул при этом описании. Губы Нурессы сжались в тонкую линию, которую остальные научились уважать.

— Работорговец, который делает стальные розы, считается неосторожным с кнутом или неспособным контролировать свой характер. Такой рубец снижает ценность раба. У хороших работорговцев есть и другие способы причинять боль, не оставляя следов. Так что мы заявим, что беспечны и не в состоянии контролировать себя.

— Тогда мне кажется еще более подходящим, — сказал дварф ближайшей каменной колонне, затем отпрыгнул назад со сдавленным ругательством, когда она треснула поперек, и большой осколок камня обрушился на него, прорвавшись сквозь внезапный шквал напряженно поднятого оружия. В тишине клубилась пыль, но больше ничего не двигалось. После казавшейся невероятно долгой паузы, Нуресса опустила свой клинок и пробормотала:

— Мы потратили достаточно времени на еще один глупый спор о том, как себя называть. Пусть об этом будет сказано *позже*. Амандарн, ты искал для нас безопасный путь в твою...

— «Ожидающую гробницу», — мягко пробормотал Фолоссан, застенчиво улыбаясь под внезапной тяжестью трех мрачных, раздраженных взглядов.

Почти в полной тишине вор двинулся вперед, расставив руки для равновесия. Его ботинки на мягкой подошве цеплялись за камни. Примерно в дюжине шагов впереди лежало темное и зияющее отверстие в стене каменной громады с разбитым шпилем, которая когда-то была сердцем могучего дворца, но теперь стояла как заброшенный и забытый коттедж среди покосившихся колонн и груды обломков, опоясанных папоротником. Айриклаунаван сделал несколько шагов вперед, чтобы лучше наблюдать за медленным и осторожным продвижением Амандарна. Когда стройный, почти детского роста вор остановился прямо перед разрушенными стенами, чтобы осторожно выглянуть вперед, эльф в темно-бордовой мантии прошептал:

— У меня плохое предчувствие по этому поводу...

Фолоссан пренебрежительно махнул рукой и сказал:

— У тебя плохое предчувствие по поводу всего, о грубейший из эльфов. Нуресса заставила их обоих замолчать, когда Амандарн внезапно нарушил свою неподвижность, скользнув вперед и скрывшись из виду.

Они ждали. И ждали. Айриклаунаван прочистил горло так тихо, как только мог, но звук все еще казался поразительно громким даже ему. Жуткая, выжидающая тишина, казалось, повисла над руинами. Птица пересекла далекое небо без крика, взмахи ее крыльев словно отмеряли медленно текущее время.

Что-то случилось с Амандарном. Очень тихая гибель? Они ничего не слышали... И, по мере того, как тянулось напряженное дыхание времени, слышали все больше. Нуресса обнаружила, что медленно идет к дыре, в которую ушел Амандарн, хрустя сапогами по подвижным камням там, где вор прошел без шума, как падающий лист. Она пожала плечами и взвесила в руках меч. Прятаться было для других. Она была почти в тени стен, когда что-то шевельнулось в ожидающей темноте впереди нее. Нуресса взмахнула клинком вверх и назад, готовая злобно рубануть, но лицо, ухмыляющееся ей из мрака, принадлежало Амандарну.

— Я знал, что ты злишься на меня, — сказал вор, глядя на ее поднятую сталь, — но я и так достаточно невысок, спасибо.

Он ткнул большим пальцем в темноту позади себя.

— Это действительно гробница, старая и испещренная рунами. Они, вероятно, говорят что-то вроде «Зурмапиксапетил, маг Нетерила, спит здесь», но чтение старого высшего нетерезского, или как там это правильно называется, это больше умение Айрика, чем мое.

— Есть стражи? — спросила Нуресса, ни на мгновение не отрывая глаз от тьмы за Амандарном.

— Я ничего такого не видел, но светящийся клинок довольно тусклый...

— Безопасно бросать факел?

Вор пожал плечами.

— Должно быть. Все сделано из камня.

Не говоря ни слова, Нуресса протянула за спину руку в перчатке. Через несколько минут борьбы Фолоссан вложил в нее зажженный факел. Воительница посмотрела на него, опустила челюсть в безмолвной благодарности и бросила.

Пламя *взметнулось-взметнулось-взметнулось* в темноту. Свет факела погас, когда он приземлился, затем восстановился и снова ярко запылал. Нуресса шагнула вперед, полностью загораживая путь, и просто спросила:

— Ловушки?

— Ни одной рядом со входом, — ответил Амандарн, — и *не похоже* на то, что мы их найдем. Еще... Мне не нравятся эти руны. В рунах можно спрятать все, что угодно.

— Это верно, — тихо согласился дварф. — Ты довольна, Несса? Собираешься отойти в сторону и впустить нас или будешь играть в закрытую дверь до наступления темноты?

Женщина в доспехах бросила на него испепеляющий взгляд, затем молча отступила в сторону и изобраила величественный приглашающий жест. Фолоссан опустил голову и прошмыгнул мимо, не решаясь шуметь. По обыкновению мрачный Айриклаунаванд шел по пятам, двигаясь вперед с плавной грацией и высоко придерживая бордовую мантию, чтобы не споткнуться. Не годилось запинаться и беспомощно падать в могилу, где могла скрываться любая змея или другой враг. Амандарн не отставал. В раздраженном молчании Нуресса смотрела, как они проносятся мимо, и покачала головой. Неужели они думали, что это какая-то увеселительная прогулка?

Она следовала более осторожно, высматривая двери, которые захлопнуться и заточить их, ловушки, которые Амандарн мог пропустить, даже каких-то притаившихся врагов, до сих пор незамеченных....

— Боги на своих сверкающих тронах! — Фолоссан ахнул где-то впереди. Он превратил проклятие в медленную, размеренную кирпичную кладку благоговения, построив стену крайнего изумления, которая, казалось, эхом разнеслась по темной комнате гробницы всего на мгновение, прежде чем что-то поглотило ее.

Нуресса плечом проложила себе путь из солнечного света, держа меч наготове. Не стоит доверять им кричать предупреждения об опасности, если хочешь понять, что происходит.

Комната была высокой, пыльной и темной, факел умирал медленной, угрюмой смертью в ее сердце. Там было пространство с каким-то круглым рисунком на плитках пола, обрамленное четырьмя гладкими колоннами из темного камня, которые поднимались от пола к высокому невидимому потолку. Далеко за этими все более слабыми языками пламени поднимались темные ступени, увенчанные тем, что могло быть только гробом кого-то великого и важного — или настоящего великана, настолько велик был массивный черный камень, испещренный глубокими изумрудно-зелеными пятнами. Его изгибы переливались золотыми рунами, которые вспыхивали в такт пульсации угасавшего света факела. Две пустые жаровни, выше нее ростом, стояли по бокам этого возвышения, и над ними висели покрытые пылью концы того, что выглядело как занавес из кольчуги, но могло под пылью быть почти чем угодно, что драпировалось бы как ткань, неподвижно свисая с далекого, едва видимого потолка.

Грубый эльфийский маг, испуганный дварф и похожий на мальчишку вор созерцали не гробницу. Это было что-то другое, гораздо ближе и выше их. Нуресса бросила на него тяжелый взгляд, затем осмотрела все помещение гробницы, ища какой-нибудь другой вход или ожидающую опасность. Ничего из этого не было за

острием ее сверкающего клинка, поэтому она опустила меч и присоединилась к общему пристальному взгляду. Высоко над ними, примерно в пятидесяти футах над землей, висело то, что могло быть пугалом и, возможно, когда-то было человеком. Два изношенных каблука, которые они могли видеть, стояли на пустоте, а над ними — скопление серой пыли размером с человека, такая густая, что казалась мехом, соединенная с потолком и стенами провисшими пыльными дугами паутины, которые, похоже, были толщиной с веревки.

— Когда-то, я думаю, это был человек, — пробормотал Айриклаунаван, озвучивая то, о чем они все думали.

— Пусть так, но что его там держит? — спросил Фолоссан. — Конечно, не эти сети ... Но я больше ничего не вижу.

— Значит, это магия, — неохотно сказала Нуресса, и все они медленно и торжественно кивнули в знак согласия.

— Кто-то, кто погиб в ловушке или дуэли заклинаний, — тихо сказал Амандарн, — или страж, который все эти годы ждал, во сне или нежизни, чтобы такие, как мы, вторглись?

— Мы не можем позволить себе рисковать, — хрипло сказал ему эльф. — Он вполне может быть магом, и он выше нас, где никто не может спрятаться от него. Отойдите все.

Группа искателей приключений, у которой не было названия, двигалась в четырех разных направлениях, каждый участник шел своим собственным путем через все более тускло освещенную комнату. Фолоссан рылся в своих объемистых заплечных сумках в поисках еще одного факела, когда Айриклаунаван поднял руки, сложил их в воздухе чашечкой, что-то пробормотал, а затем развел в стороны. Между руками что-то задрожало и замерцало на мгновение и вспыхнуло так ярко, что обожгло бы наблюдающий глаз, и пронзило темную пустоту, как шипящее лезвие. Заклинание рассекло воздух и все остальное, когда ударило по тому, что висело высоко вверху, обрушив тяжелый дождь удушливой пыли. Комья серого меха падали как тающий снег с высоких ветвей, пока четверо искателей приключений кашляли и вытирали глаза и носы, качая головами и отшатываясь назад.

Что-то мелькнуло рядом, в нескольких местах. Из всех сил пытаясь очистить слезящиеся глаза от пыли и увидеть, четверо искателей приключений не могли не заметить две вещи сквозь клубящуюся пыль: ноги в сапогах наверху все еще были точно там, где они были, и мерцание было пульсирующими огнями, быстро бегущими вверх и вниз по четырем каменным столбам.

— Он двигается! — внезапно крикнул Айриклаунаван, указывая вверх. — Он двигается! Я ...

Остальные его слова потонули во внезапном скрежещущем, грохочущем шуме, от которого задрожали плитки пола под их ботинками. Свет, танцующий на колоннах, внезапно вспыхнул ярче, отражаясь от четырех напряженно поднятых клинков. Каменные облицовки на всех колоннах соскользнули в пол, оставив после себя отверстия, которые тянулись по высоте колонн. Что-то заполнило эти отверстия, лишь смутно видимое, когда сияние угасло, оставив на полу только рубиновые огоньки факела. Фолоссан нырнул за факелом, сильно дуя на него и с каждым вдохом кашляя от кружащейся пыли. Он поднес новый факел к старому и

подул туда, где они встретились. Остальные с подозрением разглядывали то, что заполняло каналы от пола до потолка в колоннах. Это было что-то бледное и блестящее, извивавшееся в каналах, как личинки, ползающие по трупам. Жемчужно-белый здесь, серовато-коричневый там, как рис, блестящий под прозрачным соусом, но расширяющийся наружу, словно сгибаясь и растягиваясь после долгого заточения. Новый факел вспыхнул, и в только что вспыхнувшем свете Нуресса увидела достаточно, чтобы быть уверенной.

— Лоссум, *убирайся отсюда!* — крикнула она. — Все вы! Назад — вон из этого места — *сейчас же!*

Она отчетливо видела, как бледная плоть отслаивается и морщится, обнажая серо-зеленый глаз... И был еще один, и третий. Это были леса глазных стеблей!

И единственными известными ей существами, у которых было много глаз на стеблях, были созерцатели, легендарные тираны со смертоносным взглядом. Остальные знали те же истории и теперь бежали к ней сквозь оседающую пыль, забыв все мысли о разграблении гробниц и нагруженных мешках с сокровищами.

Нуресса видела, что позади спешащих искателей приключений глаза моргнули, ожили и начали фокусироваться.

— Быстрее! — взревела она, втянув в себя достаточно пыли, чтобы ее следующие слова превратились в карканье. — *Торопитесь...* или умрете!

Сияние внезапно окружило один глаз, затем другой — и вспыхнуло лучами золотого света, которые пронзили пыль, раздвинув ее, как дым, опалая пятки спешащего Фолоссана и стену рядом с Айриклаунаваном. Амандарн пронесся мимо Нурессы, источая страх, и женщина-воин прижалась к стене, чтобы не загоразивать проход двум другим своим отчаянно спешащим спутникам. Эльф, а затем дварф с грохотом пронеслись мимо, непрерывно ругаясь, но Нуресса не сводила глаз с колонн. Теперь в ее сторону смотрели четыре колонны бодрствующих и настороженных глаз, вокруг многих из них росло сияние.

— Боги, — выдохнула она в полном ужасе. — О, пусть они будут закреплены здесь и не могут преследовать....

Рубиновый луч света из одного глаза ударил в Нурессу, и она увернулась. Искры полетели по лезвию ее меча. Внезапный жар опалил ее ладонь. Когда дюжина золотых лучей понеслась к ней сквозь пыль, она вскинула клинок над головой и вышвырнула за спину, прочь из комнаты. Затем, продолжив движение, развернулась, чтобы сломя голову броситься за ним в поисках безопасности. Что-то взорвалось возле ее левого уха со звуком, похожим на раскат грома. Камни начали падать нескончаемым потоком.

* * * * *

Это странно — стоять на воздухе, не твердом, как камень, и не податливом, как дерн. В сухой и пыльной темноте ... Где, во имя сладких поцелуев Мистры, он был? Память текла вокруг него как река, скрывая его от безумия так долго, что теперь не давала ответов. В его конечностях было покалывание. Великая сила обрушилась на него всего несколько мгновений назад. Должно быть, в его сторону было брошено заклинание... Значит, враг должен быть рядом. Его глаза, так долго сухие и

застывшие на месте, не поворачивались в глазницах, поэтому ему пришлось повернуть голову. Шея оказалась жесткой и застывшей в своей позе, поэтому он повернул плечи и все тело, пока стены медленно проплывали мимо, и пыль осыпалась с него клочьями, веревками и огромными комьями.

Стены двигаются... он тонул, оседал в воздухе, освобожденный от... чего? Что-то заточило его здесь, несмотря на то, что он ловко передвигался по воздуху, избегая ловушек и охранных заклинаний. Что-то ухватило за магию, удерживающую его в воздухе, и вцепилось в нее, как в кандалы, удерживая его неподвижным в темноте. Должно быть, прошло очень много времени.

И все же что-то разрушило ловушку заклинания, разбудив его. Он был не один и он спускался, хотел он того или нет, направляясь к... чему? Он напряг зрение и обнаружил, что со всех сторон на него смотрят глаза. Злобные глаза, расположенные в колоннах бледных глазных стеблей, которые танцевали и покачивались с медленной грацией, следя за его падением. Вокруг них росло сияние.

Какой-то странный созерцатель? Нет, некоторые из стеблей были темнее, толще или больше, чем другие... Это были глазные стебли созерцателей, все верно, но от многих разных созерцателей. А сияние, конечно, могло причинить ему только вред. Он все еще чувствовал себя странно... отстраненным. Не настоящий, не здесь, но все еще плавающий в потоке воспоминаний, которые называли его... Эльминстер, Избранный — по крайней мере, один из — Мистры, темноглазой леди всей магии. Ах, тепло и чистая *сила* серебряного огня, который тек через нее и выходил из нее, изливался из ее рта, соединялся с его, бурлил, опалял и прожигал свой мучительный, волнующий путь через каждый дюйм его тела, вытекая из носа, ушей и самых кончиков пальцев.

Свет вспыхивал и мелькал, и Эльминстер почувствовал новую агонию. Его пересохшее горло изо всех сил пыталось зарычать, руки бесконтрольно хватали воздух, а внутренности казались горящими и в то же время легкими и свободными.

Он посмотрел вниз и обнаружил, что вокруг него бушует и шипит серебристый огонь, беспокойно выплескиваясь из его живота вместе с чем-то бледным, кровавым и вязким, что, должно быть, было его собственными внутренностями. Вспыхнул новый огонь, и жгучая боль и шипение отметили потерю его волос и кончика уха на правой стороне головы.

Гнев охватил его, и, не раздумывая, Эльминстер ударил, рассекая воздух серебряным огнем, который разлетелся брызгами и рассеял множество магических лучей на своем пути к атакующим глазным стеблям. Глаза растаяли, подмигивая, плача и мечась в бесполезном сиянии, искрящемся и мерцающем вокруг них. Эл, не терял времени, наблюдая за их разрушением, а повернулся, чтобы указать на другую колонну и опалить ее глаза сверху донизу. Он не знал, какая магия сохранила все эти отрезанные глазные стебли, но пламя Мистры могло разорвать любое Искусство и плоть как живых, так и нежити. Эльминстер повернулся, чтобы прожечь еще одну колонну сердитых глаз. Он все еще падал, его внутренности болтались перед ним, и с каждой вспышкой серебряного огня что-то за колоннами светилось в ответ. Рожденные глазами лучи смертоносной магии теперь всерьез разили его, слабее перед божественным огнем Мистры. Сердитое потрескивание и похожий на прибой

растущий и стихающий рев высвобожденной магии бушевали по комнате, как зимняя буря, сотрясая давно не использовавшиеся конечности волшебника.

Последняя колонна глаз потемнела и умерла, опускаясь к полу и выплескивая темную грязь, которая отражала собственный поток жизненных жидкостей Эльминстера, пропитывающий плитку. Он вцепился в собственные внутренности, засовывая их обратно в себя руками, которые пылали серебряным пламенем, и все еще занимался этим, чувствуя тошноту и слабость, несмотря на пробужденную, бурлящую божественную силу, когда каблук его ботинка наконец нашел что-то твердое. Он споткнулся, потерял равновесие, пошатнулся и чуть не упал, прежде чем твердо встал на ноги. Пыль снова закружилась вокруг него, сердито потрескивая, когда встретилась с бушующим серебряным огнем. За колоннами, руны, выгравированные на ступенях и саркофаге некоей гробницы, вспыхивали и потрескивали собственным пламенем, отражая каждый рев огня Мистры. Задыхаясь от охватившей его агонии, Эл приложил все усилия, чтобы залечить огромную рану в животе, не обращая внимания на последние несколько мерцающих глаз. Он надеялся, что струящийся серебряный огонь поймает и разорвет их заклинания прежде, чем ему причинят вред. Его кровь темным дождем пролилась на плитки во время спуска, и он чувствовал себя опустошенным и разорванным. Последний маг Аталантара зарычал в бессловесном гневе и решимости. Он должен был собраться с силами и выбраться из этого места, прежде чем накопленный серебряный огонь угаснет и подведет его, отступив, чтобы тепло обвить вокруг его сердца и восстановиться. Что бы ни поймало его в ловушку раньше, оно вполне могло сделать это снова, если он задержится, и его нынешняя агония была вызвана только одним нападением глазного стебля. Он медленно повернулся, наклонился и, удерживая свои внутренности на месте, неуверенно двинулся туда, откуда исходил тусклый дневной свет. Серебряный огонь все еще лизал дрожащие пальцы. Глазные стебли вспыхнули свежими лучами хищной магии и опалили плитки пола в дюймах позади шаркающих ботинок Эльминстера. Запечатав последнюю свою огромную рану, он полоснул позади себя листом серебряного огня, защищая себя от новых атак. Позади него невидимые уцелевшие глазные стебли обмякли и потемнели в одно мгновение. И тут же руны на гробнице приобрели устойчивое, усиливающееся свечение. Маленькие огоньки мерцали среди металлической завесы над ним, поднимаясь и опускаясь, как любопытные, но возбужденные пауки, и вспыхивая все сильнее.

Эльминстер нашел выход к манящему свету, наполовину ожидая, что стрелы или клинки вонзятся в него, пока он все еще моргал от ослепительной яркости дня. Вместо этого он обнаружил только четыре испуганных лица, уставившихся на него поверх разрушенного остатка стены.

Он попытался окликнуть их, но все, что вырвалось, было сухим, сдавленным рычанием. Эл закашлялся, прочистил горло и попытался снова, выдавив что-то вроде всхлипа. Эльф за стеной поднял руку, словно собираясь произнести заклинание, но дварф и мужчина-человек, стоявшие по бокам от него, отбросили его руку в сторону. Последовал яростный спор и борьба.

Эл пристально посмотрел на четвертого искателя приключений — женщину, настороженно наблюдавшую за ним поверх исцербленного и оплавленного острия

огромного меча, в который не так давно ударила молния или что-то в этом роде, и сумел спросить:

— Какой... сейчас... год?

— Год Пропавшего Клинка, начало Миртула, — отозвалась она, затем, видя его усталое непонимание, добавила. — Семьсот пятьдесят девятый по Летоисчислению Долин.

Эл кивнул и махнул рукой в знак благодарности, спотыкаясь, чтобы прислониться к ближайшей колонне и покачать головой. Он исследовал эту гробницу — столетие назад? — стремясь узнать, как самые могущественные архимаги Нетерила встретили смерть. Какая-то коварная магическая ловушка так ловко поймала его, что он даже не заметил, как впал в стазис. Казалось, он годами висел, застыв, под потолком. Эльминстер Могучий, Избранный Мистры, Арматор Миф Драннора и принц Аталантара стоял в воздухе как удобный якорь для паутины, покрытый толстым слоем пыли и сетей.

Неосторожный идиот. «Изменится ли это когда-нибудь», — мельком подумал маг с ястребиным носом, — «доживи он до тысячи лет или больше?» Возможно, и нет. Ну что ж, по крайней мере, он знал, что он идиот. Большинство волшебников не заходят даже так далеко. Эл глубоко вздохнул, нырнул за колонну, когда увидел, что эльф смотрит на него и снова поднимает руки, и перебрал свои воспоминания. Там были заклинания, и вот *это* одно должно подойти. Ему предстояло увидеть новый мир и наверстать упущенное за десятилетия истории.

— Мистра, прости меня, — сказал он вслух, вызывая заклинание.

Ответа не последовало, но заклинание сработало так, как и должно было, подняв его в короткий водоворот голубого тумана и серебряных пузырьков, которые унесли его в другое место.

Внезапно фигура за колонной исчезла.

— Я мог бы достать его! — выругался Айриклаунав. — Еще несколько мгновений, и...

— Ты мог бы убить нас в дуэли заклинаний прямо здесь, — прошипел Амандарн. — Разве мы не должны убираться отсюда? Этот человек был освобожден от того, как мы его нашли, эти глаза, выросшие из колонн... Что еще там пробуждается?

Фолоссан закатил глаза и сказал:

— Я правильно расслышал? Вор, уходящий от сокровищ? Перераспределитель богатства холодно посмотрел на него.

— Попробуй сказать это так, — ответил он. — «Спешить прочь от вероятной смерти в интересах выживания».

Дварф посмотрел на молчаливую женщину-воина рядом с ним.

— Несса?

Она испустила глубокий, полный сожаления вздох, затем быстро сказала:

— Мы бежим прочь, так быстро, как только можем на этих рыхлых камнях. Идем — сейчас же.

Она повернулась, мощная фигура в черных доспехах, и начала прокладывать себе путь между колоннами и обломками упавших стен.

— Мы всего в двадцати шагах от самой сильной магии, которую я видел за последние десятилетия, — запротестовал эльфийский маг, махнув рукой в темноту.

Нуресса повернулась, уперев руки в бока, и едко сказала:

— Послушай мое предсказание: это не только самая сильная магия, которую ты когда-либо видел. Это самая сильная, которую ты когда-либо увидишь, Айрик, если задержишься здесь подольше. Давай уйдем до темноты... и пока мы еще можем.

Она снова отвернулась. Фолоссан и Амандарн с сожалением посмотрели на зал, из которого сбежали, но последовали за ней. Эльф в темно-бордовой мантии выругался, сделал один страстный шаг мимо стены, словно собираясь вернуться в гробницу, затем повернулся, чтобы последовать за своими спутниками. Через несколько шагов он остановился и оглянулся. Вдохнул и продолжил свой путь, так и не увидев, что вышло из гробницы, чтобы последовать за ним.

* * * * *

Второй факел погас. В последовавшей почти полной темноте руны на ступенях гробницы вспыхнули как множество алтарных свечей. Откуда-то донесся ритмичный стук, словно от невидимого далекого барабана. Огни, мигающие и играющие в занавесе над темным каменным гробом, начали метаться, омывая каменную гробницу дождем искр, которые погружались в руны, к которым они прикасались, и заставляли маленькое пламя ненадолго вспыхивать из камня. Вместе с ними поднялся туман или легкий дымок, и слабое эхо, которое могло быть ликующим пением, на мгновение смешалось с глухим стуком. Руны вспыхнули ослепительным блеском, поблекли, полыхнули ослепительно ярко, а затем резко погасли, оставив все в темноте и тишине.

Тлеющие угли факела давали достаточно света, чтобы, если бы кто-нибудь был в гробнице, увидеть массивную крышку гроба, парящую прямо над его бортами. Сквозь промежуток между ними что-то просочилось из гробницы и закружилось по комнате.

Это был скорее ветер, чем тело, скорее тень, чем присутствие. Подобно холодному, звенящему вихрю, оно собралось и целенаправленно поплыло туда, куда манил солнечный свет. Живые существа, которые не так давно были в гробнице, все еще ходили... еще некоторое время.

ЧАСТЬ I

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ТЕНЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЖАР В ПОЛНОЧЬ

Азут остается загадочной фигурой — иногда доброжелательной, иногда безжалостной, иногда стремящейся раскрыть все, иногда намеренно загадочной. Другими словами, типичный маг.

*Антарн Мудрец
из **Великой Истории Могущественных Архимагов Фаэруна**,
опубликованной примерно в Год Посоха*

— Храни нас Темпус!

— Оставь молитвы, дурак, и беги! Темпус почтит твои кости, если ты не поторопишься!

Горшки дико звякнули друг о друга, когда Ларандо отбросил в сторону их, рюкзак и все остальное и побежал прочь через папоротники по колено. Низкая ветка сорвала с него шлем, и он даже не остановился, чтобы попытаться схватиться за него. Тяжело дыша, жрец Темпуса последовал за ним, пот капал с его заросшего щетиной подбородка. Ардельнар Треттран был измотан, его легкие и бедра болели от долгого бега, но он еще не осмеливался упасть. Разрушенные башни Миф Драннора все еще были вокруг них ... Как и притаившиеся дьяволы.

Глубокий, резкий смех прокатился из-за деревьев слева от Ардельнара, за ним последовало трио барбазу, с их бороды капала кровь. Они были обнажены, их чешуйчатые шкуры блестели от крови жертв и обычной слизи. Широкие плечи вздрагивали, а уши, как у летучей мыши, и длинные хлещущие хвосты ликующе покачивались, когда они подпрыгивали, как игривые орки, сверкая черные глаза от ликования. Они отшвырнули окровавленные конечности какого-то несчастного искателя приключений, которого разорвали на части, и бросились вслед за Ларандо, выкрикивая веселые шутки и хвастовство на языке, который Ардельнар был рад, что не мог понять. Они размахивали своими тяжелыми зубчатыми клинками как игрушками, пока кричали, фыркали и рубили, и им потребовалось всего несколько мгновений, чтобы пустить кровь. Ларандо закричал, когда одна отчаянно размахивающая рука отлетела от него, чисто отрубленная ловким ударом. Соседний бородатый дьявол был не так ловок; другая рука воина свисала с его плеча, прикрепленная к телу несколькими полосками окровавленной плоти. Когда Ларандо застонал и рухнул, двое дьяволов использовали свои пилообразные клинки, чтобы поднять его в импровизированной колыбели и побежать вместе с ним, чтобы третий барбазу мог немного позабавиться, вырезая отверстия и являя миру

внутренности воина. Голова Ларандо висела, несмотря на жестокие пощечины, которые ему наносили, а Ардельнар бежал в другом направлении. Когда священник бросил последний взгляд на своего друга, прекрасная крылатая женщина — нет, дьяволица, эриния спускалась с деревьев с серпом в руках. Гигантские крылья с серыми перьями взмахивали над стройным телом, которое было изящным и бледным там, где его не прикрывала шипастая броня. Нахмуренные черные брови изогнулись от ликования, дерзкий рот приоткрылся, когда дьяволица в предвкушении облизнула губы. Она ударила, изогнулась и полетела дальше, размахивая кровавым трофеем. Позади нее кровь забрызгала барбазу, и они завывали от разочарования, а обезглавленный труп бился и бился в конвульсиях посреди них.

Темпус, молю, прости мой страх, — удалось пробормотать Ардельнару побелевшими и дрожащими губами, когда он боролся с тошнотой и бежал дальше. Было ошибкой приходить сюда, ошибкой, которая, похоже, будет стоять им всем жизни. Город Песни был не открытой ямой с сокровищами, а охотничьим угощем дьяволов. Эти злобные существа прятались, позволяя авантюристам свободно проникать к ним и бродить по самим руинам расколотого города. Затем они заманивали незваных гостей в ловушку и жестоко забавлялись, убивая их как на своего рода охоте.

Истории о такой жестокости рассказывали в тавернах, где собираются искатели приключений. Вот почему три знаменитые и очень независимые компании искателей приключений с трудом заключили договор и вместе отправились в Миф Драннор. Наверняка семь магов, двое из которых известные архимаги, могли бы справиться с несколькими крылатыми бестиями... Большинство из этих магов уже были разорваны на части или оставлены бродить с вырванными глазами и языками, чтобы дьяволы могли подразнить их на досуге позже. Когда все остальные из нас умрут, мрачно подумал Ардельнар, споткнувшись о упавшую статуэтку, сделал несколько неуклюжих шагов, чтобы удержаться на ногах, и обнаружил, что спотыкается о разбитые, заросшие остатки садового фонтана.

О, они нашли сокровище. Его поясная сумка прямо сейчас была набита щедрой двойной пригоршней драгоценных камней — сапфиров и нескольких рубинов — вырванных из груди мумифицированного трупа эльфа, когда его сохраняющая магия исчезла с несколькими последними вспылками и вздохами. В том склепе даже была одинокая эриния; они убили ее с уверенностью. С отрубленными крыльями в ливне окровавленных перьев, она недолго продержалась против клинков дюжины искателей приключений, несмотря на все ее шипение и плевки. Ардельнар все еще мог видеть струйку крови из рта, достаточно красивого, чтобы целоваться, и кровь, дымящуюся на ее смуглых конечностях. Вскоре после этого челюсти ловушки сомкнулись, и злорадствующие дьяволы вышли из всех руин, полян и зарослей со всех сторон. Искатели приключений дрогнули и разбежались во все стороны под мелодию холодного, жестокого смеха... И началась резня.

А сейчас он снова видел эриний. Четверо из них пронеслись мимо, низко паря. Ардельнар непроизвольно пригнулся, но обнаружил, что его игнорируют, когда они свернули вправо от него, хихикая, как служанки храма, обнаженные, красивые и смертоносные. Они сошли бы за темнокожих женщин Ташалара без этих огромных крыльев с серыми перьями. Они охотились за магом, который, как он надеялся,

вытащит их обоих из этих проклятых руин. Кларгатан Сриор был высоким бородатым южанином, который казался самым способным из всех магов, а также самым высокомерным.

Все это высокомерие теперь исчезло, когда маг устало бежал справа от Ардельнара. Его волосатые ноги были в пятнах крови, там, где он порезался, корная свою собственную одежду, чтобы бежать быстрее. Золотые серьги покачивались среди рек пота, и непрерывный поток невнятных проклятий сопровождал бегство мага, спасавшего свою жизнь. Эринии сменили направление, расходясь в стороны, чтобы подойти к Кларгатану с разных сторон, с острыми как бритва кинжалами в руках. В их смехе и жестоких глазах было желание развлечения, а не простого убийства.

Задыхаясь, маг остановился и занял позицию.

— Священник! — взревел он, когда дубинка у него на поясе сама собой превратилась в посох. — Помоги мне, ради любви к Темпусу!

Ардельнар почти побежал дальше, оставив на смерть человека, чтобы купить себе еще несколько вдохов, но у него не было ни единого шанса в этом глубоком и бесконечном лесу без заклинаний Кларгатана, и они оба это знали. Они также оба знали, что это холодное осознание имело больший вес, чем приказ служить именем Сокрушителя Врагов. Стыд от этого был подобен холодному червю, ползущему в сердце Ардельнара. Не то чтобы было время на размышления или цветистые опровержения. Он развернулся на полушаге и чуть не упал, затем побежал к магу, спотыкаясь о кости, едва различимые среди лесных растений, старые кости, человеческие. Он на мгновение увидел череп, откатившийся от его ноги, без челюсти и неспособный ухмыльнуться. Кларгатан с отчаянной энергией размахивал посохом над головой, пытаясь отшвырнуть летающих эриний в сторону, не позволяя одной из них разрубить ему лицо или вырвать оружие из рук. Они кружили вокруг него как акулы, вытягивая свои клинки, чтобы разрезать его одежду. Одно плечо уже было обнажено и мокро от крови от пореза кинжалом. Сквозь отчаянный хаос бьющего посоха и хлопающих крыльев глаза мага встретились со взглядом жреца.

— Мне нужно... — выдохнул южанин, — немного времени!

Ардельнар кивнул, показывая, что понял, и сорвал свой собственный шлем, чтобы разбить крыло одной эринии. Она отшатнулась в сторону, и он с силой опустил свой боевой молот с пояса на ее красивое лицо. Брызнула кровь, и дьяволица завопила. Затем она пролетела мимо них, вслепую прокатившись по земле и врезавшись в ожидающее дерево, в то время как трое ее спутниц спустились на Ардельнара в визжащем, царапающемся облаке. Он ударил шлемом в лицо одной из них и поднырнул под ее скользящее тело так близко, что ее груди задела его плечо, используя ее как прикрытие от клинков других. Они ударили и ее, и священника, не заботясь о том, кого они режут, и когда Ардельнар уклонился и перекатился на ноги, чтобы не оказаться зажатым между этими двумя последними кричащими, плюющимися дьяволицами, он услышал, как Кларгатан, заикаясь, произнес заклинание, игнорируя булькающую эринию, которая врезалась в землю рядом с ним с разрезанным боком, из которого фонтаном хлестала черная дымящаяся кровь. Последние две дьяволицы взмыли в воздух, чтобы набрать высоту и нырнуть обратно на эту неожиданно крепкую пару людей, а Ардельнар

бросил быстрый взгляд назад на заросшие, разрушенные башни Миф Драннора. Приближались новые дьяволы. Барбазу и покрытые колючками хаматула, которых было слишком много, чтобы одолеть или обогнать, скакали с жаждой крови на лицах, хлеща хвостами. Эта покрытая папоротником земля станет его могилой.

— Темпус, пусть эта последняя битва будет тебе во славу! — громко воскликнул он, поднимая свой окровавленный молот. — Сделай меня достойным твоей службы, даруй быстроту удара, бдительность в бою, ловкость и мастерство!

Одна из эриний отбросила его молот в сторону своим кинжалом и наклонилась, чтобы хихикнуть, пока пролетела мимо его уха:

— Ну и ну... что-нибудь еще?

Ее голос был низким и сочным, полным страстного обещания. Эта насмешка взбесила Ардельнара больше, чем что-либо другое за всю его жизнь. Он бросился за ней, почти оставив себя легкой целью для других эриний, но вместо этого она стала первой жертвой заклинания Кларгатана. Черные скользкие кольца чего-то, похожего на гигантскую змею или угря, вырвались из папоротников неподалеку, закручиваясь спиралью вверх с невероятной скоростью. Теперь они больше походили на корни или на ветви дерева, выросшие из ничего и набравшие полную силу за считанные секунды. Одна ветка обвила горло эринии, когда она неторопливо повернулась, чтобы пырнуть Ардельнара, а другая обвилась вокруг лодыжки. Сила бешеных взмахов крыльев развернула ее туда, где черное дерево уже обвилось вокруг обеих ранее приземлившихся эриний. Их тела заметно сморщились, высосанные досуха с той же пугающей скоростью, что и все остальное, что делало это заклинательное дерево. Все еще пытаясь взлететь, пойманная в ловушку дьяволица врезалась в путаницу утолщающихся стволов. Ее голова была сломана, свесилась набок, и после этого она больше не двигалась.

— Клянусь Повелителем Битв, что за заклинание! — ахнул Ардельнар, наблюдая, как усики с той же молниеносной скоростью роятся по телу эринии. Еще больше людей развевались в воздухе над ними, окружая четвертую дьяволицу. Несмотря на ее испуганную, дикие удары, усики схватили ее за крылья, потянули и медленно потащили вниз. Жрец Темпуса рассмеялся и махнул молотом магу в знак уважения. Кларгатан криво усмехнулся ему.

— Этого будет недостаточно, — печально сказал он, — и у меня нет другого такого. Мы собираемся умереть ради нескольких драгоценных камней и эльфийских безделушек. Бегущие дьяволы теперь были почти рядом с ними. Ардельнар повернулся, чтобы бежать, но южанин покачал головой.

— Я не побегу, — сказал он. — По крайней мере, мое дерево не дает им напасть на нас с тыла.

Внезапная надежда осветила его черты, и он добавил:

— У тебя есть сапфиры?

Ардельнар разорвал свой мешочек и высыпал содержимое в руку мага.

— Там, должно быть, дюжина, — нетерпеливо сказал он, нимало не заботясь, когда Кларгатан откопал их и бросил на землю все, что не было сапфиром.

Южанин охватил священника одной рукой и крепко обнял его.

— Мы все равно умрем здесь, — сказал он, крепко целуя оторопевшего священника в губы, — но, по крайней мере, мы превратим нескольких дьяволов в дымящиеся кости вокруг нас.

Он ухмыльнулся, увидев выражение лица Ардельнара, и добавил:

— Поцелуй для моей жены. Скажи Темпусу, чтобы он передал его ей от меня, если у тебя осталось время для другой молитвы. Задержи их снова, пожалуйста.

Он присел на корточки, не сказав больше ни слова, и Ардельнар поднял свой боевой молот в одной руке и отстегнул с пояса маленькую булаву, чтобы держать ее наготове в другой. Он занял позицию перед магом, пока все более черные завитки все более плотно обвивались вокруг них, как ладонь.

Дерево дрожало под ударами множества клинков барбазу, продолжая расти, и похожие на гаргулий спинагоны, сложив крылья и заостренные хвосты, пробежали по похожему на туннель отверстию в его ветвях, чтобы встретиться лицом к лицу со священником, который обнаружил, что ощущения счастья — нет, *удовлетворения* — хлынуло через него. Он собирался умереть здесь, но умереть хорошо. Пусть будет так.

— Спасибо, Темпус, — сказал он, посылая воздушный поцелуй Кларгатана, чтобы бог войны принял его. — Пусть это мое последнее поклонение доставит тебе удовольствие.

Его боевой молот взметнулся и рухнул вниз. Когти спинагона вонзились ему в руку, и он отбил их в сторону своей булавой. Чистая сила пяти атакующих дьяволов теснила его назад.

— Поторопись, маг! — зарычал он, изо всех сил стараясь не оказаться погребенным под когтистыми конечностями.

— Я тороплюсь, — спокойно ответил Кларгатан, толкая Ардельнара коленом и швыряя сапфир в туннель усиков. Мир взорвался молнией. От одного драгоценного камня к другому, который маг держал в сложенной чашечкой руке, сверкали молнии, потрескивая и отскакивая дугами, которые мчались взад и вперед, вместо того, чтобы ударить один раз. Хотя каждый волосок на их телах встал дыбом, ни маг, ни жрец не пострадали от заклинания. Кусающийся, царапающийся демон, обернувшийся вокруг Ардельнара, тоже был защищен от молнии, но Кларгатан шагнул вперед и вонзил кинжал с серебряным лезвием глубоко в один из его глаз, затем вытащил и вонзил в другой. Он рухнул, соскользнув по ногам Ардельнара, пока двое авантюристов наблюдали, как демоны — даже один из высоких, покрытых шипами остроголовых хаматула, чьи щетинистые плечи разрывали усики при каждом спазме — танцуют в плену молнии. Плоть потемнела, а глаза зашипели, когда заряды летали туда-сюда. Затем, так же внезапно, как и вспыхнуло, заклинание закончилось, оставив Кларгатана трясой рукой и дуть на дымящуюся ладонь.

— Хорошие, крупные драгоценные камни, — сказал он с натянутой ухмылкой, — и нам еще есть чем воспользоваться.

— Мы побежим? — спросил Ардельнар, глядя на пару эриний, которые посмотрели на него сверху вниз, пронесаясь над головой. — Или останемся здесь?

Следующая группа крылатых дьяволиц прогибалась под тяжестью отломанной эльфийской статуи, которая была больше любой из них. Они отпустили ее с

удивительной точностью. Добрый миф-драннорский камень проломил спутанные ветви дерева, и его падение заставило обоих мужчин онеметь, несмотря на то, что они метнулись в стороны. Они встали и обнаружили, что падающая статуя оставила отверстие наверху, над которым уже кружили спинагоны, собираясь приземлиться. Южанин пожал плечами. — В любом случае это смерть, — сказал он. — Движение доставит обеим сторонам больше удовольствия, но задержавшись здесь мы выиграем больше времени и сможем пролить больше их крови, прежде чем с нами покончат. Не совсем так я планировал танцевать на развалинах Миф Драннора, но придется.

Ответный смех Ардельнара был немного диким.

— Давай двигаться, — предложил он. — Я не хочу оказаться наполовину раздавленным каменной глыбой, пока они будут медленно терзать мои конечности.

Кларгатан ухмыльнулся и хлопнул священника по плечу.

— Да будет так! — сказал он и сильно толкнул. Когда ошеломленный Ардельнар врезался головой в черные усики, которые, по крайней мере, не вцепились в него, полдюжины спинагонов обрушились на то место, где он стоял. Их жестокие вилы глубоко вонзились во внезапно освободившуюся землю, слишком глубоко, чтобы быстро вырвать.

— Беги! — крикнул маг, указывая вверх по туннелю. Ардельнар послушался, опершись булавой о вытопанную землю, когда споткнулся о лесной корень, а затем опрометью бросился прочь от заколдованного дерева. За ним мчался маг, сжимая в руке сапфир и на бегу изогнув шею, чтобы оглянуться. Когда вытянутые когти тяжело летящего впереди всех преследователей спинагона почти коснулись его, Кларгатан поднял камень и произнес одно тихое слово. Молния вырвалась из него прямо в глотку дьявола. Его напрягшееся тело серой гаргульи разорвалось на части от удара разрядов, вонзившихся в него спереди и сзади, потому что маг оставил еще один драгоценный камень на земле у упавшей статуи, куда налетели демоны. Когда темные, мокрые от крови клочья упали позади мчащихся людей, Ардельнар увидел, как остальные спинагоны кувыркаются и содрогаются в тисках громяющих молний. Он последовал за магом вокруг огромного сумеречного дерева, на охотничью тропу, которая вела более или менее в том направлении, в котором они хотели: прочь от руин, в любом направлении, как можно быстрее. Ардельнар увидел, как маг бросил еще один драгоценный камень, когда они побежали дальше, огибая стоящие деревья и перепрыгивая через упавшие. Теперь их преследовали барбазу в глубоком и бесконечном лесу, возвращающем павший город Миф Драннор. Вдалеке они увидели, как был убит еще один бегущий авантюрист. Затем из темных ветвей над головой пронесся колючий хвост, заставив Кларгатана растянуться на земле, и двое мужчин были слишком заняты, чтобы продолжать осмотр достопримечательностей. Первый удар хлыста корнугона вырвал боевой молот из онемевших пальцев Ардельнара, а второй распорол ему плечо до кости, пройдя сквозь наплечник и кольчугу, которые должны были его защитить. Священник беспомощно отлетел в сторону, корчась в агонии. Это было хорошо. Это унесло его далеко от первой воющей молнии.

Заряд врезался в огромного, покрытого чешуей корнугона и с ревом опрокинул его прямо в ловушку из шипов на тропе, которую он охранял. Пронзенный, он

взревел еще отчаяннее, очень высоко и резко, пока истекающий кровью Кларгатан не прыгнул на него сверху и не вонзил свой кинжал с серебряным лезвием в пару дьявольских глаз. Эти незрячие шары испускали струйки дыма, пока маг выбирался из клубка дрожащих кожистых крыльев, длинных когтей и размахивающего хвоста в яме и поднимал стонущего Ардельнара на ноги.

— Нам лучше бежать рядом с тропой, а не по ней, — выдохнул Кларгатан. — Я полагаю, ты не захватил с собой никаких целебных напитков? Тебе бы сейчас пригодился.

— Благодарю за подтверждение того, как мне паршиво, — проворчал священник, пошатываясь. — Боюсь, не я нес зелья, но если ты будешь охранять меня несколько вдохов...

Жезл мага снова превратился в посох, и он стоял на страже, наблюдая, как его последние угасающие молнии мелькают взад и вперед по теперь пустой тропе, пока Ардельнар исцелял себя. Когда они, спотыкаясь, пошли дальше, священник почувствовал слабость и тошноту. Впереди поднимался крутой холм, заставляя огибать его или пытаться взобраться по его опоясанным деревьями склонам и каким-то образом опередить демонов, которые могли летать. Не удивительно, что Кларгатан направился вокруг холма, тяжело дыша. Ардельнар последовал за ним, гадая, как долго они смогут обгонять половину здешних гостей с Нижних Планов. Они вышли на поляну, образовавшуюся из-за падения дерева, и Ардельнар получил свой ответ. К сожалению, окончательный.

Кларгатан рухнул под когтями полудюжины набросившихся корнугонов. Он бросил горсть драгоценных камней в воздух с последним вздохом и умер под диким градом молний, которые последовали за этим, отправив своих убийц кувырком во все стороны. Священник увидел это и издал последний ликующий крик. Когда дьявольские когти пронзили его грудь, и собственная горячая кровь хлынула, душа его, Ардельнар на мгновение порадовался, что исцелил себя перед этой последней схваткой. Это казалось каким-то... опрятным.

* * * * *

На его последнюю молитву Мистре ответила тишина, такая же оглушительная, как и все предыдущие. Прошел год с тех пор, как он проснулся в гробнице, полной злобных глаз, без слов от богини которую Эльминстер так любил. Он плакал, стоя на коленях, прежде чем устало завернуться в плащ и отправиться на поиски унылого, одинокого сна под небом, покрытым несущимися рваными облаками, на пустынном холме в холмистых диких землях. Он дремал, когда к нему пришел знак. Непрошенная сцена всплыла в его сонном сознании: он стоял на вершине холма, который он знал ... и не знал.

Это была Высота Халиды, покрытая лесом вершина холма к югу и немного западнее Миф Драннора, на которой он стоял раз или два раньше, обычно со смеющейся эльфийской девушкой, прижимавшейся к руке, и теплая, звездная ночь простиралась перед ними. В той сцене, которая предстала перед ним, не было эльфийских дев. Более того, что-то повалило не одно дерево на Высоте и зажгло костры здесь и там, портя картину из воспоминаний. Он знал, что отправится туда

без промедления, как только наступит утро. Он должен был знать, чего хочет от него Мистра — и это, по крайней мере, было *чем-то*. В тысячный раз Эл оплакивал молчание Мистры и задавался вопросом, что он сделал, чтобы заслужить его. Конечно, дело не в попадании в ловушку на несколько поколений, потому что следовал указаниям богини искать все больше магии в старых и скрытых местах. И все же он сохранил свои силы, некоторые даже более мощные, чем раньше, — значит, власть Мистры не пошатнулась, и управление магией все еще в ее руках. Почему же она молчала, пряча от него свое лицо?

Но кто он такой, чтобы спрашивать, что она может делать или не делать? Человек, бросающий вызов богам, как это делали другие люди, и примерно с таким же успехом. Эл заснул, думая о звездах, движущихся по небу, как о части гигантской шахматной партии, в которую играют боги. Последнее, что он помнил, что было скорее реальностью, чем прихотью сна — это внезапный, дрожащий след падающей звезды, умирающей на востоке.

* * * * *

Высота Халиды была такой же изуродованной, как и в видении. Он телепортировался и встал рядом с сумеречным деревом, которое, казалось, ни на йоту не изменилось между его памятью и видением. Дул легкий ветерок, и он был один на вершине холма. Эльминстер едва успел оглянуться на его разрушенный склон и начал переводить взгляд на Миф Драннор, уже зная, какую печаль он увидит, когда ветер донес до его ушей крики. Крики битвы. Он прыгнул на край Высоты, откуда в более счастливые дни можно было смотреть вниз на город. Крошечные фигурки прыгали и умирали в поредевшем лесу внизу. Люди и дьяволы, монстры с Нижних Планов. Люди убегали, крылатые демоницы носились то тут, то там. Молнии внезапно ударили во все стороны от одной группы существ, смертоносная звезда, заставившая демонов отшатнуться и закричать. Другие дьяволы убивали людей там, внизу, потроша последнего авантюриста, пока он наблюдал. На всякий случай, если кто-нибудь из бегущих людей сбежал, у подножия Высоты открылась дверь в воздухе, магические врата, и из нее непрерывным потоком хлынули дьяволы.

Эл мрачно уставился на ворота и поднял руки. «Врата» — тихо сказал он воздуху, — «Я справлюсь». Он сотворил магию, которую дала ему сама Мистра, и направил ее на пасть, которая все еще выпускала орды чудищ. Она обрушилась на ворота с угрожающим потрескиванием волшебной энергии, и раздались крики и рев вылезавших дьяволов. И все же, когда бушующее пламя заклинания исчезло, спустя долгие мгновения, ворота остались неизменными.

Эльминстер уставился на них, разинув рот. Как можно? Мгновение спустя у него был ответ... своего рода. Последние мерцающие пылинки света, вызванные его заклинанием, стали ярче, поднялись к нему и сложились в буквы на одном из старейших эльфийских языков, которые он научился читать в Миф Дранноре. Это был язык, который мог читать только он и несколько сотен эльфийских старейшин. Паря в воздухе, буквы составили прямолинейное послание: «Оставь в покое».

Пока Эл смотрел на них в полном замешательстве, они превратились в бесформенные клочья света, а затем исчезли, превратившись в клубы дыма, осевшие к хаосу и смерти внизу. Демоны подняли головы, рыча. Это могло быть только от Мистры... Не так ли?

А если не от нее, то от кого же еще?

Последний принц Аталантара посмотрел вниз на демонов, скачущих в руинах Миф Драннора, и с горечью спросил мир: «Что хорошего в том, чтобы быть магом, если ты не используешь свою силу, чтобы творить добро, меняя мир вокруг себя?»

Ответ пришел из воздуха позади Эльминстера: «Что может выйти хорошего, кроме слепой случайности, если ты пытаешься, но у тебя недостаточно глаз и ума, чтобы увидеть форму, которую ты ваяешь?» Голос был низким и спокойным, но наполненным музыкальным гулом грубой силы. Такое он слышал раньше только когда говорила Мистра. Этот же голос звучал по-мужски и как-то одновременно знакомо, и совершенно ново, странно.

Эльминстер резко обернулся. Он стоял один. Высота была пуста, если не считать нескольких деревьев и ветра, колышущего их. Он пристально вглядывался в пустой воздух, но тот оставался пустым.

— Кто ты, что отвечаешь мне? Откройся, — потребовал он. — Философия дается с трудом, когда лекции читают фантомы.

Пустой воздух хихикнул. Внезапно в нем появились две мерцающие точки света, миниатюрные звезды, которые лениво вились друг вокруг друга, затем закружились с бешеной скоростью и взорвались ослепительным каскадом звездных пылинок света.

Когда поток света исчез, Эльминстер увидел человека в мантии, стоящего за ним. Он был белобородым и чернобровым, и его спокойные глаза сияли яркой синевой, прежде чем наполнились всеми цветами радуги. Пока Эльминстер наблюдал, глаза мужчины потемнели до черноты, пронизанной крошечными, медленно движущимися звездочками.

— Впечатляет, — дружелюбно согласился Эльминстер. — И ты...?

Снова раздался смешок.

— Я сделал это не для демонстрации и не чтобы провозгласить, кто я... Но коли разговор пошел так, почему бы тебе не догадаться?

Эл оглядел мужчину с ног до головы. Старый, даже древний, и все же бодрый, возможно, такой же молодой, как некоторые в пятьдесят зим. Седой, за исключением бровей, предплечий и груди, где волосы были черными. С пустыми руками, без колец на виду, в простой мантии с широкими рукавами и без пояса или кошелька; босые ноги — ноги, которые могли позволить себе быть голыми, потому что они парили в нескольких дюймах от земли, не касаясь. Эльминстер перевел взгляд с них на мудрое лицо их владельца и тихо сказал:

— Азут.

— Он самый, — ответил мужчина, и, хотя он не улыбнулся, Элу показалось, что он был доволен.

Эльминстер сделал шаг вперед и сказал:

— Простите мою дерзость, Высокий, с вашего позволения... Но я служу Мистре как близким, так и личным образом...

— Да, ты самый дорогой из ее Избранников, — сказал Азут с улыбкой. — Она часто говорит о тебе и о той радости, которую ты доставлял ей в те времена, когда она играла в смертную.

Принц Аталантара почувствовал радость и огромное облегчение. Со вздохом удовлетворения он расслабился и чуть не отступил назад с Высоты. В этот момент колючий хлыст описал дугу слева от его лица, и что-то невидимое схватило его за плечи, когда он покачнулся на краю забвения, а затем потащило вперед, прочь от корнугона за мгновение до того, как его когти смогли вонзиться в глаза Эльминстера. Он обнаружил, что скользит по обожженным камням вершины холма, Азут отступает перед ним, так что они всегда смотрели друг на друга с одного и того же расстояния.

— С-спасибо, — пробормотал Эл, когда они мягко остановились. Он почувствовал, что его опускают в удобное, расслабленное положение на податливом, но почему-то твердом воздухе. Азут тоже сидел ни на чем, лицом к нему, напротив костра, который внезапно возник из ниоткуда. Языки пламени танцевали в воздухе на расстоянии вытянутой руки над безымянной скалой Высоты. Эл посмотрел на него, затем на небо, теперь полное, чешуйчатых, шипящих дьяволов с кожистыми крыльями, царапающих воздух с широкими зубастыми улыбками, когда они пикировали ближе.

— Я не хочу показаться неблагодарным или критичным, Высокий, — сказал он, — но дьяволы не могут не заметить этот свет и нагрянут в гости.

Азут улыбнулся, и на мгновение показалось, что по его рукам медленно переливаются огни.

— Нет, — ответил он спокойным, музыкальным голосом, который был одновременно великолепным и пронизанным волнением и в то же время умиротворяющим и успокаивающим. — Отныне эта Высота защищена от чудищ всех видов до тех пор, пока сохраняется моя сила. А теперь слушай внимательно, потому что есть вещи, которые ты должен знать.

Эльминстер кивнул с блестящими от нетерпения глазами. Его манеры вызвали тень улыбки на губах Повелителя Заклинаний, и в их руках внезапно

оказались бокалы с вином, которое дымилось и светилось. Бог начал говорить.

Над левым плечом Азута массивный красный дьявол яростно захлопал огромными крыльями, вцепился в воздух, который, казалось, сопротивлялся ему, и вспыхнул пламенем. Огонь бушевал на его конечностях, а он что-то бормотал, брызгая зеленой слюной сквозь клыки, и вспышка высвобожденной магии вырвалась из его когтистых рук и поползла через невидимый барьер на пару долгих мгновений, прежде чем отскочить со грохотом и ревом, который сорвал демона ямы с его когтистого насеста в пустом воздухе, отправив прочь кувырком, как рваный лист. Бог проигнорировал это, а также следовавшие вопли и стоны круживших дьяволов-наблюдателей, и обратился к Эльминстеру как спокойный учитель, непринужденно разговаривающий в тихом месте.

— Все, кто творит магию, служат Мистре, хотя бы они того или нет, — сказал он. — Она соткана из Плетения, и каждое ее использование укрепляет ее, почитает и возвышает. Мы с тобой оба знаем немного о том, что осталось от ее смертной стороны. Мы видели следы чувств, воспоминаний и мыслей, за которые она время от

времени цепляется в отчаянии, когда дикое ликование силы, проходящее через Плетение, — являющейся Плетением. — угрожает полностью подавить ее разум. Ни одно существо, смертное или божественное, не может оставаться на своем месте вечно. В грядущем будут и другие Мистры.

Рука, за которой тянулись крошечные звездочки, указала на Эльминстера, затем на грудь самого Азута.

— Мы — ее сокровища, юноша, мы — то, что ей дороже всего, скалы, за которые она может уцепиться в бурях дикого Искусства. Ей нужно, чтобы мы были сильными, намного сильнее, чем большинство смертных... закаленные инструменты для ее использования. Будучи привязанной к нам любовью и связанной с нами, чтобы сохранить саму свою человечность, ей трудно быть суровой с нами, закалять. А это должно быть сделано. Она начала закалять тебя давным-давно. Ты ее «любимый проект», можно сказать, так же, как Магистры — мой. Она создает своих Избранных и своих Магистров, но она даёт обучать их другим, главным образом мне, как только она слишком сильно полюбит их или ей нужно, чтобы они были далеки от нее. Магистры должны быть отстранены, чтобы творчество в Искусстве не ограничивалось. Тебя она слишком сильно полюбила.

Эльминстер покраснел и провел пальцем по краю своего кубка. Дьяволы царапали воздух вдалеке, а он посмотрел вниз и со смущением, которого не случилось бы в другое время, обнаружил, что сосуд снова полон вина после глубокого глотка.

Азут наблюдал за ним с улыбкой и мягко сказал:

— Теперь ты хочешь услышать гораздо больше о том, что чувствует к тебе Леди Тайн, и не осмеливаешься спросить. Более того, ты также умираешь от желания узнать больше о том, что такое «Магистры», но боишься спросить и отвлечь меня от тех чудес, которые я собирался раскрыть, если мне позволят говорить свободно. Поэтому ты в смятении и плохо запомнишь, что последует дальше... если я не успокою тебя.

Эльминстер поймал себя на том, что ему хочется смеяться, возможно, плакать, и одновременно подыскивать слова. Ему удалось почти отчаянно кивнуть, и Азут снова усмехнулся. Позади него воздух взметнулся внезапным бушующим зеленым огнем, который появился из ниоткуда, и из его сердца вырвались два дьявола ямы, протянув могучие когтистые конечности, чтобы схватить Повелителя Заклинаний... Эльминстер успел лишь испуганно ахнуть, когда лапы встретились с какой-то невидимой силой, которая растопила их, выпарив плоть и кровь, как черный дым. Крики были невероятными, но нежный, ласковый голос Азута прорезал их, как свет фонаря пронзает темноту.

— Мистра любит тебя как никого другого, — сказал бог магу, — но она любит многих, включая меня и других, о которых никто из нас не знает, и некоторые из них удивят тебя или даже вызовут отвращение. Довольствуйся знанием того, что среди всех, кто разделяет ее любовь, ты — яркий дух и юность, которыми она дорожит, а я — старый мудрый учитель. Никто из нас не лучше другого, и она нуждается в нас всех. Пусть зависть к другим Избранным — к другим магам любой расы, положения или мировоззрения — никогда не запятнает твою душу.

Кубок Эльминстера снова был полон. Он понимающе кивнул богу сквозь клубы дыма, когда два десятка крылатых дьяволиц ударили в бога копьями, полыхавшими красным пламенем, и воздух безмолвно, без суеты, пожрал и оружие, и огонь. Одна из темнокожих женщин в своей смелости подошла слишком близко к Азуту и потеряла крыло в голодном пустом воздухе в одно размытое мгновение. Крича и всхлипывая, она отлетела в сторону, падая вниз, навстречу смерти — смерти, которая наступила гораздо быстрее, чем ожидающая земля, когда другие эринии с горящими жаждой крови глазами набросились на нее и вонзили свои копья в цель. Оцепенев, пораженная эриния застыла, брызнула кровью в нескольких направлениях и упала как камень. Не обращая внимание на все это, бог безмятежно продолжал:

— Магистры — это волшебники, которые достигают определенного признания, — силы, конечно, как мы, заклинатели, измеряем вещи, — в глазах Мистры, будучи «лучшими» из ее смертных почитателей с точки зрения магической мощи. Большинство получают титул, победив действующего Магистра, и теряют его тем же способом — процесс, часто приводящий к летальному исходу.

Пока корнугоны и дьяволы ямы бушевали вокруг Высоты, наблюдая, как их заклинания тщетно царапают невидимый барьер бога, Азут отхлебнул из своего кубка и продолжил:

— Наша Госпожа и я работаем над тем, чтобы изменить природу Магистров прямо сейчас, хоть и не слишком сильно. Сделать их менее убийцами соперников и более создателями новых заклинаний и способов применения магии. Только один волшебник является Магистром одновременно. Служа себе, они служат распространению и развитию магии... и нет лучшего способа служить Мистре. Цель ее духовенства — упорядочивать и наставлять, чтобы новички в Искусстве не уничтожали себя и Торил много раз, прежде чем овладеют базовыми понятиями магии... но если бы эта задача не направляла их, жрецы Мистры больше использовали бы свои таланты для того, что мы сейчас оставляем Магистру.

Азут наклонился вперед к ставшему ярче огню и сказал сквозь пламя:

— Ты служишь Мистре по-другому. Она наблюдает за тобой и изучает человеческую сторону магии во всех ее оттенках по вашему опыту и поступкам тех, кого ты встречаешь — как врагов, так и друзей. И все же пришло время тебе измениться и вырасти, чтобы служить ей так, как ты ей будешь нужен в грядущие столетия.

— Столетия? — пробормотал Эльминстер и внезапно обнаружил, что ему очень срочно нужно содержимое своего кубка. — Наблюдает за мной?

Азут улыбнулся.

— Нескромности с очаровательными дамами и все такое. Отбрось все мысли об этом в сторону — развлечение, которое ты обеспечиваешь, просто будучи собой, нужно ей больше, чем кто-то, разбивающий лоб, чтобы произвести на нее впечатление. А теперь прислушайся к моим словам, Эльминстер Омар. Ты должен учиться и расти, используя как можно меньше магии в предстоящем году. Используй то, что необходимо, и не более того. Эльминстер фыркнул над своим кубком, открыл рот, чтобы возразить, и встретил добрый, понимающий, почти насмешливый взгляд

Азута. Он глубоко вздохнул, улыбнулся и откинулся назад, ничего не сказав. Азут улыбнулся на это и добавил:

— Более того, ты не должен вступать в какой-либо преднамеренный контакт со своим собственным любимым проектом, Арфистами, пока Мистра не скажет иначе. Они должны научиться работать и думать самостоятельно, а не вечно оглядываться через плечо в поисках похвалы и руководства от Эльминстера.

Настала очередь Эльминстера печально улыбнуться.

— Тяжелые уроки самостоятельных достижений и уверенности в себе для всех нас, а? — отважился он.

— Именно, — согласился Повелитель Заклинаний. — Что касается меня, я некоторое время буду учиться направлять и советовать магам всего Торила без Мистры, к которой можно было бы обратиться.

— Она... «уходит»? — Тон Эла ясно давал понять, что он не верит, что богиня действительно может отказаться от контакта со своим миром, своими поклонниками и своей работой.

Улыбка Азута стала шире.

— Перед ней стоит неизбежная задача, — сказал он, — которую она не смеет откладывать дольше. Непредвиденные обстоятельства, которые должны быть определены и упорядочены для блага и стабильности Плетения. Никто из нас не может услышать ее или увидеть какое-либо проявление ее присутствия или сил в течение некоторого времени в будущем.

— «Не смеет»? Служит ли Мистра приказам чего-то высшего, или ты говоришь о том, чего требует Плетение?

— Плетение по самой своей природе предъявляет постоянные требования к тем, кто настроен на него и действительно заботится о нем... и природе всей жизни и стабильности в этом мире, в котором оно властвует. Это удовольствие и ремесло, и что-то вроде игры — предвосхищать потребности Плетения, удовлетворять эти потребности и делать Плетение чем-то большим, чем оно было, когда ты его нашёл.

— Я не верю, что вы до конца раскрыли природу «неизбежной задачи» Леди, или кому — если вообще — она отвечает и подчиняется, — сказал Эльминстер, улыбаясь в ответ.

Улыбка Азута стала шире.

— И я не верю, — тихо ответил он с веселыми огоньками в глазах и поднес свой кубок к губам. Эльминстер обнаружил, что мягко опускается, и его подхватывают, чтобы он снова мог встать на каменистую землю, приземлившись легко, как перышко, опускающееся на бархат. Однажды, давным-давно, в Хастарле молодой вор Эльминстер провел несколько минут, наблюдая, как клочок голубинового пуха *медленно* опускается на подушку... И он все еще считал, что эти минуты были потрачены не зря. Азут тоже стоял, не достигая земли босыми ногами примерно дюйм. Казалось, их беседе пришел конец. Хотя он даже не взглянул на разъяренных демонов, они внезапно разлетелись во все стороны, окутанные белым пламенем, пожиравшим их тела в напряженной тишине. Осада Высоты, казалось, подошла к концу. Высокий не сделал ни шага вперед, но внезапно оказался ближе к Эльминстеру.

— Мы можем не отвечать, но взывай к нам. Не ищи нас, но имей веру. Мы действительно видим тебя.

Он протянул руку; Эльминстер удивленно протянул свою.

Рука бога казалась мужской... Теплой и твердой, с крепкой хваткой. Мгновение спустя Эльминстер взревел — или попытался это сделать: дыхание вышибло из его легких. Серебряный огонь бушевал в нем, пронизанный особенно яркой темно-синей полосой, которая, должно быть, была сущностью или подписью самого Азута. Эл ясно увидел это, когда струи пламени вырвались из его собственного носа, рта и ушей. Оно пронизывало его, сжигая все, что находило, терзая его в спазмах предельной агонии. Органы были уничтожены, кровь полыхала, а кожа лопалась, когда плоть под ней кипела... Заплывшими глазами Эльминстер увидел, как Азут превратился в вертикальное веретено пламени — веретено, которое, казалось, каким-то образом пристально наблюдало за ним. Оно подлетело ближе и пробормотало (несмотря на отсутствие рта, который Эль мог видеть):

— Огонь очищает и исцеляет. Пробудись сильнее, самый драгоценный из людей.

Веретено закружилось ближе, касаясь нимба магического огня вокруг Эльминстера, подпитываемого серебряными струями, все еще извергающимися из него, и мир внезапно с ревом взмыл вверх, закружив Эльминстера в экстазе, разрывая на темные капли, низвергнутые в петляющую реку золота... золота, слишком яркого, чтобы смотреть на него, затмевающего солнце. Последний принц Аталантара лежал, растянувшись на камнях без чувств. Вокруг него бушевало серебряное пламя, а рядом плавали два кубка, и между ними кружилось веретено пламени. Пламя коснулось кубка, который держал Эльминстер, он немного подпрыгнул и исчез в огне, извергнув жирные золотые искры несколько мгновений спустя. Затем веретено пламени коснулось огня, бушевавшего вокруг Эльминстера. Тот впитался в него, и усиленное, возвышающееся пламя Азута рухнуло с ревом, который потряс всю Высоту Халиды, омыв Эльминстера, который содрогнулся, но не проснулся, а затем собралось. С извилистой грацией и внезапной неторопливостью пламя поднялось столбом и потекло вверх по краю плавающего кубка Азута в дымящееся там вино. Язык за языком ревающего пламени следовал за ним, исчезая в жидкости. В конце концов, все, что осталось, был тот кубок. Струйки вина поднимались от его наполненного до краев содержимого как дым, взметнувшийся на ветру.

Он был первым, что Эльминстер увидел — и осушил — на следующее утро.

Кубок исчез в воздухе во время последнего глотка, ничего не оставив после себя. Эльминстер улыбнулся туда, где он был, встал и покинул Высоту с легким сердцем и телом, которое снова почувствовало себя новым и молодым. Он остановился у первой попавшейся неподвижной лужи воды, чтобы посмотреть вниз, на свое отражение, и убедиться, что оно принадлежит ему. Так оно и было, ястребиный нос и все такое. Он скорчил гримасу своему отражению, и оно сделало то лицо, которое должно было сделать ему в ответ. Спасибо, Мистра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГИБЕЛЬ ЕДЕТ НА СЕРОМ В ЯБЛОКАХ

И в те дни, когда Мистра не раскрывала себя, и магии оставалось расти так, как тот или иной маг считал лучшим или мог достичь, Избранный по имени Эльминстер остался один в мире — чтобы мир мог научить его смирению и многим другим вещам помимо этого.

*Антарн Мудрец
из **Великой Истории Могущественных Архимагов Фаэруна**,
опубликованной примерно в Год Посоха*

Когда по утрам царил холод, между деревьями густо стелился туман. Немногие жители Старна отваживались заходить так далеко в Лес Воющих Призраков, так что добыча была в изобилии — а воющих призраков Иммейра никогда не видела. Ее мешок был уже наполовину полон орехов, ягод и листьев альфрана. Скоро цветы лунного тыча прорастут горстями среди деревьев, а за ними последуют скрипкоголовы и масляные шишки... И подумать только, некоторые люди — даже кое-кто из старнцев — утверждали, что только охотник, который умеет добывать по оленю в декаду, может жить в лесу. Иммейра задумчиво потерла зудящую щеку и посмотрела назад, туда, где деревья поредели. За полями за ними, внизу, в долине, где Дорога Гара пересекала Ларрауден, стоял Старн Бакралама. «Сорок домов, полных любопытных старух, которые весь день ткут плащи, в то время как их овцы бродят без присмотра», — однажды описал это бард Талост. Давние старнцы все еще злились из-за этих слов, и до сих пор изобретали новые и красочно закрученные проклятия, которые боги могли бы — и должны были бы — наслать на чрезмерно критичного барда. Насколько могла судить Иммейра, Талост все уловил правильно, но она уже поняла, и хорошо усвоила, что истина не обязательно высоко ценится в Старне.

Ее отец исчез во время приключений. Он был частью настоящей зарегистрированной группы авантюристов, которые называли себя Когтями Тавера в честь драчливого, всегда хохочущего старого воина Тавера, который вел их, сверкая на солнце лысой макушкой. В памяти Иммейры Тавер все еще сидел в седле, живой и грубоватый, но люди говорили, что за эти восемь лет он превратился в прах и кости. Никто не мог отличить его кости от костей других шестерых, в том числе ее отца, которые в тот день попали в пасть дракона. Старнцы говорили о Когтях Тавера уже восемь зим, и некоторые из них клялись, что Когти были демонами в человеческом облике, прячущимися здесь, чтобы ловчее развратить женщин проходящих караванов и распространить свое темное семя по всему Фаэруну. Другие так же настаивали на том, что Когти все это время были бандитами, просто прятались поблизости, пока не смогли узнать все о Старне и лесных тропах, чтобы основать бандитское царство в густых лесах неподалеку. Некоторые называли это

королевство Талонтар, для других это был Темный Путь, но никто точно не знал, где начинаются его границы, или кто там живет, или почему они никогда не спускались в Старн с луками наготове и расчехленными ножами за годы, прошедшие с тех пор, как Когти пали, или исчезли, или совершили какое-то великое преступление, которое теперь заставляло их скрываться.

Да, правда была тем, что один или два болтливых языка могли изменить в одночасье в Старне. Единственным исключением из этого, насколько могла судить Иммейра, была правда, таившаяся в острых и готовых к бою клинках Железного Лиса и его людей. Они пришли с востока по дороге Гара около шести весен назад. Горстка закаленных наемников с холодной сталью в руках и усталым от мира, безжалостным взглядом в холодных глазах. Предводителем был высокий толстый мужчина, на шлеме которого была голова железной лисы; даже его люди называли его только «Железный лис». Он въехал во двор маленького Святилища Снопа, под угрозой меча приказал немощному старому священнику Рарендону выйти в весенние снега и сделал это место своим домом.

Отныне, сказал он молчаливым жителям деревни у «Корыта и Плуга» в тот вечер, службы Чонтии будут проводиться в открытых полях, как и положено. Бывшие крепости лучше подходили для той цели, для которой они были построены: размещения воинов, таких как он и его люди, которые отныне будут жить в Старне и защищать его к всеобщему благу. На следующий день, вскоре после полудня, на двери «Корыта» был приколот грубо исписанный свиток законов. Он был удручающе коротким, провозглашая Железного Лиса единственным судьей, законодателем и авторитетом в Старне Лиса. В ту же ночь несколько человек, осмелившихся не согласиться с конкретными законами или не одобрить все это дело, остались лежать в крови на дороге или на собственных ступеньках, а то и просто исчезли. Несколько самых красивых молодых леди Старна были доставлены из своих домов в Лисью Башню и одеты там в скудные платья, повозка каменщиков прибыла через неделю, чтобы перестроить ее в крепость, и начались разговоры о скрытом зле единственных героев Старна, Когтей Тавера. Сконфуженного доброго старого Рарендона отвели в старую конюшню за мельницей, где дварф-мельник разрешил жить сиротам Старна, включая Иммейру. В следующем месяце несколько трудоспособных фермеров, чьи земли находились недалеко от Лисей Башни, умерли сразу после посадки, когда их фермерские дома таинственным образом загорелись ночью, а двери были закрыты снаружи. В окна же видали доселе незамеченных разбойников, вооруженных арбалетами того же типа, которыми пользовались люди Лиса. Две болтливые старые женщины Старна и слепой старый Адрем Резчик были выпороты на рынке за незначительные нарушения законов. Народ Старна начал привыкать к вездесущим патрулям воинов с суровыми глазами, захвату едва ли не половины всего урожая, который они приносили, и жизни в страхе. Они выразили свои безмолвные, слабые протесты. Старн Лиса оставался Старном Бакралама в устах всех и каждого, и люди Лиса, казалось, скакали по вечно тихой, почти пустынной долине. Куда бы они ни пошли, дети и добрые женщины исчезали в лесу, оставляя брошенные игрушки и неухоженные горшки, в то время как фермеры Старна всегда находились в самых дальних, грязных глубинах своих полей, слишком занятые работой, чтобы даже поднять глаза, когда на них падала

тень в доспехах. Подобно многим девочкам Старна, находящимся на пороге зрелости, Иммейра стала тенью другого рода — той, что скрывалась в тусклой одежде стариков и днем держалась в лесу, а по ночам спала на чердаках амбаров и на низких крышах. Они видели глаза своих разодетых старших сестер, видели их шрамы и кандалы, и у них не было желания присоединиться к обещанию тепла, хорошей еды и готовой выпивки, которое стоило им свободы и принесло жестокость, раболепие и боль. Теперь у Иммейры была фигура как у многих “игрушек” Лиса, и она старалась носить громоздкие старые кожаные жилеты и бесформенные туники, держать волосы растрепанными и неухоженными — и прятаться в лесном мраке или ночной темноте. Даже больше, чем угрюмые мальчики долины, женщины-тени Старна мечтали о Когтях, которые когда-нибудь скоро проедут по дороге с блестящими обнаженными мечами наготове, чтобы обратить Железного Лиса в бегство. Раз или два в десять дней Иммейра пробиралась через населенные фазанами восточные хребты Леса Воющих Призраков туда, где Дорога Гара заканчивалась Холмом Столкновения и спускалась в Царство Железного Лиса. Жестокие воины Лиса держали там патруль, чтобы следить за теми, кто приходил в Старн, и взимать пошлину с торговцев и обозов, слишком уставших или недостаточно укомплектованных, чтобы отказаться платить. Иногда Иммейра занимала их тем, что изображала треск животных в подлеске и воровала все арбалетные стрелы, которые они по глупости выпускали в деревья, но чаще она просто молча сидела на корточках и наблюдала за проделками на дороге. Должно быть, весть облетела земли за долиной. Все меньше и меньше торговцев ехало по Дороге Гара. Старн не видел ничего, что можно было бы назвать караваном, с сезона после прихода Железного Лиса.

Этим утром на берегах Ларраудена был слой льда, и мороз коснулся белых искорок на множестве опавших листьях. Иммейре приходилось все время потирать оголенные кончики пальцев, чтобы согреться, а ее губы, должно быть, посинели, но сырость медленно прогревающегося дня сохраняла ее шаги в лесу почти бесшумными, так что она была благодарна. Однажды она напугала зайца, и тот с грохотом полетел сквозь деревья, но по большей части она двигалась сквозь туман, как плавная тень, осторожно опуская пальцы, чтобы собрать то, что ей было нужно. Небольшое углубление, которым она пользовалась раньше, служило ей земляным диваном, с которого можно было с легкостью наблюдать за дорожным патрулем людей Лиса. Прислонившись к мшистому берегу с успокаивающим весом ветки дерева, которую она держала наготове там на случай, если ей когда-нибудь понадобится дубинка под рукой, она даже начала дремать, когда это случилось. Среди шестерых мужчин в черных доспехах возникло внезапное шевеление, звон кольчуг, шелест покидающих ножны мечей, а их владельцы поспешили обратно к придорожным деревьям, приседая в ожидании. В это время другие воины вскочили в седла, чтобы перекрыть дорогу.

Кто-то приближался — кто-то, с кем они ожидали либо неприятностей, либо небольшого веселья. Иммейра потеряла глаза и села с растущим интересом.

Мгновение спустя одинокий мужчина на серой в яблоках лошади поднялся на вершину холма. Длинный меч покачивался у него на бедре, когда его конь неторопливо спускался в долину. Он был молод, с каким-то одновременно нежным и

жестким лицом, с ястребиным носом и черными волосами, собранными сзади в хвост до плеч. Он увидел ожидающих людей с мечами и всем прочим, но не колебался и не остановил своего коня. Тот спокойно тащился вперед, а беспечный всадник с пустыми руками напевал мелодию, которую Иммейра не знала.

— Стой! — рявкнул один из воинов. — Ты стоишь на самом пороге Царства Железного Лиса!

— Почему я должен... что? — спросил пришелец, приподняв бровь и потянувшись, чтобы взять свернутый плащ со своего седла. — Оставить надежду? Заплатить какую-то пошлину? Присоединиться к местному монастырю?

— Для начала поменьше умничать! — прорычал человек Лиса. — О, ты заплатишь пошлину — после того, как закончишь просить у нас прощения... и плакать из-за потери правой руки.

Странник поднял брови и остановил своего коня.

— Довольно высокая цена, чтобы переступить порог, — сказал он. — Разве мы не должны сначала сразиться друг с другом?

Иммейра снова потеряла глаза в изумлении. Наемники издали общий яростный рев и бросились вперед, в том числе пехотинцы из-за деревьев. Их противник попятил коня, и в его руке блеснул маленький нож. Он бросил плащ, который снял с седла, в лица приближающимся всадникам, повернул серого в яблоках и поехал на одного из пеших. Лошадь злобно лягалась, ее наездник пнул ногой другого врага, чтобы тот держался подальше, выхватил что-то из седла, полоснул по нему и бросил в человека. Струя песка отметила место, где она ударила наемника в лицо. Затем странник оказался за линией солдат. Одна лошадь рванулась с места, сбросив своего всадника. Двое других запутались в причине его бегства: зазубренной цепи, которая была внутри плаща. Молодой человек откинулся назад, вытягивая цепь в руке, чтобы перерезать горло одному из верховых. Мужчина беззвучно свалился с седла, а у бывшего рядом с ним внезапно оказался в глазу маленький нож. Неожиданно оставшись без всадника, одна лошадь встала на дыбы, а другая толкнула ее, растоптав копытами двух упавших всадников. Еще один нож вонзился в горло того, которому песок попал в лицо. Когда он упал, еще один мешок с песком, не причинив вреда, пролетел мимо плеча одного из двух оставшихся воинов. Привыкшие издеваться над испуганными людьми, они были бледны и шагали неуверенно. Когда они медленно приблизились к человеку с ястребиным носом, он вытащил еще один нож из ножен сбоку от седла и приветливо улыбнулся им.

После этого один взвыл от ужаса и убежал. Другой прислушался к топоту ботинок, удаляющихся в деревья, посмотрел в серо-голубые глаза человека, который так быстро и легко убил его товарищей, затем швырнул меч в это холодно улыбающееся лицо, развернулся и побежал. Мешок с песком ударил его по голове сбоку спустя несколько неуклюжих шагов, и он тяжело упал на дорогу. Серый в яблоках рванулся вперед, чтобы прогарцевать на его упавшем теле, а его владелец повернулся в седле, вздохнул и прыгнул к деревьям, оставив Дорогу Гара мертвым и умирающим. Человек с ястребиным носом легко бежал с ножом в руке по следу удравшего человека. Было бы неразумно отпускать врага, чтобы тот предупредил других о его прибытии, если хотя бы пятая часть того, что он слышал об этих злобных воинах Лиса, была правдой. Было нетрудно заметить, куда направился

убегающий. Тяжело дыша и издавая грохот среди колышущихся ветвей деревьев, человек в темной кольчуге с трудом поднимался на гребень.

Мгновение спустя бегущий человек с испуганным криком нырнул в какую-то яму или овраг. Крик Иммейры вторил ему, потому что воин внезапно скатился в ее укрытие. Она схватилась за ветку дерева, когда вспотевший мужчина рухнул на нее сверху, ударила его по шлему так сильно, что сук сломался, и каким-то образом выбралась из-под его ерзающего тела. Ей нужно было всего мгновение, чтобы упереться потрепанным носком ботинка в выступающий корень дерева и выбраться наружу, но отчаянно сильные пальцы схватили ее прежде, чем она успела это сделать, и потащили обратно вниз. Она брыкалась ногами и отбивалась локтями, в то время как мужчина под ней хрипел и рычал несвязные проклятия. Затем она развернулась, чтобы вцепиться когтями ему в лицо. Иммейра успела мельком увидеть один разъяренный глаз на фоне седеющей щетины, прежде чем кулак из ниоткуда врезался ей в висок, заставив ее отшатнуться в лесную грязь. Солнечные блики и тени кружились в ее глазах. Иммейра смутно осознавала, что к ней движется бронированная громада. Она оттолкнулась и тем же движением перевернулась, чтобы вцепиться в корни и мох и снова попытаться выбраться из ямы. Один подъём, другой, и она оказалась на коленях в лесном мху на краю ложбины. Она вставала, но грубая и сокрушительная как железо сила сжала ее лодыжку и резко потащила назад. Сталь сверкнула у нее над головой, и хватка внезапно исчезла.

Иммейра растянута лицом во влажных мертвых листьях и слышала, что в низине позади нее раздался влажный булькающий звук. Длинный меч, темный от свежей крови, был вытерт о мох рядом с ней, и удивительно нежный голос сказал:

— Добрая леди, вы останетесь здесь, в сумеречном лесу? Я нуждаюсь в вашей помощи, но мне еще предстоит срочная битва.

— Я... я... да, — сумела произнести Иммейра, содрогнувшись, и мгновение спустя нежные, но твердые пальцы разжали ее измазанную мхом правую руку, положили рукоять кинжала ей в ладонь и сомкнули пальцы. Иммейра уставилась на него, немного ошеломленная, пока внезапная тишина снова опустилась на этот уголок леса. Человек с ястребиным носом исчез, легко пробираясь сквозь деревья к дороге. Иммейра посмотрела ему вслед, облизнула внезапно пересохшие губы и не смогла удержаться, чтобы не оглянуться назад, в лощину. Приспешник Лиса лежал, скорчившись, с горлом, залитым алой кровью, и ей вдруг стало очень плохо.

Ее вырвало в листья и папоротники, и Иммейра так и не увидела, как странник деловито переворачивал тела, убеждаясь в смерти и доставая оружие. Она ждала у сумеречного леса, когда он вернулся из-за деревьев, неся большой сверток, внутри которого время от времени брякала сталь о сталь при движении. Незнакомец одарил ее усмешкой.

— Приятно познакомиться, — вежливо сказал он, изобразив учтивый поклон.

Иммейра уставилась на него, затем фыркнула с внезапным, беспомощным весельем. Она поймала себя на том, что пытается сделать низкий реверанс в ответ, несмотря на свои старые бриджи и шлепающие ботинки, и упала в мох. Они вместе расхохотались, и сильная рука подняла Иммейру, оставив ее смотреть в глаза воина с ястребиным носом.

— Я... нерешительно начала Иммейра.

Новоприбывший одарил ее легкой улыбкой, ободряюще похлопал по руке и сказал:

— Зови меня Ванлорн. Я пришел поохотиться на лиса... Железного Лиса. Как тебя зовут?

— Иммейра, — ответила она, глядя на кинжал, который он дал ей, а затем снова на него, с трудом веря, что спасение, которого она ждала все эти годы, пришло в Старн так быстро и так смертоносно.

— Безопасно ли задержаться здесь ненадолго и поговорить? — спросил он.

— Да, — сказала Иммейра, затем собралась с духом, чтобы задать свой собственный вопрос. — Ты один? — спросила она, изучая лицо мужчины.

Он был не так молод, как показался сначала, и «Ванлорн» было старым народным именем, означающим «странник, ищущий что-то». Как мог один человек, даже такой искусный воин, как этот, победить или даже сбежать живым от всех людей, чьи клинки служили Лису? Слово прочитав ее мысли, мужчина с ястребиным носом мягко взял Иммейру за плечи и настойчиво сказал:

— Я действительно один, поэтому мне нужна твоя помощь, девушка. Не в том, чтобы сражаться с приспешниками Лиса ветками деревьев... или даже кинжалами. Просто скажи мне: народ Старна хочет избавиться от Железного Лиса?

— Да, — сказала Иммейра, немного сбита с толку тем, как быстро Фаэрун перевернулся вверх дном у нее на глазах. — Клянусь *богами*, да.

— И сколько клинков откликается на зов Лиса? И вооруженные, как эти, и другие, кто может метать заклинания или стрелять из арбалета, или хранить верность каким-то другим способом... скажи мне, пожалуйста.

Иммейра обнаружила, что выкладывает все, что знала и могла вспомнить или догадаться о Железном Лисе и его силах. Веселые глаза странника и задорная ухмылка никогда не меркли, даже когда она сказала ему, что тех, кто носил темную кольчугу и значок с лисьей головой, было на дюжину больше, чем шестеро, которых он убил, и что в Старне не осталось ни одного человека, у которого хватило бы силы или храбрости поддержать одинокого новичка против Железного Лиса. И она не могла доверять никому, кроме себя, чтобы помочь ему, из-за страха, что рассказы будут разнесены теми из женщин-теней, которые вполне могли после суровой зимы захотеть получить тепло, красивую одежду и хорошую еду — достаточно, чтобы предать кого-то, кого они едва знали.

Его ухмылка стала шире, когда она сказала ему, что, насколько она слышала, ни один колдун или даже священник не жил в Лисьей Башне или где-либо поблизости от Старна, и что Лис сам не владел магией.

Иммейра сказала Ванлорну, или как там его на самом деле звали, где выставлены стражники и как скоро хватятся шестерых мужчин. Полдюжины фокслингов лежали среди деревьев, их шлемы были брошены в Ларрауден, а их лошади — плюс одна незнакомая серая в яблоках — были привязаны неподалеку. Она рассказала ему все, что знала, о том, как Железный Лис проводил свои вечера, где содержались его четыре охотничьи собаки, арбалеты, фонари и лошади в Лисьей Башне; и о жизни в Старне как в эти дни, так и до падения Когтей — пока она совсем не устала отвечать на вопросы. Ванлорн спросил ее, есть ли в Старне какие-нибудь стога сена, к которым можно незаметно подойти из этих лесов и которые не будут

потревожены фермерами в ближайшие день или два. Она рассказала ему о трех таких, и он попросил ее провести его к лучшему из них как можно незаметнее, чтобы спрятать его сверток с захваченным оружием.

— Что потом? — тихо спросила она.

— Было бы безопаснее, Иммейра, — прямо сказал Ванлорн, пристально глядя ей в глаза, — если бы потом ты отправилась туда, где тебе положено жить, а не в лес, где могут искать разъяренные вооруженные люди с охотничьими собаками. И никогда больше не приближалась к этой ложине или стогу сена, пока Лис не покинет из Старна, что бы ни случилось со мной.

— А если я откажусь? — почти прошептала она.

Он тонко улыбнулся и сказал:

— Я не тиран. В Фаэруне, который я хочу увидеть, парни и девушки вольны ходить и говорить, как им заблагорассудится. И все же, если ты последуешь за мной или выйдешь мне на помощь, я не смогу защитить тебя... ибо я один в этом, и нет бога, который сотворил бы чудеса, когда битва обернется против меня.

— Правда? — спросила Иммейра, поднимая руку, которая дрожала гораздо меньше, чем она боялась, чтобы указать туда, где патруль преграждал дорогу. — Разве это не было чудом?

— Нет, — ответил Ванлорн, улыбаясь. — Чудеса в основном появляются, когда рассказывают о свершениях, через годы пересказа. Если ты не будешь строга к словам, и это еще может стать чудом.

Кто был этот человек и зачем он пришел сюда?

Иммейра на мгновение встретилась взглядом с этими спокойными сероголубыми глазами — сейчас они казались гораздо более голубыми, чем должны были на самом деле — и просто спросила:

— *Кто* ты на самом деле? И почему... почему ты хочешь встретить смерть здесь? Какое значение для тебя имеет Старн? Или хочешь отомстить Железному Лису?

Ванлорн слегка покачал головой.

— Я впервые услышал о нем меньше десяти дней назад. Я поступаю так, как велит мне мое сердце, поэтому я здесь. Я странствую, чтобы учиться и делать Королевства такими, какими я хочу их видеть. Если только Старн не окажется моей могилой, я не смогу остаться здесь, но должен буду идти дальше. Я человек, которого толкнуло на этот путь мое рождение и... выбор, который я сделал.

Он замолчал, и когда ее брови поднялись, и она приоткрыла губы, чтобы спросить или сказать больше, он поднял руку, как бы успокаивая ее, и добавил:

— Прими меня таким, каким ты меня видишь.

Иммейра молча выдержала его взгляд в течение нескольких очень долгих мгновений, а затем ответила:

— Тогда я так и сделаю, сумасшедший человек, и для меня большая честь познакомиться с тобой. Пойдем, стог сена ждет.

Она повернулась к нему спиной — она не доверяла ни одному другому мужчине, чтобы так отвести от него свой взгляд, особенно оставляя за спиной и с оружием — и повела по тропам, которые знала только она и звери, которые их протоптали. Он последовал за ней, слегка лязгая.

* * * * *

Было бы так легко очистить пиршественный зал Башни Лиса огненным шаром и сразить нескольких оставшихся воинов с помощью меньшей магии, но это было тем искушением, которому Эльминстер должен был противостоять. Прошло уже долгое лето с тех пор, как он разговаривал с богом на вершине холма, но привычка призывать заклинания, чтобы ответить на каждую потребность или прихоть, не задумываясь, медленно рушилась. Медленно. Жестокость и палачество этого человека с лисьей головой так часто и свободно проявлялись, что ему не нужно было беспокоиться о том, чтобы убить его на месте. Если бы он мог.

У одного человека, сражающегося честно и открыто, было бы мало шансов против таких темных боевых собак, как эти. Хм, да, подумал он, собаки...

Сейчас был почти полдень, и девушка Иммейра все еще стояла у него за плечом. Она была как крадущаяся тень. Не менее чем дюжина кинжалов была пристегнута и привязана вокруг нее, а в руках — его тяжелая цепь. Несомненно, люди, которых он убил этим утром, будут найдены в очень короткое время, и зазвучат предупреждающие рога. Примерно в это же время из Башни Лиса придет троица воинов, чтобы сменить этот сторожевой пост здесь, на противоположном конце долины от того места, где он встретил такой теплый и кровавый утренний прием.

Один из скучающих наемников, сидевших в придорожной тени, теперь поднялся на ноги, расшнуровывая свой гульфик, направляясь по горячей пыльной дороге на эту сторону, чтобы ответить на зов природы. На этот раз природа собиралась сказать ему немного больше.

Эльминстер с неторопливой грацией поднялся из кустарника и метнул один из своих ножей в тот момент, когда мужчина остановился и встал в позу. Он беззвучно выругался и вытащил еще один клинок, зная, что переоценил свой бросок. Стражник поднял голову во внезапной тревоге, когда первый нож промелькнул мимо, а второй промахнулся мимо глаза, погрузившись по рукоятку глубоко в щеку мужчины. Когда раздался хриплый, захлебывающийся крик, Эл выхватил цепь из рук Иммейры и бросился на мужчину, зная, что у него недостаточно времени на маневр, но не было выбора, кроме как попробовать.

Мужчина вслепую пробирался обратно к дороге, которую сейчас пересекали оба его товарища, направляясь в направлении звуков бедствия с обнаженными мечами и настороженно хмурясь. Они замедлили шаг, уходя с яркого солнца в пятнистую тень деревьев, не желая быть сраженными таящимся врагом. Эти двое остановились, когда в поле зрения, пошатываясь, появился их товарищ. Эл, бежавший изо всех сил, подошел прямо к нему сзади, используя покачивающееся тело в качестве щита. Он накинул на него цепь, сильно ударил руку с мечом, затем бросился к ошеломленному владельцу и вонзил нож в лицо. Мужчина отскочил прежде, чем Эл успел нанести удар, тряся онемевшей рукой и раздробленными пальцами. Последний принц Атантара увидел сердитое лицо другого воина, уставившегося на него поверх человека, которого он ранил первым, поэтому он с силой метнул в него свой нож. Хлынула кровь, голова безвольно откинулась, и мужчина упал, а за ним последовал Эльминстер, которому пришлось броситься в грязь, чтобы избежать отчаянных

взмахов широкого меча, которым владел тот, кого он впервые ранил на этом посту охраны.

Он вырвал кинжал Эла и сплевывал кровь, наполовину ослепленный слезами боли, струящимися по его лицу, но видел достаточно, чтобы понять, в какой опасности находится, и знать, где враг.

Эл перекатился, пытаясь уйти от меча, который продолжал рубить его. Пока он валялся в пыли, а его противник, шатаясь и рубя, следовал за ним, он задавался вопросом, когда третий противник доберется до него. Он знал, что тогда ему придется использовать одно из своих заклинаний, Мистра там или не Мистра, или умереть. Мужчина потерял равновесие после особенно сильного удара и споткнулся. Эл уперся плечом в грязь и развернулся, оттолкнувшись обеими ногами. Этот проклятый настойчивый меч лязгнул и отскочил от его уха, когда его владелец тяжело упал, крича и выпуская дух. Эл продолжал кружиться, поджимая под себя ноги и откатываясь на четыре шага, прежде чем осмелился повернуться и посмотреть на своих врагов. Где был этот третий? Он лежал неподвижно и безмолвно на дороге, а рядом с ним стояла бледнолицая, тяжело дышащая Иммейра с окровавленным кинжалом в руке. Ее глаза встретились с глазами Эла сквозь пыль, и она попыталась улыбнуться... не очень успешно.

Эл помахал ей рукой, а затем набросился на человека, который преследовал его с мечом. Он трижды нанес удар своим кинжалом и когда снова поднял глаза, то увидел, что и он, и Иммейра были пыльными, потными, задыхающимися и живыми. На этот раз они обменялись искренними улыбками.

— Милая девушка, — упрекнул ее Эл, когда они заключили друг друга в ликующие объятия, — *я не могу* защитить тебя!

Иммейра поцеловала его в щеку, затем оттолкнула, скорчив гримасу сквозь спутанные волосы и чужую кровь.

— Все честно, — сказала она. — Я тоже не могу защитить *тебя*!

Эл ухмыльнулся ей и покачал головой. Он подошел к тени, где сидели трое «лисят», и удовлетворенно хмыкнул.

— Что, Ванлорн? — спросила Иммейра. — Что такое?

Эльминстер поднял арбалет и сказал:

— Я надеялся, что у них будет один из них. Легкая броня, никаких копий или лошадей... Само собой разумеется, что у них было бы что использовать, скажем, против трех человек, охраняющих караван. Вот, девушка, помоги мне с лебедкой. У нас может быть не так много времени.

Иммейра нырнула мимо него, чтобы подхватить сумку, набитую арбалетными стрелами.

— Так и есть, — коротко ответила она. — Их смена едет сюда. Я только что видела, как они поднялись на последний подъем... тот, что у фермы Термона. Они будут у нас через...

— Тогда возьми мою цепь и отнеси ее на другую сторону дороги, — прошипел Эл, изо всех сил крутя лебедку. — Поторопись, живей!

Девушка заспешила, двигаясь быстро и грациозно, несмотря на тяжесть неудобной окровавленной цепи. Эл пересек дорогу и присел прямо за ней с арбалетом наготове. Он держал одну руку на ремне сумки, и Иммейра неловко

остановилась, чтобы дать ему вытащить ее, когда первый всадник поднялся на гребень дороги и увидел тела. Мужчина закричал и натянул поводья, заставив свою лошадь фыркнуть, почти встав на дыбы. Двое его спутников подошли к нему и вместе уставились на распростертых воинов и деревья, такие близкие и такие невинные, по обе стороны от них.

— Брось цепь и беги, — прошептал Эл на ухо Иммейре. — Скорее бросай эту сумку и иди куда угодно, чтобы тебя не поймали. Если мы потеряем друг друга из виду, ищи меня в той роще к западу от стога сена. *Вперед!*

Не дожидаясь ее ответа, Эльминстер спокойно вышел на дорогу и выстрелил в горло самому опасному на вид. Затем он побежал обратно к деревьям, бросил лук и схватил цепь с того места, где Иммейра уронила ее. Не было никаких признаков ее присутствия, кроме ветвей, колышущихся в тусклой лесной дали. Он бегом сделал два шага в лес, затем присел на корточки, чтобы прислушаться. Он услышал ожидаемые проклятия, но также и страх в яростных голосах, и топот копыт поворачиваемых лошадей.

Мгновение спустя над долиной раздались быстрые и резкие звонки рога, о которых предупреждала Иммейра. Был обнаружен другой мертвый патруль. Звук продолжался еще долго, и Эл воспользовался шумом, чтобы быстро покрыть расстояние между деревьями у дороги, направляясь обратно тем путем, которым должны были прийти эти два всадника. Однако все надежды свалить еще одного по дороге рухнули, когда они галопом пронеслись мимо него, стремясь вернуться в Башню Лиса до того, как раздадутся новые арбалетные выстрелы. Скакун без всадника последовал за ними, лишив Эла возможности порыться в его седельной сумке. Он уставился ему вслед, пожал плечами и поспешил вытащить стрелу из горла мертвого воина, затем его оружие, арбалет и сумку со стрелами. К счастью, падение сорвало его плащ с седла, и он превосходно подходил для того, чтобы все сложить. Цепь Эла, прикрепленная сама к себе, обернула сверток так, как будто он был создан для этого. Сверток был тяжелым, но Иммейра ждала его через несколько деревьев. Она взяла у него арбалет и смотрела так, словно он был каким-то великим героем.

Эльминстер надеялся, что она ошибается. По его опыту, все великие герои очень скоро становились мертвыми героями.

* * * * *

В пиршественном зале Башни Лиса царил шум, но испуганные и злые люди не могут бесконечно огрызаться и рычать друг на друга, не вступая в драку или не впадая в напряженную, выжидательную тишину. Теперь тишина повисла тяжелая, как плащ, под мерцающими люстрами. Их свисающие цепи отбрасывали длинные тени на каменные стены, когда Железный Лис — огромный мужчина, больше похожий на толстого медведя, чем на лису — и его восемь оставшихся воинов присели на корточки над жарким, которое внезапно показалось безвкусным, и пили вино, как будто все они хотели в нем утонуть. Слуги едва осмеливались подойти к столу, опасаясь, что их прогонят, и многие внезапно бросали взгляды на темную, пустую галерею менестрелей. Леди ждали за закрытыми дверями в спальнях,

прогнанные с совета при первых же новостях. Все они боялись, в каком настроении будут их мужчины, когда тот, кто носил лисью голову, наконец-то ляжет спать. Девять мужчин задумчиво склонились над длинным столом, пока свечи оплывали все ниже. Возможная личность и принадлежность одинокого, мельком замеченного арбалетчика бесконечно обсуждались, давно было принято решение запереть ворота башни, неусыпно следить и утром совершить вооруженную вылазку. Двери были заперты изнутри, замки проверены, а ключи извлечены на этот самый стол. Теперь оставалось только ждать, гадать, кто этот невидимый враг, и предаваться нарастающему страху.

Локоть опрокинул кубок, и полдюжины мужчин вскочили с криками, наполовину обнажив клинки, прежде чем разъяренный Железный Лис рывкнул им остановиться. Мужчины убийственно оглядели друг друга, затем медленно сели снова. Испуганные головы отпрянули от кухонных дверей, прежде чем кто-нибудь мог увидеть их и пойти за кнутом. На кухне стало холодно и тихо, но три служанки не осмеливались уйти. В последний раз, когда девушка осмелилась ускользнуть пораньше, за ней охотились вверх и вниз по башне и били кнутом еще долго после того, как ее одежда упала, а окровавленная кожа под ней грозила последовать. Железный Лис приказал, чтобы ее кровавые следы не стирали с полов в коридорах, чтобы они служили постоянным напоминанием о награде, ожидающей за распушенность и непослушание. Служанки сонно съежились на скамейке у кухонной двери, напуганные больше, чем мужчины в зале. Воины боялись неизвестного и того, что могло скрываться поблизости в окутанном ночью Старне, но слуги точно знали, какая опасность поджидает их в соседней комнате, и знали, что они заперты вместе с ней. Скоро за дверями спален раздастся много шлепков и криков, если они хоть в чем-то разберутся, и...

С внезапным громким звоном цепи одна из люстр упала со своей обычной высоты на стол внизу. Люди вскочили с криками, их мечи сверкнули в руках. Один из них с проклятием пробежал через комнату, за ним последовал другой. Они прошли через арку и исчезли прежде, чем раздались громкие команды Железного Лиса. У правителя Старна было огромное, грубое лицо, покрытое щетиной, густые жесткие усы и глаза, такие же холодные и жестокие, как и все суровые зимы. Тело под ним, потеющее в полной броне, вплоть до горжета и перчаток, было не меньше и не изящнее. Изогнутые металлические пластины удерживали дрожащие грудь и живот, которые в противном случае колыхались бы как бледное отвратительное море плоти, когда их хозяин поднялся на ноги и направил длинный загорбевший палец на остальных.

— Следующему человеку, который покинет эту комнату без моего разрешения, лучше продолжать идти, прочь с моей земли! Вы хоть понимаете, как глупо вот так бросаться прочь, когда...

Он резко повернул голову на высокий, пронзительный крик, который прервал его из прохода, куда вышли двое мужчин. Этот зал вел в кладовые и задние комнаты башни... в том числе в комнату Белдрума, названную по имени давно умершего священника-чонтианца, где хранились столы и были прикреплены цепи, на которых держались люстры. Похоже, комната внезапно оказалась захвачена врагами.

Железный Лис схватил свой шлем со стола и нахлобучил его на голову. Его люди последовали его примеру и сгрудились вокруг него, чтобы услышать приказы.

— Дурлим и Аулинсон — в галерею. Крикните, что все чисто, когда доберетесь туда. Гондеглюс, Тартан и Рен — встаньте здесь со мной. Один из вас заглянет под стол, а потом мы повернемся к нему спиной и будем наблюдать. Лландер, охраняй дверь в коридор. Когда галерея будет в безопасности, мы четверо присоединимся к тебе и впятером обыщем комнату Белдрума.

Железный Лис замолчал, и приказу последовала тишина. Люди, казалось, ждали еще чего-то. Внезапная ярость чуть не задушила его. Он вел *овец*?

— Шевелитесь, сукины дети! — прогремел он. — Выполнять! Маршмаршмарш, *марш!*

После того, как эхо его крика стихло, на мгновение воцарилась тишина. Затем все разом двинулись с места. Гондеглюс застонал и отшатнулся назад, за ним последовал Аулинсон. Свист арбалетных болтов, которые убили их, громко прозвучал в гулкой комнате. Затем Рен поймал болт в лицо и упал. Ни у кого из них не было шлемов с вытянутым забралом в южном стиле. Железный Лис был достаточно умен, чтобы поднять свой старый тяжелый палаш перед лицом и метнулся в сторону, прежде чем повернуться и посмотреть на галерею. Он успел мельком увидеть черноволосого мужчину с ястребиным носом, выскочившего из-за перил с заряженным и готовым арбалетом в руках. На этот раз его целью был Дурлим, но высокий ветеран пригнулся и ударил по воздуху перчаткой, и стрела со звоном отскочила от его наруча и без вреда разбилась о дальнюю стену. Из кухни донеслись крики страха, но у Лиса не было времени посмотреть, возвещают ли они о незваном госте или просто боятся того, что здесь происходит. Неважно; в галерее находился известный враг, у которого, должно быть, закончились заряженные арбалеты, и он уже бежал в укрытие.

— Лландер! Тартан! Вверх по той лестнице, — проревел Железный Лис, размахивая своим клинком. — Сейчас же!

Его самые верные воины заметно колебались, но поднялись по лестнице, как было приказано. Лис позаботился о том, чтобы поскорее спрятаться под краем галереи, наблюдая, как они поднимаются, под видом того, что приказывал Дурлиму спуститься по коридору к нижней части задней лестницы в галерею.

Он неуклюже проковылял за Дурлимом до арки, ведущей в коридор, и присел там, вглядываясь в галерею. Лландер и Тартан были там, наверху, осторожно продвигаясь вперед.

— Ну? — рявкнул он. — Какие новости?

Именно тогда гобелен упал на Лландера. Тартан отшатнулся, чтобы избежать диких ударов меча своего друга, затем сделал выпад, пробив хаос тяжелой ткани своим черным мечом, надеясь ударить того, кто был за ним, и напал на опутанного Лландера. Этот кто-то уже распластался на полу, дергая коврик под ногами. Тартан, потерявший равновесие, дернулся, схватился за перила, чтобы удержаться в вертикальном положении, промахнулся и с грохотом опрокинулся. Человек с ястребиным носом выскочил из-за свернутого гобелена и вонзил кинжал в лицо Тартана. Меч Лландера вслепую вырвался из гобелена, чтобы ударить мужчину, который в ответ вонзил свой кинжал в ткань, затем перепрыгнул через перила,

легко приземлился в пиршественном зале, весело помахал Железному Лису и помчался к передней части башни.

Разъяренный Железный Лис с ревом бросился в погоню, затем остановился в двух шагах от выхода из зала и поднял свой клинок. Нет... Он побежал бы один в ту часть крепости, из которой отослал своих людей, в область, где слишком много мест, в которых человек с ножом мог получить преимущество над закованным в броню врагом и скрыться. Нет, пришло время посмотреть, жив ли еще Лландер, найти Дурлима, и они втроем могли бы подобрать какое-нибудь подходящее место для защиты от прыгающих безумцев с ножами. Он неуклюже проковылял обратно через пиршественный зал, дважды по пути нанеся удар назад, и поднялся по лестнице, где лежал обмякший Тартан, а гобелен медленно и устало колыхался.

— Лландер? — позвал он, надеясь, что не получит удара мечом в лицо. — Лландер?

Он услышал тихий звук позади себя и злобно ударил своим клинком, рубя так мощно, что сталь с ошеломляющей силой отскочила от каменной стены, оставив за собой несколько звенящих осколков металла. Он был вознагражден вздохом. Обернувшись посмотреть, кто это, Железный Лис оказался лицом к лицу не с человеком с ястребиным носом или окровавленным трупом, а с молодой девушкой, которую он видел раз или два раньше в Старне. Она была в трех безопасных шагах вниз по лестнице, вне досягаемости его меча, и выглядела очень суровой, держа руку на горле. Пока Лис смотрел на нее, все еще пораженный тем, что увидел эту девку здесь, в его запертой и зарешеченной башне, она неторопливо опустила руку, и ее платье распахивалось вслед. Его глаза следили за ее движением, пока алебарда, врезавшаяся ему в лодыжки сверху, не отправила его беспомощно вниз по лестнице. Он выкрикнул проклятие, размахивая клинком, чтобы отразить эту последнюю атаку. Лис снова оказался лицом к лицу с ухмыляющимся человеком с ястребиным носом. Тонкий кинжал, управляемый тонкой, но твердой рукой, вонзился в правый глаз Железного Лиса, и Фаэрун навсегда померк для него. Тяжело дыша, Иммейра отскочила от огромной бронированной туши и позволила ей прогрохотать вниз по лестнице, тщетно цепляясь перчатками за пустой воздух.

Затем она быстро отвела взгляд и посмотрела на мужчину, который улыбался ей сверху.

— Ванлорн, — простонала она и обнаружила, что дрожит — за мгновение до того, как разрыдалась. — Ванлорн, мы сделали это!

— Нет, девушка, — услышала она голос и почувствовала, что ее держат успокаивающие руки. — Мы только что сделали самую легкую часть. Теперь начинается тяжелая и настоящая работа. Ты убила несколько крыс, вот и все... Дом, в котором они поселились, все еще надо в порядок.

Он выхватил испачканный и мокрый кинжал из ее рук и отбросил его. Она услышала, как он звякнул о плитки пола внизу.

— Царство Железного Лиса разрушено, но Старн Бакралама должен быть возрожден к жизни.

— Как? — простонала она ему в грудь. — Направь меня. Ты сказал, что не останешься...

— Я не могу, не больше, чем на сезон. Для тебя было бы лучше, если бы я ушел этой ночью.

Ее руки сжались вокруг него, как тиски.

— Нет!

— Полегче, девушка, — сказал он. — Я останусь достаточно долго, чтобы увидеть, как ты возьмешь старого Рарендона, любого из сирот и фермеров, которым ты можешь доверять в качестве сопровождения, в Сэрн-Хилл. Я напишу тебе записку, чтобы ты передал ее одному человеку, коневоду по имени Нантлин. Спроси его, звучит ли его арфа так же сладко, как всегда, и он узнает, от кого на самом деле эта записка. Он приведет сюда людей, чтобы они жили здесь, и женщин, и мужчин чести, готовых поднять клинки, чтобы защитить законы, которые одобряют все старнцы, и снова сделать Старн сильным. Однако, надо мной довлеет рок... Я должен уйти до того, как он или кто-либо из его людей войдет в долину.

Иммейра смотрела на него, а ее лицо заливали слезы. Она видела явную печаль в его глазах и плотно сжатых губах и робко протянув два пальца, чтобы проследить линию его подбородка.

— Ты скажешь мне свое настоящее имя, прежде чем уйдешь?

— Иммейра, — торжественно сказал он, — я так и сделаю.

* * * * *

Улыбка, которая не принадлежала Иммейре, проплыла сквозь его сны и заставила Эльминстера внезапно проснуться в холодном поту.

— Мистра, — выдохнул он в темноту, глядя на потрескавшийся каменный потолок лучшей спальни в Башне Лиса. — Леди, я наконец-то доставил тебе удовольствие?

Последовала тишина, но в ней внезапно появился огонь, пробежавший по потолку, образуя буквы, которые гласили: «Служи той, кого зовут Дасумия». Затем они исчезли, и Эльминстер заморгал в темноте. Он чувствовал себя очень одиноким — пока не услышал тихий шепот рядом с собой.

— Эльминстер? — спросила Иммейра с благоговением и испугом в голосе. — Что это было? Ты служишь богам?

Эльминстер протянул руку, чтобы коснуться ее лица, внезапно почувствовав, что вот-вот расплачется.

— Мы все это делаем, девушка, — хрипло сказал он. — Мы все, только не догадываемся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПИР В ФЕЛМОРЕЛЕ

Если человек, дракон, орк и эльф могут спокойно сесть где-нибудь вместе в этих Королевствах, то только на хорошем пиру. Хитрость в том, чтобы не дать им насладиться друг другом.

*Селбрин Мудрец
из **Размышлений в Одинокой Башне в Аткатле**
опубликованных в Год Червя*

— И кто же, — с обманчивым дружелюбием спросил самый низкорослый и громкий из трех охранников ворот, — вы такой?

Мужчина с ястребиным носом и аккуратной бородой, на которого он холодно смотрел, стоял пешим под проливным весенним дождем, но каким-то образом оставался сухим, за исключением грязных и поношенных высоких сапог. Он вернул фальшиво радостную улыбку стражника и ответил:

— Человек, о котором лорд Эсбре будет очень сожалеть, что не увидел за своим столом, если вы меня прогоните.

— Человек, владеющий магией и считающий себя достаточно умным, чтобы не отвечать на вопрос о своем имени, — категорично заявил капитан стражи, скрестив руки на груди так, чтобы пальцы одной руки лежали на кинжале с высокой рукоятью, вложенном в ножны справа спереди на поясе, а пальцы другой могли поглаживать булаву, висевшую в чехле на перевязи слева спереди. Двое других стражников также небрежно опустили руки на рукояти своего оружия. Человек под дождем легко улыбнулся и добавил:

— Меня зовут Ванлорн, а Аталантар — моя страна.

Капитан фыркнул:

— Никогда о такой не слышал, и каждый третий разбойник называет себя Ванлорном.

— Хорошо, — весело сказал мужчина. — Тогда все улажено.

Он шагнул вперед с такой спокойной уверенностью, что оказался среди охранников, прежде чем два сильных толчка перчатками с разных сторон заставили его резко остановиться.

— И куда же, по-твоему, ты направляешься? — зарычал капитан, протягивая руку, чтобы добавить свой собственный толчок к приветствию.

Бородатый мужчина широко улыбнулся, схватил эту руку и потряс ее в воинском приветствии.

— Пришел повидаться с лордом Эсбре Фелморелем, — сказал он, — и побеседовать с ним наедине, дружище, во время одного из его великолепных пиршеств. Вы можете объявить обо мне.

— А может, и нет, — прошипел капитан, наклоняясь вперед, чтобы посмотреть незнакомцу в лицо нос к носу. Сверкающие зеленые глаза долго смотрели в веселые серо-голубые, затем капитан коротко добавил: — Уходи. Убирайся от моих ворот, или я проткну тебя насквозь. Я не позволяю грубым разбойникам или острым на язык попрошайкам...

Бородатый мужчина улыбнулся и наклонился вперед, чтобы запечатлеть звучный поцелуй на угрожающих губах охранника.

— Ты так поразителен, как и говорили, — сказал незнакомец почти нежно. — Старина Главин — повелитель огня, когда сердится! Заставьте его зарычать и начать плевать — и бегите от его ворот! О, он настоящий маленький дракон!

Один из других охранников хихикнул. Капитан Главин перестал удивленно моргать, глядя на незнакомца, с рычанием развернулся и впился взглядом в горло более знакомого врага.

— Мы находим что-то забавным, Фейрин? Что-то, что настолько подавляет нашу мужественность и подготовку, что мы должны бросить наших начальников и товарищей перед лицом опасности и предаться совершенно неуместному и безмерно унижительному проявлению *веселья*?

Охранник побледнел, и довольный Главин обернулся, чтобы окинуть незнакомца с ястребиным носом взглядом, который обещал быструю и неминуемую смерть, нависшую всего в нескольких дюймах от него.

— Что касается тебя, добрый человек... Если ты *когда-нибудь* посмеешь снова *посягнуть* на мою персону, мой меч будет быстрым и точным в моей руке, и всех богов в этом мире или в следующем не будет достаточно, чтобы спасти тебя!

— Ах, Главин, Главин, — восхищенно сказал бородатый незнакомец, — какой поток! Какой стиль! Великолепные слова, произнесенные с волнением. Я так и скажу Эсбре — лорду, то есть — когда сяду с ним обедать.

Он хлопнул капитана по плечу и тем же движением проскользнул мимо него. Капитан стражи мгновенно покраснел от ярости и выхватил свое оружие, чтобы... или, скорее, попытался это сделать. Каким-то образом, как бы он ни напрягался и ни боролся, он не мог сдвинуть с места ни булаву, ни кинжал, ни скрестить руки, чтобы дотянуться до короткого меча, висевшего у него за спиной, или другого кинжала рядом с ним. Он вообще не мог пошевелить руками. Главин набрал в грудь воздуха для хриплого, бессвязного крика, но тут...

— Милорды, что это за суматоха? — низкий, музыкальный голос леди Насмаэре прервал вдох Главина и растущую тревогу его товарищей-охранников как лезвие меча, скользящее по шелку. Четверо мужчин молча двинулись, чтобы занять места, где они могли бы лучше всего — то есть без помех — смотреть на нее. Она была стройной, в зеленом платье, узкие заостренные рукава которого почти скрывали ее пальцы, но оставляли обнаженными гибкие плечи. Подсвечник из замысловато обработанного серебра уловил отблеск умирающего дня даже сквозь дождь и туман, когда она слегка отвернулась в темноте и сотворила какое-то небольшое заклинание, от которого канделябр в ее руке вспыхнул теплым пламенем. Её быстрые яркие глаза стали еще больше, темными озерами цвета индиго — индиго с золотыми крапинками. Речь и манеры леди Насмаэре казались целомудренной невинностью, но эти глаза выдавали древнюю мудрость, темную чувственность и

тлеющий голод. Улыбка появилась в ее глазах, когда она оценила свое воздействие на мужчин у ворот, и она добавила почти легкомысленно:

— Кто мы такие, чтобы в такую ночь, как эта, заставлять одинокого путешественника стоять в сырости? Входите, сэр, и добро пожаловать. Замок Фелморель открыт для вас.

Незнакомец с ястребиным носом склонил голову и улыбнулся.

— Леди, — сказал он, — вы оказываете мне большую честь своей щедростью по отношению к незнакомцу, проявляя таким доверие и любовь, которым хорошо бы поучиться вашим стражам ворот. Я — Ванлорн из Аталантара и я принимаю ваше гостеприимство, безоговорочно клянусь, что не причиню вреда ни вам, ни жителю, владению или имуществу Фелмореля. Люди в окрестных землях многословно говорили о вашей красоте, но я вижу, что их слова были жалким, несвязным лепетом по сравнению с волнующим и возвышенным видением, которым вы являетесь.

На лице Насмаэре появились ямочки. Все еще улыбаясь той же веселой улыбкой, она повернула голову и сказала:

— Слушай внимательно, Главин. Вот как быстрый язык сплетает истинную лесть. Может быть, он праздна и пуста, но, о, так приятна.

Капитан стражи, раскрасневшийся и все еще дрожащий, стараясь не подавать виду, что борется с неподвижными руками, сердито посмотрел мимо ее плеча и ничего не сказал.

Леди Насмаэре повернулась к нему спиной мягким, плавным движением, и предложила Ванлорну руку. Он взял её с поклоном и в той же величавой манере принял канделябр. Их пальцы слегка соприкоснулись — или, возможно, просто задержались на мгновение дольше. Когда они скрылись из виду в отделанном темными панелями проходе, охранники могли бы коллективно поклясться, что пламя этого качающегося канделябра *подмигнуло*. Именно тогда Главин обнаружил, что внезапно снова может двигать руками.

Можно было бы ожидать, что он вытащит оружие, которое так старался высвободить за последние несколько вдохов, но вместо этого капитан вложил всю свою энергию в забористые и продолжительные словесные упражнения. К тому времени, когда он, наконец, был вынужден перевести дыхание, двое стражников под его командованием смотрели на него с уважением и удивлением. Главин быстро отвернулся, чтобы они не увидели, как он покраснел.

* * * * *

На гербе Фелмореля в самом сердце красовалась безудержная мантимера, и, хотя никто из живущих никогда не видел такого неуклюжего и опасного зверя (с тремя бородатыми головами и тремя шипастыми хвостами на противоположных концах его тела с крыльями летучей мыши), и самого лорда Фелмореля называли, как с любовью, так и со страхом, «Мантимерой». Столь же жизнерадостный и настороженно-смертоносный, каким, по слухам, был его геральдический тезка, Эсбре Фелморель приветствовал своего неожиданного гостя с непринужденным радушием, похвалил за своевременное прибытие и развлек легкой беседой, пока двое других его гостей этим вечером все еще были в своих апартаментах. Затем лорд

проявил к явно уставшему Ванлорну немедленное гостеприимство в виде комнат для отдыха и освежения, но человек с ястребиным носом отложил это до окончания пира, сказав, что было бы плохой расплатой за теплую щедрость лишить своего хозяина возможности побеседовать.

Леди Насмаэре заняла диван, который, очевидно, был ее обычным местом, с плавной грацией, на которую оба мужчины не преминули посмотреть. Она улыбнулась и молча приложила к щеке рифленый эльфийский бокал с ледяным вином, довольная ролью слушательницы, пока двое мужчин обменивались обычными вступительными любезностями при свечах за длинным и опрятно накрытым, но в остальном пустым праздничным столом. — Хотя много где сочли бы чересчур прямолинейным так спрашивать, — прогрохотал Мантимера, — я хотел бы узнать кое-что из чистого любопытства. Что привело вас сюда из такой далекой страны, что, признаюсь, я не слышал о ней, и искать пропуск в замок под дождем? Ванлорн улыбнулся.

— Лорд Эсбре, по своим предпочтениям я такой же прямой человек, как и вы. Я рад открыто заявить, что я путешествую по Фаэруну в этот Год Смеха, чтобы узнать больше о нем, и свято руководствуюсь этой задачей. В настоящее время ищу новости или слова о ком-то, кого я знаю только как «Дасумия». У вас, может быть, есть Дасумия в Фелмореле или даже готовый запас Дасумий поблизости?

Мантимера слегка нахмурился, сосредоточившись, затем сказал:

— Боюсь, что нет, насколько мне известно, и я вынужден ответить отрицательно на оба ваших вопроса. Насмаэре?

Леди Фелморель слегка покачала головой.

— Я никогда не слышала этого имени.

Она посмотрела прямо в глаза Ванлорну и спросила:

— Это относится к магии, которую вы так умело продемонстрировали у наших ворот, или чему-то, что вы предпочли бы сохранить в тайне?

— Я не знаю, к чему это относится, — ответил их гость. — Пока что «Дасумия» остается для меня загадкой.

— Возможно, другие наши гости — один из них глубоко разбирается в вопросах магии, и оба они много путешествовали — могут предложить вам ключ к вашей тайне, — предложил лорд Эсбре, придвигая графин ближе к Ванлорну. — За прошедшие годы я обнаружил, что многие полезные знания лежат, как драгоценные камни, сверкающие в забытых подвалах, в умах тех, кто ужинает за моим столом. И они так же удивлены, как и мы, вспомнив и обнаружив, что обладают такими особыми и редкими богатствами.

В отдаленных коридорах слабо зазвучали фанфары, и Мантимера взглянул на слуг, ловко открывающих пару высоких дверей черного цвета с тяжелыми позолоченными ручками.

— А вот и они, — сказал он, окуная моллюска, пол скорлупы и все остальное, в миску с приправленным мягким сыром. — Прошу вас, ешьте, добрый сэръ. Мы не придерживаемся здесь никаких формальностей, связанных с обслуживанием или ожиданием других. Все, что я прошу от своих гостей — это хорошая речь и внимание к собеседникам. Пейте до дна!

Бок о бок и шагая осторожным шагом — словно ни за что на свете ни один из них не хотел, чтобы другой вошел в зал первым или последним — в комнату вошли двое высоких мужчин. Один был широкоплеч, как бык, и носил золотой пояс, затянутый почти что под мощной грудью. Тонкий пурпурный шелк покрывал его бугрящуюся мускулатуру и стекал по жилистым волосатым рукам туда, где позолоченные наручи охватывали предплечья, обхватом превышающие бедра большинства мужчин. И пояс, и наручи демонстрировали изящно выделанные сцены борьбы мужчин со львами, как и массивный золотой гульфик под поясом мужчины.

— Хо, Мантимера, прогудел он. — У тебя еще есть та оленина с соусом, которая тает в моей памяти? Я умираю с голоду!

— Без сомнения, — усмехнулся лорд Фелморель. — Эта оленина не должна жить только в памяти: сними купол вон с того большого блюда, и оно твое. Ванлорн из Аталантара, познакомьтесь с Барундрином Харбрайтом, известным воином и исследователем.

Харбрайт бросил взгляд на человека с ястребиным носом, не останавливаясь на своем решительном пути к указанному блюду, и проворчал что-то тоном скорее принятия к сведению, чем радушия или приветствия. Ванлорн кивнул в ответ, а его глаза уже обратились к другому мужчине, который возвышался над столом как холодный и темный столп павшего колдовства. Гостю с ястребиным носом не требовалось представления Мантимеры, чтобы понять, что это был волшебник, почти столь же могущественный, сколь и надменный. В его глазах была холодная насмешка, когда они встретились с Ванлорном, но, казалось, в них мелькнуло уважение — или это был страх? — когда они обратились в сторону леди Насмаэре.

— Лорд Фессамель Арандер, которого некоторые называют Лордом Заклинаний, — объявил Мантимера. Был ли его тон чуть менее восторженным, в отношении воина?

Архимаг холодно кивнул Ванлорну, скорее отпуская, чем приветствуя, и сел широким жестом, в котором удалось явно продемонстрировать множество сверкающих перстней странной формы всем, кто находился поблизости. Подчеркивая впечатление, разные кольца мигали россыпью многоцветных вспышек.

Когда он посмотрел на еду перед собой, у Ванлорна мелькнуло краткое воспоминание о челюстях волков, щелкающих ему в лицо в глубоких снегах за пределами Старна в только что прошедшую суровую зиму. Он почти улыбнулся, когда выбросил это кровавое воспоминание из головы. Голод, это просто голод владел теми воющими зверями; не лучше и не хуже, чем то, что он испытывал сейчас. Он обратил свой взгляд на суп из ящериц с перцем и хрустящий пирог с тремя змеями в пределах досягаемости. Разрезая последний и оценивая, принимаясь к поднимающемуся ароматному пару, Ванлорн понял, что Арандер бросил взгляд в его сторону, чтобы посмотреть, достаточно ли впечатлен демонстрацией силы этот незнакомый гость. Он также знал, что маг, должно быть, сейчас откидывается на спинку стула и берет бокал вина, чтобы скрыть состояние огромного раздражения. И ему достаточно было взглянуть на себя в зеркало, чтобы понять, что сила и совершенство Искусства вскармливают во многих волшебниках детскую раздражительность, поскольку они ожидают, что мир будет танцевать по их

прихоти, и эгоистично раздражаются, когда этого не происходит. В настоящее время он был источником раздражения Арандера; волшебник скоро набросится на него. Слишком скоро.

— Вы говорите, что родом из Аталантара, добрый сэр... а, *Ванлорн*. Я бы подумал, что немногие вашего возраста объявят себя потомками этой павшей земли, — промурлыкал волшебник, когда воин Харбрайт вернулся к столу, неся серебряное блюдо шириной с его собственную грудь, которое прогибалось под тяжестью почти целого жареного кабана и нескольких дюжин насаженной на вертел птицы, и уселся под скрип кресла и грохот дрожащих графинов. — Где вы жили совсем недавно, и что привело вас сюда, окутанного тайнами и неизвестного, в дом, столь богатый, если мне позволено спросить? Стоит ли нашим хозяевам запирать свои сундуки с драгоценностями?

— Я бродил по этим прекрасным королевствам уже несколько десятилетий, — весело ответил Ванлорн, казалось, не замечая сарказма Арандера или неприкрытых инсинуаций, — в поисках знаний. Я надеялся, что Миф Драннор многому меня научит, но он дал мне лишь урок о насущной необходимости бегать быстрее дьяволов. Я бродил то там, то тут, но узнал немногим больше, чем несколько секретов о Дасумии.

— Неужели? Ищете знания о магии или просто сокровища?

При этом последнем слове воин Харбрайт на мгновение оторвал взгляд от своего шумного и безостановочного кусания и глотания, уставившись на Ванлорна одним ровным глазом, чтобы услышать ответ.

— То, что я ищу — это знания, — сказал Ванлорн, и воин с отвращением хмыкнул и продолжил есть. — Знания о Дасумии. Но вместо этого я, кажется, нахожу довольно много об Искусстве. Я полагаю, что его сила побуждает тех, кто может писать, записывать подробности об этом. Что касается сокровищ... Нельзя есть монеты. У меня их достаточно для моих нужд. Один и пешком, как бы я мог унести больше?

— Потратьте несколько из них, чтобы купить лошадь, — проворчал Харбрайт, разбрызгивая по столу маленькие кусочки кабана с травами. — Боги небесные, *ходить* по королевствам! Я состарился бы еще до того, как мои ноги стерлись бы в лодыжках!

— Скажите мне, — обратился лорд Фелморель к Ванлорну, наклонившись вперед, — как много вы видели в легендарном Городе Песни? Большинство из тех, кто даже мельком видит руины, разрывают на части прежде, чем они могут подойти ближе.

— Или вы просто бродили по лесу неподалеку от того места, где, по вашему мнению, находится Миф Драннор? — вкрадчиво спросил Арандер, беря графин, чтобы наполнить свой стакан.

— Дьяволы, должно быть, были заняты преследованием кого-то другого, — сказал человек с ястребиным носом Мантимере, — потому что я провел большую часть дня, карабкаясь по заросшим, в основном пустым зданиям, не видя ничего живого, что было бы больше белки. Красивые арочные окна, изогнутые балконы... Должно быть, это было очень величественно. Теперь не так уж много лежит там и ждет, пока унесут. Я не видел ни бокалов на столах, ни раскрытых книг, чьих

владельцев оторвали от чтения, как о том рассказывают менестрели. Без сомнения, город был разграблен после того, как он пал. И все же я видел и помню некоторые символы и письма. Если бы я только мог определить, что они означают...

— Вы не видели никаких демонов? — Арандер был насмешлив, но также явно хотел услышать ответ Ванлорна. Человек с ястребиным носом улыбнулся.

— Нет, сэр маг, они все еще охраняют город. Вероятно, пройдут годы, прежде чем люди смогут войти в руины, не беспокоясь ни о чем более опасном, чем, скажем, стирг или совиный медведь. Если это вообще случится.

Лорд Фелморель покачал головой.

— Такая сила, — пробормотал он, — и все же они пали. Вся эта красота уничтожена, народ мертв или рассеян... Однажды потерянное никогда не сможет быть восстановлено снова. Не так, как это было.

Ванлорн кивнул.

— Даже если бы дьяволы были изгнаны к ночи, — сказал он, — это место было восстановлено за десять дней, а на следующий день собралось бы население, обладающее сопоставимым умом и достижениями, у нас не было бы Города Красоты снова. Того общего волнения, вдохновения и свободы экспериментировать, свободно рассуждать и потакать своим прихотям, которые основаны на вере в собственную неуязвимость, там не будет. Была бы сцена для игроков, изображающих Город Песни, а не Миф Драннор. Мантимера кивнул и сказал:

— Я слышал много рассказов о падении и даже сталкивался с дьяволом — не там — и выжил, чтобы рассказать эту историю. Я с трудом могу поверить, что такой великий и могущественный народ, даже разделенный различными эгоистичными интересами и соперничеством, был уничтожен так бесповоротно.

— Миф Драннор *должен был* пасть, — прогрохотал Барундрин Харбрайт, протягивая массивную руку, как будто протягивая невидимый череп над столом для осмотра. — Видите ли, они пригнули выше головы, снова гонясь за божественностью... как те нетерезы. Боги следят за тем, чтобы такие мечты заканчивались кроваво, иначе было бы больше богов, чем мы все могли бы вспомнить, и ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы ответить на единственную молитву. Очевидно же! Так почему же все эти маги продолжают совершать одну и ту же ошибку?

Волшебник Арандер одарил его тонкой, высокомерной улыбкой и сказал:

— Возможно, потому что у них нет тебя под рукой, чтобы исправить каждое их маленькое отклонение от Единственно Верного Пути.

Лицо воина просветлело.

— О, вы слышали это? — он спросил. — Единственный Истинный Путь, да. У мага отвисла челюсть. Он шутил, но, во имя всех богов, этот увалень казался серьезным.

— Нас пока не так много, — с энтузиазмом продолжил Харбрайт, для пущей выразительности размахивая целым фазаном, с которого капала подливка, — но мы уже обладаем властью в дюжине городов. Нам нужно царство, следующее, и...

— Как и всем нам. Я бы хотел несколько, — насмешливо сказал Арандер, быстро оправившись от изумления. — Дай мне одно с множеством высоких замков, хорошо?

Харбрайт свысока посмотрел на него.

— Проблема с чересчур умными магами, — прорычал он, обращаясь ко всему столу, — заключается в их незнании *работы*, не говоря уже о том, чтобы ладить со всевозможными людьми и знать, как оседлать лошадь или приделать каблук к ботинку или даже как убить и приготовить курицу. Они редко знают, как правильно пить, или как ухаживать за девушкой, или выращивать репу... но они всегда знают, как сказать другим людям, что делать, даже о выращивании репы или сворачивании куриной шеи!

Большие, волосатые руки с грубыми пальцами взмахнули, и Арандер отпрянул, скрывая свой очевидный страх, потянувшись за дальним графином. Ванлорн любезно подвинул его поближе к магу, но его скорее проигнорировали, чем поблагодарили.

Их хозяин прервал неловкий момент, спросив:

— И все же, милорды, оставив в стороне Истинные Пути или природу волшебников, каким вы видите будущее для всех, кто живет в этом сердце далеко раскинувшегося Фаэруна? Если Могучий Миф Драннор может быть уничтожен, то за что мы сможем держаться в ближайшие годы?

— Лорд Фелморель, — поспешно ответил волшебник Арандер, — по этому вопросу было много разговоров среди магов и других, но мало согласия. Каждое предложение привлекает тех, кто его ненавидит и боится, а также тех, кто его поддерживает. Некоторые говорили о совете волшебников, правящих страной...

— Ха! Это была бы прекрасная тирания и беспорядок! — фыркнул Харбрайт.

— ...в то время как другие видят светлое будущее в союзах с драконами, так что каждое человеческое царство будет владением дракона, с...

— Всеми остальными в качестве рабов дракона и, в конечном счете, его ужина, — сказал Харбрайт своему почти пустому блюду.

— ...заключенными соглашениями, обязывающие как змея, так и людей воздерживаться от военных действий друг против друга.

— И когда дракон ринулся вниз, разинув пасть, чтобы проглотить рыцаря, тот устремил взгляд в свою погибель, надменно крича: «Наше соглашение защищает меня! Ты не можешь...» — почти в течение трех вдохов, прежде чем дракон проглотил его и улетел, — саркастически сказал Харбрайт. — Выжившие люди, собравшиеся там, торжественно согласились с тем, что дракон нарушил соглашение, и было сделано предложение, чтобы кто-то отправился в логово дракона, чтобы сообщить змею, что он незаконно сожрал рыцаря. Странно, но никто не вызвался добровольно.

Наступила тишина. Неуклюжий воин выпятил челюсть и бросил на волшебника мрачный и ровный взгляд, как будто подначивая его заговорить, но Фессамель Арандер, казалось, внезапно и прочно заинтересовался супом из ящериц с перцем.

Ванлорн поднял глаза на своего хозяина, зная о постоянном и пристальном внимании леди Фелморель, и сказал:

— Со своей стороны, милорд, я верю, что еще один такой сияющий город не скоро появится. Среди незаконных и опасных диких земель появятся маленькие королевства, защищенные от орков и разбойников больше, чем от чего-либо другого, как это всегда было. Барды будут поддерживать надежду Миф Драннора, пока город потерян для нас, сейчас и в обозримом будущем.

— И эта мудрость, юный Ванлорн, была написана на стенах разрушенного Города Песни? — легким тоном спросил Арандер, осмелев заговорить еще раз, но старательно не глядя в сторону Харбрайта. — Или, может быть, боги сказали вам это во сне?

— Сарказм и насмешки, похоже, слишком часто в наши дни слетают с языка волшебников, — небрежно заметил Ванлорн, обращаясь к Барундрину Харбрайту. — Вы тоже это заметили?

Воин ухмыльнулся, больше глядя на волшебника, чем на человека с ястребиным носом, и прорычал:

— Да уж. Болезнь ума, я думаю. — Он взмахнул вертелом, униженным перепелами, как скипетром, и добавил: — Они все так заняты тем, чтобы быть умными, что никогда не замечают, когда это касается их лично.

В безмолвном унисоне Харбрайт и Ванлорн повернули головы и пристально посмотрели на волшебника. Арандер с усмешкой открыл рот, чтобы сказать что-то язвительное, казалось, забыл, что именно. Снова открыл рот, но вместо слов поднес к нему бокал вина и выпил довольно много за невероятно короткое время. Пока он задыхался, бормотал и хрипел, воин протянул руку размером с лопату, чтобы сильно ударить его между лопатками. Когда маг пошатнулся в своем кресле, Харбрайт спросил:

— Пришел в себя чуточку?

В наступившей опасной тишине, когда волшебник Арандер пытался отдышаться, а леди Насмаэре быстро и грациозно подняла руку, чтобы прикрыть рот, лорд Эсбре Фелморель мягко сказал:

— Я боюсь, что вы, возможно, правы, добрый сэра Ванлорн. Небольшие крепости и укрепленные города, стоящие в одиночестве — это обычай здешних мест, и, похоже, так будет и в ближайшие годы — если только что-нибудь не случится с Повелительницей Теней.

— Повелительница?..

— Падшая колдунья, — вставил воин, поднимая мрачные глаза, чтобы встретиться взглядом с человеком с ястребиным носом. Лорд Эсбре кивнул. — Грубо сказано, но да: Повелительница Теней — это та, кого мы боимся и либо подчиняемся, либо избегаем, когда это возможно. Никто не знает, где она обитает, но она стремится навязать свою волю — и только что не управлять напрямую — в землях, расположенных непосредственно к востоку от нас. Она известна своей... жестокостью.

Заметив, что волшебник, похоже, пришел в себя, лорд Эсбре попытался восстановить его самообладание, обратившись веселым тоном:

— Вы наш эксперт по колдовству, лорд Арандер. Прошу вас, расскажите нам все важное, что вы знаете о Повелительнице Теней.

И снова случилось удивительное за праздничным столом лорда Эсбре. Лорд Фессамель Арандер уставился в свою тарелку и пробормотал:

— Об этом... нет, мне нечего добавить по этому вопросу. Нет.

После этого высокие свечи на пиршественном столе еще долго танцевали и мерцали в сердце полной тишины

* * * * *

Дюжина свечей мерцала в дальнем конце спальни как языки голодных драконьих птенцов. Комната была маленькой и с высоким потолком, ее стены были окутаны старыми, но все еще великолепными гобеленами, которые, Эльминстер был уверен, скрывали больше, чем несколько секретных ходов и отверстий для наблюдения. Он слабо улыбнулся ожидающей его безмятежности, проходя мимо занавешенной кровати с балдахинном к ближайшему огню.

— Я Ванлорн, — мягко сказал он, — и я не он. Во имя этой личины ради служения тебе, услышь меня, молю, о Мистра Тайн, о Драгоценнейшая Госпожа, о Пламя Плетения.

Он провел двумя пальцами по пламени, и его оранжевое свечение стало глубоким, волнующим синим. Удовлетворенный, он склонился над ним так, что казалось, будто он вот-вот втянет голубое пламя в рот, и прошептал:

— Услышь меня, Мистра, молю, и присматривай за мной в трудную минуту. *Шаммарастра улулумэ пэровевим дриос.*

Все свечи внезапно потускнели, опустились, оплыли, затем в унисон поднялись с новой силой, словно солнечные копыя, освещая комнату ярче, тепле, чем было раньше.

Когда теплые отблески огня заплясали на его щеке, глаза Эльминстера закатились. Он покачнулся, затем тяжело упал на колени, завалился вперед и скользнул лицом на пол. Лежа без чувств среди свечей, он так и не увидел, как огонь выплюнул круг голубых пылинок, которые закружились вокруг него и исчезли, вернув пламени свечей их обычный янтарно-белый свет.

* * * * *

В комнате, которая была недалеко, но все же укрыта тьмой зачарованного камня, пламя того же синего цвета извивалось и билось в дюймах над полом, не опаяя и складываясь в сложный и слегка изменяющийся символ, медленно вращающийся над гладкими камнями. Оно лизало и ласкало лодыжки своей создательницы, которая танцевала босиком среди огня, когда он поднимался и опускался вокруг ее колен. Ее белая шелковая ночная рубашка мерцала над пламенем, когда она плела заклинание, которое медленно придавало ее глазам оттенок. Оно выплеснулось в воздух перед ее лицом, как странные слезы, пока леди Насмаэре кружилась и пела.

В комнате было пусто и темно, если не считать заклинания, которое она соткала, но она немного посветлела, когда пламя поднялось в вертикальный овал, в котором внезапно появилось вялое лицо с ястребиным носом, принадлежащее Ванлорну, распростертому на камнях его спальни среди дюжины танцующих свечей. Леди Фелморель увидела этот образ и тихо пропела что-то, что приблизило полуприкрытые глаза спящего мужчины, почти заполнив пространство между скачущими языками пламени.

— *Оундрет*, — пропела она тогда. — *Оундрет марараэ!*

Она протянула руки над пламенем и подождала, пока оно поднимется, чтобы лизнуть ее ладони, принося с собой то, чего она так жаждала: тот темный порыв остроумия и чистой мысли, которые она пила так много раз раньше, воспоминания и знания, украденные из спящего разума. Какие секреты хранил этот Ванлорн?

— Дай мне, — простонала она, потому что потоп был уже далеко впереди. — Дай... мне...

Сила, какой она никогда раньше не пробовала, внезапно хлынула сквозь пламя, заставив ее конечности задрожать, а каждый волосок на теле напрягся, становясь дыбом на покрывшейся мурашками коже. Она изо всех сил пыталась дышать после внезапного напряжения, появившегося в ее теле и в комнате вокруг нее, тяжелого и каким-то образом *осознанного*. Темный потоп все еще не приходил. Кто был этот Ванлорн?

Изображение в круге пламени перед ней все еще было двумя полуоткрытыми, сонными глазами, но теперь что-то менялось в этом окружающем пламени. Языки серебряного огня прыгали среди голубого, сначала всего несколько, но быстрее и чаще, то омывая на мгновение всю сцену, то вспыхивая ярче, пока удивленная танцовщица наблюдала. Внезапно серебряное пламя поглотило голубое, и два холодных глаза, которые не принадлежали Ванлорну, открылись в нем. Они были черными, пронизанными мерцающими звездами, но пламя, которое струилось от них, как слезы, было такого же насыщенного синего цвета, как и у Насмаэре.

«Я — Азут,» — голос, который был одновременно музыкальным и ужасным, раздался из глубин ее разума. — «Прекрати это любопытство — навсегда. Если ты не слушаешься, у тебя отнимут средства для подглядывания.»

Тогда леди замка Фелморель закричала — так громко и так долго, как только могла — когда голубое пламя сбило ее с ног и удерживало в плену своей хватки. Насмаэре погрузилась в страх, ужас и отвращение к себе, когда голубое пламя ее собственного заклинания, похищающего мысли, с силой пронеслось сквозь нее.

Она содрогнулась под его натиском, замолчала, корчась в беспомощном и судорожном обмороке, а затем завывала совсем другим тоном, как потерянное и блуждающее существо. Весь блеск в ее глазах погас, и слюни непрерывно стекали из уголка ее искривленного рта.

Глаза, в которых плавали звезды, несколько мрачных мгновений смотрели на сломленную женщину, а затем выплюнули свежее голубое пламя, окутав ее яростным адом, который бушевал всего несколько мгновений. Когда он отступил, босоногая женщина стояла на каменном полу комнаты заклинаний. Ее огненные плетения разрушились и исчезли, ночная рубашка прилипла к телу от пота, а руки неудержимо дрожали, но опустошенные глаза, которые смотрели на них, были ее собственными.

— Ты снова Насмаэре, твой разум восстановлен. Не считай это жалостью, дочь Авары. Я разорвал все твои оковы — включая, конечно, те, что держат твоего лорда в рабстве. Последствия скоро обрушатся на тебя; лучше всего было бы подготовиться.

Колдунья в беспомощном ужасе уставилась в эти парящие звездные глаза. Они смотрели на нее строго и пристально, даже когда начали исчезать, быстро

превращаясь в ничто. Весь магический свет в комнате померк и исчез вместе с ними, оставив после себя только пустоту.

Насмаэре долго стояла на коленях одна в темноте, слегка всхлипывая. Затем она встала и пошла, как призрак с бледными глазами, невидимыми путями, которые хорошо знала, ощупывая повороты и арки кончиками пальцев, ища раздвижную панель, которая открывалась в задней части шкафа в ее собственной спальне. Протиснувшись сквозь плащи и платья, она сделала глубокий, дрожащий вдох, выдохнула и положила пальцы на свой самый секретный сундук, на высокую потайную полку, прямо там, где она его оставила.

Служанки оставили зажженной единственную лампу с плафоном на боковом столике с мраморной столешницей. Тонкий, как игла, кинжал поймал и отразил слабый луч, когда она вытащила его, посмотрела почти небрежно на мгновение, затем повернула в руке, направив себе на грудь.

— Эсбре, — шепотом сказала она темноте, отводя руку для удара, который лишил бы ее жизни, — я буду скучать по тебе. Прости меня.

— Я уже сделал это, — произнес голос, похожий на холодный камень, рядом с ее ухом. Знакомая рука метнулась мимо ее груди, чтобы перехватить кинжал. Насмаэре слегка испуганно вскрикнула и какое-то мгновение дико сопротивлялась, но волосатая рука лорда Эсбре была неподвижна, как железо, и в то же время нежна, как бархат, когда она обхватила ее запястье.

Другой рукой он выхватил кинжал у нее из рук и отбросил его в сторону. Тот промелькнул через комнату, чтобы быть ловко пойманным одним из дюжины или около того охранников, которые теперь просачивались из-за каждого гобелена и ширмы в комнате, снимая колпаки с фонарей, зажигая факелы в настенных подсвечниках, и мрачно надвигаясь, чтобы помешать любому движению, которое она могла бы сделать к двери или к шкафу позади нее. Насмаэре уставилась в глаза своего повелителя, все еще слишком потрясенная и ошеломленная, чтобы говорить, гадая, когда же разразится буря ярости. Глаза Мантимеры вспыхнули сквозь туман слез, обжигая ее, но его губы двигались медленно и точно, когда он спросил тоном тихого недоумения:

— Самоубийство — это ответ на ошибочное колдовство? У тебя же была веская причина, чтобы подчинить меня чарами?

Насмаэре открыла рот, чтобы умолять, излить отчаянную ложь, протестовать против того, что ее поступки были неправильно поняты, но все, что вышло, было потоком слез. Она бросилась к нему и попыталась встать на колени, но сильная рука на бедре удержала ее в вертикальном положении. Когда она смогла произнести слова сквозь рыдания, она молила его о прощении и соглашалась на любое наказание, которое он сочтет подходящим, и...

Он остановил ее слова, приложив твердый палец к ее губам, и мрачно сказал: — Мы больше не будем говорить о том, что ты сделала. Ты никогда больше не поработишь ни меня, ни кого-либо другого.

— Я... поверьте мне, мой лорд, я бы никогда...

— Ты *не сможешь*, как бы ни пожелала. Я это знаю. Чтобы другие тоже могли это знать, ты должна попытаться снова поработить меня — сейчас. Насмаэре уставилась на него.

— Я... нет! Нет, Эсбре, я не смею! Я...

— Леди, — мрачно сказал ей Мантимера, — я отдаю приказ, не оставляя вам выбора.

Он сделал жест тремя пальцами; вокруг нее заскрежетали мечи, вынимаемые из ножен. Леди Фелморель бросила быстрый взгляд по сторонам. Она была окружена обнаженной сталью, острые, темные наконечники видавших виды мечей угрожали ей со всех сторон. Она увидела, что один держал побледневший Главин, другой — мрачно смотревший верный старый Эррарт. Затем она отвернулась, закрыв лицо руками.

— Я... я... Эсбре! — всхлипнула она. — Моя магия будет отнята у меня, если я...

— Твоя жизнь будет отнята у тебя, если ты этого не сделаешь. Смерть или повиновение, леди. Тот же выбор, что и у воинов, которые служат мне каждый день. Им это дается не так уж трудно.

Леди Насмаэре застонала. Медленно она отняла от лица руки, выпрямилась, тяжело дыша, устремив взгляд куда-то в сторону. Она запрокинула голову, чтобы посмотреть в потолок, и сказала тихим голосом:

— Мне понадобится больше места. Кто-нибудь, уберите этот коврик, чтобы он не обгорел. Она намеренно шла на острие чьего-то меча, пока они не уступили ей дорогу, и она не смогла сойти с мягкого роскошного ковра, затем повернулась и тихо сказала:

— Мне понадобится нож.

— Нет, — отрезал Эсбре.

— Этого требует заклинание, милорд, — сказала она потолку. — Возьмите его сами, если вам так будет спокойнее, но полностью повинуйтесь мне, когда я начну заклинание, иначе мы оба обречены.

— Продолжай, — сказал он голосом снова холодным и каменным.

Насмаэре зашагала прочь от него, пока снова не встала в центре кольца клинков, затем повернулась и посмотрела на него.

— Главин, — сказала она, — принеси сюда ночной горшок моего лорда. Если он пуст, сообщи нам об этом.

Охранник уставился на нее, не двигаясь, но развернулся со своего места и поспешил к двери по короткому кивку лорда Фелморела. Пока они ждали, Насмаэре спокойно сорвала с себя промокшую ночную рубашку и отбросила ее, стоя обнаженной перед всеми ними. Она стояла, выпрямив ноги, ни прикрываясь скромно, ни принимая свои обычные чувственные позы, и не раз облизывала губы, глядя только на своего лорда.

— Накажи меня, — внезапно сказала она, — любым другим способом, кроме этого. Искусство значит для меня все, Эсбре, каждое...

— Замолчи, — почти прошептал он, но она отпрянула, как будто он хлестнул ее по губам, и больше ничего не сказала.

Дверь открылась; вернулся Главин с глиняным горшком. Лорд Фелморель взял его у него, жестом велел вернуться на свое место в строю и сказал своим людям:

— Я доверяю вам всем. Если вы увидите, что-нибудь, что может навредить Фелморелю, нанесите удар без промедления — нам обоим, если понадобится. Взяв маленький поясной нож и горшок, он шагнул вперед.

— Я люблю тебя, Эсбре, — прошептала леди Насмаэре и опустилась на колени.

Он уставился на нее каменным взглядом и сказал только:

—Продолжай.

Она сделала глубокий, прерывистый вдох и сказала:

— Поставь горшок так, чтобы я могла дотянуться до него.

Когда он сделал это, она опустила одну руку и вытащила ее с полной ладонью его мочи. Опустив сложенную чашечкой руку на пол, она протянула другую руку и сказала:

— Порежь мою ладонь — не глубоко, но пролей кровь.

Лорд Фелморель мрачно сделал, как ему было велено, и она сказала:

— Теперь убери — горшок, нож и все остальное.

Когда он отступил, стражники напряглись, готовые броситься вперед со своей сталью при малейшем знаке лорда Эсбре. Когда ее собственная темная кровь наполнила ее ладонь, Насмаэре оглядела кольцо. Их лица говорили ей, как сильно ее боялись и ненавидели. Она прикусила губу и слегка покачала головой. Затем она сделала еще один глубокий вдох и, казалось, набралась смелости.

— Я начну, — объявила она и без паузы перешла к песнопению, которое быстро набирало силу и, казалось, было составлено вокруг его имени. Слова были густыми и в то же время какими-то скользящими, как разбуженные змеи. По мере того, как они звучали все быстрее и быстрее, маленькие струйки дыма выходили из ее рта.

Внезапно — очень внезапно — она хлопнула в ладоши так, что кровь и моча смешались, и выкрикнула фразу, которая, казалось, отозвалась эхом и ударила в уши мужчин в зале, как раскаты грома. Белое пламя вспыхнуло между ее сложенными ладонями, и она подняла голову, чтобы посмотреть на своего лорда — только для того, чтобы закричать, дико, испуганно и отчаянно, и попытаться вскочить на ноги и убежать. Сверкающие звездами глаза Азута, холодные и безжалостные, смотрели на нее с лица лорда Фелмореля, и этот музыкальный, ужасный голос судьбы снова зазвучал, говоря ей: «Вся магия имеет свою цену.»

Никто из стражников не услышал этих пяти слов и не увидел ничего, кроме мрачной жалости на лице своего лорда, когда Мантимера поднял руку, чтобы остановить их клинки. Леди Фелморель упала на пол, ее лицо превратилось в маску отчаяния, а глаза ничего не видели. Умирающие струйки дыма поднимались от ее дрожащих конечностей — конечностей, которые увядали на их глазах, затем возвращались к пышной жизненной силе, только чтобы снова увянуть в новом цикле. Все это время, пока ее тело билось в конвульсиях, восстанавливало себя и снова съеживалось, ее крики продолжались, поднимаясь и опускаясь в прерывистом пении боли и ужаса.

Охранники смотрели на ее извивающееся тело в потрясенном молчании, пока Мантимера не заговорил снова.

— Миледи несколько дней будет в постели, — мрачно сказал он. — Оставьте меня с ней, все вы, но позовите отсюда ее камеристок, чтобы они позаботились о ее нуждах. Азут милосерден, и отныне ему будут поклоняться в этом доме.

* * * * *

Где-то женщина извивалась на голом каменном полу, окруженная вытянутыми в ее сторону мечами, и ее обнаженное тело увядало волнами, когда она завывала... А в другом месте пылинки света, похожие на звезды в ночном небе, кружились в темноте с холодным звоном... Последовал внезапный, странный момент, когда маги, произносящие заклинания, превратились в скелеты, а Эльминстер обнаружил себя стоящим в темноте, под лучами лунного света. Он стоял перед замком, парадные ворота которого были сделаны в форме гигантской паутины. Он знал, что это было место, где он никогда не был и не видел раньше. Его руки были подняты в плетении заклинания, которое сформировалось мгновением позже и взорвало врата во вспышке блеска. Свет унесся прочь, превратившись в зубы смеющегося рта, который прошептал: «Ищи меня в тени».

Слова были насмешливыми, голос женским, и Эльминстер обнаружил, что сидит, выпрямившись, в ногах своей нетронутой кровати, а одежда липнет к нему от холодного пота.

— Мистра направила меня, — пробормотал он. — Я больше не буду здесь задерживаться, а пойду искать и брошу вызов этой Повелительнице Теней. Он улыбнулся и добавил:

— Или меня зовут не Ванлорн.

Он так и не распаковал потертую седельную сумку, в которой лежало его снаряжение. Потребовалось несколько минут, чтобы убедиться, что ни один усердный слуга ничего не убрал для стирки, и он вышел за дверь, быстро шагая, как будто гости всегда отправляются на поздние ночные прогулки по замку Фелморель. Прятаться — это для воров.

Он любезно кивнул единственному слуге, которого встретил, но так и не увидел бесстрастного лица Барундрин Харбрайта, наблюдавшего за ним из глубины темного угла с едва заметным удовлетворенным кивком. Не видел он и движущейся тени, которая выскользнула из-под лестницы, по которой он спустился, и последовавшей за ним, неся свой собственный узел с пожитками.

Только один пожилой слуга наблюдал за закрытыми воротами замка. Эл огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что охранники нигде не прячутся. Не увидев ничего, он поднял потушенный медный фонарь, который несколько минут назад позаимствовал в коридоре, осторожно взмахнул им и отпустил. Лампа упала на булыжную мостовую далеко позади старика с грохотом, похожим на приземление падающего доспеха. Мужчина закричал от страха и ударился голенью о дверной косяк, пытаясь добраться до своей пикой.

Когда он, хромя и ругаясь, добрался до разбитого фонаря, чтобы пригрозить ему дрожащей пикой, Эл выскользнул из двери привратника в воротах, всего лишь еще одна тень в эту сырую весеннюю ночь. За ним последовала еще одна тень, наколдовав движущееся облачко тумана перед собой на случай, если этот блуждающий Ванлорн оглянется в поисках погони. Мимолетная вспышка ознаменовала наложение заклинания тенью, но слуга с пикой был слишком далеко, чтобы заметить или опознать лицо, так мимолетно освещенное. Фессамель Арандер, Лорд Заклинаний, также почувствовал необходимость внезапно и тихо покинуть замок Фелморель посреди ночи.

Фонарь приводил в замешательство, хромота причиняла боль, а пика была слишком длинной и тяжелой; старый Бретхимус некоторое время возвращался на свой пост. Он никогда не почувствовал и не услышал холодного, звенящего вихря, который был больше ветром, чем телом, больше тенью, чем присутствием, и который, целенаправленно дрейфуя, стал третьей тенью в тот вечер, вышедшей из двери привратника. Возможно, это было и к лучшему. Когда он прислонил пiku обратно к стене, ее наверху отвалилось. Это была старая пика, и она видела достаточно волнений для одного вечера.

* * * * *

Ферма Торнтлара занимала шесть холмов и требовала много пахоты. На рассвете Хабертус Илинкер потирал ноющую спину и копался в каменистой почве последнего холма — того, что примыкал к лесу, где рыскали волки, и который простирался до самого Фелмореля. Как и каждое утро, Хабертус бросил взгляд в сторону замка Фелморель, хотя тот был слишком далеко, чтобы его можно было разглядеть, и приветственно кивнул своему старшему брату Бретхимусу.

— Ты счастливчик, — сказал он своему отсутствующему брату, как делал каждое утро. — Живешь там с этим огромным винным погребом под боком и леди в шелках, которая тобой командует.

Он плюнул на руки и снова поднял мотыгу как раз вовремя, чтобы увидеть несколько случайных бликов в воздухе, которые подсказали ему, что приближается что-то странное. Или, скорее, проходит мимо. Невидимое, звенящее присутствие вырвалось из-за деревьев и пересекло поле, кружась, как туман или тень, но все же странно неуловимое — потому что никакой тени не было видно, если смотреть прямо. Хабертус наблюдал, как оно начало проползать мимо, поджал губы, а затем, охваченный любопытством, ударил ее мотыгой.

Реакция последовала незамедлительно. В воздухе, там, где лезвие мотыги прошло сквозь ветер, сверкнуло, со всех сторон раздался громкий звон, затем призрачный ветер захлестнул Хабертуса, завывая вокруг него, как гончая, приближающаяся к добыче. У него даже не было времени удивленно хмыкнуть. Когда продуваемый ветром скелет рассыпался в пыль, вихрь поднялся с еще одним тихим звоном колокольчиков и двинулся дальше через ферму Торнтлара. Вслед за ним на землю рядом с двумя пустыми ботинками упала потрепанная мотыга. Один из них упал, и все, что осталось от Хабертуса Илинкера, выпало и унеслось прочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ОЛЕНЬИ РОГА И ТЕНИ

Мне интересно: монстры выглядят иначе изнутри?

*Читта Хотемер
из **Размышлений Бесстыдного Дворянина**,
опубликованных в Год Принца*

Глаза фермера потемнели от подозрительности и запали от усталости. Вилы в его руках, однако, очень уверенно были направлены в глаза Ванлорна и двигалась всякий раз, когда это делал одинокий путешественник, держа угрозу на прицеле. Когда фермер наконец нарушил долгое, напряженное молчание, последовавшее за вопросом путешественника, он сказал:

— Ты можешь найти Повелительницу Теней где-нибудь за следующим холмом, — в конце фразы оратор многозначительно сплюнул в грязь между ними. — Ее земли начинаются там, по крайней мере. Я не хочу знать, почему ты *захотел* встретиться с ней — а еще я не хочу, чтобы ты продолжал стоять здесь, на *моей* земле. Тащи свои сапоги отсюда и себя не забудь!

Финт вилами подчеркнул слова мужчины. Ванлорн приподнял бровь, сухо ответил «Прими мою благодарность» и без спешки и промедления потащил свои сапоги отсюда. Ему не нужно было оглядываться, чтобы знать, что фермер наблюдал за ним всю дорогу с вершины холма. Он чувствовал, что глаза мужчины сверлят его спину как два обнаженных кинжала. Он не оглядывался назад и когда переваливал через хребет — а в стране беззакония ни один разумный путешественник не стоит долго на вершине какой-либо высоты, видимой издалека. Глаза, достаточно бдительные, чтобы следить за незнакомцами, редко бывают дружелюбными. Когда он рысью спускался по заросшему папоротником склону холма, началом земель Повелительницы, он на мгновение подумал о том, чтобы стать соколом или, возможно, крадущимся зверем... Но нет, если эта Повелительница Теней была бдительной и зоркой, раскрыть свои магические способности с самого начала было бы верхом глупости.

Не то чтобы Ванлорн, долгие годы известный под именем Эльминстера, слишком заботился о том, чтобы его не считали дураком. Было немного поздно для этого, криво усмехнулся он, учитывая дорогу, которую он выбрал в жизни — включая тайный отъезд из замка Фелморель не так давно. Мистра превращала его в оружие или, по крайней мере, в инструмент... И процессе ковке, который он видел, этот град ударов молотка выглядел тяжеловатым.

И кто это давным-давно сказал «Задача кует работника»?

Было бы намного проще просто делать то, что ему нравится, используя магию для личной выгоды и не заботясь о последствиях или судьбах других. Он мог бы счастливо править страной своего рождения, произнося — как делал не один маг, с

которым он встречался — случайные пустые молитвы богине магии, которая ничего для него не значила.

Была одна вещь, которую дал ему его выбор: долгая жизнь. Достаточно долгая, чтобы пережить всех до единого друзей и соседей его юности, каждого коллегу по ранним приключениям, магическим работам и веселью в Миф Дранноре... и каждого друга и любовницу в этом чудесном городе тоже, одного за другим.

Губы Эльминстера скривились в горечи, когда вспомнившиеся лица, смех и ласки пронесли мимо его мысленного взора, одно, будь прокляты боги, за другим... И с ними планы, мечты, взволнованно обсуждаемые и благонамеренные, которые улетучиваются и исчезают как утренний туман при ярком солнечном свете и в конце концов ни к чему не приводят. Так много в конце концов ни к чему не привело... Как и деревня перед ним, казалось. Его приветствовали провалившиеся крыши, заросшие сады и тропинки, и тут и там почерневшая труба вонзалась в небо как темный и потрепанный кинжал, отмечая, где стоял дом до того, как начался пожар, или заросший виноградом горб, который когда-то был каменной стеной или живой изгородью между полями. Что-то, что могло быть волком или, возможно, другим хищником, выскользнуло из одного разрушенного дома, когда Эльминстер приблизился. В остальном деревня Хаммершоу казалась совершенно безлюдной. Не это ли имел в виду лорд Эсбре, говоря, что Повелительница Теней стремится «навязать свою волю» на этих землях? Неужели каждое такое место впереди него будет пустынным? Что случилось со всеми людьми, которые жили здесь?

Несколько шагов спустя он получил мрачный ответ. Что-то тусклое и желто-серое хрустнуло под его сапогами. Как оказалось, не камень, а кусок черепа... вернее, теперь несколько кусков. Он отвернулся и мрачно зашагал дальше. Еще один шаг, еще один треск; на этот раз длинная кость. И один, и четвертый... он шел по мертвецам. Обглоданные человеческие кости были разбросаны повсюду в Хаммершоу. То, что он принял за рухнувшие перила на маленьком бревенчатом мосту через извилистый ручей, на самом деле было клубком скелетов, чьи руки свисали почти до воды. Эл пригляделся, увидел по меньшей мере восемь черепов, вздохнул и поплелся дальше, оглядываясь по сторонам среди накренившихся повозок и дворовых ворот, быстро исчезающих под кустами ежевики и ползучей высокой травой, которая уже заняла дворы за ними.

Теперь в Хаммершоу пребывали только мертвецы. Эл заглянул в один дом, просто чтобы посмотреть, не уцелело ли что-нибудь интересное, и был вознагражден коротким взглядом на осевший человеческий скелет на каменном стуле. Пятнистые витки пробудившейся змеи скользили между костями, когда змея по спирали поднималась, чтобы свернуться кольцом на верхушке стула. Она искала высоту, чтобы лучше нанести удар по незваному гостю. Когда её шипение стало громче в разоренной комнате, Эльминстер решил не оставаться, чтобы изучить точность и длину броска змеи.

Дорога за Хаммершоу выглядела такой же заросшей, как и деревня. Одиноким стервятник кружил высоко в небе, наблюдая, как нарушитель пересекает исчезающий путь через холмистые земли к Дриндену.

Дринден был городом, славившимся мельницей и оживленным рынком, если можно было доверять воспоминаниям еще бодрых стариков. И все же эта некогда

шумная деревушка теперь превратилась в очередные развалины, такие же пустынные, как и первая деревня. Эл стоял на центральном перекрестке и мрачно смотрел на небо, которое медленно серело от рваных, похожих на дым грозовых облаков. Затем он пожал плечами и пошел дальше. Пока бумага и компоненты остаются сухими, какое значение имеет небольшой дождь? Однако дождя не было, когда Эл направился на северо-запад, вверх по крутому склону, огибавшему чахлый лес, который когда-то был фруктовым садом. Небо начало становиться молочно-белым, но земля оставалась пустынной.

Ему сказали, что Повелительница Теней ездила по этим землям в компании рыцарей тьмы, и ему следовало бы опасаться их жаждущих клинков, готовности к предательству и жестокого пренебрежения к сдаче или соглашениям. И все же, когда он шел в сердце владений Повелительницы Теней, он был, казалось, совершенно одинок в пустынном царстве. Не раздавалось ни стука копыт, ни труб, и никто не грохотал по дороге, чтобы бросить вызов мужчине, идущему с седельной сумкой, перекинутой через плечо.

Было уже поздно, и небо только что прояснилось, открыв великолепный закат, похожий на расплавленные монеты, мерцающие в янтарном небе, когда Эльминстер достиг долины, в которой находился город Рингил Трессета, когда-то и, возможно, до сих пор дом Повелительницы Теней. Он обнаружил, что это тоже были заброшенные развалины, по которым бродили звери. Сорок или более зданий, на его первый взгляд с высоты, все еще стояли среди деревьев, которые в конце концов разорвут их все на части. Среди скопления руин виднелись рушащиеся стены замка, которые могли служить логовом чему-то крылатому и опасному. Эл взглянул в них, пока янтарное небо превращалось в рубиновое море, а над головой начали появляться звезды. Давно умерший Трессет был очень успешным разбойником, который попробовал свои силы в управлении и построил замок со стройными шпилями — Рингил — здесь, чтобы закрепить свое крошечное королевство. Трессардон пал через несколько дней после своей смерти.

Губы Эльминстера криво изогнулись. Было бы актом в высшей степени высокомерного самомнения пытаться извлечь урок или послание для себя из такой местной истории. Более того, отсюда, по крайней мере, он не мог разглядеть в стенах разрушенного замка никаких ворот сделанных из паутины, подобных тем, что были в его сне. Могло потребоваться несколько дней, чтобы исследовать все, что осталось от города — при условии, конечно, что здесь не жило ничего, что хотело бы съесть его или прогнать раньше, чем он это сделал. Однако ничто из того, что он мог видеть, кроме самого Рингила, было достаточно высоким или величественным, чтобы содержать ворота из его сна. Или, по крайней мере, напомнил он себе со вздохом, так это выглядело отсюда.

У него было время только на одну вылазку до наступления настоящей ночи, и к этому времени, вероятно, было бы разумнее всего находиться в другом месте... возможно, на одной из тех травянистых вершин холмов вдалеке, за разрушенным и заросшим городом. Мудрый человек разбил бы там лагерь прямо сейчас, а не карабкался вниз по склону из рыхлых камней — и человеческих костей — чтобы быстро осмотреться, прежде чем наступит ночь. Но тогда Эльминстер Омар еще несколько столетий не собирался становиться мудрецом... Тени были уже длинными

и фиолетовыми к тому времени, когда Эльминстер достиг дна долины. Трава высотой по бедра скрывала то, что когда-то было главной дорогой через город, и Эл спокойно вошел в нее. Темные, зияющие дома стояли по обе стороны, как черепа сидящих гигантов, когда он тихо шел вперед, подметая траву из стороны в сторону посохом, который он срезал ранее, чтобы не давать змеям нападать и обнаруживать любые препятствия, прежде чем его ноги или голени сделают свои собственные, более болезненные открытия.

Ночь быстро спускалась, пока Эльминстер шел через сердце пустынного Рингила. Напряженная, тяжелая тишина, казалось, жила в его сердце. Повисшая, выжидающая тишина, которая поглощала эхо, как густой туман. Эл осторожно, но твердо постучал посохом по камню. Он слышал скрежещущий глухой звук каждого удара, но никакого ответного эха не доносилось от стен, которые теперь сомкнулись вокруг. Дважды он замечал движение краем глаза, но когда оборачивался, то не видел ничего, кроме деревьев и осыпающихся каменных стен.

Он был уверен, что здесь обитало или скрывалось что-то настороженное. Сумерки уже пробирались в промежутки между зданиями без крыш и в заросли, где густо вплетены были деревья, виноградные лозы и колючие кусты. Эл двинулся дальше более быстрым шагом, высматривая только стены, достаточно высокие, чтобы удержать сделанные из паутины врата из его сна. Он не нашел ничего такого высокого... кроме самого Рингила. Обглоданные кости, по большей части коричневые и достаточно хрупкие, чтобы трескаться и крошиться под ногами, были в изобилии разбросаны по заросшей травой улице. Человеческие кости, конечно. Они расстилались в изобилии, образуя почти ковер перед расколотыми стенами замка. Эльминстер осторожно продвигался вперед, переворачивая кости своим посохом и обращая не одну каменную гадюку в быстрое, похожее на ленту отступление. Теперь вокруг него сгущалась тьма, но ему пришлось заглянуть в один из этих проемов в стене, вдруг...

То, что разорвало целые секции стены толщиной с дом и высотой с двадцать человек, все еще находилось внутри и ждало.

Что ж, возможно, не стоит быть *настолько* драматичным. Эл слабо улыбнулся. Это слабость архимагов — думать, что судьба Торила лежит на их ладони или зависит от любого их движения и высказывания. Врат, сделанных из паутины, было бы достаточно для его нынешних нужд. Он смотрел в часовню или, по крайней мере, в зал с высоким сводчатым потолком, который был нетронут и раскрашен так, чтобы напоминать множество деревьев с позолоченными плодами на ветвях, хотя часть этого покрытия свисала пластами. Все это висело над некогда полированным полом, в котором волнистые полосы малахита были переплетены между полосами кварца или мрамора — полом, теперь покрытым пылью, упавшим каменным щебнем, птичьими гнездами и крошечными костями их погибших создателей, и менее понятным мусором. В зале было очень темно. Эл считал благоразумным не вызывать никакого света, но он едва ли мог не заметить в дальней стене огромный овал черного камня, обращенный к нему. Сверкающий белый кварц был вставлен в ту стену, образуя круг из множества звезд — четырнадцати или дюжины близнецов неправильной формы, ни одна из которых не была звездой Мистры с длинными прядями — и в центре этого круга на стене

выделялась резьба шириной с вытянутые руки Эльминстера: скульптурная пара женских губ. Они были закрыты, слегка изогнуты в загадочной улыбке, и у Эла возникло гложущее чувство, что он видел их или что-то очень похожее на них раньше. Возможно, это были говорящие уста, заколдованный оракул, который мог бы сказать ему больше — если бы он вообще мог расшифровать его слова или понять послание, не предназначенное для него. Возможно, это было что-то менее дружелюбное. Что ж, такие расследования могут подождать до полного рассвета. Давно пришло время покинуть Рингил Трессета и его бдительные тени. Эл попятился из зияющих руин, не увидел ничего, что бросилось бы на него из темноты, и с большей поспешностью, чем с достоинством, направился к холмам. Высоты на дальней стороне Рингила еще не были освещены лунным светом, но сверкающие звезды отбрасывали достаточно света, чтобы казалось, что их травянистые склоны светятся. Эл несколько раз оглядывался назад во время своего решительного марша из города, но ничто, казалось, не двигалось и не преследовало его, и множество глаз, которые смотрели на него из темноты, были не больше, чем у крыс. Возможно, в конце концов, у него будет время хоть немного поспать. Вершина холма, которую он выбрал, была маленькой и голой, если не считать вездесущей высокой травы. Он прошел по небольшому кругу, затем открыл свой рюкзак, достал матерчатую сумку, полную кинжалов, которые вспыхнули, ярким штормовым синим. Сияние словно вытекало из них, капало и танцевало на земле. Эл вернулся по своим следам вокруг кольца. Время от времени он вонзал кинжал по рукоятку в землю и бормотал что-то подозрительно похожее на старую и довольно непристойную танцевальную песенку. Когда кольцо было завершено, аталантарец вернулся вдоль него и вбил второе кольцо кинжалов, направляя каждое из этих дополнительных лезвий в дерн с внутренней стороны кольца так, чтобы его лезвие касалось вертикальной стали уже заземленного кинжала. Он протянул руку с растопыренными пальцами ладонью вниз, произнес над ними одно-единственное мягкое слово, завернулся в плащ и лег спать.

* * * * *

— Что, скажите на милость, вы читаете?

Лысеющий бородатый маг отставил в сторону кубок, содержимое которого пенилось и пузырилось, неторопливо посмотрел поверх очков, поднял одну бровь в стильном медленном темпе и ответил:

— Пьесу... своего рода.

Молодой волшебник, стоявший над ним — более роскошно одетый и все еще сохранивший часть своих собственных волос, моргнул.

— «Пьесу», Бераст? И «своего рода»? Не малоизвестную книгу заклинаний или один из толстенных гримуаров Набретера?

Табараст Три Пропетые Проклятия снова посмотрел поверх очков, на этот раз более сурово.

— Вы поняли меня правильно, дорогой Друн, — сказал он. — В настоящее время я погружен в пьесу «Бурный рыцарь, или Наглый мясник». Мощная вещь.

— И кровавая, — ответил Белдрун Согнутый Палец, сметая в сторону неопрятную стопку книг, которая почти похоронила стул с высокой спинкой, и прочно усаживаясь в него, прежде чем тот успел заскрипеть от своей внезапной свободы. Грохот томов, последовавший за этим, был впечатляющим как по шуму, сотрясшему комнату, так и по количеству поднятой пыли. Он почти заглушил два последовавших меньших раската грома, первый из которых был вызван расчисткой скамеечки для ног от его собственной башни томов с помощью пары сильных пинков, а второй — обрушением обеих задних ножек старого кресла.

Когда Белдрун резко провалился ниже среди разбросанной литературы, Табараст прикрыл рукой от пыли свой кубок и спросил сквозь клубящееся облако танцующих пылинок:

— Вы *совсем* закончили? Это начинает утомлять.

Белдрун издал звук, который некоторые сочли бы грубым, а другие — впечатляющим, и, развивая этот ответ, произнес:

— Мой дорогой друг, это... это растущее великолепие литературного хаоса — *мое* достижение? Я думаю, что нет. На всем этом этаже не осталось ни одного стула или стола, которые не охраняли бы свою собственную постоянно растущую крепость магических знаний по вашей воле, и...

Табараст издал звук, похожий на череп змеи, раздавленный нетерпеливым каблуком сапога.

— Мое воле? Теперь вы отрицаете, что вокруг нас царит такой беспорядок? Я могу опровергнуть любые утверждения об обратном, если у вас есть свободный день или два.

— Значит ли это, что я соображаю так медленно, или слова так медленно и с трудом слетают с ваших губ, что... а, неважно. Я пришел не для того, чтобы весь вечер перебрасываться яркими фразами, а для того, чтобы немного развеять одинокое оцепенение, немного поговорив.

— Вступление, которое я слышал раньше, — сухо заметил Табараст. — Выпейте глоток чего-нибудь.

Он нажал на рычаг, который заставил знакомый шкаф подняться с пола и встать между ними, а затем слушал, как Белдрун набрасывается на его содержимое с другой стороны, не прерываясь на долгие речи. Юный Друн, должно быть, *очень* хотел пить.

— Что ж... или два, — поправил он свое предложение. Звуки глотания продолжались. Табараст открыл рот, чтобы что-то сказать, вспомнил, что определенная тема по обоюдному согласию запрещена, и снова закрыл его. Затем ему пришла в голову другая мысль.

— Вы когда-нибудь читали «Бурного рыцаря»? — спросил он у шкафа, решив, что голова Белдруна находится внутри него. Младший волшебник отвлекся от звона, откупоривания и бульканья и выглядел обиженным.

— А как вы полагаете? — спросил он, затем прочистил горло и продекламировал:

«Что это за рыцарь,
что скачет верхом вдали,
облачен в золотые доспехи,
и с пояса капает кровь врагов его ?»

Последовала пауза, затем:

— Однажды я играл это в Амбраре.

— Вы были Бурным рыцарем? — спросил Табараст с явным недоверием. Его маленькие круглые очки сползли с носа в поисках неизвестного направления. — Вторым младшим садовником, — огрызнулся Белдрун, выглядя еще более обиженным. — Мы все должны с чего-то начинать.

Крепко зажав в кулаке большую пыльную бутылку, он выдернул пробку и швырнул ее через плечо, где она с явственным звоном ударилась о Храпящий Щит Анталасситера, отскочила от Потерянного Охотничьего Рога Маврских Дев и упала где-то позади высокой, покрытой пылью горы свитков и книг, которые Табараст считал своим «срочным чтением в данный момент». Он осушил содержимое бутылки одним долгим и громким глотком, от которого у него перехватило дыхание, по лицу потекли слезы, и ему срочно понадобилось что-нибудь повкуснее. Знающий Табараст молча протянул ему миску с жареными халавскими орехами. Белдрун черпал обеими руками, пока миска не опустела, затем виновато улыбнулся, рыгнул и достал свой камень беспокойства из мешочка на шнурке. Поглаживание его гладких, знакомых изгибов, казалось, успокоило его. Откинувшись на спинку стула, он добавил: — Я всегда предпочитал «Бродерика преданого, или Волшебника горестного».

— Это будет моя очередь, — ответил старший маг, с достоинством кивнул и в манере актера на центральной сцене выбросил руку, величественно провозгласив:

«У такого толстого и хваткого мужчины
в руках должны быть ярчайшие из звезд,

Слепя всех нас своим сиянием,

Стирая в изобилии недостатки.

Его огромный призрак, завывая,

Скитается по миру, но всех боле

Алкает оставаться здесь,

В сем одиноком месте, где

Любили боги, убивали люди и а эльфы беспечно забывали».

— Что ж, — сказал Белдрун после небольшого молчания, — не стану отрицать, ваше впечатляющее выступление — ваш обычный параф, и вы превзошли себя! Но, похоже, мы снова вернулись к теме, которую договорились не затрагивать: Скиталец, и что планировала Мистра, создавая Избранного как своего самого уважаемого смертного слугу.

Табараст пожал плечами, задумчиво перебирая длинными тонкими пальцами по прядям своей бороды.

— Люди собирают то, что запрещено, — сказал он. — Всегда так было и будет.

— А маги тем более, — согласился Белдрун. — Интересно, что это говорит нам о тех, кто следует нашей профессии?

Старший маг фыркнул.

— Что на Фазруне еще нет недостатка в остроумных дураках.

— Ха! — Белдрун наклонился вперед, нетерпеливо поглаживая свой великолепный шелковый лацкан между указательным и большим пальцами, на

мгновение забыв о камне беспокойства. — Значит, вы допускаете, что Наша Леди возьмет больше, чем одного Избранного? Наконец-то?

— Я не допускаю ничего подобного, — довольно раздраженно ответил Табараст. — Я вижу череду Избранных, каждый из которых появляется после падения предыдущего, но мне до сих пор не показали никаких свидетельств той дюжины, за которую вы ратуете, и тем более этой Яркой Компании покоряющих звезды, раскалывающих горы архимагов, о которых продолжают болтать некоторые из более романтических магов. В следующий раз они будут умолять Святую Мистру выдать значки за заслуги.

Младший маг провел рукой по своим волнистым каштановым волосам, совершенно испортив прическу, которую из всех сил пыталась сделать камеристка башни, и сказал:

— Я вполне согласен с вами, что такие вещи нелепы — и все же разве не могло бы это использоваться как знак достижения? Встретишь мага, увидишь семь звезд и свиток на его поясе и знаешь о его положении.

— Скорее я узнаю, сколько времени он готов потратить на то, чтобы произвести впечатление на людей и пришить маленькие безделушки к своему нижнему белью, — кисло ответил Табараст. — Сколько бы выскочек-магов добавило несколько незаработанных звезд, чтобы присвоить себе ранг и высокомерно претендовать на власть и достижения, которыми они на самом деле не обладают? Каждый третий из тех, кто умеет шить, вот сколько! Раз уж мы поговорим об этом — об этом молодом любящем эльфов придурке, который, похоже, был принцем и убийцей могущественного Илхундила, а также партнером по постели полусотни стройных эльфийских девушек, то объектом нашего разговора будет не его последнее завоевание или праздное высказывание, а его значение для всех нас. Мне все равно, какой ботинок он надевает первым утром, какой цвет плаща он предпочитает, или предпочитает ли он целовать эльфийские губы или человеческие — согласны ли вы?

— Конечно, — ответил Белдрун, разводя руками. — Но к чему такой жар? Его достижения — как Избранного, любимца самой Богиней, заметьте — не делают ничего, чтобы принизить ваши.

Табараст поправил очки на переносице и пробормотал:

— Я не становлюсь моложе. У меня не осталось лет, чтобы понять, что этот юн... но достаточно. Я больше ничего не скажу. Я прошу разрешения рассказать вам, мой юный друг, кое-что об этом Скитальце, гораздо более важное для нас обоих. Жрецы Мантии, напр...

— Жрецы чего?

— Мантии... Мантия Мистры, храм Нашей Леди в Хараметтуре. Я не думаю, что вы когда-либо были там.

Белдрун покачал головой.

— Я стараюсь избегать храмов Святой Мистры, — сказал он. — Священники, как правило, задирают носы и хотят содрать с меня сундуки, полные золота, за то, что накладывают — с трудом — то, что я могу сделать сам за несколько медяков.

Табараст пренебрежительно махнул рукой и ответил:

— Согласен, согласен, слишком часто... И я сам не переношу их снобизм. Прыщавые юнцы презрительно усмеваются над такими, как я, потому что мы носим настоящие, повседневные, испачканные едой одежды, а не шелка, пояса и золотые подвязки, как повесы, отправившиеся в город жарким вечером. Если бы они действительно служили волшебникам, а не просто охваченным благоговением молодым девушкам, которые «думают, что могли бы наконец почувствовать поцелуй Мистры в полночь в эту последнюю декаду», они бы знали, что все *настоящие* маги выглядят как кучи тряпья, а не модные попугаи!

Белдрун снова выглядел обиженным и указал на свою алую шелковую тунику. От этого жеста она стеклянно заиграла в свете лампы, драконы из золотой ткани на ней заблестели, сверкающие изумруды, которые служили им глазами, подмигнули, а тонкая проволока их языков задрожала.

— И кто же я такой? Не настоящий маг, полагаю?

Табараст устало провел рукой по глазам.

— Нет, нет, добрый Друн — за исключением присутствующих, конечно. Ваше яркое оперение настолько затмевает мои старые глаза, что я уже и не обращаю на это внимания. Давайте не будем ссориться из-за вашей учености или умелого владения магией, потрясающей царства; вы, клянусь всеми богами, "истинный маг", что бы *это*, во имя нежного шепота Мистры, ни значило. Давайте героически воспротивимся искушению уйти в сторонние обсуждения и, если мы касаемся запретного, будем говорить прямо. Так вот: жрецы Мантии говорят, что Скиталец волен действовать самостоятельно — то есть так же совершать плохие поступки, как и мы с вами... Более того, воля Святой Мистры в том, чтобы ему было предоставлено ошибаться, выбирать и быть безрассудным самостоятельно, чтобы «стать тем, кем ему нужно стать». Они хотят, чтобы мы все притворились, что не знаем, кто или что он такое, если нам придется встретиться с ним.

Белдрун подпер подбородок одной рукой, в другой поднял свежий дымящийся кубок.

— Так кем же, по их словам, он должен стать? — спросил он.

— На этом их полезность заканчивается, — фыркнул Табараст. — Когда кто-то спрашивает, они падают на колени и стонут о том, что «недостойны знать» и «цели божественного находятся за пределами понимания всех смертных». И это говорит просто о том, что они еще *сами* не поняли, но заходятся в щенячем восторге «О, он важен! Знаки! Знаки!»

Белдрун сделал большой глоток из своего кубка, проглотил и спросил:

— Какие знаки?

Табараст произнес нараспев тем же звучным сценическим голосом, каким декламировал строки из Бродерика:

— В сей Год Смеха Пылающая Рука Колдовства поднимается над звездным ночным плащом, впервые за столетия! Девять черных трессимов приземлились на спящую южную принцессу Шарандру и родили по четыре котенка каждый у нее на груди! (Не спрашивайте меня, как она проспала *это* или что подумала, когда проснулась!) Ходячая башня Уоргленда впервые за тысячу лет переместилась из Башни Тор в середину близлежащего озера! Говорящая лягушка была найдена в Кэндлките, где также шесть страниц в стольких же книгах оказались пустыми, и

появились две книги, которые никогда раньше не видел ни один фаэрунский ученый! Колодец Костяного Танца в Мараэде иссяк! Скелет лича Буардрима был замечен танцующим в... *тьфу*! Хватит! Они могут продолжать в том же духе часами!

— Колодец пересох?

Табараст окинул Белдруна взглядом.

— Да, — мягко сказал он. — Колодец *действительно* пересох по какой-то причине. Я видел мертвых лошадей в качестве доказательства. Вот так. Любезный Друн, вы не такой затворник, как я, и слышите больше сплетен от наших коллег, какими бы ничтожными или намеренно сфабрикованными они ни были. Поведайте, что говорят маги об этом Скитальце? Что думают современные волшебники?

Настала очередь Белдруна фыркнуть.

— Современные волшебники не думают, — возразил он, — иначе они озаботились бы не давать повода повесить на себя такой ярлык. Но что касается того, что говорят... о нем — меньше, чем ничего. Что наши коллеги услышали от священников, можно свести к большому тайному волнению и гордости за возможность быть названным Избранным Мистры — и тем самым получить всевозможные особые способности и сокровенные знания. Похоже, они рассматривают его как самый эксклюзивный клуб на сегодняшний день, из которого кто-то наверняка пришлет им приглашение со дня на день. Если Мистра выбирает смертных магов в качестве Её личных слуг, наделяя их заклинаниями, достаточно могущественными, чтобы сокрушать горы и читать мысли, каждый маг хочет попасть в эту наипривилегированнейшую касту, при этом не демонстрируя ни малейшего интереса к такому статусу.

Табараст поднял бровь.

— Понимаю. Откуда знать, что я уже не Избранный и читаю ваши мысли прямо сейчас?

Белдрун криво улыбнулся своему другу.

— Если бы вы читали мои мысли, Бераст, — сказал он, — Вы бы уже набросились на меня и покраснели в придачу!

Табараст приподнял и другую бровь.

— О? Стоит ли мне расспрашивать подробнее? — спросил он. — Я подозреваю, что нет, но хотел бы быть готовым, если ваш зарождающийся гнев подстегнет вас выразить его физическим воздействием, которому я должен буду противостоять... Вы же *чувствуете* зарождающийся гнев, не так ли?

— Нет, ни на секунду, — весело ответил Белдрун. — Но все может измениться, если вы продолжите так тщательно охранять этот кувшин с халавскими орехами. Передайте-ка его мне.

Табараст так и сделал, одарив своего коллегу кислым взглядом, и сказал:

— Я высоко ценю эти орехи. Можно даже сказать, что они мне дороги. Будьте умеренны в своем грабеже.

Молодой волшебник криво улыбнулся.

— Я осмелюсь сказать, что все маги совершают свои грабежи, рассматривая — если вообще задумываются — то, что они собираются захватить или уничтожить, как драгоценное. Не так ли?

Табараст выглядел задумчивым.

— Да, — пробормотал он. — Да, все так.

Он приподнял бровь.

— Интересно, многие ли из нас так восхищаются собственной силой, что пытаются захватить или уничтожить все, что посчитают драгоценным? Белдрун зачерпнул пригоршню орехов.

— Большинство из нас сочло бы Избранного драгоценным, не так ли? — спросил он.

Табараст кивнул.

— У Скитальца скоро будет интересная жизнь, — мягко предсказал он, но на его лице не было и следа улыбки. — Налейте мне чего-нибудь.

Белдрун так и сделал.

* * * * *

Взметнулась и сверкнула молния, расколов ночь яркой вспышкой ярости. Эл моргнул и сел. Голубые дуги смертоносной магии прыгали и потрескивали от кинжала к кинжалу вокруг его кольца, и в ночи за его пределами что-то влажно металось — что-то, чего избегали десятки или более гибких, пронырливых существ, которые выглядели как рваные тени, но двигались как охотящиеся кошки. Эльминстер быстро полностью проснулся, оглядываясь вокруг и считая. Удары еще не закончились, и все, что могло пережить такой удар молнии, заслуживало уважения. Дварцатикратного уважения, похоже.. Он сложил свой плащ, перекинул его через ремни седельной сумки на случай, если потребуется поспешное бегство, и встал. Крадущиеся тени двигались вокруг его пробужденного кольца справа налево, ускоряя свой темп для предстоящей атаки. Что-то подгоняло или подстрекало их; что-то, что Эл мог чувствовать как напряжение в воздухе, возрастающее, давяще нечестивое присутствие с силой и яростью грозы, которая вот-вот разразится. Встряхивая руками и шевеля пальцами, чтобы подготовить их к безостановочному чародейству, он вглядывался в ночь, пытаясь разглядеть своего врага. Он чувствовал, когда стоял лицом к нему. Невидимый взгляд пронзал его, как два горячих острия мечей, но он не видел ничего, кроме клубящейся тьмы. Возможно, эта тварь была скрыта в стене крадущихся теней. Возможно, лучше всего было бы вызвать высокую светящуюся сферу, которую люди называют “ведьминым светом”, просто чтобы посмотреть, с чем он столкнулся. И все же у него было только одно такое заклинание. Если его враг бросится в темноту, Эл бы слишком долго моргал и был ослеплен, чтобы уберечь свою жизнь от согласованной атаки множества крадущихся тварей. Должен ли он... И началось. Тени повернулись и двинулись на него со всех сторон в беззвучной атаке колышущейся тьмы.

Его обереги потрескивали и плевались бело-голубым, выплескивая смерть в ночь. Тени напряглись, встали на дыбы и заплясали в агонии среди мечущихся молний. Эл развернулся, чтобы убедиться, что его кольцо выдержало во всех местах этот первоначальный натиск.

Так и было, но теневые звери не отступали. Скуля, пока умирали, уменьшаясь, как дым, перед яростью молнии, пронизывающей их, они царапали, бились в конвульсиях и пытались прорваться через барьер. Эл наблюдал и ждал, а молния

мерцала и тускнела, умирая вместе с существами, которых убивала. Во имя Леди, их было очень много. Пройдет совсем немного времени, прежде чем заклинание полностью разрушится, и он будет один противостоять нападению. У него было одно заклинание телепортации, которое могло вырвать его из этой опасности, да, но только в то место, которое он посетил во время своих странствий, прочь от земель Повелительницы; и кто знал, что предупрежденный враг мог подготовить для его второго визита? То тут, то там его заклинание рушилось, когда умирающие тени превращались в дым. Кинжалы поднимались из земли, их потрескивание и сияние угасали, но они набросились на тени. Они будут летать, жадно преследуя всех за пределами кольца; ему лучше оставаться там, где он был, и надеяться, что они пожнут хороший урожай теневых зверей, прежде чем его невидимый враг попробует что-то еще. Например, собственное заклинание.

Зеленая, с множеством когтей молния родилась в ночи в руке чего-то похожего на человека, с обнаженным телом и оленьей головой. Мгновение оно играло своим заклинанием в хищно длинных пальцах, а затем от бедра швырнуло его в Эльминстера. Завывая и расширяясь по мере приближения, шар волшебной молнии без помехи прорвался сквозь последние клочья его защитного кольца и жадно бросился на аталантарца, который уже бормотал быструю фразу и поднимал руку ладонью вверх в затейливом жесте. Молния ударила и с ревом отскочила, туда, откуда пришла. Эл видел красные глаза, пристально наблюдающие за ним, и чувствовал тяжесть лишенной радости улыбки, которую он не мог видеть, когда фигура просто стояла и позволяла молнии втечь обратно в нее и поглотиться, как будто ее никогда и не было. Поднятая в защите рука Эльминстера замерцала собственным сиянием, затем погасла. Однако его заклинание все еще таилось, ожидая еще одной атаки... или двух, если этот оленеголовый враг нанесет быстрый удар. Последние несколько крадущихся теней бросились к оленеголовому существу и, казалось, потекли вверх и в него. Эл воспользовался моментом неподвижности, чтобы начать собственную атаку, подбросив в воздух кинжал, который его Искусство превратило в тридцать три лезвия. Он обрушил их кружащимся вихрем на своего врага. Рога быстро опустились, когда фигура из теней нырнула прочь, издав то, что могло быть низким рычанием или заклинанием. Существо напряглось и издало высокий, пронзительный крик, который мог бы издать человеческая женщина, получившая нож в спину (ибо Эльминстер слышал такой звук раньше, в городе Хастарл, несколько веков назад), когда лезвия глубоко вонзились в нее. Последовала вспышка высвобожденной магии, пылинки света дождем посыпались на землю, как вода, стекающая со щита воина под проливным дождем, и вращающиеся, колющие клинки внезапно исчезли. Эл воспользовался своим преимуществом. Победа в этой дуэли заклинаний, безусловно, была необходима, если он хотел сохранить свою жизнь — ни один маг, стремящийся к захвату, не бросает молнии, и было бы глупо стоять сложа руки в ожидании следующего заклинания, которым Безмолвные Рога хотел похоронить его здесь.

Он тонко улыбнулся, когда его пальцы прочертили сложный узор, и их кончики засветились, ознаменуя завершение. Много, много из того, что он сделал с того дня, когда дракон с магом-наездником набросился на Хелдон и разрушил его жизнь, можно было рассматривать как поступки дурака.

— Похоже, я дурак, которого подгоняют дураки, — любезно сказал он своему наполовину видимому противнику. — Вы нападаете на всех, кто проходит этим путем, или это личное одолжение?

Единственным ответом ему было громкое шипение. Он счет, что оленеголовый плюнул в него, но не был уверен. Затем его заклинание подействовало с ревом, который на время заглушил все остальные звуки.

Голубое пламя расцвело вокруг черных, похожих на лапки паука пальцев и на рогах за ними. На этот раз крики раздались всерьез. Эл рискнул оглядеться вокруг на случай, если к нему подбирается затаившаяся тень, и поэтому, оглянувшись через плечо, избежал ослепления, когда контрзаклятие прожгло ночь.

Оно поглотило его защиту в одно мгновение, заставив отшатнуться назад в дыму разрушенных заклинаний. Жар обжег его левую щеку, он услышал, как зашипели волосы, а слезы затуманили левый глаз.

Тихо и осторожно, превозмогая боль, Эльминстер произнес ожидающее слово, которое пробудило окончательный эффект заклинания, которое он уже произнес, и голубое пламя, окутавшее конечности его врага, вспыхнуло точной копией того, что только что поразило его. Вопль, расколовший ночь, был грубым и захлебывающимся, рожденным настоящей агонией. Эл мельком увидел рога, мечущиеся взад и вперед, прежде чем пламя погасло, и услышал хриплое дыхание, удаляющееся на восток, среди свиста и треска вытаптываемых трав. Что-то большое упало в траву по крайней мере дважды. Когда наконец наступила тишина, Эл сделал три быстрых шага на запад и присел, внимательно вслушиваясь в ночь.

Ничего. Он слышал, как шевелится на ветру высокая трава, и слабый крик какого-то маленького дикого существа, умирающего в челюстях другого, далеко на юге. Наконец Эл устало вытащил последний заколдованный кинжал, который у него был, — тот, который только и делал, что светился по команде, — и бросил его в том направлении, откуда доносились звуки, чтобы нанести удар и осветить ночь. Он старался не приближаться к его сиянию слишком близко и не слишком подниматься над травой... Но ничто не двигалось, и ни заклинание, ни крадущаяся тень не выпрыгивали из ночи. Когда он посмотрел туда, куда падал свет кинжала, все, что можно было увидеть, это разбитая тропа, ведущая немного дальше к беспорядочной куче крошащихся и дымящихся костей, или рогов... или, возможно, просто ветвей. Что-то превратилось в пепел, когда он подошел ближе; что-то, очень похожее на длинную руку с тонкими пальцами.

* * * * *

Свисающие полосы краски задрожали, упали, и за ними с энтузиазмом последовал сам сводчатый потолок, встретившись с полом внизу с оглушительным, поднимающим пыль грохотом. Вслед за этим весь Рингил затрясся. Позолоченные фрукты разлетелись вдребезги, когда стена, на которой они были нарисованы, разлетелась на части, расколов темный овал и выплюнув сверкающие звезды в ночь. Скульптурные каменные губы задрожали, словно не решаясь заговорить, на мгновение, казалось, улыбнулись еще шире, а затем распались на множество осколков, когда расширяющаяся трещина достигла их и выплюнула каменные

осколки, которые покатались и разбились по дрожащему залу. Губы опрокинулись, вздохнули в забвении и оставили зияющую дыру в стене там, где они были. Отголоски ярости земли, вызвавшей этот раскол, прокатились дальше... и из дыры в стене, обрамленной несколькими уцелевшими звездами, появилось что-то длинное, черное и массивное. С нарастающим скрежещущим ревом оно накренилось на каменных обломках и с грохотом вылетело в комнату: черный катафалк, чьи поднятые электрумовые руки несколько впечатляющих мгновений держали гроб и несколько скипетров, прежде чем опрокинуться на бок и врезаться в пол. Осколки плитки пола взлетели в воздух, преследуемые пурпурной молнией, которая вылетела из расколотого гроба. Электрумовые руки, разбитые и скрученные при падении, растаяли, когда разбитые скипетры в их руках исчезли в их собственном маленьком бурлящем магическом пламени. Одна рука выронила неповрежденный скипетр на покрытую пылью мостовую за мгновение до того, как слабеющая защитная магия замерцала по всей длине гроба, зависла в тишине на долгий напряженный момент и затем распалась в небольшом, но резком взрыве, который превратил гроб, катафалк и все остальное в темную пыль и расшвырял во все стороны. Посреди хаоса скипетр на полу издал свой собственный тихий вздох и рухнул в аккуратный контур мягко мерцающей пыли.

Тишина воцарилась в расколоте зале, и все было тихо, если не считать падающей пыли. Вскоре после этого звездный свет усилился над Рингилом Трессета, пока не стало ясно видно, как с звездного неба в сердце расколотого зала спускается сине-белое сияние, плавное, как очень большой, яркий и целенаправленный блуждающий огонек. Свет мягко остановился на расстоянии примерно ладони от пола и на мгновение повис над пылью, оставшейся от скипетра, — пылью, которая мигала и мерцала, как раздутые угли, от его близости. Была вспышка, слабый звук, как будто очень далекие колокола ударили наугад, и пыль снова превратилась в скипетр — гладкий и новый, блестящий, мерцающий накопленной силой.

Женская рука с длинными пальцами внезапно появилась из пустоты, словно из-за раздвинутого занавеса, схватила скипетр и подняла его. Тот вспыхнул один раз, как мигающая звезда. Словно в ответ на это, кроме руки цвета слоновой кости, показалось обнаженное плечо, которое повернулось, позволив блестящему потоку темных волос каскадом упасть на него, и шея, ухо, линия челюсти — затем красивое, тонкое лицо. Холодным было ее лицо, безмятежное и гордое, когда она повела темными глазами, чтобы оглядеть разрушенный зал. Рассеянные кварцевые звезды светились, словно в знак приветствия, когда остальная часть тела появлялась или исчезала в поле зрения, двигаясь с бесстрашной, беззаботной грацией, чтобы осмотреть разрушенный зал. Красивая темноглазая волшебница воздела свой скипетр, как воин, салютующий клинком в знак победы, и улыбнулась. Скипетр вспыхнул и исчез вместе с колдуньей, оставив после себя внезапную тьму, и только три огонька мерцали в этом мраке: рассеянные кварцевые звезды. По мере того как тянулись долгие мгновения, эти слабые огоньки гасли один за другим, пока в Рингиле Трессета снова не воцарилась безжизненная тьма.

* * * * *

— Святая Леди, — сказал Эльминстер звездам, стоя на коленях в том, что когда-то было его кольцом кинжалов. На нем все еще блестел пот после битвы заклинаний, — Я пришел сюда и сражался — возможно, убил — по твоему приказу. Направь меня, молю.

Поднялся легкий ветерок и зашевелил траву. Эл наблюдал за этим, задаваясь вопросом, был ли это знак, или что-то злое, что пробудили его слова, или просто безразличный ветер, и продолжил:

— Я осмелился прикоснуться к тебе и жажду сделать это снова. Я поклялся служить тебе и буду служить, если ты все еще будешь со мной, но, прошу тебя, покажи мне, что я должен делать в этих призрачных землях... ибо я не хотел бы ошибаться, причиняя вред по неведению. Я испытываю ужас от незнания.

Ответ последовал незамедлительно. Что-то бело-голубое, казалось, щелкнуло и закружилось у него перед глазами, разворачиваясь, чтобы показать сцену в ее дымных трещинах: Эльминстер, здесь и сейчас, поднимается с колен, берет рюкзак и плащ и с некоторой поспешностью уходит на север и восток... Видение закружилось и показало дневной свет, падающий на старую, приземистую, неопрятную каменную башню, которая казалась скорее конусом или насыпью, чем высоким цилиндром. В большой арке находилась старая, прочная деревянная дверь, через которую можно было войти, без какого-либо рва или защитных сооружений, и на этой арке была изображена резная последовательность фаз Луны. Эльминстер никогда не видел этого раньше, но видение было достаточно ясным. Даже когда оно исчезло, он наклонился, чтобы взять свои вещи, и зашагал. Больше никаких видений к нему не приходило. Он кивнул, поблагодарил ночь и отправился в путь.

* * * * *

И трех холмов не было за спиной последнего принца Аталантара, когда холодный, звенящий ветер закружился и заплясал в Рингиле, как летающая ледяная змея, и поднялся по травянистым склонам туда, где было кольцо Эльминстера. Отпрянув от этого места, испуганный сгусток холодного звездного света изогнулся и закружился в ночном воздухе, затем медленно двинулся, чтобы проследить очертания оберегов, которые теперь исчезли. Завершая круг, ветер довольно нерешительно запрыгнул в его центр, некоторое время танцевал и кружился над тем местом, где Эльминстер преклонил колени, чтобы помолиться, а затем очень медленно поплыл по тому пути, по которому ноги Эла несли его. Он поднялся и один раз мигнул на ходу, как будто оглядываясь вокруг. Жадно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОДНАЖДЫ УТРОМ В БАШНЕ ЛУННОГО РОГА

Маг может посещать множество миров и времен, открывая нужные книги. К сожалению, вместо этого они обычно открывают тома заклинаний в поисках оружия, чтобы подчинить свой собственный мир и время.

*Кладдарт из Кэндлкипа
из **Того, что я наблюдал**,
опубликовано примерно в Год Волны*

Башня поднималась из рассветного тумана, темная, старая и бесформенная, больше похожая на гигантский, покрытый множеством трещин пень. Не выпавшийся и спотыкающийся человек уже, вероятно, в сотый раз молча проклял приказ Мистры не использовать ненужную магию и поморщился от волдырей, которые появились у него на ногах. Это был долгий и утомительный путь из земель Повелительницы Теней.

Да, вот она: Башня Лунного Рога, как и показало ему Ее видение. Рельефно вырезанные фазы луны проходили вокруг потертой каменной арки, обрамлявшей ее массивную черную дверь с множеством ремней и засовов. Когда он приблизился, эта дверь открылась, и оттуда вышел зевающий мужчина, прошаркал недалеко от башни и вылил ночной горшок в канаву или выгребную яму где-то в высокой траве. Когда опустошивший горшок выпрямился, Эл увидел, что мужчина был средних лет с волосами цвета воронова крыла, приятной внешностью. Его лицо обрамляли острые как бритва бакенбарды, один глаз был нормальным глубоким карим глазом, а другой сверкал, как далекая звезда, белый и сияющий. Он увидел Эльминстера и на мгновение застыл в настороженном удивлении, прежде чем шагнуть обратно к проходу через открытую дверь.

— Рад встрече, — сказал он нарочито нейтральным тоном. — Да будет известно, что я Мардаспер, хранитель этого храма Святой Мистры. У тебя здесь дело, путешественник?

Эльминстер слишком устал, чтобы выдумывать остроумную реплику, но он с некоторым удовлетворением отметил, что утренний солнечный свет, коснувшийся башни, соответствует видению, дарованному ему прошлой ночью... или рано утром... неважно.

— Да, — просто ответил он.

— Ты считаешь Святую Мистру, Владычицу Всех Тайн?

Эльминстер улыбнулся при мысли о том, как был бы потрясен этот Мардаспер, если бы узнал, насколько глубоко некий измученный маг почитал Мистру.

— Я почитаю — снова сказал он. Мардаспер бросил на него суровый взгляд пылающим глазом, устремленный на аталантнца с ястребиным носом, и сделал

руками крошечный жест, который, как знал Эл, был заклинанием, распознающим правду.

— Все, кто входит сюда, — сказал страж, жестикулируя ночным горшком, как будто это был скипетр власти, — должны полностью повиноваться мне и не творить непрошеную магию. Любой, кто заберет или повредит даже самую маленькую вещь из этих стен, лишится своей жизни или, по крайней мере, свободы. Ты можешь отдохнуть внутри и взять воды из источника, но никакой еды или чего-либо еще не предусмотрено — и ты должен назвать мне свое имя и отдать все магические писания и зачарованные предметы, которые ты носишь, независимо от того, насколько они малы или безвредны. Они будут возвращены, когда ты будешь уходить.

— Я согласен со всем этим, — сказал ему Эл. Меня зовут Эльминстер Омар. Вот моя книга заклинаний и единственный волшебный предмет, который я ношу с собой: кинжал, который можно заставить светиться так, как хочется, ярко или тускло. Он также может очищать воду и съестные припасы, к которым прикасается, и защищен от ржавчины; я не знаю никаких других его сил.

— Это все? — потребовал страж с огненным глазом, пристально глядя в лицо Эльминстера, когда принял книгу и кинжал в ножнах. — А «Эльминстер» — это твое настоящее и обычное имя?

— Это все, и да, меня зовут Эльминстер, — ответил аталантарец. Мардаспер жестом пригласил его войти, и они прошли в небольшую комнату, темную после яркого солнечного света, в которой стояла кафедра и было много пыли. Хранитель записал имя Эльминстера и дату в том размере с некоторые двери, которые Эл доводилось видеть, и махнул рукой на одну из трех закрытых дверей за кафедрой. — Эта лестница ведет на верхние этажи, где хранятся писания, которые ты, несомненно, ищешь.

Эл склонил голову и устало ответил:

— Прими мою благодарность. Писания, которые я, несомненно, ищу? — он задумался. — Что ж, возможно, и так....

Он повернулся, положив руку на дверное кольцо, и спросил:

— Зачем еще магу приходить в Башню Лунного Рога?

Голова Мардаспера оторвалась от тома, и его здоровый глаз удивленно моргнул. Другой, как заметила Эл, никогда не закрывался.

— Я не знаю, — сказал страж почти смущенно. — Здесь больше ничего нет.

— Зачем ты пришел сюда? — мягко спросил Эл.

Хранитель некоторое время молча смотрел ему в глаза, а затем ответил:

— Если мое управление здесь будет верным и прилежным в течение четырех лет — два года уже позади — жрецы Мистры пообещали снять с меня чары, которые я не могу разрушить.

Он указал на свой пристальный взгляд и многозначительно добавил:

— Как я получил его, это личное дело. Не спрашивай больше об этом, иначе мое гостеприимство иссякнет.

Эл кивнул и открыл дверь. Зондирующая магия пела и гудела вокруг него мгновение. Затем темнота за дверью превратилась в сжимающуюся, отступающую паутину, которая растаяла, открыв исхоженную каменную лестницу, ведущую

наверх. Когда последний принц Аталантара положил руку на перила, в гладком камне прямо над его рукой, казалось, появился глаз и подмигнул ему... но, возможно, это было просто его утомленное воображение. Он продолжил подниматься по лестнице.

* * * * *

— За работу!

Лысеющий бородатый маг в заляпанной и залатанной мантии поднял ставень и прочно установил его опорную планку в гнездо, позволяя солнечному свету проникнуть в комнату.

— Хорошо, Бераст, — согласился младший волшебник, оборачивая руки тряпкой, чтобы с них не попала пыль, прежде чем взяться за следующую опорную перекладину, — за работу. Нам многое предстоит сделать, определенно.

Табараст Три Пропетые Проклятия слегка сурово посмотрел поверх очков и сказал:

— В последний раз, когда вы произносили такие восторженные слова, дорогой Друн, ты провел весь день с какой-то нетерезской *детской* игрушкой с колокольчиком, пытаясь заставить ее катиться самой по себе!

— Как и было задумано, — ответил Белдрун Согнутый Палец, выглядя обиженным. — Разве не затем мы трудимся здесь, Бераст? Разве восстановление и осмысление обрывков древней магии не является возвышенным призванием? Разве сама Святая Мистра не улыбается нам время от времени?

— Да, да, и да, — пренебрежительно сказал Табараст, отмахиваясь от аргумента как от объедков с пиршественного стола трехдневной давности. — Хотя я сильно сомневаюсь, что она была впечатлена неудачной попыткой воскресить игрушку.

Он поднял последнюю опорную планку.

— И все же, закончим с этим пустяком и давайте вспомним вместе.

Он вставил планку в гнездо, хлопнул по ней и повернулся к огромному неровному столу, который занимал большую часть комнаты, в нескольких местах почти касаясь массивных забитых книжных полок, расположенных вдоль стен. Шестьдесят или более неопрятных стопок томов возвышались тут и там из ковра свитков, обрывков старого пергамента и более поздних заметок, которые полностью покрывали стол. Местами записи были в три слоя глубиной. Бумаги были прижимал пестрый ассортимент драгоценных камней, богато украшенных и состаренных колец, обрывков причудливо изогнутой проволоки или кованого металла, которые когда-то были частями более крупных предметов, черепов со свечами и более странных вещей. Два мага вытянули руки над страницами и медленно двигали ими по кругу, как будто покалывание в кончиках пальцев могло найти текст, который они искали. Табараст медленно произнес:

— Кордорлар, пишуший в последние дни Нетерила... эксперименты с драконьей кровью...

Его рука метнулась, чтобы схватить определенный пергамент.

— Здесь!

Белдрун, нахмурившись, сказал:

— Я отслеживал магию огненного шара с тройным замедленным взрывом, которую, как утверждал какой-то бездельник по имени Олберт, создал, объединив более ранние магии Лаббартана, Илиймбрима Шарнулта и... и... проклятье, забыл имя.

Он поднял глаза.

— Так что за эксперименты с драконьей кровью? Помешивать это вещество в зелья? Пить его? Поджигать?

— Вводить его в собственную кровь в надежде, что это принесет человеку волшебнику долголетие, увеличит энергию, даст драконий иммунитет или даже полномасштабные драконьи силы, — ответил Табараст. — Различные маги того времени утверждали, что добились успехов во всех этих областях. Не то чтобы кто-то из них выжил или оставил более поздние доказательства, которые подтверждали бы подобные утверждения.

Он вздохнул.

— Мы *должны* попасть в Кэндлкип.

Белдрун хлопнул себя по лбу и сказал:

— Опять? Бераст, я согласен, от всего сердца и каждой просыпающейся частичкой своего мозга. Мы действительно должны иметь возможность просматривать тома в Кэндлкипе — но мы должны делать это свободно, всякий раз, когда вздумается, а не в один визит или набегом. Я почему-то сомневаюсь, что они примут нас в качестве новых со-Хранителей Кэндлкипа, если мы войдем туда и потребуем такого доступа.

Настала очередь Табараста нахмуриться.

— Верно, верно, — сказал он со вздохом. — Поэтому мы должны максимально использовать эти раскопанные обрывки и забытые мелочи.

Он снова вздохнул:

— Какими бы лживыми и неполными они ни были.

Он ткнул в один пожелтевший пергамент почти обвиняющим указательным пальцем, добавив:

— Этот достойный претендент хвастается тем, что *съел* целого дракона, блюдо за блюдом. По его словам, это заняло у него целый сезон, и он нанял лучших поваров того времени, чтобы сделать его вкусным, продав им кости и чешую. Я начал сомневаться в нем, когда он сказал, что это его третий такой дракон, и что он предпочитает мясо красного дракона плоти синих драконов. Белдрун улыбнулся.

— Ах, Бераст, — сказал он. — Все еще цепляетесь за это романтическое заблуждение, что люди, которые берут на себя труд писать, являются подвижниками, которые всегда излагают правду? Некоторые люди лгут даже своим собственным дневникам.

Он махнул рукой на потолок и стены вокруг них и добавил:

— Когда все это было новым, как вы думаете, нетерезы, которые жили или работали здесь, были великими образцами добродетели, как утверждают некоторые мудрецы, — мудрее нас, могущественнее во всех отношениях, чем люди сегодня, и способные творить почти любую магию одним щелчком пальцев? Ни капельки! Они были похожи на нас — несколько светлых умов, много ленивых умов и несколько

темных и коварных интриганов, которые воздействовали на окружающих, чтобы заставить других поступать так, как они хотели. Звучит знакомо?

Табараст поднял голову сокола, вырезанную из цельного изумруда размером с ладонь сто лет назад, и рассеянно погладил его изогнутый клюв.

— Я согласен с вашей точкой зрения, Друн, но все же я спрашиваю себя: что из этого следует? Неужели мы обречены с годами погрязать в искажениях и неправде, имея в запасе всего семнадцать заклинаний — *семнадцать*? Белдрун развел руками.

— Это на семнадцать больше, чем некоторые маги создают за всю жизнь, занимаясь Искусством, — мягко напомнил он своему коллеге. — И мы разделяем задачу, которую любим оба. И более того, время от времени получаем *личную* награду от Нее Самой, помнишь?

— Откуда нам знать, что Она посылает эти видения-сны? — тихо сказал Табараст. — Откуда нам на самом деле знать?

Башня Лунного Рога на краткий миг дрогнула вокруг них с глубоким грохочущим звуком. Где-то с грохотом рухнула стопка книг. Белдрун криво улыбнулся и сказал:

— Для меня этого достаточно. Что вы хотите, чтобы Она сделала, Бераст? Раздавала по заклинанию за ночь, написанному в наших мозгах буквами вечного огня?

Табараст фыркнул.

— Не нужно быть смешным, Друн, — затем он улыбнулся почти задумчиво и добавил: — Огненные буквы были бы хороши, хотя бы разок.

— Старый циник, — ответил молодой маг с оскорбленной помпезностью, — я *никогда* не бываю смешон. Я просто позволяю себе некоторую степень веселья, которая никогда не переставала радовать даже более взыскательную аудиторию, чем вы, или, следовало бы сказать, *особенно* более взыскательную аудиторию, чем вы.

Табараст что-то пробормотал, а затем добавил громче:

— Вот почему мы так мало делаем, поскольку часы и дни проходят незаметно. Умные слова, *умные слова* — вот что мы ловим и бросаем как маленькие мальчики, играющие в черепки, а работа почти не продвигается.

Белдрун указал на стол.

— Тогда возьмите какой-нибудь новый обрывок, и давайте начнем, — бросил он вызов. — Сегодня мы будем работать вместе, а не преследовать разные цели, и посмотрим, улыбнется ли нам Леди. Начинайте, старый друг, и я буду держать нас в курсе дела. Моя бдительность будет непоколебимой, но это ничто по сравнению с моей ярью.

— Разве правильно говорить не «ярость», юноша? — спросил Табараст, чья рука снова зависла над столом.

— Низшие существа, почтеннейший маг, вполне могут впасть в ярость — а я чувствую ярь, — высокомерно ответил Белдрун, а затем пропычал:

Возьмите же бумагу, и давайте займемся этим!

Табараст удивленно моргнул и взял бумагу.

— «Это настолько превосходит все мои предыдущие... другие маги осуждают такое... И все же я одержу верх, истина будет моим проводником и хранителем»... Я

полагаю... полагаю... хм-хм... Хммм. Кто-то писал на юге, еще до Миф Драннора, но, вероятно, не сильно раньше, о заклинании, которое помещает разум мага в тело зверя, чтобы заставить его бродить по его приказу в течение ночи или оставаться дольше, а то и навсегда в нем, если его собственное тело окажется под угрозой или умрет.

— Хорошо, хорошо, — ответил Белдрун. — Может быть, это Алавернит, в первые дни работы над своим заклинанием «Три кошки»? Или это чрезмерно для него?

— Я подозреваю, это не Алавернит, — медленно произнес Табараст. — Он никогда не был так откровенен со своими секретами, как сейчас...

Ни один из них не заметил, как в комнату вошел мужчина с ястребиным носом и покрасневшими глазами. На мгновение прислонился к дверному косяку с видом крайней усталости, оглядываясь по сторонам и слушая их.

— И он пишет что-нибудь полезное? — настаивал Белдрун. — Или мы можем выбросить это в кучу в бочке?

Табараст взгляделся в страницу, перевернул ее, чтобы убедиться, что обратная сторона пуста, поднес к свету в поисках странностей в надписи или под ней и, наконец, передал ее своему коллеге со звуком, который был наполовину вздохом, наполовину фырканьем.

— Ничего полезного, кроме рассказа, над чем кто-то работал или о чем думал тогда...

Человек с ястребиным носом шагнул вперед, чтобы взглянуть на корешки томов с позолоченными буквами, плотно втиснутые в ближайшую книжную полку, затем посмотрел на стол и осторожно перевернул скрученную, смятую клетку из кованого металла, которая, вероятно, когда-то имела форму шара. Внимательно осмотрев ее, незнакомец мягко положил его обратно и взгляделся в надписи под ней.

— А вот *это*, — медленно произнес Табараст, склонившись над другой стороной стола, — гораздо интереснее. Нет, мы не будем бросать это в бочку так быстро.

Он поднес лист к носу, выпрямляясь, затем остановился, когда ботинок Эльминстера издал легкий звук, и темноволосый маг спросил:

— Как дела, Мардаспер? За всем тут нужен глаз да *глаз*, м?

Когда ответа не последовало, он повернулся, и оба мага уставились через комнату на вновь прибывшего, который вежливо кивнул им и улыбнулся, на мгновение взглянул на старый и хрупкий свиток на столе, затем отступил в сторону, ища более интересные записи. Табараст и Белдрун дружно окинули незнакомца хмурым взглядом, затем повернулись спиной, встали бок о бок и продолжили свои исследования вполголоса.

Эл одарил их красноречивые спины и плечи кривой, измученной улыбкой, затем пожал плечами и уставился на другой пергамент. Это было что-то о создании усеянного шипами гроба для пыток, чтобы люди, запертые в нем, телепортировались в другое место, а не страдали от пронзания, и это было написано квадратным почерком, который отмечал происхождение документа с южного берега Моря Упавших Звезд. Металлические чернила бросили блик. Страница достигла того мягкого коричневого состояния, которое бывает перед тем, как начать крошиться... Того же возраста, что и он, или старше. Эл посмотрел на следующую страницу,

отодвинув для этого нетерезский окуляр. Он бросил на красивый предмет второй взгляд. Чары, которые могли бы наложить его на глаз владельца, исчезли, но драгоценный камень все равно, судя по его виду, позволял видеть тепло, и даже сквозь дерево или камень толщиной в ладонь или меньше. С завитой филигранью вокруг него, он выглядел как гигантская элегантная слеза, которая бесконечно блестела бы на щеке леди. Какая большая работа. Труд, намного превышающий его полезность, сделан для чистой радости овладения Искусством и создания чего-то, что будет длиться... и таких предметов должно быть тысячу раз тысяча, разбросанных по всему миру, настолько богатому природной магией, что все они могут быть названы безделушками. Не был ли Эльминстер Омар, по правде говоря, еще одной безделушкой?

Возможно. И, возможно, ему было суждено оставить после себя немногим больше, чем эти бесконечные пыльные клочки пергамента, запутанные и незавершенные идеи веков... И все же этот поток ошибок, тщетных стремлений, случайных триумфов или разрушительных бедствий *был* Искусством, а Мистра была хранительницей Плетения, из которого все это вышло и к которому все это вернулось. Достаточно. Он стоял в заваленной пергаменами комнате в Башне Лунного Рога, здесь и сейчас, и мысли о потоке магии или самой природе Искусства были одинаково неуместны. Его мир был местом голода и жажды, ощущения холода или жары — или ощущения такой невероятной усталости, что он едва мог держать глаза открытыми еще мгновение.

Стоп! Вот — он уже видел *эту* надпись раньше. Изящная, плавная рука Эленшера, который был так хорош в создании новых и необычных защитных заклинаний в Миф Дранноре, пока его не разорвал фаэримм, которого он опрометчиво заключил в слишком слабые заклинания, чтобы немного поэкспериментировать... жертва, как сказали бы некоторые, высокомерного предположения о превосходстве эльфов и этическом праве легкомысленно преобразовывать или калечить «меньшие существа», даже если они на самом деле не являются меньшими существами, которое владеет умами столь многих представителей его расы. Неудачный момент неверного суждения и еще один момент небрежности, как назвали бы это другие. И кто мог сказать, какая точка зрения была правильной или действительно ли что-то из этого имело значение? Вспоминая, как стройный эльф смеется и жестикулирует с бокалом вина в руке на террасе, которой больше не было, среди народа, которого больше не было, Эл отодвинул в сторону другие записи, чтобы открыть все послание Эленшера. Это было своего рода заклинание. Или, скорее, зарождение «крючка» Искусства, которое позволило бы добавить дополнительную силу к существующему заклинанию, наложив другое заклинание на невидимый крючок, который затем втянул бы заклинание в защитное плетение и позволил заклинателю управлять им и регулировать его эффекты. Эльминстер молча перечитывал заклинание, пока оно не подошло к концу и не прервалось. Эленшер следовал обычной практике эльфийских магов. Он записал завершающую часть формулы на другой бумаге, хранившейся в другом месте. В его жилище могли быть тысячи таких бумаг, и память Эленшера была единственным связующим звеном между тем, какая бумага к какой прилагалась. В Городе Песни даже был вороватый маг Твиллист, который искал

власти, крадя такие «концы» заклинаний, продавая их молодым ученикам и другим, жаждущим большего знания и силы, в обмен на меньшую, но цельную магию. Недостающий конец был почти очевиден для мага, который приложил руку к созданию мифала и учился у корманторских эльфов. Суммирующий или связующий мост, вероятно, «*Танаэтаэрт шурруна рей*», формирующий жест, который, таким образом, немедленно отражается и включается в заклинание с произнесением «*Рахрада*», затем заявление, которое заставит крючок отступить в защитное плетение и даст его заклинателю контроль над эффектами заклинания, которые он принес с собой: «*Даннарас уухилим рабрейвра, тоннет оотаха ла, табрас торрен оулирим торрин, даларабан юлта*». Заключительный жест — вот так — и готово. Он произнес эти слова вслух, хотя и почти беззвучно, и был поражен, когда что-то возникло в воздухе перед ним, чуть больше, чем на длину его руки, над незаконченным заклинанием Эленшера. Маленькая светящаяся конструкция висела в воздухе над страницей: огненные линии, закручивающиеся в крошечный узел, который начал вращаться, пока он наблюдал за ним, вращаться бесконечно и бесшумно.

Эл вздохнул. Если и существовала такая вещь, как ненужная магия, то это была она. Бездумно он нарушил указ Мистры, выдержав столько неудобств и опасностей, чтобы соблюдать его. *Проклятие* богов! Как будто эта тихая, дикая мысль была сигналом, крючок, который он создал, начал выплевывать крошечные искры на пергамент под ним. О, этого еще не хватало! В комнате, где все покрыто сухой и пыльной бумагой толщиной в несколько дюймов... Его руки метнулись, чтобы защитить густо разбросанные пергаменты от искр... Слишком поздно. Они приземлились, подпрыгнули и... Сформировали светящиеся слова, которые накладывались на почерк Эленшера, разворачиваясь перед его изумленными глазами и не оставляя после себя ни дыма, ни следов пожара. *Уходи. Сейчас. Ищи Расколтый Камень.*

Сообщение вспыхнуло один раз, словно для того, чтобы убедиться, что он его прочитал, ярко загорелось, а затем медленно начало угасать. Эл перечитал его еще раз и сглотнул. Он едва мог стоять, но приказ не мог быть более ясным: он должен покинуть это место без промедления. Он поднял голову и с сожалением оглядел все знания, в которые сейчас не смог бы вникнуть. С крошечного вращающегося крючка больше не падало искр, и два старых волшебника все еще склонились в дальнем конце комнаты, бормоча друг другу секреты, чтобы он не услышал. Он снова посмотрел на буквы магического пламени, обнаружил, что они просто исчезают, становясь невидимыми, и наблюдал, пока они совсем не исчезли. Затем огласил комнату глубоким беззвучным вздохом и с печальной усмешкой выскользнул так же тихо, как вор в Хастарле, которым он когда-то был.

* * * * *

После четвертой страницы несвязанных знаний Табараст пробормотал:

— Не могли бы вы оглянуться назад и посмотреть, куда делся этот незнакомец? Если он вернется к двери или выйдет из нее, немедленно прекратим шептать. Я чувствую себя виноватой служанкой, сплетничающей в уборной.

— Как можно обсуждать серьезные вещи, если мы не можем говорить свободно?
— согласился Белдрун, бросив нарочито небрежный взгляд через плечо на заваленный стол. Затем он резко развернулся и сказал: — Бераст, он ушел.

Что-то в тоне молодого мага заставило Табараста вскинуть голову. Он тоже обернулся, чтобы окинуть взглядом комнату, в которой они так долго трудились, и обнаружил, что в ней нет странных магов, но теперь она стала домом для

— Знак! — Белдрун ахнул, голос его дрожал от благоговения. — Знак! Избранный был здесь, среди нас!

— После всех этих лет, — хрипло пробормотал Табараст, почти ошеломленный. В одно мгновение его жизнь, вера и весь Торил вокруг него изменились. — Кто бы это мог быть? Этот юноша с крючковатым носом? Мы должны следовать за ним!

Медленно, словно, не решаясь его потревожить, два старых мага обошли вокруг стола. По невысказанному соглашению они пошли в противоположных направлениях, чтобы наткнуться на вращающийся символ с разных сторон — как будто он мог убежать, если они не набросятся. Маленький кружащийся узел сверкающих линий все еще был там, когда они встретились перед ним, чтобы с благоговением уставиться на него.

— Это полностью соответствует видению, — пробормотал Табараст, как будто была какая-то возможность ошибки или подделки. — Не может быть никаких сомнений.

Он оглядел комнату, увидел годы работы — кучи и загромождения.

— Я буду скучать по всему этому, — медленно сказал он.

— Я — нет! — ответил Белдрун, чуть не сбив с ног старшего мага в его стремлении к двери. — Приключение, наконец-то!

Табараст моргнул, глядя на своего быстро удаляющегося коллегу, и сказал:

— Друн? Вы с ума сошли? Это захватывающе, да, но наш путь только начинается — и скоро окончится тяжелым падением, если вы будете так радостно подпрыгивать.

— Темные Боги побери вашу мрачность, Бераст — мы отправляемся в путешествие! — крикнул Белдрун, поднимаясь по лестнице. Табараст поморщился и начал спускаться по ступенькам, на его лице появилось кислое выражение.

— Вы никогда раньше не участвовали в приключениях, не так ли?

* * * * *

Годы путешествий привели к тому, что утоптанная грязная тропка между полем Эриота и полем Салопара превратилась в канаву. Запутанные живые изгороди почти сходились над головой, потревоженные птицы и белки беспокоились и метались в вечном мраке всякий раз, когда кто-нибудь отваживался пройти по этой дороге. Волы привыкли к этому, как и Нуглар. Он тащился в полусне со своей палкой-стрекалом на сгибе руки, не ожидая, что ему придется ее использовать, в то время как три массивных зверя неторопливо шли впереди него, тоже в полусне, едва отмахиваясь хвостами от кусающих насекомых. Рядом что-то звякнуло. Нуглар приподнял одно тяжелое веко и повернул голову, чтобы посмотреть, что могло издавать этот звук... может быть, бродячий ягненок в ошейнике с одним из тех

крошечных игрушечных колокольчиков, которые священники Матери вешали на свои кропила? Несколько ребятишек? Он не видел ничего, кроме какого-то белого, искрящегося тумана в воздухе и его кружащихся языков, которые сопровождал перезвон. Теперь все это было вокруг него, громкое и какое-то жестокое, окутывавшее, как холодная шаль, его... и волов. Один из них всхлипнул во внезапной тревоге, когда звенящий туман превратился в воющий, сжимающийся вихрь, окружающий его. Нуглар закричал или подумал, что закричал, и протянул руку к крупу этого быка — только для того, чтобы почувствовать смертельный, обжигающий холод, вызывавший онемение в одно мгновение, как ледяная зимняя вода. Он отдернул руку.

Это был обрубок, кровь текла из того места, где должна была быть его рука. Он открыл рот, чтобы закричать, и из ниоткуда вырвался смертоносный вихрь, чтобы вонзиться ему в горло. Менее чем через мгновение челюсть Нуглара отвалилась от колеблющегося, продуваемого ветром черепа — за мгновение до того, как его скелет превратился в кружащуюся пыль, собранную вместе в рушащееся забвение вместе с тремя волами. С громким, торжествующим перезвоном, как будто множество ликующих колоколов ударили разом, более крупный, яркий вихрь поднялся из тропы и разлился по Полю Эриота, оставив грязную полосу пустой, кроме крепкой, выдавшей виды палки. Она танцевала в воздухе в вихре звенящего тумана в течение жуткого мгновения, а затем упала в грязь, чтобы другие испуганные фермеры нашли ее позже. Прошло много времени на мрачной тропе, прежде чем испуганные белки забегали, а птицы осмелились снова запеть.

* * * * *

Расколотый Камень должен быть местом или, что более вероятно, ориентиром — скалой, расколотой весенним или зимним льдом. Явление, о котором он никогда не слышал, но было многое в Фаэруне, о чем он еще ничего не знал.

Собиралась ли Мистра заставить пройти его вдоль и поперек? Почти шатаясь от изнеможения, Эльминстер поплелся вверх по травянистому склону, стараясь не упускать из виду дорогу, которая привела его к Башне... и теперь уводила прочь от нее. Покинуть башню было делом чрезвычайной срочности, да, но Леди — или Азут, говоря за нее — знала, что ему придется искать Расколотый Камень. Что ж, тогда нельзя было ожидать, что он найдет его немедленно.

Это было хорошо, потому что он едва мог найти в себе силы переставлять одну ногу за другой. Эл сделал еще два неуклюжих шага, обнаружил, что соскальзывает вниз по склону к обочине дороги, споткнулся и, после мига падения, сильно ударился о сумеречное дерево. Было приятно прислониться к успокаивающей громаде дерева, когда он был так *измучен*, покинутый богами... Кора обожгла его щеку, и Эл осознал, что почти сползает вниз. Храпеть, растянувшись на дороге, было бы неразумно в этой стране кинжалов, готовых вонзиться в незащищенное горло. Под рукой не было ветки, за которую можно было бы уцепиться, взобраться на дерево или даже удержаться на ногах... И, к слову, его колени начали подгибаться... Но подождите. Чему учила его Сиринши о заклинании формы дерева? Какое-то простое изменение в инкантации одного из заклинаний, которые он помнил.

Вариант Тоалоата, да, так это называлось. «Доабро Тоалоат был хитрым старым козлом» — эта короткая фраза помогла ему вспомнить, как нужно было изменить формулу. Возможно, Эльминстер тихонько похрапывал два или три раза во время заклинания, но сумеречное дерево, появившееся мгновением позже, прислонившись к такому же дереву, которое было там гораздо дольше, предпочитало глубокую тишину храпу, и поэтому на обочине дороги воцарился покой.

* * * * *

Когда он был в комнате управляющего, обереги всегда предупреждали его. На этот раз они почти вспыхнули от огромной силы приближающейся магии, так что Мардаспер прошел через дверь и стоял за своей кафедрой с диадемой на голове, окуляром над его проклятым глазом, и Скипетром Леди в руке, когда дверь открылась — без всякого стука — и внутрь вошел эльфийский маг. Вокруг него обвивался плащ, а драгоценные камни, вставленные в посох из живого дерева в его руке, мигали и гасли постоянно сменяющейся чередой. Эльф встретился взглядом с управляющим, отпустил посох — тот висел вертикально в воздухе, и его огоньки продолжали подмигивать — и наблюдал за реакцией Мардаспера с едва заметной усмешкой, играющей на его тонких губах. Служитель позаботился о том, чтобы не выглядеть впечатленным или даже заинтересованным, и сумел добавить легкий оттенок отстраненности в своему виду, глядя на вновь прибывшего. С эльфами статус и контроль всегда были важны. Дави, толкай, презирай, фыркай, глумись... Что ж, не сегодня, во имя Святой Мистры! Он выглядел молодым, но Мардаспер знал, что даже без заклинаний, изменяющих тело или внешность, один из Прекрасного Народа мог выглядеть таким юным и энергичным на протяжении веков. Он выглядел надменным — но ведь они все так выглядели, правда?

— Рад встрече, — сказал он нарочито нейтральным тоном. — Да будет известно, что я Мардаспер, хранитель этого храма Святой Мистры. У тебя здесь дело, путешественник?

— Да, — холодно сказал эльф, делая шаг вперед. Смотритель усилием воли поднял окуляр и в полной мере окинул новоприбывшего своим сверкающим взглядом. Эльф замедлился, слегка прищутив глаза, затем плавно остановился, потянувшись к рукояткам трех волшебных палочек на его бедре. Мардаспер подавил желание натянуто улыбнуться и осторожно спросил:

— Ты считаешь Святую Мистру, Владычицу Всех Тайн?

Он использовал диадему для чтения правды, приберегая свои собственные заклинания на случай неприятностей.

Эльф колебался.

— Временами, — сказал он наконец, и это была правда. Мардаспер подозревал, что новоприбывший имел в виду, что он раз или два втайне опускался на колени перед Мистрой в надежде получить преимущество над соперничающими эльфийскими магами. Неважно. Здесь этого было достаточно.

— Все, кто входит сюда, — сказал страж, поднимая кончик Скипетра Леди ровно настолько, чтобы эльфийский глаз сверкнул, — должны полностью повиноваться мне и не творить непрошеную магию. Любой, кто заберет или повредит даже самую

маленькую вещь из этих стен, лишится своей жизни или, по крайней мере, свободы. Ты можешь отдохнуть внутри и взять воды из источника, но никакой еды или чего-либо еще не предусмотрено. И ты должен назвать мне свое имя и отдать все магические писания и зачарованные предметы, которые ты носишь, независимо от того, насколько они малы или безвредны. Они будут возвращены, когда ты будешь уходить.

— Я так не думаю, — презрительно сказал эльф. — Я не собираюсь становиться человеческим рабом или отдавать доверенные мне вещи, которые давно почитаются в моей семье, в руки кого-либо другого — и меньше всего *человека*. Ты знаешь, кто я, смотритель?

— Один из Прекрасного Народа, почти наверняка маг и, вероятно, из рода корманторцев, с молодой стороны — которому очень не хватает как благоразумия, так и дипломатии, — мрачно ответил Мардаспер. — Есть ли еще что-то, что я должен знать?

Он заставил драгоценные камни-заклинания на диадеме проснуться и замерцать, усилив их блеском скипетра. «Возможно, не у всех нас есть мигающие посохи, поренек», — подумал он, но...

Эльфийские глаза вспыхнули зеленым от гнева, и тонкий рот сжался, как челюсти стального капкана, но эльф просто сказал:

— Если я не могу действовать свободно — нет.

Мардаспер пожал плечами, поднимая руки с кафедры, чтобы еще раз привлечь внимание незваного гостя к Скипетру Леди. Он не хотел сражаться заклинаниями даже со слабым врагом, и ему не нужны были волшебные предупреждения или вид парящего посоха, чтобы понять, что это не слабый враг. Эльф изысканно пожал плечами, взмахнул плащом, демонстративно повернулся, чтобы уйти, и отвел взгляд от управляющего, как будто человек со скипетром был куском осыпающейся статуи. При этом его взгляд упал на открытый регистр — и внезапно вспыхнул так же ярко, как проклятый глаз Мардаспера. Эльф снова развернулся, бросившись вперед, как атакующая змея, — и Мардаспер практически сунул Скипетр ему в нос, рывкнув:

— *Осторожнее, сэр!*

— Этот человек! — процедил эльф, ткнув похожим на кинжал пальцем в последнее имя, внесенное в книгу. — *Он все еще здесь?*

Мардаспер посмотрел в этот пылающий взгляд с расстояния в несколько дюймов, пытаясь скрыть страх в собственных глазах и зная, что ему это не удастся. Он сглотнул один раз, а затем сказал голосом удивительно спокойным на собственный слух:

— Нет. Он посетил нас лишь ненадолго, этим утром, отбыв не так давно. Направлялся на запад, я, полагаю.

Эльф зарычал, как разъяренная пантера, и снова развернулся, направляясь к двери. Посох последовал за ним, волоча за собой черное пламя заклинаний. Два больших зеленых драгоценных камня в его навершии загорелись и стали жутко похожи на глаза.

— Не хотели бы вы оставить сообщение для этого Эльминстера, если он снова остановится в башне? — спросил Мардаспер самым величественным, самым

значимым тоном, на какой только был способен, когда эльф практически распахнул дверь. — Многие так и делают.

Эльф обернулся в дверях и позволил посоху влететь в его руку, прежде чем рывкнул:

— Да! Скажи ему, что Илбрин Старим ищет его и был бы рад найти его подготовленным к нашей встрече.

Затем он выскочил, с грохотом захлопнув дверь. Раскатистое эхо свидетельствовало о жестокости удара. Мардаспер пристально смотрел на вход, пока обереги не сказали ему, что эльф исчез. Затем он провел рукой по покрытому бисеринками пота лбу и чуть не рухнул на кафедру от облегчения.

Скипетр Леди сверкнул, и он чуть не выронил его. Это, конечно, был знак, но был ли он ободряющим? Или что-то еще? Мардаспер слегка потряс скипетром, надеясь на что-то большее, но, как он и ожидал, больше ничего не произошло. «Разрыв в Плетении! Проклятие! Клянусь Семью Тайными Заклинаниями Мистры..!»

Мгновение он бессвязно рычал, но подавил желание швырнуть скипетр. Последний управляющий Башни Лунного Рога, который сделал это, превратился в горстку пепла достаточно ничтожную, чтобы поместиться в ладони человека. Его, если быть точным. Мардаспер вернулся в свой кабинет в тяжелом унынии. Правильно ли он поступил? Что Мистра думала о нем? Должен ли он был попытаться остановить эльфа? Должен ли он был вообще впускать этого парня, Эльминстера? Конечно, этот человек не мог быть *тем самым* Эльминстером, Скитальцем, не так ли? Нет, тот, должно быть, уже древний, и только Мистра...

Мардаспер сглотнул. Он знал, что будет переживать из-за этого всю ночь и еще несколько дней.

Он с преувеличенной осторожностью положил диадему и скипетр, затем откинулся на спинку кресла, вздохнул и некоторое время смотрел на темные стены. Жрецы Мистры были весьма недвусмысленны: день, в который крепкий напиток любого рода касался его губ, не засчитывался в отметку о его службе здесь. Действительно. Совершенно сознательно он вытащил три толстых тома с одного конца ближайшей книжной полки, потянулся в темноту за ней и достал большую пыльную бутылку. В Бездну и за ее пределы жрецов Мистры и их тупые правила!

— Мистра, — спросил он вслух, откупоривая бутылку, — насколько плохо я поступил?

В кончиках его пальцев пробка на мгновение засияла яркой звездой — и выстрелила обратно в бутылку с такой силой, что его пальцы остались кровоточащими и онемевшими. Мардаспер на мгновение уставился на них, затем осторожно убрал бутылку обратно.

— Так это было хорошо... или плохо? — недоуменно спросил он у мрака. — Вот где священники, когда они мне нужны?

* * * * *

— Ух ты! — воскликнул Табараст. — Уууух...

Его крик закончился глухим стуком, когда его зад тяжело ударился о дорогу, разбрасывая пыль во все стороны. Мул остановился на шаг дальше, бросил на него

укоризненный взгляд, а затем встал в ожидании со скорбным видом. Белдрун хихикнул, догнав своего запыхавшегося коллегу, погоняя маленьким хлыстом с перьями. Его великолепные сапоги торчали как клыки по обе стороны от мула.

— Похоже, вам сегодня очень нравится плодородный Фаэрун под нами, друг Бераст! — весело заметил он за мгновение до того, как его мул резко остановился рядом с тем, на котором недавно ехал Табараст. Потеряв равновесие, Белдрун беспомощно опрокинулся через голову своего скакуна с испуганным воплем, кувырнулся на дорогу с впечатляющим грохотом, который заставил Табараста поморщиться, а затем зафыркать от сдерживаемого веселья, когда два мула обменялись взглядами, пришли, казалось, к какому-то соглашению и в едином порыве шагнули вперед, топча стонущего Белдруна копытами. Его стоны превратились в крики ярости и боли, и он дико размахивал руками, пока не освободился от немых тел и покрытых грязью копыт мулов.

— Спасите! — воскликнул он. — Во имя любви к Мистре, спасите!

— Вставайте, — мрачно сказал Табараст, дергая его за волосы. — Этот Избранный, должно быть, уже на полпути туда, куда он направляется, а мы даже не можем удержаться в седлах двух маленьких мулов, клянусь Жезлом! *Вставай, Друн!*

— Ааа! — крикнул Белдрун. — Отпусти мои волосы!

Табараст сделал, как ему было велено, и голова Белдруна упала на дорогу с глухим стуком, который прозвучал как более тихий отголосок звука, с которым ранее падал Табараст. Молодой маг разразился длинным и бессвязным проклятием, но Табараст проигнорировал его, хромая вперед, чтобы поймать уздечки их мулов, прежде чем звери преодолеют следующий подъем на дороге и уберутся прочь.

— Я вернул вашего мула, — сказал он все еще рычащему телу, лежащему на спине на дороге. — Я предлагаю некоторое время прогуляться рядом с ними... мы оба, кажется, немного отвыкли от верховой езды.

— Если вы имеете в виду, что мы слишком часто падали, — прорычал Белдрун, — то у нас нет практики, но мы не вернемся к практике, если не сядем верхом и не поедем!

Сообразуя действие со словами, он вскочил в седло мула Табараста, надеясь, что смена скакуна немного улучшит его езду.

Мул повернул один глаз, чтобы рассмотреть Табараста, стоящего рядом с ним, и кого-то еще, громко занимающего его спину, и не сдвинулся с места. Белдрун заорал на него и натянул поводья, как будто тащил чудовищную рыбу. Голова мула дернулась вверх и назад, но он начал пытаться вырвать поводья из рук Белдруна или, чавкая, втянуть их в рот, вместо того, чтобы сделать хотя бы один шаг вперед. Белдрун отвел назад пятки, жалея, что на нем нет шпор, и изо всех сил пнул зверя в бок. Ничего не произошло, поэтому он пнул еще раз.

Мул рванулся вперед, подпрыгнув в воздух и изогнувшись при этом. Белдрун откинулся назад со звуком, который можно охарактеризовать как отчаянный всхлип, тяжело приземлился на одно плечо и беспомощно покатился по дороге. Его великолепный дублет быстро превращался в испачканную навозом тряпку, когда он прокувыркался на внушительном отрезке дороги и вступил в соприкосновение — твердое, сотрясающее листья столкновение, если быть точным — с одним из пары сумеречных деревьев на обочине дороги. Табараст схватил поводья рычащего мула

— до сих пор он не знал, что мулы *могут* рычать — убедился, что все еще держит уздечку другого мула, и оглянулся на дорогу.

— Закончили играть в смелых рыцарей на лошадях? — рявкнул он. — Мы выполняем важную миссию, помните?

Перевернутый Белдрун, который смотрел на свои обутые в сапоги ноги, попирающие дерево над ним, на мгновение оглянулся на своего коллегу, затем медленно поднялся обратно на дорогу. Когда он снова выпрямился, то одной рукой стряхнул с волос пыль, морщась от боли в спине, вызванной этим действием, и прорычал:

— После всех этих ваших криков можно с уверенностью поспорить, что Эльминстера нет в пределах сорока ферм отсюда!

Дерево, казалось, на мгновение замерцало, но ни один из двух уважаемых магов этого не заметил.

ГЛАВА ШЕСТАЯ У РАСКОЛОТОГО КАМНЯ

*Пусть камни будут расколоты и мир изменится,
Когда следующие два таких, как эти, встретятся,
С воющим хаосом в небе
И обманом скользкой змеи вокруг их ног.*

*Автор неизвестен
из баллады **Многие встречи**,
написанной незадолго до Года Правления Двенадцати*

Солнечный луч попал в глаз, и Эльминстер улыбнулся. Он все еще находился на землях, которых никогда раньше не видел, но не один фермер на этой поднимающейся дороге заверил его, что он направляется к Расколотому Камню. По привычке Эл оглянулся, чтобы посмотреть, не следует ли кто за ним, затем поднял глаза к небу: принятие облика птицы было любимой тактикой эльфийских магов, которые не пылали дружелюбием к первому человеку, который вошел в их уютную среду и навсегда изменил Кормантир. Однако прямо сейчас, казалось, нигде нет врагов — или любого живого существа, если уж на то пошло.

На мгновение Эл задумался, как далеко добрались вчера два неуклюжих мага на своих непокорных мулах. Он усмехнулся. Судя по тому, как оборачивались капризы Мистры, он, без сомнения, скоро узнает об этом.

Небо было голубым и ясным, и дул прохладный резкий ветер. Прекрасный день для прогулок, и последний принц Аталантара наслаждался им. Холмистые фермерские поля со стенами из булыжников раскинулись по обе стороны дороги. Тут и там валуны, слишком большие, чтобы их можно было сдвинуть, торчали из

пашни, как могильные плиты или морды гигантских окаменевших подземных монстров... Он явно вспоминал слишком много баллад бардов и слишком мало часов пахоты и сенокоса. В воздухе стоял влажный, землистый запах свежеспаханной почвы, и если некоему аталантарцу приходилось странствовать по Торилу в одиночку, то в такие дни, по крайней мере, чувствуешь себя живым, а не трясущимся выжившим, направляющимся к заждавшейся могиле.. Смех быстро несущейся воды донесся до ушей Эльминстера слева, и над выступом следующего холма показался его источник. Стремительный ручей пересекал поля в узком глубоком ущелье. Впереди он некоторое время бежал вдоль дороги, падая с мельницы. Это хорошо. По словам последнего фермера, это, должно быть, мельница Антатера. Высокое здание из полевого камня, возвышающееся над развилкой дороги. На развилке, разумеется, не было никаких знаков.

Ручей вырывался из заводи под мельничной плотиной, и за ним бесконечно вращалось скрипучее колесо. Мужчины, перепачканные мукой, грузили тележку на обочине дороги, добавляя набитые мешки к и без того внушительной куче. Лошадям предстояла нелегкая работа. Один из мужчин увидел Эла и что-то пробормотал. Все мужчины подняли глаза, оценили незнакомца и вернулись к своей работе. Ни один из них ни на мгновение не прекратил поднимать, бросать и укладывать. Эл развел руками, показывая, что не собирается доставать оружие, и остановился рядом с ближайшим мужчиной.

— Доброго дня, — сказал он. — Я ищу Расколотый Камень и не знаю дороги отсюда.

Мужчина странно посмотрел на него, указал на левую дорогу и сказал:

— Найти-то его несложно — шагай прямо вон туда и скоро упрёшься. Но это всего лишь камень, имей в виду, там ничего нет.

Эл пожал плечами и улыбнулся.

— Я следую своего рода обету, — сказал он. — Прими мою благодарность.

Мельник кивнул, помахал рукой и посмотрел вниз в поисках следующего мешка. Несколько успокоенный, Эльминстер зашагал дальше. Это заняло несколько часов ходьбы, но вот он — Расколотый Камень. Высокий и черный как смоль, он поднимался из кустарниковых зарослей огромным, похожим на шлем конусом, аккуратно разделенным пополам, а дорога проходила через щель. Поблизости не было ферм, и Эл подозревал, что Камень пользовался обычной «призрачной» или другой зловещей репутацией, которая всегда приклеивалась к таким достопримечательностям — если они не почитались святыми той или иной верой. Никакие символы, алтари или признаки жилья не встретились его взгляду, когда он обогнул последний поворот и увидел, насколько велик был камень. Расщелина, должно быть, была глубиной в шесть человеческих ростов или больше, и путь через нее был длинным и темным. Внутренняя поверхность камня была влажной от просачивающейся грунтовой воды, и слабый туман плыл под ногами. Там кто-то стоял и ждал его. Все по воле Мистры.

Эльминстер уверенно шел в проход с приятной улыбкой на лице, несмотря на то, что в нем шевелилось чувство, что его свободные странствия закончатся здесь — и более мрачные предчувствия. Эти опасения не уменьшились от того, что он увидел. Фигура впереди была человеческой и очень женственной. Одна и без плаща,

в темном одеянии, высокая и стройная; одним словом, опасная. Если бы Эльминстер стоял в некоем темном зале в Рингиле Трессета, когда скипетр рассыпался в пыль, а не тяжело дышал на вершине холма над останками тени с оленьей головой, он бы увидел эту прекрасную темноглазую волшебницу раньше. Как бы то ни было, он смотрел в гордые, холодные глаза — не было ли в них намек на озорство? Или это было подавленное веселье... или триумф? Ее ноги в черных сапогах были почти невозможно длинными. Блестящие черные волосы ниспадали распушенным потоком, который был еще длиннее. Ее кожа была как слонобая кость, черты лица тонкие, приятно угловатые. Она держалась с безмятежным бесстрашием, одна рука с длинными пальцами почти лениво играла палочкой. Да, неприятности. Из тех колдуний, от которых люди шарахаются. — Приветствую, — сказала она, произнося эти слова одновременно с вызовом и хриплым обещанием, когда ее глаза неторопливо окинули его от грязных ботинок до растрепанных волос. — Ты занимаешься, — ее язык на мгновение показался между приоткрытыми губами, — магией?

Эльминстер не отрывал взгляда от этих темных глаз, когда кланялся. Помня о указании Азута, он ответил:

— Немного.

— Хорошо, — поразительно ласково ответила темноволосая леди. Она слегка пошевелила палочкой в руке, чтобы поймать его взгляд, улыбнулась и сказала:

— Я ищу ученика. *Верного* ученика.

Эл не стал нарушать тишину, воцарившуюся после этих слов, поэтому она заговорила снова, только немного оживленнее.

— Я Дасумия, а ты...?

— Меня зовут Эльминстер, леди. Просто Эльминстер, а теперь вежливо отказаться. — Я полагаю, что мои дни в качестве ученика закончились. Я служу...

Серебряный огонь внезапно вспыхнул внутри него, его вспышка вернула образ потрескавшегося каменного потолка лучшей спальни в Башни Лиса, и слова серебряного огня написались на потолке, яркие в темноте: «Служи той, кого зовут Дасумия». Эл сглотнул.

— ...да, если вы примете меня, — закончил он свое предложение, чувствуя, как веселые темные глаза смотрят глубоко в его душу. — И все же я должен сказать: в первую очередь я служу Святой Мистре.

Темноглазая волшебница улыбнулась почти лениво.

— Да, хорошо... Мы все так делаем, — сказала она жеманно, — Не так ли?

— Прошу прощения, леди Дасумия, — серьезно сказал Эльминстер, — Но вы должны понять... Я служу Ей более тесно, чем большинство других. Я Скиталец.

Дасумия разразилась серебристыми взрывами смеха, запрокинув голову и заливаясь весельем, пока оно не отражалось эхом от каменных стен, окружавших двух магов.

— Я уверена, что так и есть, — сказала она, когда снова смогла говорить, скользнув вперед, чтобы хлопнуть Эльминстера по руке. — Ты знаешь, сколько молодых магов, ищущих репутацию, приходят ко мне, утверждая, что они — Скитальцы? Я тебе скажу: дюжина в прошлом месяце, целых два десятка за месяц до этого, и один до тебя в *этом* месяце.

— О, — ответил Эльминстер, приосанившись, — но никто из них не был так красив, как я, правда?

Она снова расхохоталась и порывисто обняла его.

— Видение-сон велело мне искать здесь моего ученика, но я никогда не думала, что найду того, кто сможет заставить меня смеяться.

— Тогда вы возьмете меня? — спросил Эл, не подавая никаких признаков того, что он почувствовал, как ее объятия обрушили на него зондирующую магию. Теплое шевеление внутри подсказывало ему, что серебряный огонь Мистры усердно противодействует враждебным попыткам контролировать и влиять — и оставить по крайней мере три способа мгновенно убить его, произнеся командные слова. Разве не чудесно быть волшебником? Почти так же чудесно, как быть Избранным. Дасумия одарила его улыбкой, в которой было скорее торжество, чем приветствие.

— Телом и душой я буду обладать тобой, — она отвернулась от него и оглянулась через плечо, чтобы провокационно промурлыкать: — Телом и душой. Что мы попробуем в первую очередь, мм?

* * * * *

— Ну *в самом деле*, Друн! Я спрашиваю тебя: было бы у нас такое широкое владение магией, такие легионы способных или почти способных магов, от моря до моря и до замерзших пустошей и самого дальнего востока, если бы Миф Драннор все еще гордо стоял? Или у нас были бы закрытые элитные ряды тех, кто жил или имел свободный доступ в Город Песни — а остальные из остались бы сражаться за то, что немногие избранные соизволили бросить нам, или что мы могли бы разграбить из старых гробниц, в которых скрываются личи?

Табараст повернулся в седле, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, чуть не выпал из него, несмотря на путаницу поясов и ремней, которыми он себя привязал, и счел благоразумным снова повернуться лицом вперед, просто небрежно жестикулируя одной рукой. Его мул вздохнул и продолжил свой путь.

— Полно вам! Мы говорим не о драгоценных камнях, Бераст, — ответил Белдрун, — и не о капусте, а о магии! Искусство! Море чар, пир идей, бесконечный поток новых подходов и...

— Безудержная чушь, которую говорят молодые маги, — возразил старший маг. — Конечно, даже вы, юный Друн, прожили достаточно лет, чтобы знать, что щедрость — по-настоящему открытая щедрость, а не ученику, которого можно держать в долгу или даже заколдованным — это качество, более редкое и менее культивируемое в рядах волшебников, чем в любом другом сообществе такого размера или значимости в Фаэруне сегодня, за исключением, возможно, орды орков. Прошу вас, не утомляйте мои уши моралистикой, если это вас не слишком затруднит.

Белдрун в отчаянии развел руками.

— Есть ли точка зрения, отличная от вашей, которую вы не почитаете бесполезным идиотизмом? — спросил он. Или может быть, несносный вы балабол, остается малая толика возможности, что некоторые истины боги еще не открыли

мудрому старому Табарасту, проницательному старому Табарасту, *бездумному* старому Таб...

— Почему молодые всегда так быстро прибегают к личным оскорблениям? — громко спросил мудрый старый Табараст у всего мира. — Обзывательство и насмешки в ответ на аргументы, которые говорят по существу. Такой грубый, тревожный подход делает из мухи слона, превращает в пагубную бурю любой случайный обмен замечаниями и очерняет имена всех, кто осмеливается придерживаться противоположных взглядов. Я решительно не одобряю этого, Друн, решительно. Такие угрозы и сотрясание воздуха не являются достойной заменой хорошо аргументированным взглядам — и слишком часто служат щитом для жалкого боя с тенью, лишенного смысла за фасадом ярких фраз и умного словоблудия!

— Э... хм... да, — слабо сказал Белдрун. Когда Табараст был взбешен, он отвечал десятком слов на каждые два. — Мы говорили о влиянии легендарного Мифа Драннора на практику Искусства по всему Фаэруну, я полагаю.

— Говорили, — сурово подтвердил Табараст, взмахом крошечного хлыста для верховой езды подгоняя своего мула через вершину горы. Тот факт, что он сломался в одной из прошлых неудач и теперь бесполезно свисал всего в нескольких дюймах над ручкой, казалось, совершенно ускользнул от его внимания. Белдрун ждал потока грандиозных, но в основном бессмысленных высказываний, которые неизменно сопровождали любое из замечаний Табараста о простом факте, но на сей раз его не последовало.

Он удивленно поднял брови и ничего не сказал, следуя за своим коллегой через холм. Ему нужен хипси — и побольше. Самое время. Он похлопал по большому плащу, свернутому и притороченному на бедре, обнаружил под ним успокаивающую твердую гладкость своей фляжки и вытащил ее. Табараст приготовил эту смесь, и на вкус Белдруна она была немного водянистой, но он не хотел снова ввязываться в *этот* спор. В следующий раз настанет его очередь, и будет больше редкой и пьянящей субстанции, которая называлась «бренди», и меньше воды и вина. Хммм. Если предположить, что они оба доживут до следующего раза. Еще день назад приключение казалось ему чем-то грандиозным, но тогда он не думал о мулах. Он был бы разбитым человеком с больным бедром, если бы им пришлось ехать еще много дней. Он падал более двадцати раз за сегодняшний день. И это со всеми ремнями, поясами и плетями, которые, конечно, давали зверям с демоническим мозгом возможность *тащить* по грязи магов, имевших несчастье выпасть из седел, пока они не пытались дотянуться до уздечек, получая регулярные пинки в процессе. Табараст умудрился поцеловать Фаэрун еще большее число раз, подумал он с ухмылкой, наблюдая, как старый волшебник спускается по крутому спуску. Обе ноги его торчали, как колеблющиеся крылья, по обе стороны от его терпеливого скакуна. В другой момент он был бы...

Что-то темное и полное звезд пронеслось мимо Белдруна как мстительный ветер, нанеся ему по левой ноге ошеломляющий удар и чуть не вышвырнув его из собственного седла. Он держался на фыркающем, взбрыкивающем муле только вцепившись руками в его гриву, как когтями, и брыкаясь в отчаянной борьбе за равновесие. Впереди, вниз по склону, он видел, что надвигается на бедного, ничего

не подозревающего Табараста: стройный эльфийский всадник в темном плаще, низко склонившийся в седле призрачной лошади, с плюющим молнией посохом, парящим у его плеча. Белдрун мог видеть прямо сквозь бесшумно стучащие копыта накованной лошади, как эльф обрушился на Табараста, свернул в последний момент, чтобы избежать жесткого прямого столкновения, и пронесся мимо, швырнув и мага, и мула на бок. Белдрун поспешил на помощь своему коллеге так быстро, как только осмелился, но Табараст сотворил какую-то магию, что подняла его и сбитого с толку, слабо брыкающегося мула снова в вертикальное положение, и закричал:

— Козлиный мужлан! Лопухий, глупый, *грубый* отпрыск негодных родителей! Невоспитанный дорожный тиран! *Неосторожный* заклинатель! Я вложу немного мудрости в твой крошечный мозг, вот увидишь! Не говоря о том, что сначала я научу тебя смирению — и безопасной езде верхом!

Илбрин Старим услышал некоторые из этих отборных слов, но даже не потрудился превратить свою усмешку в улыбку. *Люди*. Бледные, бушующие тени того, за кем он охотился. Должно быть, он уже близко. Эльминстер Омар: уродливый крючковатый нос, в серо-голубых глазах всегда читается наглость, волосы черные и прямые, как у мокрого медведя. Этот знакомый, голодный привкус появился во рту Илбрина. Кровь. Он почти ощущал вкус крови этого Эльминстера, который должен умереть, чтобы смыть пятно, оставленное его грязными человеческими руками на светлой чести Старима. Поднявшись на вершину, Илбрин встал в стременах, которых не было, и крикнул миру:

— Эльминстер должен умереть!

Эхо крика донеслось до него с вершин холмов, но в остальном мир отказался отвечать.

* * * * *

Сумерки почти всегда опускались как нежный занавес, закрывая великолепный закат в Лунном Роге. Мардасперу нравилось подниматься на осыпающиеся зубчатые стены, чтобы увидеть эти закаты, бормоча слова, которые он мог вспомнить из любовных баллад и песен о кончине героев. Это было единственное время дня — за исключением неприятных посетителей — когда он давал волю своим эмоциям и мечтал о том, что он будет делать на Фаэруне, когда его долг здесь будет выполнен.

Он мог бы стать Мардаспером Могучим, бородатым, мудрым и уважаемым меньшими магами. Кольца власти сверкали бы на его пальцах, когда он создавал посохи, приручал драконов и отдавал королям приказы, которых они не смели ослушаться.

Или он мог бы спасти принцессу или дочь богатого, надменного дворянина и уехать с ней, используя свою магию, чтобы оставаться молодым и лихим, но никогда не носить мантию и посох мага, сохраняя свои силы в секрете, насколько это возможно, пока создает для себя небольшое баронство в каком-нибудь живописном месте.

Приятные мысли, исцеляющие душу и очень личные... Поэтому Мардаспер Облиндриин был склонен очень сердиться, когда что-то или кто-то прерывало его

одинокость на зубчатых стенах в созерцании, как еще один день умирает на западе. И теперь он был зол. Обереги предупредили его. Обереги всегда предупреждали. Грубая сила, не сдерживаемая или не управляемая, всегда заставляла их кричать, как будто от боли. Рыча на происшествие, Мардаспер с грохотом спускался по длинной узкой задней лестнице, прежде чем незваный гость успел добраться до порога. Крутая задняя лестница вела прямо к третьей двери в прихожей; когда входная дверь распахнулась, ударилась о стену и содрогнулась, Мардаспер стоял на месте за своей кафедрой, побелевший до стиснутых губ и дрожащий от гнева. Он уставился в сгущающуюся ночь, но там никого не было.

— Яви, — холодно сказал он, произнося вслух то, что мог бы заставить обереги делать молча. Он стремился произвести впечатление — или вызвать страх — в невидимом озорнике. Потребовалась магия огромной силы, чтобы открыть дверь Башни с ее переплетенными символами, слоями активных заклинаний и рунами, вставленными в ее раму и выгравированными на петлях.

Слишком много энергии, подумалось ему, чтобы тратить ее на шалость.

Обереги не показали ему ничего, что скрывалось бы в пределах их досягаемости. Хмм. Возможно, тот заносчивый эльф оставил магию, отсроченную по времени, и ошибся в расчетах. Он не мог припомнить ничего достаточно быстрого, чтобы открыть дверь и так быстро покинуть пределы досягаемости оберегов — а магия, достаточно могущественная, чтобы взломать дверь издали, оставила бы в оберегах следы. Как телепортация или другая транслокация. Собственная магия двери должна была помешать заклинанию, наложенному на нее, сохраниться и вступить в силу в более позднее время... Так кто — или что — заставило дверь открыться?

Мардаспер призвал силу оберегов, чтобы закрыть и запечатать могучую дверь. После того, как она с грохотом захлопнулась, он долго и задумчиво смотрел на нее, не прикасаясь, затем пробормотал слова, которые никогда раньше не использовал, и никогда не думал, что придется использовать. Слова, которые заставят пробужденную защиту изгнать любое владеющей магией разумное существо, находящееся с ней в контакте. Обереги вспыхнули белым за пределами зрения, ничего не обнаружив. Если колдовские существа скрывались поблизости, они либо были далеко в окутанном ночью лесу — или здесь, в Башне, уже внутри оберегов.

Мардаспер посмотрел на дверь и сглотнул. У него внезапно пересохло в горле. Если в Лунном Роге и был незваный гость, он только что запечатал себя вместе с ним. Боги небесные. Что ж, возможно, пришло время заслужить свой титул Хранителя Башни. Здесь было много полезной — и неправильно понятой, фрагментарной или забытой — магии. Потенциально разрушающее царства оружие в правильных недобросовестных руках. «Мистра будь со мной», — прошептал он, открыл дверь, ведущую на главную лестницу, и начал подниматься.

* * * * *

Туман звенел лишь изредка и очень тихо, пока он плыл по заваленному пергаментом столу, как угорь, пробирающийся среди скал океанского рифа. Время от времени он набрасывался на драгоценный камень или скрученный филигранный

предмет, помещенный Табарастом и Белдруном в качестве пресс-папье, и на короткое время вспыхивал холодный бирюзовый свет. Когда выпитая сила была очень велика, туман закручивался в триумфальные, похожие на пламя вспышки белых, мерцающих пятнышек света, которые на мгновение торжествующе танцевали над столом, а затем тускнели и снова превращались в дрейфующий змеевидный туман. Он метался от безделушки к безделушке, вспыхивая, когда пил, и становясь все больше. Он снова закрутился в вихрь,, когда дверь комнаты внезапно открылась, и Страж Башни заглянул внутрь. Что-то здесь вспыхнуло, выпустив язычок белого света через замочную скважину... Мардаспер остановился на пороге и послал поисковое заклинание, прокатившееся по комнате. Туман исчез и опустился за столом, став почти невидимым, и когда заклинание пронеслось сквозь него, он решил рассеяться, а не сопротивляться и быть найденным. Заклинание проникло во все уголки комнаты, затем отступило. Вслед за этим ветер тихонько вздохнул в ответ, не звякнув ни разу.

Мардаспер впился взглядом в комнату. Пламя его пылающего глаза искало то, чего не могло увидеть его заклинание. Здесь *должен* быть кто-то или что-то; транслокация не будет работать внутри Лунного Рога.

Его проклятый глаз сразу увидел это: ветерок, который был не ветром, а живым, дрейфующим, бестелесным существом. В яростной спешке Мардаспер бросил в него заклинание разрушительной звезды — магию, предназначенную для того, чтобы разрывать и сжигать призрачные и газообразные предметы. Вспыхнуло ожидаемое пламя, а вместе с ним и мучительный крик. Но Страж Башни оказался не готов к тому, что последовало дальше. Вместо того, чтобы погрузиться во вздыхающее забвение, пылающий, взрывающийся туман внезапно собрался воедино, с ужасающей скоростью поднимаясь в форме человеческой головы и плеч — головы, которая состояла только из глаз и длинных волос, спускающихся на бюст. Мардаспер отступил на шаг. Кто была эта женщина-призрак?

Пальцы, в которых было больше дыма, чем плоти, двигались в замысловатых жестах, сопровождаемых пламенем заклинания стража, и Мардаспер отчаянно пытался придумать, какое заклинание ему следует использовать — этот призрак, который не должен был противостоять его разрушительной звезде, творил магию! Мгновение спустя в призрачном силуэте колдуньи проявилась челюсть, и она начала смеяться — высоким, пронзительным смехом, который почти затерялся в резком шипении кислоты, льющейся на стража... и последовавшим за этим предсмертным воплем. Плавающие, чадающие кости Мардаспера упали на пол под потоком кислоты, от которой пол покрылся дымом.

Над всем этим поднялся холодный, невеселый, торжествующий смех. Кто-то мог бы счесть этот дикий смех почти криком, но прошло уже много времени с тех пор, как вихрь смеялся вслух. Он отвык.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ ДЛЯ ТЕБЯ

Зло не является излишеством для тех, кто в первую очередь служит себе.

*Тэлритин из Тэя
из **Красной Книги Тэйского Мага**,
опубликованной примерно в Год Седла*

Был прохладный день поздней весны — третье озеленение Торила, пришедшее и ушедшее с тех пор, как два мага встретились в Расколоте Камне. Небо пылало красным, розовым и золотым, когда солнце неторопливо готовилось к закату. Башня стояла как игла цвета индиго на фоне этого огненного неба, и с запада что-то маленькое и темное полетело к берегу, описав широкую петлю вокруг этой башни. Головы посмотрели на него: ковер-самолет, на котором сидели два человека, чьи фигуры темнели на фоне огненного неба там, где лучи заходящего солнца не придавали им оттенка кованной меди.

— Красиво, не правда ли? — промурлыкала Дасумия, отворачиваясь от созерцания башни. В ее глазах заплясал зеленый огонек, который, как Эл давно понял, предвещал опасность. Она скользнула вперед на локтях, подперев подбородок руками, и посмотрела на башню с почти удовлетворенным видом.

— Правда, миледи, — осторожно сказал Эльминстер. Дразнящий глаз закатился, глядя внутрь себя. О боги, воистину беда. Мистра защити! Его госпожа-наставница указала на башню и сказала:

— Там живет волшебник по имени Холивантер. Веселый парень: он научил существ, которых призвал, чтобы построить её, всяким смешным песням. Он держит говорящих лягушек и даже дал нескольким из них крылья, чтобы летать.

Ковер плавно обогнул башню во втором витке вокруг шпиля. Башня поднималась, как сказочная игла, из аккуратных, обнесенных зелеными стенами садов. В нескольких его окнах мерцали лампы рубинового цвета, но в остальном он казался спокойным, почти пустынным.

— Дом Холивантера... Красивый, не правда ли?

— Действительно, миледи, — искренне согласился Эл.

— Убей его, — рявкнула Дасумия.

Эл моргнул, глядя на нее. Она кивнула и властной рукой указала вниз на стройную башню. Эл нахмурился.

— Миледи, я...

Маленькие огоньки, казалось, замерцали в глазах Дасумии, когда она встретила с ним взглядом. Одна изящная бровь приподнялась.

— Твой друг?

— Я его не знаю, — честно ответил Эл. Он никак не мог послать предупреждение, или защиту, или исцеление. Этот человек был обречен. Зачем выдавать себя напрасно?

Дасумия пожала плечами, вытащила темный гладкий жезл из ножен на бедре и протянула его с томной грацией. Что-то заставило воздух свернуться в линию, мчащуюся вниз, вниз...

...и верхняя половина башни Холивантера с грохотом разлетелась на части, забрызгав небо обломками. Поочередно последовали меньшие фиолетовые, янтарные и сине-зеленые взрывы, когда взорвалась какая-то магия взорвалась внутри башни. Эл уставился на пожар, когда его эхо откатилось от близлежащих холмов, и на них посыпались обломки. Почерневшие пальцы скользнули по ковру, оставляя за собой огненный след. Холивантер был мертв. Дасумия перекатилась на одно бедро и приподнялась на руке, другой играя с жезлом.

— Скажи мне, — обратилась она к небу шелковисто-мягким тоном, который заставил Эльминстера настороженно напрячься, — почему ты послушался меня? Тебе тяжело убивать магов?

Страх вонзил в него холодные пальцы.

— Это кажется... ненужным, — ответил Эл, очень тщательно подбирая слова. — Разве Мистра не говорит, что использование магии следует поощрять, а не ревниво охранять или препятствовать?

Ах, Мистра. Ее слово привело его сюда, чтобы служить этому обманчивому злу. Он почти забыл, каково это — быть Избранным Мистры, но в своих снах Эл часто опускался на колени и молился или повторял ее указы и советы, опасаясь, что они полностью ускользнут от него, если он этого не сделает. Иногда он боялся, что леди Дасумия крадет его воспоминания с помощью коварной магии или спрячет их за туманом забвения, чтобы сделать его полностью своим созданием. Какова бы ни была причина, с течением месяцев ему становилось все труднее вспоминать что-либо из своей жизни до Расколотого Камня... Дасумия легко рассмеялась.

— А, понятно. Жрецы Леди Магии говорят такие вещи, да, чтобы мы не убивали воров, которые крадут свитки... или непослушных учеников. И все же я обращаю на них мало внимания. Каждый маг, который может соперничать со мной, уменьшает мою силу. Почему я должна помогать таким потенциальным врагам возвышаться, чтобы бросить мне вызов? Что я получу от этого?

Она наклонилась вперед, чтобы постучать жезлом по колену Эльминстера. Он старался не смотреть на маленькие зеленые огоньки, мигающие вокруг него и почти лениво блуждающие вверх и вниз.

— Я видела тебя на коленях перед Мистрой по ночам, — сказала она ему. — Ты молишься и умоляешь ее, да, но скажи мне: как много она с тобой разговаривает?

— Теперь никогда, — признался Эл, его голос был таким же глубоким и тихим, как отчаяние, которое он чувствовал. Все, за что ему нужно было цепляться, это его маленькие предательства, и если она когда-нибудь обнаружит их...

Дасумия торжествующе улыбнулась.

— Ты один, брошен на произвол судьбы. Если есть Мистра, которая проявляет хоть какой-то интерес к смертным магам, она наблюдает, как сильные помогают себе, перешагивая через тела слабых. Никогда не забывай об этом, Эльминстер.

Ее голос стал более оживленным.

— Я надеюсь, что ты трудился усердно в мое отсутствие, — заметила она, садясь и поднимая жезл, чтобы направить его в лицо, как обнаженный меч. — Сколько целых скелетов готово?

— Тридцать шесть, — ответил Эльминстер. Она снова приподняла бровь, явно впечатленная, и наклонилась вперед, чтобы заглянуть ему в глаза, заставляя его встретиться с ней взглядом одной только силой своего присутствия. Эл старался не морщиться и не отклоняться в сторону. В некотором смысле леди Дасумия была такой же... устрашающей вблизи и такой же неотразимо сильной, как и сама Святая Леди Мистра. Как, спросил тихий голос в глубине его сознания, это могло быть возможно?

— Ты *усердно* работал, — мягко сказала она. — Я думала, ты потратишь некоторое время, попытаешься проникнуть в мои книги и еще немного покопаться в моей башне, прежде чем достанешь лопаты. Ты меня порадовал.

Эл наклонил голову, попытавшись скрыть удовлетворение — и облегчение — на своем лице и в голосе. Значит, она, должно быть, не узнала о его спасательной работе.

Своими заклинаниями ее самый послушный ученик исцелил слугу и увез его в далекую страну, нагруженного припасами и белого от страха. Она взяла мужчину в свою постель, но устала от него, когда начался Год Служанок Тумана, и однажды утром она превратила его в гигантского червя и оставила насаженным на один из ржавых вертелов за конюшнями, чтобы умереть в медленной, извивающейся агонии. Эл оставил преобразенное тело человека, умершего от лихорадки, вместо слуги. Возможно, неугомонное и безрассудное вмешательство. Безумие стремящего к гибели. И все же он должен был каким-то образом делать такие вещи, проявляя малую доброту, чтобы компенсировать ее большие, масштабные пороки.

Это не было его первым маленьким предательством против ее жестокости... Но всегда был шанс, что оно будет его последним.

— Моя честность всегда превышала мои амбиции, — серьезно сказал он.

Ее насмешка вернулась.

— Воистину, красивые слова, — сказала она. — Я почти могу поверить, что ты следуешь указаниям Мистры буквально.

Она потянулась, как большая кошка, и использовала жезл чтобы почесать спину, положив его в пределах легкой досягаемости Эльминстера.

— У тебя должно быть гораздо больше терпения, чем у меня, — призналась она. Ее глаза были очень темными и пристально смотрели на него. — Я никогда не смогла бы служить такой деспотичной богине.

— Позволено ли спросить, кому вы служите, госпожа-наставница? — спросил Эл, протягивая руки в немом предложении принять зачарованный жезл.

Она еще раз провела им по спине, улыбнулась и вложила жезл ему в руки. Два кольца, которые она носила, мигнули, когда она это сделала.

Дасумия улыбнулась.

— Немного выше... ах, дааа.

Ее улыбка стала шире, когда Эл осторожно использовал жезл, чтобы почесать указанное место, но она не сводила глаз с его рук, и кольца, которые мигали мгновение назад, теперь мерцали постоянным пламенем готовности.

— Это не секрет, — небрежно сказала она. — Я служу Владыке Бэйну. Его подарком мне был темный огонь, который убивает незваных гостей и держит в страхе более осторожных магов. Ты знал, что есть какой-то глупый эльф, который каждую неделю проверяет мои чары новым заклинанием? Он занимается этим уже три сезона, регулярно, как по календарю; почти столько же, сколько ты со мной.

Она снова улыбнулась.

— Возможно, он хочет занять твоё место. Стоит ли мне приказать тебе вызвать его на дуэль?

Эл развел руками и сказал:

— Если таково ваше желание, миледи. Я бы предпочел никого не убивать без необходимости.

Дасумия довольно долго смотрела на него в задумчивом молчании, пока ковер мчался прочь от дымящегося обрубка башни и умирающего дня, и, наконец, пробормотала:

— И лишить меня развлечений, которые приносит мне эльфийская тщетность? Не бойся.

Одним плавным движением она поднялась на колени, выхватила жезл из руки Эла, вложила его в ножны и тем же непрерывным движением протянула обе руки, чтобы обхватить его за плечи. Ее тонкие кончики пальцев легко касались его, но Эльминстер внезапно почувствовал, что если он попытается вырваться из их хватки, то обнаружит, что это когти из неподатливого железа. За три года это был самый тесный контакт между ними.

Он замер, когда его госпожа-наставница приблизила свое лицо к его, почти соприкоснувшись носами, и сказала:

— Не двигайся и не говори.

Ее дыхание было подобно горячему туману на щеках и подбородке Эльминстера, а глаза, очень темные и очень большие, казалось, смотрели прямо ему в затылок и видели все до единой тайны, которые он там хранил.

Она наклонилась немного вперед, всего на мгновение, и их губы встретились. Властный язык раздвинул его собственные губы — и что-то обжигающее и в то же время ледяное ворвалось ему в рот, с ревом пронеслось по горлу и свернулось кольцом в носу. Агония — жгучая, содрогающаяся, невыносимая агония! Эл чихал снова и снова, цепляясь за ткань в отчаянной попытке удержаться от падения, зная, что все его тело содрогается. Он бился в конвульсиях и валялся на ковре, всхлипывая, когда мог достаточно отдышаться... И он был беспомощен, как ребенок. Желтый туман плясал и тек перед его глазами; темнеющее небо над головой продолжало прыгать и вращаться, и он бился о когти, которые держали его с болезненной, неподвижной силой. Казалось, целую вечность он кашлял и боролся с желтым туманом, обливаясь потом, пока тело от полного изнеможения не могло больше биться в конвульсиях. Он мог только лежать и стонать, пока уменьшающиеся волны боли ослабевали, пробираясь сквозь него. Он был Эльминстером. Он был слаб, как сухой, свернутый лист, уносимый ветром. Он лежал

на спине на ковре-самолете, и единственное, что удерживало его от падения в агонии, была железная хватка колдуньи, которой он служил, леди Дасумии. Теперь ее руки ослабили хватку. Одна отпустила его помятый бицепс, в который была погружена на несколько дюймов, как железный якорь, во время его припадка, и прошла по его лбу, смахивая океаны пота. Она склонилась над ним в сгущающемся сумраке наступающей ночи, когда ветер с высокого неба скользнул по ним обоим, и тихо сказала:

— Ты ощутил темный огонь. Предупреждаю: если ты когда-нибудь предашь меня, это наверняка убьет тебя. Пока ты поклоняешься Мистре больше, чем считаешь меня, дыхание Бэйна будет для тебя мучением. Три ученика в последние годы целовали меня непрошеными поцелуями; ни один из них не дожил до того, чтобы похвастаться этим.

Эльминстер уставился на нее, не в силах вымолвить ни слова. Агония все еще владела им. Она посмотрела ему в глаза своим пылающим темным огнем взглядом и медленно улыбнулась.

— Однако твоя преданность превосходит их преданность. Ты сразишься за меня с моим злейшим врагом и победишь его — когда будешь готов. Но сначала тебе придется научиться убивать, быстро и не считаясь с ценой. Он не даст тебе много времени на размышления.

Наконец Эл нашел в себе силы заговорить. Его голос был хриплым и прерывистым, но, тем не менее, это была речь.

— Миледи, кто этот враг?

— Волшебник, Избранный Мистрой в качестве ее личного слуги, — ответила леди Дасумия, глядя в сторону последних лучей заходящего солнца. Под ними начал опускаться ковер. — Он покинул меня ради этого, и хотя он не смог следовать по узкому пути, который Леди Магии проложила для него, и теперь называется Избранным Мятежником, он не вернулся ко мне. Ха! Мистра, должно быть, не в состоянии признать, что кто-то может отказаться от слепого поклонения ей.

Ее глаза горели, когда она повернулась, чтобы встретиться взглядом с Эльминстером, и добавила тоном еще более легким и небрежным:

— Его зовут Надратен. Ты убьешь его для меня.

Последний принц Аталантара посмотрел на проносящееся мимо ночное небо и вздрогнул.

* * * * *

Шорох и карканье ночной карги раздавались в густых зарослях хикселя, шиполиста и сумеречных деревьев в окрестностях замка. Когда ковер-самолет опустился к самой высокой из черных башен, пара глаз моргнула среди потрескавшейся коры иссеченного молниями сумеречного дерева и медленно превратилась в холодное сердитое эльфийское лицо. Вспыхнувший гнев сверкнул в глазах Илбрина Старима, когда он тихо сказал:

— Твои обереги могут блокировать мой слух, гордая леди, но мои заклинания работают достаточно хорошо, когда ты путешествуешь по всему миру. Не слишком рассчитывай на своего ученика. Его жизнь принадлежит мне.

Он сердито смотрел на самые высокие башни замка леди еще долго после того, как ковер исчез из виду, пока его взгляд внезапно не стал более спокойным. Он нахмурился, скорее в задумчивости, чем в ярости.

— Интересно, уцелело ли что-нибудь в башне этого мага? — спросил он у ночи.
— Это стоит того, чтобы отправиться в путешествие и посмотреть...

Темное сияние вспыхнуло и за клубилось, как дым, и среди сумеречных деревьев больше ничто не сверкало.

* * * * *

Замок Дасумии поднимался в небо над ними темными, неприступными крепостными стенами. Табараст посмотрел, как ковер-самолет исчез в его сердце с множеством башенок, и хмыкнул.

— Что ж, это было захватывающе, — сказал он. — Должен сказать, еще один день великолепного и энергичного развития Искусства.

Белдрун оторвал взгляд от кружки волшебного подогретого супа, который он баюкал, и заговорил несколько резким тоном.

— Моя память может время от времени подводить меня, уважаемый Бераст, но договорились ли мы или нет больше не жаловаться на потраченное впустую время и упущенные возможности? Наша миссия была и остается ясной. Этот Скиталец может быть неоперившимся идиотом, но он — и то, что он решает делать — сейчас являются самыми важными достижениями в Искусстве во всем Торице. Я думаю, что мы можем позволить себе повиноваться велениям богини — *нашей* богини — и пропустить несколько лет разглядывания выцветших, пыльных писем в надежде найти новый способ создания летающих огоньков.

Табараст только хмыкнул в безмолвном согласии. Несколько огоньков зажглись высоко в башнях замка Дасумии, а вокруг возобновились ночные звуки. Они долго молчали, скорчившись на маленьких табуретках в конце живой изгороди, которая отмечала край ближайшего вспаханного поля к замку леди, пока Белдрун не пробормотал:

— Мардаспер, должно быть, уже считает нас мертвыми.

Табараст пожал плечами и сказал:

— Он охраняет Башню Лунного Рога, а не нас.

— Пфф. Он когда-нибудь рассказывал тебе о своем огненном глазе?

— Да. Что-то насчет проклятия... Он проиграл кому-то дуэль заклинаний, и его служба в качестве стража была платой жрецам Мистерий за разрушение магии и исцеление. Еще один бедный умник-маг, вынужденный служить Леди, которая управляет всеми нами. Белдрун поднял голову.

— Слышу ли я, как вера Табараста Трех Пропетых Проклятий слабеет? Божественные милости Святой Мистры теряют свою власть после всех этих лет?

— Конечно, нет, — отрезал Табараст. — Стал бы я сидеть здесь всю ночь напролет во холодной сырости, если бы сомневался?

Он открыл пальцем крышку своей кружки, сделал большой глоток и оглянулся на башни замка как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из мерцающих огней

погас. Они сидели и ждали, пока их кружки не опустеют, но больше ничего не произошло. Замок, казалось, спал. Табараст наконец со вздохом отвел от него взгляд.

— Мы все пешки Леди, которая следит за Плетением, не так ли? Все сводится к тому, обманываете ли вы себя, думая, что вы свободны, или нет.

— Что ж, я свободен, — отрезал Белдрун, поджав губы. — Пусть эти забавные идеи гнездятся в вашей голове, Табараст, и управляют вашей жизнью, я не против, но пожалуйста, вычеркните меня из списка «глупых марионетки» в своем сознании. И вы проживете дольше, если вычеркнете некоторых других магов.

Табараст повернулся, чтобы окинуть молодого мага мудрым и проницательным старческим взглядом.

— Каких других магов?

— О, только те, кого вы встречаете, — проворчал Белдрун. — Все их.

* * * * *

Вдали от башенок, за которыми наблюдали Табараст и Белдрун, и еще дальше от разрушенного дымящегося обрубка, который был башней Холивантера, на фоне ночного неба возвышалась еще одна башня волшебника. Это было скромное сооружение из грубого камня, усеянное множеством маленьких окон с неплотно закрытыми ставнями. С подоконников свисали солнечные ящики с травами. Она стояла одна в диких землях, без соседства деревни или грязной дороги, и олени удовлетворенно паслись у самой ее двери — пока туман, тихо поднимающийся из травы, не опустился на них, и они не погрузились в забвение, оставив после себя только кости. Когда не осталось глаз, чтобы увидеть его, холодный, звенящий вихрь прокрался к основанию башни и начал подниматься.

Проплывая мимо вьющихся роз и плюща в жуткой тишине, он собрался в воздухе, как извивающаяся змея, и бросился через щель в ставне на полпути вверх по башне, вливаясь в спящую темноту за ней. Темная комната внутри вела в другую темную комнату, и туманный ветер закружился, застонал, собирая свою мощь в ней среди книг и заваленных свитками столов и пыли, и превратился в вертикальное, скользящее существо с когтями и клыками, которое выскользнуло на спиральную лестницу в сердце башни и вверх. На вершине башни свет свечей сквозь плохо подогнанную дверь отбрасывал отблески вниз по лестнице, и старый грубый голос говорил в одиночестве, не обращая внимания на опасность, подкрадывающуюся все ближе по мере приближения когтистого тумана. В центре нарисованного мелом символа, украшенного множеством свечей, на коленях стоял старик в сильно залатанной одежде, лицом к нарисованному мелом изображению указывающей человеческой руки. Голубое сияние очертило руку. И она, и рисунок мелом были его работой, потому что он долго жил один.

— В течение многих лет я служил тебе, и Великой Леди тоже, — молился волшебник. — Я знаю, как разбивать вещи заклинаниями и создавать их тоже. И все же я мало что знаю о мире за пределами моих стен и сейчас нуждаюсь в твоём руководстве, о Азут. Услышь меня, Высокий, и скажи, молю: кому я должен передать свою магию?

Его последнее слово, казалось, отозвалось эхом, как будто через огромный залив или пропасть, и голубое колдовское сияние внезапно засверкало почти ослепительно ярко. Затем оно полностью погасло, когда из самого пола поднялся ветер, исходящий от нарисованной мелом руки. Свечи дико вспыхнули, выплюнули пламя и погасли под его стремительным натиском, и из темноты, последовавшей за их смертью, раздался голос, глубокий и сухой: — Берегись, верный Интрас, ибо опасность сейчас очень близка к тебе. Я вберу твоё Искусство в себя после твоей кончины... не беспокойся.

С потрескиванием вытекающей энергии и странным пением воздуха что-то, принесенное этим ветром, обтекало старого волшебника, обвиваясь вокруг его дрожащих конечностей, окутывая теплом и энергией. С легкостью и ловкостью, которых он не испытывал годами, старик вскочил на ноги, поднял руки и с довольным удивлением в глазах наблюдал сквозь блеск непролитых слез, как крошечные молнии перескакивают с одной руки на другую.

— Повелитель, — хрипло сказал он, — я недостоин такой помощи. Я...

Позади него дверь комнаты заклинаний раскололась сверху донизу, протестуя взвизгнув, когда более дюжины когтей буквально разорвали ее на части, отбросив осколки и открыв пустую дверную раму. Что-то светившееся бледным, колеблющимся призрачным светом, стояло наверху лестницы — что-то большое, угрожающее и бесформенное. Существо с когтями, постоянно двигающимися челюстями, щупальцами и безжалостно зазубренными жвалами. Существо, несущее угрозу и смерть, теперь неторопливо входило в комнату заклинаний почти злорадным, медленным шагом.

Интрас Беделмрин наблюдал, как смерть идет за ним, паря над оберегами, которые могли бы сжечь конечности от одного прикосновения, и сглотнул, дрожа. Молния вспыхнула в нем, словно напоминая, и внезапно Интрас запрокинул голову, глубоко вздохнул и заговорил так громко и властно, как только мог.

— Я защищен самим Азутом и не испытываю страха ни перед кем. Уходи, кем бы ты ни был. Уходи отсюда навсегда!

Старый волшебник сделал шаг к когтистому существу. Молния все еще прыгала с руки на руку. Призрачное сияние поднялось угрожающей стеной когтей и тянущихся щупалец, оно мерцало, дрожало и темнело. В нем открывались дыры — дыры, которые росли вместе с ним. С ужасающей скоростью оно расширилось и выросло почти до потолка, возвышаясь над стариком в залатанной мантии. Интрас стоял и смотрел на это, не зная, что делать, и поэтому не делал ничего.

Роковое решение для искателей приключений и не лучше для волшебников. Он внутренне содрогнулся, зная, что смерть может наступить в считанные мгновения, в ужасе от того, что он может принять ее, когда мог бы избежать — сделав правильный шаг, сделав *что-то*. Когти вцепились в него в ужасном выпаде со всех сторон, который оставил его в полном неведении о том, что щупальце, у которого выросли острые шипы и челюсти с длинными клыками, извивалось в темноте, чтобы ударить его сзади и снизу.

Молния треснула, раскалилась добела в воздухе комнаты заклинаний и снова исчезла, оставив — когда слезающиеся глаза мага снова смогли видеть — слабо мерцающий серый туман, съежившийся и извивающийся в воздухе у двери. Йинтрас

глубоко вздохнул и совершил один из самых смелых и глупых поступков за всю жизнь. Он сделал шаг в сторону тумана, усмехнулся, затем сделал еще один шаг, подняв руки, несмотря на отсутствие молнии или какого-либо ощущения прилива или скрытой силы.

Туман собрался, словно для того, чтобы сразиться с ним, поднимаясь и сгущаясь в небольшую, но плотную массу, похожую на готовый поднятый щит, перетекающий в бесформенность. Старый волшебник сделал еще один шаг, и странный туман, казалось, задрожал.

Он протянул руку, как будто хотел схватить его. Во внезапном потоке холодного воздуха и звоне, похожем на крошечные колокольчики, туман превратился в бурлящий поток и в мгновение ока исчез за дверью, оставив после себя только эхо скорбного рычания. Интрас проводил его взглядом и уставился в пустоту, где тот находился, на долгое, полное тревоги время. Когда, наконец, он поверил, что туман действительно исчез, он снова опустился на колени, чтобы выразить свою благодарность. Все, что вырвалось, были усиливающиеся рыдания, он был не в силах остановить. Он пополз вперед в темноте на четвереньках, пытаясь хотя бы произнести имя Азута. Затем он замер от удивления и благоговения. Там, где падали его слезы, свеча за свечой оживали сами по себе в безмолвно растущей струе танцующего тепла.

— Азут, — наконец сумел прошептать он. — Моя благодарность!

Все свечи одновременно погасли, а затем снова вспыхнули. Интрас опустился на колени посреди них, тронутый благодатью и благодарный за это. Печаль смешивалась с его ярким восторгом, и под всем этим он чувствовал себя опустошенным, совершенно опустошенным. Он коснулся размазанного мела, который когда-то был контуром указывающей руки, и заплакал как ребенок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ РАЗДЕЛЕННЫЙ ТРОН

Трон - это приз, за который чаще всего дерутся мелкие и жестокие люди. И все же в ясное утро это всего лишь стул.

*Ральдерик Хэллоушоу, Шут
из Правления королевством, от осадной башни до навозной кучи,
опубликовано примерно в Год Кровавой Птицы*

Тень упала на страницы, над которыми хмурился Эльминстер. Ему не нужно было поднимать голову, чтобы узнать, кто это, еще до того, как прядь блестящих иссиня-черных волос скользнула по выцветшим наброскам и заметкам.

— Ученик, — сказала Дасумия ему на ухо мелодичным, нежным тоном, который заставил Эла застыть в тревоге, — возьми Орбрум, Проспер о Безымянных Ужасах и

Том Трех Замков с моего бокового столика в Голубой комнате, и принеси их сейчас мне в Балконный зал. Сними с себя любые предметы, которые обладают даже малейшим двумером, под угрозой твоей жизни.

— Да, госпожа-наставница, — пробормотал Эл, поднимая глаза, чтобы встретиться с ней взглядом. Она выглядела необычно суровой, но в ее глазах не было и намека на гнев или озорство, когда она подошла к двери, которую редко открывали, вошла в нее и плотно закрыла за собой. Громкий щелчок замка совпал с тем, что Эльминстер понял, что должен спросить ее, что делать со стражем Голубой комнаты. Ее заклинание-замок он, вероятно, мог бы взломать — испытание? — но стража пришлось бы убить, если бы он собирался сделать что-то настолько трудоемкое как пересечь комнату, взять три книги и попытаться снова их вынести... В противном случае это его убьют. Если он убьет его, как она однажды сказала ему, маленькие злобные существа освободятся от зеркал, сфер и переплетенных томов по всему замку. Они могли бы бушевать месяцами, прежде чем их всех поймают и снова заставят повиноваться. Месяцы потерянного времени, за которые она отплатила бы ему такой же длительностью мучений... И Эльминстер уже испытывал муки леди Дасумии раньше. Кажется, ее любимым наказанием было заставлять его таскать на четвереньках вещи, при том что руки и ноги были сломаны, поэтому каждое движение было дрожащим и мучительным. Но иногда — чаще в последние дни, когда Год Служанок Тумана сменил весну на разгар лета — она предпочитала связывать Эла к поясом вечного исцеления, а затем последовательно колоть его тонким мечом, смазанным ядом, и клинком, сделанным из шипа длиной с его предплечье, смоченным в разъедающей плоть кислоте. Казалось, ей нравились звуки криков.

Эти размышления заняли у Эла всего несколько секунд, необходимых, чтобы пересечь комнату и открыть дверь, через которую прошла Дасумия. За ней была Длинная галерея, коридор, усеянный чередующимися картинами и овальными окнами. Это был закрытый мост высотой в двадцать человек над мощеным двором, который соединял две самые высокие башни замка. С тех пор как двое бывших учеников леди подумали, что это идеальное место для дуэли, и убили друг друга среди вызванного пламени, которое угрожало обеим пристроенным башням, леди сделала Галерею магически мертвой: сам воздух в ней гасил и подавлял все заклинания, так что Дасумия ничего не могла сделать, кроме как пройти ее значительную длину; у него будет достаточно времени, чтобы окликнуть ее, прежде чем она...

Он рывком распахнул дверь, открыл рот, чтобы заговорить... и молча уставился на темную, безжизненную и очень пустую галерею.

Даже если бы она была такой же быстрой, как самые быстрые калишитские курьеры, и отбросила достоинство, чтобы пуститься в спринт в тот момент, когда дверь закрылась, она была бы не дальше, чем на полпути. Ни на что другое просто не хватило бы времени. Возможно, она изгнала эффект мертвой магии и не потрудилась сообщить ему. Возможно...

Он нахмурился и вызвал свет, направив его так, чтобы он появился в середине прохода. Заклинание было одновременно простым и идеально выполненным... но

свет не расцвел. Галерея все еще была смертью для магии. И все же — никакой леди Дасумии. Эльминстер отвернулся от двери с очень задумчивым видом.

* * * * *

Эл использовал тяжелые многослойные обереги, которые Леди наложила на Голубую комнату, чтобы сплести модифицированное заклинание лабиринта, которое привлекло стража — маленький восторженный летающий водоворот из трех колючих хвостов, когтей и неприятного характера — в “другое место” на несколько долгих мгновений. Он вышел и пошел по коридору, надежно закрыв дверь и держа книги под мышкой, прежде чем страж обрел свою яростно шипящую свободу. Дважды паутина коснулась его лица во время быстрой прогулки по Длинной Галерее, подсказав ему, что госпожа-наставница не проходила этим путем в последнее время и тем более всего несколько минут назад. Двери Балконного зала были открыты, из них мягко вырывался усыпанный звездами дым; Леди соткала заклинательный щит, чтобы защитить свой замок. Значит, готовилось испытание или серьезная дуэль. Держа книги стопкой перед собой, он вошел, и пробормотал:

— Я пришел, госпожа-наставница.

Книги выплыли из его рук к балкону, и с его высоты Дасумия тихо сказала:

— Закрой двери и запири их, ученик.

Эл поднял глаза, когда повернулся обратно к дверям. На ней была маска, и ее волосы развевались по плечам, как будто их развевал ветер. Шары заклинаний парили над ней и позади; Эл видел, что большая часть ее украшений висит в одном, а книги направлялись к другому. Здесь должна была сотвориться настоящая магия. Он без спешки установил засов и закрепил его цепями, давая ей время, необходимое, чтобы быть абсолютно готовой. Когда сталкиваешься с чарами колдуньи, которая может уничтожить тебя по своему желанию, лучше не давать ей повод для раздражения. Когда он вернулся в комнату, последнее сияние заклинаний потускнело до ряда мерцающих огней вокруг перил балкона. Он больше не мог видеть волшебницу, которая стояла где-то над ним.

— Пришло время, и уже давно, Эльминстер, для испытания. Защищайся, как можешь, и наноси ответный удар не слабо, а чтобы убить.

Внезапный свет вырвался откуда-то сверху: белый, обжигающий свет, который исходил от лица, корсажа и сложенных чашечкой рук его госпожи-наставницы. Знала ли она о его предательствах?

Лучше узнать такие вещи позже... если он доживет до того, чтобы насладиться «позже». Эл развернул маленький вихрь, чтобы поймать луч и послать обратно в нее, нырнул, когда его ярость оказалась слишком сильной чтобы защититься, и распустил свой вихрь в грохочущем взрыве, который устроил кратковременные пожары здесь и там на полу Зала. Заклинанием Эл схватил один из них и швырнул в нее в надежде испортить следующее заклинание. Тот замерцал, широко разлетелся, но его краткое сияние показало ему, что Дасумия стоит неподвижно, как столб. Серебряные полосы магии хлестали вокруг нее, полосы, которые превратились в колышущиеся цепи, с грохотом обрушившиеся на Эла. Он протанцевал через зал, чтобы выиграть несколько лишних мгновений, которые им понадобятся, чтобы

догнать его, затем сложил руки вместе в порыве заклинания, которое разрушило их. Он разместился и наклонился так, чтобы выплюнуть неиспользованный огонь своего заклинания на балкон, задаваясь вопросом, как долго его дюжина или около того защитных или универсальных заклинаний смогут служить ему против собранной мощи ее магии. На этот раз часть атаки дошла до нее; он увидел, как она ахнула и откинула голову назад. Волосы закружились в тот пылающий момент, когда ее заклинательный щит рухнул под обжигающей, царапающей атакой его удара.

Затем он увидел, как блеснули ее зубы, когда она улыбнулась, и почувствовал первый холодный шепот страха. Теперь наступит агония, если она сможет прорваться сквозь его защиту и сбить с ног. И рано или поздно — скорее, рано — она это сможет.

Фиолетовая молния плюнула из темного небытия в дюжине мест вдоль перил балкона и ударила вниз в зал, отражаясь здесь, там и повсюду. Эл быстро сотворил заклинание защиты, но почувствовал жгучую боль выше локтя и в противоположном бедре и с криком и грохотом рухнул на каменный пол, прикусив язык. Его тело беспомощно подпрыгивало и корчилось, когда сквозь него проносилась молния. Теперь он боролся за то, чтобы дышать, а не плести заклинания или разрабатывать тактику. И все же, возможно, обрывки его слабеющей, выцветающей брони можно было бы использовать, чтобы отбросить ее молнию назад — потому что она не потратила время на то, чтобы создать для себя еще один заклинательный щит. Эл ползал и катался, слепо и мучительно, стремясь оказаться подальше от обжигающей волны молнии, туда, где он мог бы отдышаться и заставить свои конечности повиноваться. Нарастающий свистящий звук прямо над его головой сказал Элу, что его броня уцелела — и может довольно эффективно отражать молнии. Он опустил её над головой, чтобы рассеять молнию, которая держала его в плену, затем сдвинул её в сторону, перекатившись, чтобы остаться в ее тени. Молния на мгновение вцепилась ему в ногу, а затем он снова был свободен. Пробормотав жалкую инкантацию, чтобы сделать броню больше и долговечнее, Эл приподнялся на корточки, чтобы посмотреть на последние несколько молний, ползающих по залу. Потребовалось несколько мгновений, чтобы отклонить их так, чтобы поймать их в броню и бросить обратно на балкон, обстреливая его в течение кратчайшего мгновения, прежде чем они испарились под натиском следующего заклинания леди Дасумии. Это была стена зеленой пыли, которую он видел раньше. Недолговечная и нестабильная, но превращающая все живое, к чему она прикасалась, в камень. Эл сотворил стену силы так быстро, как только умел, создав ее изогнутой, как сложенная чашечкой ладонь, чтобы зачерпнуть пыль и высыпать ее обратно на балкон. Когда его “рука” двинулась в одну сторону, он побежал в другом направлении, швыряя магические снаряды туда, где, должно быть, сидела на корточках его госпожа-наставница, чтобы не дать ей отойти от места, где ее пыль прилетит обратно к ней. Мгновение спустя светящееся зеленое облако разлилось по балкону, и Дасумии было слишком поздно бежать. Эл испытал удовлетворение, увидев, как она напряглась и замерла. Мгновение спустя он закричал от неожиданной боли, когда острые, режущие лезвия материализовались из воздуха со всех сторон. Он бросился на пол и перекатился, прикрывая лицо и горло плотно

сжатыми руками, пока заставил свою силовую стену спуститься с балкона, как пикирующий сокол, чтобы отбить клинки и защитить его. Крики сверху сказали ему, что его тактика сработала; он выдохнул одно из двух своих заклинаний рассеивания магии, чтобы очистить воздух от летающего, острого как бритва металла, затем разинул рот от удивления, когда с исчезновением лезвий мерцающая змея силы обрушиться вниз, набрасываясь на его силовую стену, пока та не рухнула. Увернувшись от волшебного хлыста, Эл украдкой взглянул на Дасумию на балконе, все еще недвижно стоящую с поднятой рукой. Она не сдвинулась ни на дюйм. Эти заклинания, поражающие его сейчас, должны быть связаны, так что разрушение или сковывание одного пробуждает следующее! Осознавала ли она окружающий ее зал в своем окаменевшем состоянии? Могла ли в какой-то мере контролировать свою магию?

Эл отмахнулся от удара хлыста, который ударил по полу так близко, что его руку и плечо начало покалывать, и бросился к лестнице на балкон. Хлыст последовал за ним, извиваясь, будто гигантская змея.

Он преодолевал широкие ступени по три за раз, мчась изо всех сил, и смог нырнуть за каменные ноги Дасумии, прежде чем хлыст смог найти его. Он обрушился рядом с его лицом, сила его удара подняла остатки зеленой пыли. Эл обнаружил, что цепенеет... и изо всех сил старался не замедлиться, обхватил рукой ноги своей госпожи-наставницы и попытался взобраться на нее, в то время как хлыст бушевал в воздухе вокруг него, но не бил... а Эльминстер обнаружил, что вообще не может пошевелиться. Хлыст исчез в пятнах угасающего света, и на мгновение в Балконном зале воцарилась мирная темнота.

— Если в будущем мои колени замерзнут, я буду знать, кого позвать, — раздался знакомый голос над головой Эла, и он рухнул на лодыжки Дасумии и пол балкона, когда его конечности внезапно обрели свободу. Она отступила от него, повернулась, уперев руки в бедра, и посмотрела вниз. Их взгляды встретились. Дасумия видом выразила удовлетворение и одобрение.

— Ты — меч, достаточно готовый к бою, — сказала она ему. — А теперь иди и поспи. Когда ты будешь полностью готов, ты будешь сражаться всерьез, в другом месте.

— Госпожа-наставница, — спросил Эльминстер, поднимаясь на ноги, — можно ли спросить, с кем я буду драться на дуэли?

Дасумия улыбнулась и провела тонким пальцем по линии своего горла.

— Ты, — весело сказала она, — бросишь вызов Надратену, Мятежному Избранному, за меня.

* * * * *

Кровавый Единорог хлопал крыльями над воротами Нетрара и аркой ворот дворца в его сердце, сообщая каждому галадорцу, что Король все еще жив. По мере того как тянулся этот яркий летний день, немало глаз снова и снова смотрели на эти штандарты, пытаясь узнать, изменилось ли правление на Троне Единорога. В течение сезона и более стареющий бездетный король Баримгрим стоял одной ногой в могиле, оставаясь в живых после того, как его разорвали когти зеленого дракона

Арлаваунты, только благодаря его огромной силе и Искусству придворного мага Илгрита. Некогда могучий воин теперь превратился в бледную и слабеющую оболочку, неспособную зачать детей даже с магической помощью, и поглощенную вездесущей болью. Во время болезни Баримгрима Галадорна пострадала от стычек и беспорядков: поджоги урожая и, что еще хуже, из пяти баронов каждый стремился стать королем после Баримгрима. У всех были кровные узы с тронном, все считали Галадорну своей по праву... И галадорнцы ненавидели и боялись их всех. В этот день в Доме Единорога напряжение было настолько сильным и тяжелым, что его можно было разрезать ножом — и в его тусклых, увешанных гобеленами залах не было недостатка в ножах, которые держали наготове. Король больше не ожидал увидеть наступление ночи, и его отнесли на трон слуги, где он сидел с мрачной решимостью на лице и короной, соскользнувшей на лоб. Волшебник Илгрисл стоял на страже над ним как высокая, вездесущая тень. Его собственная мрачная черная мантия была прикрыта официальной накидкой с малиновыми единорогами. Он не позволял никому, кроме себя, поправлять корону или приближаться. Для его бдительности была веская причина. Все пять баронов, как стервятники, кружащие над местом смерти, в этот день рыскали по дворцу. Илгрисл попросил самого старшего и законопослушного из них, огромного и бородатого воина, которого люди называли Медведем, привести своих семерых лучших воинов, чтобы поддержать охрану трона, и барон Белундрар так и сделал. Сейчас он стоял, хмуро оглядываясь на три двери тронного зала. Его волосатые руки сжимали рукояти множества кинжалов на поясе. Он наблюдал за своими людьми, которые с каменными лицами, нос к носу, смотрели на гораздо более многочисленные войска барона Хотала, которые, как и их хозяин, пришли ко двору в этот день в полных доспехах, изрядно ошетилившихся клинками в ножнах. В самом центре, где они стояли плотнее всего, скрывался их хозяин в броне. Некоторые галадорнцы говорили, что он никогда не снимал ее, кроме как для того чтобы надеть новые, более крупные части.

Другие бойцы тоже были здесь, хотя и без доспехов, и выглядели так же настороженно и неуютно среди готовых к бою воинов, как крабы без панцирей. Некоторые из них были одеты в пурпурные туники барона Маэтора, учтивого и вечно улыбающегося мастера тысячи интриг и еще большего количества галадорнских спален. «Пурпурные отравители», как называли их некоторые жители королевства, и не без причины. Другие слуги — некоторые из которых подозрительно походили на выдавших виды из других земель, а вовсе не на галадорнанцев — носили алый цвет барона Фельдриня, беспокойного обманщика, который, казалось, выращивал золотые монеты на кончиках пальцев каждый раз, когда он протягивал руки, чтобы взять что-то... а руки он вытягивал часто. Последними среди этого братства готовой смерти прогуливались надменные маги и быстрые клинки барона, которого некоторые придворные считали самой опасной угрозой свободе всех галадорнцев: Толоня, будущего мага и покрытого шрамами опытного фехтовальщика. Он называл себя «лордом», а не бароном, и почти десять лет игнорировал указы и распоряжения Трона Единорога. Некоторые говорили, что Арлаваунта была вызвана из своего логова и напала на короля благодаря его заклинаниям — потому что Баримгрим ехал с армией вооруженных рыцарей, чтобы

потребовать от Толона новой присяги и выплаты большого долга по налогам, когда произошло нападение дракона.

— Стая стервятников, — пробормотал король, наблюдая, как лакеи в ливреях плываю́т в тронный зал. — Никого из этих людей я бы не выбрал присутствовать при моем последнем вздохе.

Придворный маг Илгрис́т тонко улыбнулся и ответил:

— Ваше величество, безусловно, имеет на это право. Он сделал небольшой знак рукой одному из стражников трона, которые в этот день охраняли балконы, чтобы убедиться, что ни один баронский арбалетчик просто случайно не поднялся по задней лестнице, чтобы лучше видеть происходящее. Офицер кивнул и послал трех охранников вниз по лестнице, один из которых нес рог, а двое других шли медленной, размеренной поступью. Между ними во всем великолепии развевалось знамя Кровавого Единорога. На нем был изображен скачущий малиновый “рогатый конь”, запечатленный силуэтом на фоне полной луны, на сверкающем золотом поле. Когда знамя было положено у ног короля, стражник с рогом протрубил одну высокую, звонкую ноту, чтобы показать, что сейчас проходит открытый суд — и король будет принимать общественные делегации и просьбы от всех подданных, независимо от происхождения. В этот день в зале было несколько простолуди́нов — людей, которые всегда присматривали за королем, или которые не пропустили бы сегодняшнюю ожидаемую опасность и волнение, независимо от того, какая судьба может им грозить. Однако никто из них не осмелился пробиться сквозь толпу баронских людей. Трон стоял перед полуко́льцом вояк, которые сурово смотрели во все стороны, все время поглаживая рукояти наполовину обнаженных кинжалов. Если бы у него хватило сил, король Баримгрим встал бы и насмешливо прошелся, представляя их всех друг другу. Как бы то ни было, он просто сидел и ждал, кто из пяти кружащих стервятников был самым смелым. Война начнется независимо от того, что будет решено здесь сегодня... но он мог оказать Галадорне последнюю услугу и оставить ее трон настолько прочным, насколько это возможно, чтобы кровопролитие, если боги улыбнутся, было ничтожным. Медведь встанет рядом с ним, если понадобится. Е подарок, но лучший из плохой партии. Он верил в законы и поступал правильно... Но насколько это было основано на его твердой вере в то, что, будучи старшим бароном среди пяти и главой старейшего и крупнейшего благородного дома, правильным было видеть Белундрара на троне? Трудно сказать, что было самой опасной угрозой: бесконтрольные маги Толона, шпионы и яды Маэтора или грубые клинки Хотала, которых хватит, чтобы срезать все. И на какую неожиданную выходку потратил золото Фельдрин... или он поддерживал кого-то другого? Или с ним имели дело лорды Лаоткунда или другие алчные иностранные державы?

А вот и началось. Из толпы напряженно ожидающих воинов к Баримгриму вышел молодой чернобородый мужчина в зелено-серебряной одежде Хотала — один из немногих, кто в этот день не явился ко двору в полном боевом облачении. Посланник низко склонился перед троном и сказал:

— Ваше милостивейшее величество, вся Галадорна скорбит о вашем состоянии. Милорд Хотал глубоко опечален судьбой царственного Баримгрима, но также скорбит о будущем прекрасной Галадорны, если Трон Единорога опустеет, и за него

придется сражаться в это время. Или, что еще хуже, на него сядет тот, чья злоба или грубое невежество приведут королевство к гибели.

— Вы достаточно ясно выражаете свои опасения, сэр, — сказал тогда король, и его сухой тон вызвал смехи по всей комнате. — Я надеюсь, вы также принесли решения?

Покрасневший посланник резко ответил:

— Ваше величество, это так. Я говорю от имени Хотала, барона Галадорны, который просит разрешения принять корону в это время, мирно, — его голос повысился, чтобы перекрыть насмешки и споры многих в зале, — и с справедливым уважением к правам и желаниям других. Мой господин просит об этой чести не просто так. Он был очень усердно трудился на благо Галадорны и попросил меня рассказать следующее: в обмен на обещания, что нерушимый мир и справедливое правосудие будут и впредь процветать в королевстве, он пользуется полной поддержкой самого могущественного лорда Фельдрин, барона Галадорны, что этот благородный господин сам подтвердит.

Все взгляды обратились к Фельдрину, который улыбнулся в своей обычной хитрой, косо́й манере, его глаза ни на кого не смотрели — и кивнул, медленно и обдуманно.

— Более того, — продолжил посланник, — мой лорд говорил с врагами Галадорны с целью держать их подальше от наших границ и от наших кошельков, чтобы земля оставалась свободной и процветающей, без тени страха войны на наших порогах. В обмен на самые выгодные цены на серебро и железо из наших глубоких лесных шахт, лорды Лаоткунда согласились заключить договор о взаимном мире и уважении границ.

Крики гнева, проклятия и вздохи преувеличенного ужаса подняли такой шум в зале, что посланник сделал паузу на некоторое время, прежде чем добавить: — Милорд Хотал утверждает, что, поскольку он возглавляет силы, которые лучше всего могут обеспечить безопасность и процветание королевства, корона должна перейти к нему, и, для блага Галадорны, его правление должно быть провозглашено вами законным, пока вы в состоянии, ваше величество.

Раздался еще один шум, мгновенно заглушенный глубоким рокотом барона Белундрара, когда он в развалку подошел к трону. С явной неохотой в голосе и гневом в глазах он сказал:

— Я разделяю негодование многих здесь присутствующих, что какой-то галадорнец может тайно иметь дело с волками Лаоткунда. Однако... — Его зеленые глаза яростно сверкали под кустистыми черными бровями, а разбитый нос выступал, как обнаженный клинок. Барон сделал паузу, чтобы окинуть комнату свирепым взглядом, прежде чем продолжил. — Однако я поддерживаю эту претензию на корону, какой бы интригой это ни казалось, до тех пор, пока будет соблюдаться верховенство закона и права. Галадорной должны править сильнейшие — и она не должна стать страной поножовщины, ежемесячных интриг или казней.

Когда Медведь отступил, чтобы еще раз получше осмотреть все двери, при его словах поднялся ропот согласия, но снова разговоры на мгновение стихли, когда другой барон вышел вперед и промурлыкал:

— Минутку, храбрый Белундрар! Вы говорите так, как будто не видите приемлемой альтернативы этому явному заговору, которая обеспечила бы безопасность прекрасной Галадорны в предстоящие годы. Что ж, тогда послушайте меня, и я сделаю предложение, не запятнанное тайной сделкой с врагами.

Лорд Толон проигнорировал инстинктивное рычание Белундрара и продолжил, медленно поворачиваясь по кругу с протянутой рукой, чтобы осмотреть всех в комнате.

— Вы слышали вполне реальные и искренние опасения за безопасность нашего любимого королевства. Я разделяю любовь к Галадорне и беспокоюсь за безопасность всех нас. Однако, в отличие от других, я занимался не темными тайными сделками, а сбором лучшей компании магов по эту сторону моря!

Раздавалось фырканье и плевки, многие воины выражали свое отвращение к любой зависимости от волшебников и присутствию здесь наемных магов-чужеземцев.

Толон с холодными глазами немного повысил свой мурлыкающий голос и твердо продолжил:

— Только мои маги могут гарантировать мир и процветание, к которым мы все стремимся. Тем, кто не доверяет магии, я задаю следующий вопрос: если вы действительно хотите мира, почему нанимаете и общаетесь с жаждущими битвы воинами? Галадорне вряд ли нужны такие кровожадные лорды.

Затем он немного помолчал, ожидая услышать согласный шепот, но вместо этого услышал в зале, полной испуганных придворных и разгневанных воинов, только каменное молчание. Тогда он быстро добавил:

— Я обладаю достаточной магией, чтобы сделать Галадорну не только безопасной, но и великой — и разобраться с любыми предателями в этом зале, которые планируют поставить другие интересы выше безопасности и восстановления королевства Кровавого Единорога.

— Ба! У нас не будет извращенных колдунов, правящих королевством! — крикнул кто-то из толпы вооруженных людей вокруг барона Хотала, и несколько голосов отозвалось озлобленным эхом: — Извращенные колдуны!

Король и придворный маг Илгрис, стоявший у королевского плеча, обменялись взглядами, полными печального веселья.

Суматоха, дошедшая до того, что извлекаемые кинжалы сверкали то тут, то там, снова резко стихла, и воцарилась тишина. Самый красивый из баронов Галадорны выступил вперед с улыбкой, которая слишком часто очаровывала дам Галадорны и сверкала, как ловкий и изящный меч. Барон Маэтор вполне мог сойти за наследного принца, так богато он был одет, так безупречна была его ниспадающая грива каштановых волос и так плавно уверенны его манеры.

— Меня огорчает, люди Галадорны, — сказал он, — видеть такой гнев и открытое беззаконие в этом зале. Это буйство тех, кто ходит с обнаженными мечами и безжалостным желанием использовать их. И оно должно быть остановлено, чтобы Галадорна, которую мы все любим, была спасена от превращения в... землю, которую не стоит спасать или в которой не стоит жить, в логово очередного военачальника.

Он повернулся, чтобы оглядеть комнату, величественно взмахнув плащом. И, когда все глаза были устремлены на него, добавил:

— Поэтому мой долг перед королевством ясен. Я должен и буду поддерживать лорда Толона...

Раздался вздох удивления, и даже у Толона отвисла челюсть. Многие считали Маэтора и Толона двумя сильнейшими баронами, и все в королевстве знали, что они далеко не друзья.

— ...единственного человека среди нас, который может что-то изменить. Я должен лечь спать этой ночью, зная, что сделал все возможное для Галадорны... и я могу сделать это только в том случае, если лорд Толон добровольно даст самому надежному из нас, доброму барону Белундрару, пост сенешаля Нетрара, единолично отвечающего за правосудие во всем королевстве.

Послышался одобрителный ропот. Белундрар моргнул, глядя на Маэтора. Симпатичного мальчика-барона не зря называли «красноречивым отравителем Галадорны». Что он задумал? Маэтор одарил всех последней улыбкой и быстро скользнул обратно в защитное кольцо красивых лакеев в шелках и коже с не слишком тщательно спрятанными кинжалами в кружевных рукавах.

При этом удивительном — и для многих многообещающем — предложении поднялся шум возбужденных разговоров. Бурление, которое резко усилилось, но лишь для того, чтобы снова погрузиться в напряженную тишину, когда последний барон проскользнул через ряды своих сторонников, чтобы подойти поближе к трону, заставив стражников напрячься и повернуться, пока Илгрисом жестом не велел им встать на места. Большие карие глаза Фельдрина блуждали по залу. Его руки трепетали так же нервно и беспокойно, как всегда, когда их худой, слабый на вид владелец склонился над ухом короля. Прекрасная, но плохо сидящая одежда Фельдрина промокла от пота, а его короткие черные волосы, обычно прямые, прилипшие к черепу, выглядели так, словно птица сгребала их в поисках материала для гнезда. Он почти танцевал от страшного возбуждения, когда шептал на королевское ухо. По другую сторону трона Илгрисом тоже наклонился поближе, чтобы послушать, вызвав у Фельдрина один нервный взгляд — но только один.

— Ваше справедливейшее и умнейшее величество, — выдохнул Фельдрин вместе с сильным ароматом петрушки, — я тоже, по-своему, не так смело, люблю Галадорну и хочу любой ценой избежать кровавых разрушений в войне между нами, баронами. Более того, у меня есть достоверные сведения, что по крайней мере три амбициозных лорда Лаоткунда приедут сюда с лучшими наемниками, которых они могут собрать, если мы возьмемся за оружие друг против друга, чтобы забрать себе столько земель Галадорны, сколько они смогут удержать. У этих троих есть договор, и их люди никогда не будут нападать друг на друга, пока кто-либо из нас жив.

— И что с того? — прорычал король, очень похожий на Белундрару в своей нелюбви к угрозам и нашептываемым интригам. Фельдрин нервно заломил руки, его карие глаза были очень большими, когда они метались туда-сюда, вглядываясь, кто может быть достаточно близко, чтобы услышать. Он еще больше понизил голос и наклонился ближе. Илгрисом демонстративно поднял кулак и позволил кольцу на среднем пальце сверкнуть и засиять на всеобщее обозрение. Если бы Фельдрин поднял кинжал на короля, это было бы последнее, что он когда-либо сделал.

— Я тоже поддерживаю лорда Толона, если вы, сир, согласитесь на мои условия, которые, как вы понимаете, должны быть сохранены в секрете. Их два: чтобы Хотал

был казнен здесь и сейчас — ибо он никогда не примет Толона там, где вы сейчас сидите, и будет мучить нас всех в течение многих лет, проливая лучшую кровь королевства

— Включая некоего Фельдрина? — пробормотал король, и улыбка почти тронула по его лицу.

— Я... я... ну, да, полагаю, кхе-кхе... и это подводит нас ко второй проблеме: большая опасность для Галадорны — это улыбающаяся змея вон там, Маэтор. Мне нужно ваше королевское обещание, что с ним очень скоро произойдет «несчастный случай». Он всегда был неутомимым и ненадежным источником интриг, мастером лжи, теней и яда. Государство не нуждается в нем, независимо от того, кто занимает трон. Фельдрин теперь почти задышался, обливаясь потом, от страха перед собственной смелостью.

— И некоему Фельдрину, несомненно, не нужен такой симпатичный соперник в интригах, — пробормотал Илгрис так тихо, что, возможно, только король услышал. Король Баримгрим внезапно протянул руку и схватил Фельдрина за подбородок. Он потянул, разворачивая барона лицом к себе, и пробормотал:

— Я согласен на эти два условия, пока ты будешь верен, и никто больше не умрет от твоей руки, по указке или подстрекательству. Для твоего же блага я ставлю тебе одно условие, умный Фельдрин: когда ты выпрямишься, выгляди встревоженным, а не довольным.

Король оттолкнул шепчущего барона и повысил голос, в котором слышалась дрожь слабости, но также и отрывистый приказ:

— Лорд Толон! Подойди к нам сюда, во имя любви к Галадорне!

На мгновение в некоторых углах тронного зала возникло возбужденное движение, почти крик, а затем наступила мертвая тишина.

Из сердца этой выжидающей, наблюдающей тишины широкими шагами вышел лорд Толон с приятной маской на лице и настороженными глазами. В воздухе вокруг него раздавалось слабое пение: его маги были заняты. Без сомнения, кинжалы оказались бы бесполезными клыками, если бы их бросили в его сторону сейчас или в ближайшем будущем. Если бы — учитывая количество волшебников и воинов, готовых к битве и на пределе возбуждения — для любого в этой комнате существовало ближайшее будущее. Тишина была полной, когда Толон остановился перед Троном Единорога, отделенный от короля только ало-золотым пространством знамени Кровавого Единорога.

— Встань на колени, — хрипло велел Баримгрим, — перед Единорогом. Раздался коллективный вздох затаенного дыхания; такое предложение могло означать только одно. Король потянулся к своей голове и медленно — очень медленно — снял корону. Его руки ни в малейшей степени не дрожали, когда он поднял ее над склоненной головой Толона — головой, на которой появилась торжествующая, почти маниакальная улыбка — и сказал:

— Пусть все истинные галадорнцы, собравшиеся здесь, засвидетельствуют в этот день, что по собственной воле я называю своим законным наследником это...

Вспышка молнии, вырвавшаяся в этот момент из короны, оглушила людей и с силой отбросила их к обшитым панелями стенам. Баримгрим и Трон Единорога были расколоты надвое в одно почерневшее, извивающееся мгновение, корона со

звоном от расколотого потолка. Когда пылающие конечности того, что было королем, рухнули на обломки трона, голова золотого единорога, венчавшая его, громко зарыдала. Придворный маг впервые выглядел удивленным и выхватил палочку, когда пристально посмотрел на раскрашенную деревянную голову... но какие бы чары ни заставляли ее говорить, они исчезли, и голова трескалась и разваливалась на падающие осколки. Игрисст быстро оглядел комнату. Фельдрин безжизненно лежал на полу, его руки были двумя обожженными обрубками, а лицо обгорело. Толон лежал на спине, слабо царапая позолоту тлеющего знамени, которое расплавилось на его лице. Придворный маг выстрелил над ними, вызвав ярость палочки в своей руке, и настоящее облако магических снарядов запело и зарычало, неся бело-голубую смерть по комнате. Немало магов Толона рухнули или соскользнули по стене, из их глаз и разинутых ртов повалили струйки дыма — затем воздух наполнился проклятиями и мечами, сверкающими в руках бегущих людей. Огонь взметнулся по кругу вокруг Илгриста. Палочка в его руке, прежде чем рассыпаться, выплюнула последние три магических снаряда. Они ударили в магов, которые все еще стояли, и один упал. Придворный маг позволил пеплу стечь с его руки, спокойно оглядел кольцо разгневанных вооруженных людей и сказал:

— Нет, Галадорна слишком важна для меня, чтобы допустить такую ошибку. Баримгрим был хорошим королем и моим другом, но... одна ошибка — это то, что убивает большинство королей. Я верю, что остальные из вас, господа...

С ревом, сотрясшим комнату, Медведь Белундрар бросился сквозь пламя, не обращая внимания на боль, и прыгнул на Илгриста.

Волшебник хладнокровно сделал один шаг назад, подняв руку. Нож в руке барона, скользя вбок по горлу Илгриста, ударился обо что-то, что сломало его в вспышке искр и заставило руку Медведя непроизвольно отдернуться назад, отшвыривая рукоять на балконы. Огонь, расцветший в руке волшебника, попал Медведю прямо в лицо, и его рев на короткое мгновение превратился в бульканье, прежде чем его почерневшее пылающее тело рухнуло лицом в пол. Илгрист безглаголиво поднял ногу, чтобы позволить ему упасть рядом.

— Есть ли здесь сегодня еще герои? — мягко спросил он. — У меня в этих руках еще много смертей. Как будто это был сигнал, воздух наполнился брошенными кинжалами и мечами, целящимися в придворного мага со всех сторон от ревающих людей — только для того, чтобы ткнуться в невидимый барьер и отскочить. Илгрист посмотрел вниз на тело Белундрара, которое разорвало его огненный круг и быстро пережигалось надвое его пламенем, и пробормотал:

— Превращен в дымящийся труп. Настоящий патриот — и видите, как многого он добился в конце концов? Ну же, господа! Сдавайтесь. Я буду новым королем...

— Никогда! — прогремел барон Хотал. — Я скорее умру, чем позволю...

Губы Илгриста искривились.

— Ну разумеется, — сказал он.

Он сделал крошечный жест двумя пальцами, и воздух внезапно наполнился звоном и гулом арбалетов, стреляющих выпущенной охраной трона на балконах. Их лица были белыми и пустыми, а движения механическими. Воины застонали, тщетно хватаясь за болты, впившиеся в их лица и горла, и упали. До сих пор скрытые

арбалеты выплюнули ответ от многих баронских солдат по всему залу, и Хотал без шлема, чья голова была пронзена множеством болтов, пошатнулся, а затем повалился на бок. Барон Маэтор вкусил бы столько же летающих смертей, если бы не обладал собственным невидимым барьером, который удерживал как метательные кинжалы, так и арбалетные болты. Многие из его людей без доспехов пали, но другие бросились вперед, чтобы вонзить кинжалы в лица бронированных гвардейцев Хотала или побежали вверх по лестнице балкона, чтобы совершить кровавую месть страже трона Галадорны. Зал взорвался шквалом рубящей, колющей стали, грохотом бегущих людей в доспехах и криками — слишком многими криками. У двух дверей тронного зала возникла новая суматоха, когда королевские солдаты с алебардами в руках протиснулись в комнату, а затем яркая вспышка и рев, которые потрясли зал даже больше, чем молния, и заставили ослепленных людей моргать. В звенящем эхо взрыва, который он вызвал, превратив десяток лучших рыцарей барона Хотала в окровавленные обломки доспехов, застрявшие в расколотых панелях, придворный маг крикнул:

— Все вы — стойте! *Стойте*, я говорю! Простолюдины, стражи трона и оставшиеся люди Маэтора, среди которых был их хозяин — все повернулись, чтобы посмотреть на волшебника. Огненное кольцо вокруг Илгрита исчезло, и маг указывал через комнату на...

Обожженное и изуродованное тело лорда Толона судорожно пыталось сесть прямо, несмотря на искривленные остатки ног. Он обратил незрячие, полные отчаяния глаза на наблюдающих за ним людей и задвигал челюстями, из которых уже некоторое время обильно текла кровь, прежде чем дрожащие губы вяло произнесли ужасно дребезжащие слова:

— Отдайте дань уважения королю Илгриту из Галадорны, как и я. Бескостное тело обмякло — за мгновение до того, как его разорвало взрывом, который забрызгал многих выживших воинов. Один из них прорычал:

— Эти слова произнесло ремесло мага, а не Толон!

— О? — тихо спросил Илгрис, когда скрученная, почерневшая корона Галадорны плавно вылетела из-под обломков в его руку. — И если да, то что ты будешь делать?

Он поправил корону с внезапной демонстрацией силы, и невидимые руки заклинания сняли мантию придворного мага с его плеч. Она упала на пол, когда он шагнул вперед, водрузил на лоб потрепанную корону и громко сказал:

— Все галадорнцы да преклонят колени перед своим новым королем. Я буду править Галадорной как Надратен, именем, которое я знаю гораздо дольше, чем «Илгрис». Склонитесь!

Потрясенная тишина была нарушена шорохами и скрежетом нескольких воинов, неуклюже опускающихся на колени. Один или двое из людей Маэтора опустились на колени; один из его товарищей быстро ударил его сзади ножом, и тот упал лицом вниз с булькающим криком. Король Надратен с нежной улыбкой оглядел группу богато одетых мужчин и сказал им:

— Ну что, Маэтор? Неужели Галадорна потеряет всех своих баронов в этот день?

Позади него послышался шорох. Надратен повернулся, защитная магия оторвала его ноги от пола и мягко опустила на хорошем расстоянии с открытым

ртом от удивления. Накидка придворного мага Галадорны, которую несколько мгновений назад уронил Надратен, снова поднялась с пола и повисла вертикально, как будто ее носил довольно высокий человек. На глазах изумленного двора в накидке появилось тело — человек с ястребиным носом, волосами цвета воронова крыла, одетый в простую мантию и слабо улыбающийся.

— Надратен? — он спросил. — Называемый Мятежным Избранным?

— Король Галадорны Надратен, так уж случилось, — последовал холодный ответ. — А ты еще кто? Тень прошлого придворного мага?

— Меня зовут Эльминстер и, во имя Руки Азута и Милости Мистры, я вызываю тебя на дуэль заклинаний, здесь и сейчас, в кругу моего соз...

— Да клянусь всеми павшими богами, — вздохнул Надратен, и черное пламя внезапно с ревом вырвалось из его рук, устремившись в толстом цилиндре, словно таран, на новоприбывшего. — Умри и больше не мешай моей коронации, — сказал новый король Галадорны внезапному аду черного пламени, вспыхнувшему там, куда ударило его заклинание.

По всему залу бормочущие оруженосцы низко пригибались за колоннами и перилами или выскальзывали прочь через дверные проемы.

Черное пламя взвилось к потолку и с ревом исчезло. Человек в накидке придворного мага стоял в той же позе, за исключением того, что одна бровь теперь была насмешливо приподнята.

— У тебя какое-то отвращение к правилам боя или защитным кругам? Или ты в какой-то спешке перестраиваешь эту часть своего замка?

Надратен выругался — и каменные блоки внезапно посыпались со всех сторон, обрушиваясь из пустого воздуха, сотрясая зал своими громоподобными приземлениями. Каменные осколки разлетелись во все стороны, когда пол разбился вдребезги; еще больше воинов разбежалось, крича от страха. Ни один камень не попал ни в Надратена, ни в Эльминстера. Настала очередь Мятежного Избранного удивленно приподнять брови.

— Ты хорошо защищен, — неохотно согласился он. — Ульмимбер, или как там тебя зовут, ты знаешь, кто я?

— Архимаг великой мощи, — тихо сказал Эльминстер, — названный самой Святой Мистрой одним из своих Избранных, а теперь обращенный ко злу.

— Я не обращался ко злу, глупый волшебник. Я тот, кем был всегда. Мистра с самого начала знала меня таким, какой я есть. — Король Галадорны мрачно посмотрел на своего соперника и добавил: — Ты знаешь, каким будет исход нашей дуэли?

Эл сглотнул, начал кивать, а потом вдруг ухмыльнулся.

— Ты собираешься заговорить меня до смерти?

Надратен прорычал:

— Хватит! У тебя был шанс, идиот, и теперь...

Воздух над ними внезапно потемнел и наполнился множеством призрачных, безликих парящих фигур, закутанных в капюшоны и мантии, уходящих в небытие после того, как они пикировали, направляя холодные призрачные клинки на мага с ястребиным носом. Когда эти клинки пронзали Эльминстера, они скользили внутрь

без крови или сопротивления... и превращались в исчезающий дым и искры, унося с собой своих владельцев.

Надратен изумленно разинул рот. Его слова, когда он смог их подобрать, вырвались с придыханием:

— Ты, должно быть, Изб...

Позади самозванного короля Галадорны, невидимая ни одним из магов-дуэлянтов, скользнула женская рука с длинными пальцами, выступающая из все еще неврежденной прямой спинки Трона Единорога. Вокруг нее танцевали синие пылинки поднявшейся магии. Эти длинные, гибкие пальцы теперь целенаправленно указывали в спину ничего не подозревающего Мятежного Избранного. Глаза Надратена расширились на одно недоверчивое мгновение, прежде чем все его блестящие кости вместе вывалились из передней части тела. За ними последовала окровавленная бесформенная масса плоти, забрызгав сапоги Эла и трон кровью. Эл отскочил, задыхаясь, но кости и ужасная лужа, которая была Надратеном, уже горели, пылая изнутри. Бело-голубая магия впустую закружилась над пламенем яркого серебра, а люди по всей комнате кричали от отвращения и страха. Эл наблюдал, как серебряная нить поднимается прямо из этого пламени, пронзает потолок и горит дальше. Он так и не увидел, как солнечный свет пронзил тронный зал с высоты. К тому времени он уже отшатнулся и тяжело упал на колени, когда магия, которая не была его собственной, ударила в него, разливаясь по его содрогающемуся, плачущему телу.

Барон Маэтор сглотнул. Он не осмеливался приблизиться к пожару высотой в человеческий рост, который был «королем» Надратеном, но этот маг-претендент стоял на коленях, слепо извергая серебряный огонь на дымящийся пол. Галадорна еще может быть свободна от чрезмерно амбициозных магов.

— Дай мне свой клинок, — пробормотал он слуге, не глядя протягивая руку. Всего одного броска было бы достаточно, если...

Высокая, стройная женская фигура вышла из-за этого пожара. Обнаженные бедра над высокими черными сапогами мелькали сквозь разрезы в полуночно-черных одеждах.

— Думаю, я буду править Галадорной, — сладко сказала Дасумия. Голубые пылинки все еще кружились вокруг одной из ее рук. — Взойдя на мой трон в этот Год Служанок Тумана — фактически, в этот самый час. И ты будешь моим сенешалем, Эльминстер из Галадорны. Встань, придворный маг, и принеси мне клятву верности от выживших лордов и баронов или внутренности каждого из них, в зависимости от того, что они предпочтут.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ В ГАЛАДОРНЕ

Мудрый правитель оставляет время среди аудиенций и прогулок для приема кинжалов — обычно в королевской спине.

*Ральдерик Хэллоушоу, Шут
из **Правления королевством, от осадной башни до навозной кучи**,
опубликовано примерно в Год Кровавой Птицы*

Темный огонь рычал и плевался, и стройный эльф в темных одеждах со стоном отшатнулся назад. Трехсотая или около того встреча Илбрина Старима с берегами темного огня вокруг Замка леди прошла не очень хорошо. Ее сила все еще была слишком велика, даже в ее отсутствие... И где, во имя Вечных Деревьев, она вообще была?

Он вздохнул, посмотрел на темные стройные башни, так высоко возвышающиеся над ним в сумеречном небе, и... Его отбросило от сильного и внезапного удара. Он повернулся, чтобы сразиться с любым грозным стражем, который напал на него, и обнаружил, что смотрит на удаляющиеся ботинки одного из двух магов-шутов, которые также расположились лагерем за стенами крепости Дасумии. Взволнованный крик Белдруна донесся до разъяренного эльфа.

— Бераст! Послушай!

Табараст оторвал взгляд от огня, который просто не хотел гореть, потряс обожженными кончиками пальцев и несколько раздраженно спросил:

— Что еще?

— Я наблюдал за Нетраром, — пропыхтел Белдрун Согнутый Палец, — как велел мне сон, и вот новости! Леди Дасумия только что взошла на трон и назвала Избранного своим сенешалем. Эльминстер теперь придворный маг Галадорны!

Илбрин на мгновение устоял в спину бегущего мага, затем сделал плавный рывок, быстро приблизившись к Белдруну. Он протянул руку, схватил одно его плечо в модном разрезанном и плиссированном шелке бордового оттенка и рявкнул:

— *Что?*

Повернутый лицом к пылающим эльфийским глазам пальцами, которые казались стальными когтями, Белдрун застонал:

— Отпусти, долголетний! У тебя пальцы как волчьи челюсти!

Илбрин встряхнул его.

— Что ты сказал?

Табараст порылся в сумке на поясе, высыпал целый дождь маленьких сверкающих предметов и поднял один между большим и указательным пальцами, что-то бормоча. Копье сияющей пустоты возникло из воздуха и устремилось вперед, безошибочно и быстро, как прыгающая молния. Оно поразило Илбрина прямо в

ребра, разрушив его защитное заклинание каскадом мелких хаотичных потрескиваний и сбив его с ног. Он жестоко ударился о дерево фандар; ребра хрустнули, как сухая растопка, раздавленная в кулаке лесника. Илбрин рыдал, задыхался и извивался, борясь за дыхание, но заклинание пригвоздило его к стволу. Если бы это было настоящее копье, он был бы разрублен надвое... Но это знание давало ему слабое утешение. Сквозь красный туман боли он почти умоляюще посмотрел на двух человеческих магов.

Табараст почти печально посмотрел на пойманного эльфийского мага и покачал головой.

— Проблема с молодыми эльфами в том, что у них есть все высокомерие старших, но им нечем его подкрепить, — заметил он. — А теперь, Белдрун, повторите для этого поспешного юнца. Что вы сказали?

* * * * *

Куртас и Халглонд стояли очень прямо и неподвижно, как их алебарды, потому что они знали, что окно башни их господина выходит на эту часть зубчатых стен... и что ему нравилось часто выглядывать в лунные ночи и видеть спокойствие, а не блеск и блики от стражников, суесящихся на своих постах. Они стояли на страже у одного конца арочного моста, который соединял самые высокие комнаты башни Повелителя с окружающими зубчатыми стенами. Это была достаточно легкая обязанность. Ни один вор или разгневанный воин на расстоянии трех королевств не осмелился бы явиться без приглашения к Кландерласу Глимрилу, Повелителю Виверн. Родственников драконов, которых он держал в плену заклинаний, редко выпускали. Но когда они действительно вылетали из своей башни на быстрых крыльях, они были голодными, бесстрашными и дикими. Один из охранников рискнул бросить быстрый взгляд вдоль залитой лунным светом стены. Прочная башня, в которой содержались виверны, стояла, как обычно, темная и безмолвная. Как и остальная часть Глимрил Гарда, он был возведен заклинаниями Повелителя из обрушившихся камней древней крепости, здесь, на конце хребта, с которого открывался вид на шесть городов и слияние двух рек. Этой ночью было лунно и восхитительно тепло, даже на вечно продуваемых ветром зубчатых стенах Глимрил Гарда, и было легко погрузиться в мечты о других лунных ночах, без доспехов или обязанностей охранника, и... Куртас напрягся и повернул голову. Колокольчики? Что могло звенеть здесь, на зубчатых стенах, в это время ночи? Он с первого взгляда увидел, что стены пусты. Халглонд уже вглядывался в стены и во дворы внизу, на случай, если кто-то взбирался по стенам или поднимался по лестнице охраны. Нет. Возможно, чей-то улетевший сокол, все еще со своими путами, примостился поблизости... но где? Звук был слабым, слабым — но все же очень близким, не на земле далеко внизу или в одной из башен. Что, во имя всех богов, любящих штормы, это могло *быть*? Теперь он, казалось, кружился прямо под носом у Халглонда. Он мог видеть слабую, рваную линию тумана, извивающуюся и змеящуюся в воздухе. Он махнул по нему своей алебардой, и маленькие светящиеся искорки на мгновение собрались вдоль его изогнутого лезвия, прежде чем погаснуть — как искры без огня. Звонящий ветер унесся прочь, двигаясь вдоль зубчатых стен. Стражник обменялся

взглядами с Куртасом, и они оба осторожно побежали за ним, наблюдая, как он становится все больше и ярче. Из-за их спин донесся слабый визг, возвестивший о том, что ставни окна башенки Хозяина открылись. Возможно, это было одно из его заклинаний... или нет, но им все равно лучше разобраться с этим. Это вполне может быть проверкой их усердия. Он привел их к Носовой башне в конце хребта, где скалы обрывались почти отвесно под стенами замка, и там, казалось, ускорил свой танец и кружение. Куртас и Халглонд осторожно приблизились к нему, разделившись, чтобы подойти с разных сторон, выставив вперед алебарды и низко пригнувшись, чтобы не быть сметенными с зубчатых стен в падении, независимо от того, насколько сильным стал ветер. Звон перешел в громкий и ровный звук, почти раздражающий уши, и туман, из которого он раздавался, превратился в смутную человеческую фигуру, выше любого из них. Оба стражника ткнули в него своими пиками, и внезапно он рухнул, превратившись в молочный слой сияния, омывший их сапоги. Куртас и Халглонд снова обменялись взглядами. Ничто не отвечало на их проверяющие удары, и звон был тихим. Они пожали плечами, в последний раз оглядели изогнутые зубчатые стены башни и повернулись, чтобы вернуться на свои посты. Если господин захочет рассказать им, что это было, он это сделает, если промолчит, то лучше бы и им...

Халглонд указал пальцем, и они оба вздрогнули. На полпути туда, откуда они пришли, туман танцевал вдоль зубчатых стен. Теперь у него была определенная форма — и форма была женской, босоногой, в разлетающихся юбках, с длинными волосами, свободно развевающимися вслед за ней, когда она бежала, сопровождаемая слабым звоном. Охранники могли буквально видеть ее насквозь.

В молчаливом согласии они бросились бежать. Если она пересечет мост, они должны были охранять... Она пробежала по нему, направляясь к колодкам и пятнам крови в башне Кровавой Вершины, где вивернам иногда разрешалось кормиться, когда у Повелителя были заключенные, в которых он больше не нуждался. Это было довольно далеко, а призрачная леди, казалось, не спешила. Топочущие охранники быстро догоняли ее.

По мосту шла фигура в темном одеянии. Повелитель! Халглонд прошепел проклятие, и Куртасу захотелось присоединиться, но маг проигнорировал их, повернувшись, чтобы присоединиться к погоне вдоль зубчатых стен, намного опередив двух своих охранников. В одной руке он держал волшебную палочку. Стражники видели, фигура она повернулась и молча поманила Повелителя Виверн, так же застенчиво, как любовница в балладе менестреля. Ее волосы развевались в лунном свете среди колодок. Когда он приблизился к ней, она, пританцовывая, отошла к краю зубчатой стены. Тяжело бегущие охранники видели, как он осторожно последовал за ней, держа палочку наготове. Глимрил оглянулся на них один раз, словно решая, стоит ли ждать, пока они не доберутся до Башни, и Куртас ясно увидел изумление на его лице. Значит, это не дело рук их хозяина, и к тому же неожиданное. Они не замедлили свой теперь уже тяжелый бег, но у Куртаса было странное предчувствие, которое на мгновение предшествует уверенному знанию, что они не успеют. Женщина превратилась в змееподобное бесформенное существо, и потрясенные охранники слышали долгий, хриплый вой Кландерласа Глимрила,

когда что-то яркое закружилось вокруг него по быстрой спирали, поднимаясь к луне.

Мгновением позже Повелитель Виверн превратился в ревущий столб пламени, который расколол ночь своей внезапной яростью. Куртас вцепился в руку Халглонда, и они вместе остановились, тяжело дыша, слишком близко к тому месту, где зубчатые стены соединялись с башней Кровавой Вершины. Раздался гулкий удар, и что-то вырвалось из костра, оставляя за собой огненный след во внутреннем дворе: волшебная палочка.

Охранники обменялись испуганными взглядами, облизнули пересохшие губы и в страхе попятились. Они успели сделать два шага, прежде чем камни под их ногами дрогнули волной и начали оседать и падать.

Они упали в забвение с нарастающим ревом рушащегося Глимрил Гарда, звенящим в их ушах. Луна наблюдала, как эта великая крепость рухнула обратно в руины, которыми она была до того, как заклинания Глимрила восстановили ее. Яркий торжествующий туман плясал над поднимающейся пылью и затихающими криками, и его звон смешивался с холодным, гулким смехом.

* * * * *

Придворный маг посмотрел на мрачное лицо капитана стражи и вздохнул.

— Кто был на этот раз?

— Анлавас Джоаврин, лорд Эльминстер: торговец откуда-то с юга, из-за моря. Медные изделия, всякая всячина; ничего важного, но ее много. Здесь много монет за многие сезоны. Ему перерезали горло.

Эльминстер вздохнул.

— Маэтор или один из новых баронов?

— М...милорд, я не знаю и вряд ли осмелюсь...

— Каковы твои *предчувствия*, верный Роагалоу?

Капитан стражи нервно огляделся по сторонам. Эл криво улыбнулся и наклонился, чтобы приложить ухо прямо к губам мужчины.

— Лимматор, — хрипло выдохнул офицер. Эл кивнул и отступил назад. Неудивительно, если Роагалоу был прав: Лимматор был единственным бароном — или лордом — в Галадорне, более занятым в темных углах взятками, угрозами и поножовщиной, чем Маэйттор Многошепчущий.

— А теперь иди ужинать, — сказал он измученному офицеру стражи. — Мы поговорим позже. Роагалоу и трое его людей поспешили наружу. Эл старался не вздыхать, пока прихожая не опустела.

Он что-то пробормотал и слегка пошевелил двумя пальцами. За одной из стен послышался слабый стук, когда шпион там внезапно заснул. Эл невесело улыбнулся участку стены и воспользовался потайной дверью, которую он хотел сохранить в секрете еще немного, пройдя по темному проходу в одну из заброшенных и пыльных скрытых комнат в Доме Единорога. Немного времени наедине с собой, чтобы подумать — это редкое сокровище, которым некоторые люди пренебрегают... а другие, действительно обделенные жизнью, просто не могут себе позволить. В этом году уже погибло три барона, один из них с кинжалом в горле в двух шагах от входа в

тронный зал, и шесть — нет, семь — меньших лордов. Галадорна превратилась в гнездо гадюк, нападающих друг на друга с обнаженными клыками всякий раз, когда им вздумается, и придворный маг не был счастливым человеком. У него не было друзей; все, с кем он подружился, вскоре заканчивали тем, что по утрам невидяще пялились в потолок. За каждой дверью во дворце раздавался шепот, и никогда не было настоящих улыбок, когда эти двери открывались. Эл даже начал привыкать к виду темных полос крови, вытекающих из-за закрытых дверей; возможно, ему следует издать указ, приказывающий снести и сжечь все двери в Нетраре. Ха-ха. Он начинал оправдывать прозвище, которым, как он знал, его называли за спиной: «губошлеп, извергающий указы». Бароны и лорды постоянно пытались подорвать королевскую власть или даже открыто разбойничать при дворе, а его госпожа-наставница ничем не помогала, слишком редко используя свои заклинания, чтобы вызвать какой-либо страх, который, в свою очередь, мог породить послушание. Слева от него послышался слабый царапающий звук. Эльминстер потянул за правую ручку, и панель открылась. Двое молодых гвардейцев вглядывались в полумрак.

— Вы посылали за нами, лорд Эльминстер?

— Ты нашел свитки, Делвер, и...?

— Сжег, и пепел во рву, милорд, как вы приказали, смешан с пылью, которую вы дали мне. Потратил всю.

Эльминстер кивнул и протянул руку, чтобы коснуться лба.

— Забудь обо всем, верный воин, — сказал он, — и так избежишь гибели, которой мы все боимся.

Стражник, которого он коснулся, вздрогнул, глаза его были пусты. Затем он повернулся и поспешил обратно в темноту, на ходу расшнуровывая штаны. Он направлялся в свои покои, когда внезапная острая потребность привела его в заброшенное крыло дворца.

— Инграт? — спокойно спросил придворный маг.

— Я нашел К... то есть, ее работу в палате Красного Щита и смешивал с белым порошком, пока не мог больше её видеть. Затем я произнес эти слова и вышел.

Эл кивнул и протянул руку.

— Вы с Делвером получаете такие щедрые награды... — пробормотал он. Гвардеец усмехнулся.

— Только, пожалуйста, не надо сортиров, милорд. Пусть это будет блуждание в попытках вспомнить мои юношеские увлечения здесь, внизу, а? Эл улыбнулся.

— Как пожелаешь, — сказал он, когда его пальцы коснулись плоти. Глаза Инграта блеснули, и погруженный в забвение воин обогнул неподвижного и молчаливого мага, обошел задумчивым кругом комнату, нашел панель и зашагал прочь, снова забыв о своей роли в замедлении зла Дасумии. Это может сохранить ему жизнь еще на месяц или два. Было бы безопаснее, если бы эти двое не были друзьями и ничего не знали друг о друге, но случилось так, что лучшие воины, которым Эл мог доверять после тонкого, но тщательного наблюдения за разумом, были крепкими друзьями. В этом не должно быть ничего удивительного, предположил он.

Эл мерил шагами мрачную комнату, и его настроение соответствовало. Приказ Мистры служить был ясен, но «служить по-своему» всегда было недостатком

Эльминстера. Если этот сейчас станет его погибелью, пусть так и будет. Есть вещи, за которые мужчина должен держаться, чтобы оставаться мужчиной.

И женщина, тоже... Безусловно, в Галадорне была одна леди, которая делала все, что ей заблагорассудится. Королева Дасумия, казалось, всегда смеялась над ним в эти дни и, конечно же, не заботилась об обязанностях королевы. Ее редко можно было встретить на троне или даже в королевском замке. Вместо нее указы издавал Эл. Галадорна могла погрузиться в войну и воровство, а она бы и не заметила... и каждый день, пока появлялось все больше работарговцев и недобросовестных торговцев, знающих, что они останутся более или менее неограниченными в своих сделках, лорды Лаоткунда бросали жадные взгляды на богатееющее королевство. Беззаконие среди торговцев, помимо прочего, пополняет казну налогами.

Эл снова вздохнул. Важно было убедиться, чтобы вслед за этим золотом беззаконие не перекинулось на корону. Милая Мистра, защити. Каково это — жить в стране, где правят торговцы?

* * * * *

Все проигнорировали треск и грохот стола, рухнувшего под двумя ругающимися мужчинами, колотящими друг друга, а также гудение и звон бьющегося стекла, раздававшиеся, когда выпивающие зрители швыряли бутылки в бойцов, пытаясь изменить шансы только что сделанных ставок. Кто-то закричал из другой комнаты — предсмертный крик, который закончился ужасным влажным бульканьем и был встречен пьяными аплодисментами. В конце концов, было уже поздно, и это был «Кубок Теней».

В свое время Нетрар знал более дикие таверны, но времена танцоров-големов, которые съедали свои гонорары, чтобы обогатить Илгриста, прошли, и притоны, в которых они делали больше, чем танцевали, ушли вместе с ними. «Кубок», однако, с успехом оставался на плаву, и те, кто слишком боялся отважиться на его удовольствия в одиночку, всегда могли нанять троих угрюмых воинов в охрану и выглядеть — по крайней мере, в своих собственных глазах — ветеранами из опасной группы авантюристов. И там были леди. Одна из таких, видение в голубом шелке и поддельных доспехах, в которых завитки цепей и изгибы кожи больше демонстрировали, чем скрывали, только что примостилось на краю стола недалеко от того места, где Белдрун и Табараст держали бокалы неразбавленного напитка с рубиновым оттенком и ворчали: «Хорошо выдержанное? Шесть дней, наверное!». Поверх своих бокалов Белдрун и Табараст наблюдали за дерзкой красавицей в шелках, низко склонившейся над двумя молодыми людьми за выбранным ею столиком, демонстрируя им зрелище, в которое раньше с головой погружались более пожилые и трезвые мужчины. Два волшебника в унисон прочистили горло.

— Здесь становится жарковато, — слабо заметил Табараст, дергая себя за воротник.

— И с той стороны стола тоже? — хмыкнул Белдрун, не сводя глаз с леди в голубом. Он щелкнул пальцами, и сквозь шум болтовни и смеха, пения и бьющегося стекла два мага внезапно услышали мурлыкающий голос, как будто он говорил прямо им в уши:

— Делвер? Инграт? Эти имена... волнующие. Имена отважных людей... героев. Вы отважные герои, не так ли?

Два молодых воина усмехнулись и сказали что-то более или менее в унисон, а дерзкая красавица в голубом прошептала:

— Насколько смелыми вы оба чувствуете себя этой ночью? И... насколько героическими?

Двое мужчин снова рассмеялись, довольно осторожно, и красавица пробормотала:

— Достаточно героически, чтобы оказать услугу вашей королеве? *Личную* услугу?

Они видели, как она сунула руку за корсаж и вытащила длинную тяжелую цепочку из связанных золотых монет, которая поймала и удержала их голодный взгляд, когда она сверкнула украшенным единорогом королевским кольцом Галадорны. Две пары глаз расширились и медленно и более трезво перевели взгляд с монет и изгибов на лицо выше, где они обнаружили озорную усмешку, за которой последовал язык, только что появившийся в поле зрения между приоткрытыми губами.

— Приходите, — сказала она, — если осмелитесь... в такое место, где мы сможем... повеселиться.

Наблюдавшие за ними волшебники увидели, как двое мужчин заколебались и обменялись взглядами. Затем один из них что-то сказал, преувеличенно приподняв брови, и они оба довольно нервно рассмеялись, осушили свои кружки и встали. Королева накинула цепочку с монетами на запястье одного из них и игриво потащила его за собой через тусклый и переполненный лабиринт столов, занавесок из бисера и арок, которые составляли основу «Кубка». Голубой шелк и мягкая кожа проколыхались совсем рядом с невинно вздернутыми носами Белдруна и Табараста. Когда второй воин прошел мимо — голодные глаза, волосатые руки и все такое — два мага в один присест осушили свои кубки, повернулись друг к другу, одновременно покраснели, снова потянули за воротники и еще раз прочистили горло. Табараст пророкотал:

— Вот... я думаю, пришло время увидеть дно более чем одной кружки... Не так ли?

— В точности мои мысли, — согласился Белдрун. — После бочонка или трех пива, разумеется...

* * * * *

Глубоко в полумраке за колонной в «Кубке Теней» эльф, чье лицо казалось вырезанным из холодного мрамора, наблюдал, как королева Галадорны Дасумия вытаскивала из суматохи свои два приза. Когда они завернули за угол и скрылись из виду, Илбрин Старим повернул голову, чтобы презрительно усмехнуться в сторону двух раскрасневшихся старых волшебников, которые его не видели. Затем он скользнул через «Кубок» к выходу, которым, как он знал, воспользуется королева, стараясь держаться подальше и хорошо прятаться.

* * * * *

Роагалоу сообщил о еще одном убийстве и поножовщине, жертва которой могла остаться в живых. Эльминстер вручил ему небольшой бочонок «Лучшего от Бурдима» из королевского погреба и велел ему пойти в безопасное место и без формы, чтобы выпить его. Теперь придворный маг Галадорны устало шагал ко сну, предвкушая несколько долгих часов вглядывания в темноту и тяжелой мыслительной работы по управлению маленьким королевством, раздираемым враждой. Возможно, в ближайшие часы произойдет еще одно покушение на убийство. Вот было бы весело.

Настроение Эла только что было на грани срыва; в его голове уже бушевала боль от общения весь день с острыми на язык торговцами. Более того, он, казалось, не мог выбросить кое-что из головы мысль: слух, распространившийся в Нетраре благодаря двум старым неуклюжим магам из Башни Лунного Рога, которые, казалось, последовали за ним сюда, что «Дасумия» — это имя ужасной колдуньи, называемой Повелительницей Теней; могут ли она и королева каким-то образом быть связаны? Хмм. Эл снова вздохнул, наверное, в семисотый раз за этот день, и по привычке бросил взгляд вдоль бокового коридора, в который привел его проход.

Затем он резко остановился и долго и пристально вглядывался. Кто-то очень знакомый шел дальше по параллельному коридору. Это была королева, одетая в синие шелка, кожу и цепи, как танцовщица в таверне, — и она вела двух молодых людей, воинов по виду, чьи руки и губы усердно работали над ее персоной, когда она увлекала их... вне поля зрения, в ту часть Дома Единорога, которую Эльминстер еще никогда не посещал. Холодный страх шевельнулся глубоко внутри, когда он узнал этих двух пылких мужчин, которые когда-то были его орудиями против нее, Делвера и Инграта.

Его головная боль начала усиливаться всерьез, когда он подхватил свою мантию и побежал так тихо, но так быстро, как только мог, по коридору к месту, где, как он видел, исчезла Дасумия. Сейчас было лучше не использовать заклинание сокрытия, на случай, если у его госпожи-наставницы было активное заклинание слежения. Королева не делала никаких попыток скрытничать. Высокий, звенящий смех, который она использовала в качестве фальшивой лести, раздался, когда Эл дошел до нужного угла и начал прыгать от столба к столбу.

Затем последовали звуки шлепков, голос Делвера, рассказывающего шутку, слов которой он не мог разобрать, и снова смех. Эл отказался от скрытности ради скорости и увидел, что проход, которым они воспользовались, заканчивается аркой. Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как трио любовников покидает дальний конец этой пустой, гулкой комнаты через другую арку. Одна темная и заброшенная комната, как оказалось, вела в другую через череду открытых арочных проходов. Эл позаботился о том, чтобы не попадать в поле зрения того, кто может оглянуться назад, и замирал всякий раз, когда звуки впереди прекращались. Он сделал так, чтобы их разделяла лишь одна комната, когда прихоть воздушных потоков сделала голоса тех, за кем он следовал, поразительно громкими.

— Куда, во имя всех богов битвы, ты *ведешь* нас, женщина?

— Э-э, «ваше величество», он хотел сказать... Это действительно подозрительно похоже на спуск в подземелья.

Дасумия снова рассмеялась, на этот раз глубоким, сердечным смехом удовольствия.

— Держи эту руку там, где она есть, смелый воин... И нет, дерзкие господа, мы не идем к подземельям. У вас есть королевское обещание на этот счет!

Эл подкрался к следующей арке, как охотничья кошка, и выглянул из-за ее края как раз вовремя, чтобы услышать, как раздвигается невидимый за углом занавес из бисера. Из-за него вспыхнул свет; Эл рискнул, пересек комнату в тот угол и воспользовался еще одним шансом: открытый, освещенный путь, по которому они шли, пересекал еще одна занавес. Он мог бы спрятаться за ним и заглянуть в освещенную область, если бы сумел перебраться через открытый проход в нужный момент, чтобы его не заметили. Сейчас? Он метнулся, остановился и попытался восстановить беззвучное дыхание, и все это за несколько мгновений. Следующие пару мгновений он потратил, чтобы посмотреть, куда королева забрала свой улов. Яркое освещенное пространство за занавесками было всего лишь прихожей. Арка в дальней стене открывалась в место, освещенное красным, зловещим сиянием. По бокам этой арки стояли два стража в полной броне, с опущенными забралами и изогнутыми саблями, поднятыми в перчатках, — воины без ног, чьи обрубки лодыжек скользили в дюймах над каменным полом, не касаясь его. Люди называли их ужасами в шлемах: магически оживленные доспехи, которые могли убивать так же уверенно, как и живые воины.

Эл наблюдал, как они угрожающе двинулись вперед, но остановились по жесту королевы. Дасумия шагала между ними, не останавливаясь, таща за собой своих живых воинов, и Эл смело крался за ними, пристально наблюдая за этими поднятыми саблями. Прежде чем он добрался до ужасов в шлемах, они развернулись и поплыли за троицей, беззвучно убирая мечи в ножны. Эл замыкал шествие, двигаясь теперь очень осторожно. Комната за ней была очень большой и очень темной, ее единственный свет исходил от светящегося гобелена рубинового цвета в дальнем конце, гобелена, на котором был изображен черный символ, размером больше, чем многие дома, которые видел Эл: Черная Рука Бэйна. Проход, проходивший по центру храма, был уставлен жаровнями. Когда Дасумия проходила между ними, каждая пара сама по себе вспыхивала пламенем. Делвер и Ингрят, очевидно, передумали насчет своей королевской ночи страсти. Эл отчетливо слышал, как они сглатывали и замедлялись, а Дасумия тащила их за собой. По обе стороны прохода стояли скамьи. Некоторые из них были заняты обмякшими скелетами в мантиях, другие — мумифицированными или все еще гниющими трупами. Эл нырнул в пустой ряд, низко пригнувшись к полу. Он знал, что должно произойти.

— Нет! — внезапно закричал Ингрят, вырываясь из рук королевы и разворачиваясь, чтобы убежать. Он отчаянно застонал за мгновение до того, как Делвер вырвался из цепочки монет, начал свой собственный бег — и закричал. Два ужаса в шлемах парили прямо за ними, вытянув руки в перчатках, готовые сомкнуться на их горлах. Эти стальные пальцы манили их, а пустые шлемы наклонились ужасно близко. Застонав от отчаяния, двое гвардейцев повернулись

лицом к королеве. Дасумия лежала на алтаре, приподнявшись на локте, и на ней было гораздо меньше одежды, чем когда она вошла в храм. Смеясь, она поманила их к себе.

Оба воина неохотно двинулись вперед.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ВКУСИТЬ ТЕМНЫЙ ОГОНЬ

Лучшее, что архимаг может сделать со своими заклинаниями? Использовать их, чтобы уничтожить другого верховного мага, конечно — и самого себя при этом. Мы посадим что-нибудь полезное на пепелище.

Например, редиску.

*Альбрингундар Поющий Меч
из Мыслей о лучшем Фаэруне,
опубликованных примерно в Год Льва*

Невидимые барабаны гремели и перекатывались, начиная неумолимый, неторопливый ритм, который сотрясал храм. Эл пристально наблюдал, как большая рука Бэйна — чуть выше человеческого роста и, по-видимому, вырезанная из какого-то черного камня — появилась в поле зрения за алтарной плитой. Ореол тонкого красного пламени поднимался и опускался вокруг её пальцев, и в их мерцающем свете, когда Дасумия легко спрыгнула с алтаря, Эльминстер увидел два длинных черных хлыста с металлическими шипами, лежащих скрещенными на алтаре, где она лежала. Удары барабана немного ускорились. В поисках лучшего обзора Эл натянул капюшон своей мантии, чтобы спрятать под ним лицо, и медленно поднялся в сидячее положение на своей скамье, став просто еще одной обмякшей фигурой среди множества трупов. Его разлагающиеся соседи, без сомнения, когда-то были жертвами здешних ритуалов. Делвер и Инграт — и, если на то пошло, сам один Эльминстер — вполне могли бы вскоре присоединиться к ним, если придворный маг Галадорны не будет действовать точно и быстро в ближайшие моменты.

Два воина стояли лицом к лицу с Дасумией и дрожали от страха. Она взяла их за руки и заговорила с ними. Слова были не долетели до Эла в звуке барабанов, но она явно успокаивала их. Время от времени она обнимала или целовала их, игнорируя — как не могли они — неуклюжие ужасы в шлемах, плавающие прямо за их плечами. Королева повернулась, взяла кнуты и вручила по одному каждому мужчине. Прислонившись спиной к алтарю, она отдала им команду и подняла руки к темному, невидимому потолку в призывном жесте. С большой неохотой они взмахнули хлыстами в ее сторону — без всякой силы, так что колючки просто задели ее и

отскочили, не причинив вреда. На этот раз Эльминстер услышал сердитый приказ Дасумии: — Бейте! Бейте или умрите!

Она снова подняла руки в призыве, и на этот раз хлысты обрушились на нее всерьез. Ее тело дернулось под ударами, упал клочок голубого шелка. Она ободряюще прошипела Инграту и Делверу, которые ударили сильнее. Хлысты щелкнули. Кнут обвился вокруг нее, обнажая одну из грудей. При следующих ударах первые рубцы отметили Дасумию, и она застонала, чтобы они ударили еще сильнее. Стражники сначала повиновались неуверенно. Затем от души, когда она крикнула им, чтобы били еще сильнее, глядя на них так, как не раз на Эльминстера, подавляя своей волей.

Делвер и Ингра́т пошатнулись, затем вернулись к своей задаче, вкладывая весь свой страх умереть здесь и негодование на то, что она заманила их в ловушку, в каждый удар. Пропитанный кровью голубой шелк и гладкая плоть под ним быстро исчезли под дождем ударов хлыстов, которые блестели темной кровью.

Внезапно Дасумия запрокинула голову и завывала, призывая их остановиться. Делвер, истерически рыдая, не смог этого сделать — и ужас в шлеме позади него вытянул перчатку и схватил за руку так, что остановил его неистовые движения на полпути. Сейчас она больше походила на зверя, освежеванного для жарки на вертеле, чем на обнаженную женщину, но, когда Дасумия опустила руки и положила их на бедра, чтобы объяснить следующую часть ритуала, она выглядела не менее властной, чем одетая и отдающая приказы коленопреклоненным придворным. Она не выказывала и следа боли, несмотря на кровь, струившуюся по ее конечностям, двигаясь легко и со своим обычным распутным покачиванием бедер, когда приказала Инграту лечь на алтарь на спину. Гнев поднимался в Эльминстере. Гнев и отвращение. Он должен был что-то сделать. Он должен был остановить это. Эл попытался вспомнить, что он когда-то слышал о подобном ритуале от пьяного поклонника Бэйна. Жертвы, зарезанные священниками острыми мечами? Или парящая Рука Бэйна, сокрушающая жертвы в своей хватке... Да, так оно и было. Дасумия взобралась на гвардейца на алтаре и кричала «Бей! Бей!»

Делверу, который неохотно двинулся вперед со своим хлыстом. Тогда Эл понял, что больше не может смотреть. Хлыст щелкал, оставляя кровавый след при каждом взмахе, и Эл почувствовал, что его покалывает от ярости и возросшей силы — силы, пульсирующей в самых кончиках его пальцев. Он был Избранным Мистры, как бы смутно он ни помнил, что это значило.

— Мистра, — пробормотал он, — Веди меня.

Каким бы злом ни оказалась его госпожа-наставница, он больше не мог смотреть, как льется ее кровь, и ничего не делать, пока два хороших человека все ближе и ближе подходили к своей смерти. Эта черная рука за алтарем медленно поднимется, а затем протянется, чтобы раздавить их — и она уже двигалась! В ужасе Эльминстер потянулся своей волей, используя единственное заклинание, которое мог выпустить, не говоря ни слова и не двигаясь. Он надеялся, что сможет еще несколько мгновений оставаться безымянным трупом. Целью была не Рука — она будет следующей, — а вывести из строя врагов, которые наверняка набросятся на него, как только обнаружат. Теперь он мог чувствовать паутину связей, исходящую от алтаря. С бесконечной осторожностью он отсоединил одну нить от ужаса в шлеме,

переместив ее на участок потолка за парящим существом, а не разорвав сразу. Если бы он мог сделать еще один шаг вперед, прежде чем его обнаружат.... Дасумия напряглась и села, не обращая внимания на продолжающиеся укусы хлыста. Она оглядела храм в поисках незваного гостя. Эл пожал плечами и с дикой поспешностью разорвал путы второго ужаса в шлеме. Темные и страшные глаза впились в него. Затем губы Дасумии медленно изогнулись в улыбке. Она откинулась на алтарь, снова оперлась на один локоть с веселым видом и наблюдала за ним.

Молча, подергивая конечностями, Делвер и Ингрят начали шаркающей походкой приближаться к Эльминстеру. Явно находясь под чарами, они закинули окровавленные кнуты, которые несли, за плечи, готовые к первому хлесткому удару. Шипы, которые так изуродовали Дасумию, блестели красным от ее крови, когда стражники, пошатываясь, подходили все ближе... и ближе... Разделяющее заклинание Эла все еще действовало, и ему не хотелось тратить новую магию, когда дуэль его жизни ждала, насмехаясь над ним на алтаре. И все же, что хорошего было бы в том, чтобы разрушить ее власть над воинами, когда с помощью другого заклинания — без сомнения, для нее пустяковой магии — она могла бы восстановить ее? Делвер и Ингрят, спотыкаясь, неуклюже подошли ближе, их лица были замкнуты и бесстрастны, а глаза полны ужаса и закатывались, умоляя его о помощи, пощаде или освобождении....

Эл грубо разорвал связи, которые контролировали их. Не обращая внимания на их содрогающиеся тела, неконтролируемую тошноту и завывания, он направил шок от магической реакции в их разум, чувствуя ту же боль, что и они. Он закричал в агонии — но они без чувств повалились на пол.

Это сработало. Эл обнаружил, что прикусил губу. Он бросил взгляд на алтарь, но Дасумия не двинулась с места. Она все еще непринужденно полулежала, беззвучно смеясь — а кровь и порезы от хлыста исчезали с ее кожи, таяли, как будто их никогда и не было. Эл глубоко вздохнул и оглянулся, чтобы убедиться, что там нет других ужасов в шлемах, спешащих почитателей Бэйна или любой другой угрозы, которая могла бы напасть сзади. Он ничего не нашел. Ему показалось, что он заметил какое-то движение среди трупов вдоль самого темного ряда скамей, прямо в конце, но он не был уверен и не видел ничего движущегося, когда пристально взгляделся в это место. Он больше не смел поворачиваться спиной к Дасумии.

Обернувшись, он обнаружил, что она все еще спокойно лежит на алтаре, целая и невредимая, а ее тело было совершенно обнажено. Она громко рассмеялась, и Эл стиснул зубы, борясь с яростью, которая теперь закипала в его горле, и с железным контролем точно применил свою следующую магию. Невзирая на госпожунаставницу, он собирался обрушить эту огромную, парящую черную каменную руку на алтарь. Он...

Рука оказала ему полное сопротивление. Смех Дасумии перерос в настоящее веселье, когда он зарычал и напрягся, чтобы сдвинуть ее. Он чувствовал связь, он вложил свою волю в ее потоки, ухватился за магию — и она игнорировала его, оставаясь жесткой, как железный прут, несмотря на все его усилия сдвинуть ее с места. Он был... он мог... он не мог.

Когда королева Галадорны заулюлюкала на него, Эл с рычанием отбросил заклинание и сотворил еще одну магию, скрыв от нее свои жесты за спинкой скамьи

перед ним. Когда он был готов, целую вечность, казалось, спустя, то встал и обрушил свою магию сквозь ее жестокий смех — не на смертоносную, красивую женщину на алтаре или на сам алтарь, каменный блок, который явственно пульсировал от убывающей и накатывающей магии, которую он не мог надеяться преодолеть. Однако пол под одним его углом... Каменные плиты взметнулись, прогибались и разлетаясь на осколки с треском громче, чем от удара кнута. Пол покрылся рябью, как каменная волна, отчего обломки камня с грохотом ударились о заднюю стену храма, и внезапно осел, открыв огромную яму. Там, внизу, должны быть подвалы, в которые его магия сбросила землю и камень, чтобы так быстро расчистить пространство. Дасумия спокойно прыгнула с алтаря и приземлилась на ноги лицом к нему. Она одобрительно улыбнулась, отсалютовала и затем повернулась, чтобы посмотреть, как алтарная плита задрожала, покачнулась и опрокинулась, соскользнув в пропасть с оглушительным грохотом.

— Разбит... как разрушительно, — весело заметила Дасумия. — Хочешь уничтожить что-нибудь еще?

В мрачном бессловесном ответе Эльминстер схватил табличку с края своей скамьи и разбил ее о колено, сломав руку Бэйна. Умирующие чары брызгали черными искрами. Он бросил деревянные обломки на пол и потянулся за следующей. Дасумия рассмеялась.

— Итак, наконец-то дело дошло до дуэли между нами двумя, храбрый Эльминстер? Ты готов наконец бросить мне вызов?

— Нет, — почти прошептал Эльминстер. — Вы забыли, что я сказал вам, когда мы впервые встретились у Расколотого Камня? Сначала я служу Мистре... а потом Дасумии... потом Галадорне. Скажите мне: кому Дасумия служит в первую очередь?

Дасумия снова рассмеялась.

— Выбор имеет цену, — сказала она почти весело. — Приготовься заплатить свою.

Ее руки поднялись в простом жесте, и почти сразу Эльминстер почувствовал комок в горле, удушье, которое становилось все сильнее. Его ноги и бедра, казалось, двигались под ним, одежда стала казаться тесной... затем более чем тесной. Эл попытался подняться и увидел, что его пальцы превращаются в короткие, раздутые штуки, похожие на разномастные пятнистые сосиски. Как и все остальное в нем. Затем одежда начала трескаться и распадаться с рвущимися звуками, похожими на удары хлыста. Разорванные остатки мантии Придворного Мага Галадорны разлетелись в клочья, когда Эл барахтался, пытаясь подняться на ногах, которые постоянно менялись в длине и толщине. Дасумия завывала от смеха, когда он падал то в одну, то в другую сторону, неуклонно увеличиваясь в размерах, пока не оказался плотно прижатым между скамьями в захвате, который становился все более похожим на тиски. Теперь он был толст, как две бочки из телеги, и все еще рос. Он попытался повторить жесты другого заклинания пальцами, которые болтались и дрожали и были длиной с его предплечье — предплечье, которое теперь было таким же широким, как его грудь, прежде чем она тоже начала расти... Затем его собственное заклинание подействовало, и напряженность внезапно исчезла, когда скамьи перед ним, позади него и под ним оторвались от пола, оставляя за собой пыль, и повалили его на пол, гротескную массу скользящей, многослойной плоти,

которая лежала на спине, тяжело дыша. Эл боролся, хватая ртом воздух, и ему удалось перевернуться на бок, лицом к своему врагу.

В тот момент, когда он увидел ее, три скамьи пронеслись в воздухе перед ней по его мрачному приказу, как гигантские копыта. Дасумия пригнулась, перекатилась, затем сделала кувырок назад, повернулась при приземлении, согнула, не останавливаясь, свои великолепные ноги и прыгнула. Все три скамьи промахнулись, врезавшись в парящую черную руку с раскалывающейся яростью, которая потрясла комнату. Один из пальцев отломился от руки, испуская при этом магическое сияние. Дасумия прошипела что-то быстрое и резкое, и почти мгновенно Эл обнаружил, что поднимается в воздух. Он неудержимо поднимался все выше и выше, пытаясь разглядеть в процессе, что и где находится вокруг храма. Она собиралась поднять его и уронить или..? Эл заметил что-то, лежащее в проходе, и у него появилась идея. Он в бешеной спешке сотворил нужное ему заклинание, зная, что удар о затянутый паутиной каменный потолок быстро близится. Он закончил заклинание как раз вовремя, чтобы вскинуть одну руку перед лицом и отвернуть нос в сторону, сильно врезался в потолок, расшугав испуганных летучих мышей, визжащих и дико хлопающих крыльями, и обнаружил, что магия все еще давит на него, прижимая к сырому камню. Он заскреб руками и локтями, пытаясь перевернуться, чтобы видеть Дасумию, а не темный грязный камень в дюйме от его ресниц. Ему нужно было видеть, чтобы сработало заклинание, которое он сотворил. Кряхтя и задыхаясь, он сумел перевернуть свое тяжеловесное тело как раз вовремя, чтобы увидеть, как широко улыбающаяся Дасумия волшебным образом подняла одну из разбитых скамей, которые он швырнул в нее, в воздух — и отправила ее прямо в него. Она становилась все больше и больше, пока Эл карабкался по потолку, пытаясь убраться с её пути, используя свою огромную массу, чтобы нащупывать и пинать ребра свода, которые были бы на десять футов или больше вне его досягаемости, если бы он был надлежащего размера... Эл попытался сосредоточиться на своем собственном заклинании вниз и не обращать внимания на приближающуюся скамью.

Он не видел стройную фигуру в темном одеянии, которая встала на задней скамье, чтобы спокойно и тщательно прицелиться в него, зафиксировать его положение в уме, а затем начать произносить свое собственное смертоносное заклинание.

Когда Эл двигался, скамья изогнулась в воздухе, чтобы следовать за ним. Улыбка Дасумии расширилась от ликующего предвкушения при предстоящем столкновении. Конец, который поразил бы Эльминстера, представлял собой расщепленную массу зазубренных деревянных осколков, большинство из которых были длиной с человека. Дасумия сделала три быстрых шага в сторону, чтобы лучше рассмотреть ситуацию — и это было то, что требовалось Элу. Он перекатился через свод крыши, хрипя, как какой-то огромный воздушный кит, и призвал свое заклинание. Два хлыста поднялись из прохода, словно нетерпеливые проснувшиеся змеи, чтобы наброситься на королеву Галадорны. Когда скамья с грохотом ударилась о потолок, отскочив от плитки в облаке пыли, Эл мельком увидел испуганное лицо Дасумии, когда окровавленная черная кожа обхватила одно запястье и дернула вниз, опрокинув ее на спину. Она ударилась головой об пол и закричала от боли. Это было все, что требовалось двум хлыстам. Запястье, которое

утащило ее вниз, было крепко привязано к ее лодыжке, другой хлыст сделал то же самое с другой стороны, и один хлыст ударил ее кнутовищем по глазам, ослепив слезами, а другой засунул ручку в ее открытый рот импровизированным кляпом. Большая часть скамьи разломилась и осыпала храм внизу осколками дерева, когда гигантский снаряд отскочил от свода крыши. Илбрин Старим не успел убежать, как остаток доски врезался в скамью прямо перед тем местом, где он сидел, разбросав расколотое дерево во все стороны и беспомощно подбросив его в воздух. Он кубарем пролетел через его собственный шара магического пламени и с грохотом ударился о заднюю стену храма. Старим медленно и неуклюже соскользнул вниз по стене, его крики стихли. Внезапно Эл обнаружил, что падает на землю. Он свирепо ухмыльнулся: это должно было означать, что Дасумия либо теряла сознание, либо отказывалась от своего заклинания в пользу чего-то отчаянного. Он послал хлыстам срочную команду поднять их пленницу наверх, чтобы она испытала такое же падение, если одолеет его, или его собственное приземление будет слишком жестким.

Боги! Эл понял, что его кости раздроблены, еще до того, как перевернулся, словно какой-то агонизирующий слон, и попытался подняться на ноги. Карабкаться не получалось, но он все-таки встал, бросив свое огромное тело набок, а затем попытавшись зацепиться своими неуклюжими ногами. Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как его хлысты внезапно опустели. Их пленница исчезла из пут. Мгновение спустя холодная-холодная боль скользнула в его бок и снова вышла, и он понял, куда делась Дасумия. Он не стал пытаться повернуться к ней лицом лишь для того, чтобы увидеть меч, с которого капала его собственная кровь, и дать ей лучшую цель для удара, но сосредоточился на том, чтобы игнорировать боль и вызвать другое заклинание. Лезвие снова вонзилось в него, но Эл знал, что его огромная туша предохраняет его от того, чтобы можно было перерезать ему горло. Леди не могла дотянуться до него, не карабкаясь так, что он мог бы просто упасть на нее, выиграв этот бой навсегда. Он отшатнулся и услышал ее испуганное проклятие и звон упавшего меча, отскочившего от камня. Теперь он действительно начал поворачиваться, тяжело переваливаясь. Если бы лезвие было достаточно близко, он мог бы броситься и похоронить его. Он встретился с испуганными глазами Дасумии — та поднесла одну руку ко рту, взглянула на меч, лежащий так близко к нему, — и исчезла за мгновение до того, как Эл завершил свое заклинание. Это была инкантация магии крови. Эл запрокинул голову и закричал от боли. Пока магия исцеляла его раны, он чувствовал, как огонь бушует в его гигантском теле — огонь, который вспыхивал, бушевал, а затем быстро угасал по мере того, как исцеление приближалось к завершению. Она также могла телепортировать его туда, где была его свежепролитая кровь — на полу под ним, на мече всего в нескольких футах от него... и на руках королевы, где бы она ни была! Заклинание вспыхнуло, храм вокруг него изогнулся, и он внезапно оказался за алтарем, где сидящая на корточках Дасумия смотрела на него с испуганным удивлением. Он протянул руку, чтобы схватить ее, если она попытается убежать, и потерял равновесие, падая на нее. Дасумия снова перекувырнулась назад, задев пятками парящую Черную Руку Бэйна — и Эл рухнул в нескольких дюймах от ее отчаянно откатывающейся фигуры. Он попытался схватить, но не смог дотянуться, и все еще пытался, барахтался и пытался

развернуть свое огромное тело так, чтобы его раздутая и деформированная рука могла коснуться ее, когда она прижалась к задней стене храма и произнесла еще одно заклинание, одарив его кошачьей улыбкой триумфа. Что-то вспыхнуло. Эл повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из парящих ужасов в шлеме оплывает и извивается, распадаясь на вращающуюся сферу из зазубренных металлических осколков — осколков, которые прекратили танцевать в воздухе и потоком устремились прямо на него. Эл вскинул одну тяжелую руку перед глазами и горлом, а другой схватил вслепую, почувствовал, как Дасумия сопротивляется, безжалостно стиснул ее как тряпичную куклу, и поднял ее перед собой в качестве щита.

Когда обжигающие осколки вонзились в него в трех или более местах, Эл услышал, как Дасумия ахнула, а затем звук резко оборвался. Когда он опустил руку, то увидел, что она закусила губу, кровь стекала по ее подбородку, а глаза были закрыты на искаженном лице. Зазубренные осколки пронзили ее в дюжине мест, и она дрожала. Бело-голубые искорки магии, исходящие от нее, могли быть случайностями... или чем-то другим. Пока он смотрел, осколок наклонился, повис, затем отломился и упал, заметно уменьшившись. Другой, казалось, растворялся в ней, а еще один — боги! Внезапная боль заставила Эльминстера уронить своего врага. Ее изуродованное тело упало на его огромную тушу — и началась настоящая боль. Горящий... дым поднимался от того места, где она лежала, распластавшись на его бугристой плоти, и медленно тонула. Кислота! Она превратила свою кровь в кислоту, и это разъедало его и осколки. Что ж, наблюдающие боги знали, что он бы не пощадил плоть, лишь бы не проиграть, но ему нужно было убраться от нее подальше. Он схватил ее, изо всех сил швырнул в парящую Руку Бэйна и с удовлетворением увидел, как она вяло ударилась о неё и на мгновение замерла, прежде чем собственный вес потянул ее вниз, и она исчезла из виду за алтарем. Струйки дыма поднимались от руки, пока немного оставшейся кислоты разъедало и ее тоже. Эл мрачно сел и вздохнул. Возможно, она и была без сознания, но у него не хватило сил раздавить ее. Вот если бы он столкнул ее в яму и положил эти две скамьи сверху ...Нет, он не мог быть таким жестоким. И поэтому, когда она очнётся, Эльминстер Омар умрет. У него почти закончились заклинания, и он все еще был заперт в этой гротескно увеличенной форме, вряд ли способный пройти через проходы, которые привели его сюда. Он мало что мог сделать, чтобы остановить злую госпожу-наставницу, которой Мистра послала его служить. Ее магия превосходила его так, как его магия превосходила магию новичка. Она была бы великолепной и способной служанкой Мистры, лучшей Избранной, чем он, если бы только была достаточно послушной, чтобы повиноваться кому угодно. Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на символ Бэйна, и вызвал мысленный образ бело-голубой звезды Мистры.

— Владычица Тайн, — сказал он вслух, и его голос эхом отозвался в теперь уже безмолвном храме, — Тот, кто был твоим слугой, взывает к тебе в своей нужде. Я подвел тебя и подвел в своем служении той, кого зовут Дасумия, но посмотри на ее силу, которая могла бы хорошо послужить тебе вместо меня. Помоги Дасумии, молю, и...

Внезапный, обжигающий холод потряс его до нечленораздельного крика. Он почувствовал, что неудержимо дрожит, когда магия, более сильная, чем когда-либо прежде, хлынула через него. Он оцепенело ждал, какой смертельный удар нанесет ему Дасумия, но его не последовало. Вместо этого внутри льда мягко разлилось тепло, и он почувствовал, что расслабляется, даже когда по нему поползло странное ощущение. Он исцелялся, он становился все меньше и легче и снова был самим собой, и лицо, которое он едва мог разглядеть сквозь заливающие глаза слезы, склонилось над ним. Затем он услышал голос, нежно говоривший с ним, голос, который принадлежал королеве Галадорны, но в нем больше не было холодной жестокости Дасумии.

— Итак, ты прошел испытание, Эльминстер Аумар, и остаешься первым и самым дорогим из моих Избранных — даже если твои мозги слишком затуманены, чтобы распознать, когда ритуал Бэйна извращается, принося на его алтарь удовольствие вместо боли и проливая кровь того, кто желает. Последовал нежный и музыкальный смех, а затем слова:

— Я горжусь этой ночью.

Нежные руки обняли его, и Эльминстер вскрикнул от удивления, когда почувствовал, что его поднимают ввысь, но вместо того, чтобы вдвоем разбиться о потолок, они поднялись высоко к ясным звездам.

* * * * *

Крыша Дома Единорога разлетелась на части, а башни рухнули, когда столб серебряного огня взревел в ночи. Пока люди на зубчатых стенах кричали и ругались, что-то холодное и звенящее, что жадно обвилось вокруг шпиля рядом с их головами, унеслось туманной параболой, съездившись в ночи низко над улицами Нетрара.

* * * * *

Серебряный огонь танцевал на темной воде, отбрасывая слабые отблески на гобелены с пурпурной каймой глубокого черного цвета. Высоко на этих гобеленах пурпурной нитью были вышиты их единственные украшения: жестокие, явственно женские улыбки. Чернильные воды магической купели покрылись рябью, и сцена серебряного огня, взлетающего из замка, исчезла.

Кто-то близко над водой взволнованно сказал:

— Ты видел? Я знаю, как мы можем это использовать.

— Расскажи! — раздался холодный голос, резкий от волнения, затем более спокойным тоном, в другом направлении, сказал:

— Отмените службу Вечного Пламени. Мы будем заняты, и, заметь, Сестра Ночь, нас не следует беспокоить до дальнейших распоряжений.

* * * * *

И так случилось, что Галадорна потеряла свою королеву и придворного мага в одну и ту же ночь, менее чем за десять дней до того, как армии Лаоткунда скатились

с окруженных деревьями холмов, чтобы поджечь Нетрар и навсегда разрушить Королевство Единорога.

КНИГА II

ВОСХОД СОЛНЦА НА ТЕМНОЙ ДОРОГЕ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВОСХОД ЛУНЫ, ЛЕДЯНОЙ ОГОНЬ И ГИБЕЛЬ

Искателей приключений лучше всего использовать для убийства монстров. Рано или поздно они станут вашими худшими монстрами, и вам придется нанимать новых, чтобы сделать очевидную вещь.

*Ральдерик Хэллоушоу, Шут
из **Правления королевством, от осадной башни до навозной кучи**,
опубликовано примерно в Год Кровавой Птицы*

— Кажется достаточно мирным, не так ли? — пророкотал воин, оглядываясь с высоты своего седла на лес хиксея, синелиста и искривленных старых фандаров, которые росли по обе стороны дороги. Птицы кричали в далеких глубинах его сумрачной тени, и маленькие пушистые существа сновали тут и там среди мертвых листьев, устилавших его замшелые пни и усеянные грибами овраги. Золотые лучи солнечного света проникали в лес то тут, то там, освещая небольшие поляны, где кустарники боролись друг с другом за свет, а покрытых мхом лиан было меньше.

— Не говори глупости, Арвас, — прорывал один из его спутников. — После таких слов обычно и появляются бандиты из засады. Это твоё высказывание звучит как нечто, что должно закончиться стрелой, вонзающейся в горло. Или участок дороги, на котором стоишь, поднимется и окажется головой проснувшегося титана или еще кого.

— Я выбираю «еще кого», зануда ты этакий, — проворчал Арвас. — Я просто имел в виду, что не вижу следов от заточки когтей на деревьях, пятен крови... такого рода вещей, которые тебя еще больше обрадуют.

— Вы можете быть уверены, что великий герцог не нанимал нас, чтобы блокировать дорогу Стармантла, споря о вещах, о которых я предпочел бы, чтобы другие уши не слышали, — резко сказал более глубокий голос. — Арвас, Фалдаст, прекратите это!

— Парегур, — сказал Арвас усталым тоном, — ты в последнее время смотрел вверх и вниз по этой дороге? Ты видишь кого-нибудь — *кого угодно* — кроме нас?

Могу я спросить, от чего преграждать дорогу? С тех пор, как начались смерти, путешествия, похоже, здесь почти прекратились. Возможно, примерно в то же время тебе пришла в голову забавная мысль, что ты каким-то образом имеешь право отдавать приказы остальным из нас! Это тяжелый шлем от новой брони сильно давит тебе на мозги? Или новый торчащий гульфик с...

— Арвас, *хватит!* — раздраженно сказал кто-то еще. — Боги, как будто с нами едет болтливый пьянчуга.

— Ролиан, — сказал его товарищ-полурослик откуда-то с уровня человеческих поясов, — так с нами и едет болтливый пьянчуга!

Раздался общий взрыв смеха, подхваченный, хоть и саркастически, самим Арвасом, и Знамя Ледяного Огня пустили своих лошадей рысью. Все они хотели найти хорошее защищенное место для лагеря до наступления темноты или успеть вернуться в Стармантл, если такое место не обнаружится. Оставалось не так много часов, прежде чем тени станут длинными, а солнце ярким и низким. Великий герцог Хоростос называл себя лордом богатых сельскохозяйственных угодий к западу от Стармантла, вдоль поросшего лесом утеса побережья, на котором было мало гаваней (и ни одной хорошей). Раньше это была тихая и безопасная земля, на которой время от времени появлялись привычные совомедведи и стирги, случайная банда разбойников или вороватых торговцев; небольшие проблемы, с которыми могли справиться несколько воинов и лесников с хорошими луками. Но в последнее время, примерно когда закончились самые сильные зимние снегопады, и люди сочли, что началась полезная часть года Пробуждающегося Змея, в великом герцогстве Лангалос, похоже, завелась большая проблема. Что-то, что не оставляло следов, привольно убивало проезжающих торговцев, лесорубов, фермеров, домашний скот и бдительные боевые отряды лучших солдат герцога. Даже высокопоставленный жрец Темпуса, путешествовавший с большим отрядом конных и хорошо вооруженных телохранителей, пропал где-то на лесной дороге к западу от Стармантла, и считалось, что он столкнулся с таинственным убийцей. Может ли это быть “Пробуждающийся змей” из пророчеств?

Возможно, но наемные наездники на грифонах, пролетавшие над этой местностью, не обнаружили никаких признаков больших пещер, выжженных или сломанных деревьев или каких-либо других следов крупных зверей... а также признаков разбойников или их лагерей, если на то пошло. Не видели ничего и те немногие лесники, которые все еще осмеливались приближаться к деревьям, — и они тоже исчезали один за другим. В их докладах говорилось о земле, на которой, казалось, не осталось ни одного животного размером с лису или зайца; звериные тропы заросли папоротником. Поэтому великий герцог неохотно открыл свои сундуки, пока у него еще были подданные, которых можно было облагать налогами, и нанял классическое решение: группу авантюристов — в данном случае наемников, которых по разным причинам выгнали со службы богатым тетирцам, и они собрались в отряд, известный как Знамя Ледяного Огня, чтобы искать счастья в более восточных землях, где их прошлые неосторожности были менее известны. Деньги, предложенные Хоростосом, были и хорошими, и нужными. В Знамени было десять авантюристов, среди них по паре магов и воинов-жрецов, но все же они шли

осторожно. Это была незнакомая им страна — но смерть знает все земли, близко и часто.

Взведенные, но незаряженные арбалеты висели поперек нескольких седел, хотя это плохо сказывалось на тетивах, и никто не ехал небрежно. Лес оставался прекрасным — и пустынным.

— Никаких оленей, — проворчал один раз Арвас, и его спутники, кивнув в ответ, поняли, какая тишина пала на них. Ожидая, когда обрушится удар. На приличном расстоянии к западу от Стармантла дорога петляла вокруг и под обнаженным отрогом скалы, выступом, который указывал в море и вверх, как нос какого-то огромного погребенного корабля. Как только солнце опустилось ниже, и Знамя поняли, что им пора развернуться, они расположились лагерем на скалистом носу.

— Это самое хорошее место, какое только могут послать боги, если не считать голых вершин холмов. Один следит за дорогой и утесами, двое смотрят в лес вдоль перешейка, вот здесь. Привяжите наших лошадей внизу, и пусть только кто-нибудь попытается воспользоваться дорогой ночью, — проворчал Ролиан.

Парегур издал бессловесное ворчание в качестве своего единственного ответа. Тон этого ворчания выражал сомнение. Тишина страха тяжело нависла над лагерем в ту ночь, и даже за ужином старались не шуметь.

— Мы близки к смерти, как никогда, — пробормотал полурослик, когда они завернулись в плащи, положили оружие под руку и смотрели, как над водой появляются звезды.

— Не заткнешься ли ты о смерти? — прошипел Ролиан. — Никто не может подойти к нам незамеченным, мы установили усиленную охрану, ковши и щиты под рукой, чтобы быстро всех разбудить... что еще мы можем сделать?

— Уехать отсюда и вернуться в Тетир, — тихо сказал Арвас, но в лагере было так тихо, что большинство его услышали. Несколько голов повернулись, нахмурившись... но никто не сказал ни слова в ответ. А наверху, когда спустилась глубокая ночь, появлялось все больше звезд.

* * * * *

— Что это? — выдохнул Ролиан рядом с ухом Парегура. — Ты слышишь?

— Конечно, я слышу, — тихо ответил воин, бесшумно поднимаясь на ноги и медленно поворачиваясь. Его обнаженный клинок сверкал в свете только что взошедшей луны. Звук доносился с запада, где-то совсем рядом, тонкий, бестолковый звон. Уздечка? Колокольчик на инструменте менестреля или на сбруе своенравной лошади? Или зов маленькие фей?

Через мгновение он сделал несколько осторожных крадущихся шагов по скальному отрогу, пробираясь между неподвижными фигурами своих спящих товарищей. Тонкая струйка тумана плыла с подветренной стороны скалистого отрога — странно, что с восходом луны — но ничего не было видно. Даже морских птиц или совы не было. На самом деле, именно поэтому это было так жутко — в лесу было тихо. Никакой возни, никаких ночных криков или визгов мелких животных, пойманных более крупными хищниками... ничего. Парегур озадаченно покачал головой и медленно повернулся, чтобы пойти обратно. Вот он снова, этот слабый

звон. Он опять повернулся на запад и замер, прислушиваясь. Через некоторое время звон прекратился. Высокий воин пожал плечами, взглянул вниз на лошадей... и замер. Где были лошади? Он сделал два быстрых шага к другой стороне отрога, на случай, если они все переместились к востоку от выступа — поводья были достаточно длинными — но нет. Они исчезли.

— Ролиан, — прорычал он, резко махнув рукой, и побежал по скале к самому обрыву, где неподвижная фигура Арваса в капюшоне сидела лицом к морю, положив меч на колени. Ха! Каким наблюдательным сторожем он оказался! — Арвас! — прошипел он, хлопнув тяжелой рукой по плечу воина, — Где лошади? Если ты снова напился, я...

Плечо под его рукой смялось как куча сухих листьев и щепок, и безликая оболочка Арваса на мгновение повернулась к нему, прежде чем превратиться в пепел. Череп мужчины вывалился наружу, отскочил от ботинка Парегура, а затем с глухим стуком упал на дорогу внизу.

Парегур чуть не свалился с отрога, отшатнувшись в ужасе. Затем он пополз по нему обратно к первому из своих спящих товарищей и кончиком клинка откинул одеяло. Ему ухмыльнулся череп.

— Боги, — всхлипнул он, рубанув кончиком меча по следующему плащу. Его клинок зацепился за одежду и наполовину сорвал ее; кости высыпались рассыпались беспорядочным пеплом. Парегур впервые в жизни испытал настоящий выворачивающий наизнанку ужас. Ему хотелось убежать, куда угодно, подальше отсюда.

А Ролиан до сих пор не подбежал. Парегур бросил взгляд вдоль отрога туда, где тот сидел рядом с ним лицом к лесу и что-то шептал ему всего несколько вдохов назад. Где же..? Звон, раздавшийся снова — только на этот раз из-за стены темных деревьев, — звучал почти насмешливо. Легкий туман клубился вокруг их стволов, и Ролиан...

Ролиан стоял среди этих деревьев с мечом на сгибе руки и шнурками гульфика в руках, в вечной позе мужчин, облегчающихся в лесу, с широко расставленными ногами, лицом в темноту. Парегур начал расслабляться, затем новый страх скрутил его под ложечкой. Ролиан стоял очень тихо. Слишком тихо.

— Ледяной Огонь, *подъем!* — взревел Парегур со всей громкостью, на которую был способен. Сами скалы отразили его крик, и эхо слабо донеслось из глубины леса. Он бежал, крича, назад вдоль хребта отрога к Ролиану... уже зная, что найдет. Он остановился позади этой неподвижной фигуры и попытался заглянуть за нее. Клыки? Глаза? Ожидающие клинки? Ничего. Лунного света было достаточно, чтобы он не увидел ничего, кроме деревьев. Он осторожно протянул свой меч.

— Ролиан?

Воин издал долгий бесформенный вздох и повалился вперед, на деревья. Он разлетелся на три части, прежде чем ударился о землю. Его клинок отскочил среди мертвых листьев... и оставил Парегура пялиться на пару пустых ботинок и кучу сбившейся одежды. Вот же проклятые бессердечные боги! Высокий воин сделал два быстрых шага назад от этого места и развернулся. Был ли он единственным, кто остался в живых? Неужели все... но нет. Он чуть не закричал от облегчения: маг Лаэранд был на ногах. Лицо его выражало сонное неодобрение, как и у гигантского,

туповатого, но верного Фострала. Полная пластинчатая броня делала его сверкающей горой в лунном свете. Двое. Их всего двое.

— Что-то убило всех остальных, — жестко сказал им Парегур. — Что-то, что может убить в одно мгновение и бесшумно.

— Да? — прорычал Лаэранд. — Тогда что это?

Это снова был звон, только теперь громкий и настойчивый, как будто он торжествовал над ними. Внезапно туман вернулся, скользнул мимо их ног и принес с собой свой собственный холод, дрейфуя вдоль отрога. Глаза Парегура сузились.

— Лаэранд, — внезапно сказал он, — ты можешь метать огонь?

— Да, конечно, — огрызнулся маг. — В кого? Я...

— В *это*! — крикнул Парегур, почти визжа от страха. — *Сейчас же!*

И словно услышав его слова, туман сгустился в яркий дым и, подобно змее, ударил в Фострала. Гигантский воин поднял свой клинок и двинулся, чтобы бросить ему вызов еще до крика Парегура; его товарищи видели только его спину и слышали слабый вздох, шипение в самом сердце или бульканье? Через мгновение клинок выпал из его руки. Перчатка вместе с ним: наруч заканчивался обрубком. Затем, медленно, Фострал повернулся лицом к своим товарищам. Его шлем был пуст, голова полностью сгорела, но что-то заполняло его или, по крайней мере, удерживало над бронированной стеной груди воина. Существо, бывшее Фостралом, пошатываясь, направилось к ним, двигаясь медленно и неуверенно. Маг отступил назад и начал, заикаясь, произносить заклинание. Мгновенно гигантская бронированная фигура повернулась к нему и опрокинулась, рухнув бывшим лицом вниз, а оттуда, звеня, вырвался белый вихрь. Парегур закричал в страхе, размахивая мечом и зная, что это ему ничего не даст, а Лаэранд взвизгнул и побежал по отрогу. Туманная тварь холодно и звонко преследовала его. Маг так и не пытался развернуться и сражаться. Он бежал так быстро, как только мог, и далеко прыгнул с утеса, завывая всю дорогу вниз до влажного шлепка.

Это была отчаянная смерть. Парегур сглотнул. Будет ли лучше героическая? И откуда о ней узнает менестрель, когда он станет костями и пеплом?

Вихрь медленно возвращался по отрогу, звеня почти застенчиво — как будто играл с ним. Высокий воин стиснул зубы и поднял меч. Когда он решил, что туман достаточно близко, он рубанул по нему и отскочил в сторону, затем встал, чтобы нанести яростный удар наотмашь сквозь его звенящую белизну. Неудивительно, что его клинок ничего не встретил, хотя его лезвие, казалось, выбило линию искр. Как только он заметил их, в своем бешеном беге вдоль отрога, они исчезли. Он развернулся, споткнувшись о чей-то шлем и чуть не упав, чтобы снова ударить клинком. Еще раз он ничего не зацепил, с трудом отскочил в сторону от надвигающегося тумана и снова прорезал его с тем же полным отсутствием эффекта. Туман закружился, перепрыгивая через его голову, и воин увернулся, чтобы тот не упал на него. Туман продолжал свой извилистый бросок, огибая его тщетно вонзающийся клинок, чтобы пронзить руку с мечом.

Наконец, он задел Парегура, а не пронес мимо — и пылающая агония пронзила его. Воин ошеломленно осознал, что кричит и шатается, тщетно хлопая рукой по пустому воздуху.

Его единственной рукой. С другого бока не осталось ничего, кроме искореженной массы обожженной плоти и кожи, сплавленной вместе. Крови не было... И руки не было. Его ведущей руки. Парегур дико огляделся, когда лента тумана почти насмешливо проплыла мимо, и увидел свой меч, лежащий поверх скрюченной кучи, которая когда-то была жрецом Тиморы. Да уж, помогла им Госпожа Удача. Он неуверенно подбежал к своему клинку, не привыкший к тому, что одна сторона намного легче другой, и поднял его.

Он все еще выпрямлялся, когда снова появилась жгучая боль, и он тяжело упал копочиком на камень, наблюдая, как пустой ботинок уносится прочь. Нечто отняло у него ногу. Он изо всех сил пытался подняться, вообще пошевелиться, тщетно стуча оставшимся каблуком сапога по неровному камню, и вызываясь взмахнул клинком. Туман смыкался, и он отчаянно завертелся, рассекая мечом воздух вокруг себя. Он дважды ударил им по камню, один раз достаточно сильно, чтобы оставить на лезвии щербину, но ему было все равно. Он собирался умереть здесь... что хорошего в гладком клинке для мертвеца? Туман снова набросился на него почти злорадным прыжком, звон нарастал вокруг него, пока он отчаянно извивался и рубил. Когда жжение появилось снова, оно было в его целом бедре, и он беспомощно перекатывался, размахивая в пустоту своим бесполезным мечом. Одна конечность за раз — *она* играло с ним. Неужели он превратится в беспомощное тело, неспособное ничего сделать, кроме как смотреть, как оно очень медленно убивает его?

Несколько судорожных вдохов спустя, когда он смотрел на безразличные звезды заплывшими глазами, он знал, что ответ будет «да». Он задумался, как долго туман будет заставлять его страдать, но потом решил, что ему уже все равно. Одной из последних мыслей было печальное осознание того, что все, кто умирает достаточно медленно, чтобы знать, что происходит, должны пересекать черту, за которой им все равно. Он был... он был Парегуром Амаэтуром Донласом, и он встретил свой холодный конец здесь, на скале в диких землях проклятого великого герцогства Лангалос в начале лета семьсот шестьдесят седьмого года (по летосчислению Долин), и никто не оплачет его и не заметит его кончину или его мертвые товарищей. Что ж, примите мою благодарность, бдительные боги.

Последней мыслью Парегура было то, что он должен бы помнить название этой звезды... и той тоже...

* * * * *

Склеп семьи Мундарк зарос ежевикой, ползучими растениями и искривленными деревьями, переплетенными защитными чарами, которые все еще были сильны спустя столетия. Дом Мундарк, счастливое смешение эльфийской и человеческой крови, был известен своим колдовством, но Мундарки не ходили по Фаэруну около ста шестнадцати зим... и Вестгейт был вполне доволен этим. Больше никаких могущественных заклинаний, которые могли бы бросить вызов королю или смутить самозванных дворян, больше не нужно быть вежливым с полукровками, которые были изящными, красивыми, образованными, умными, слишком веселыми — и слишком настаивали на справедливости и честности в управлении. Была даже табличка, гораздо более поздняя, чем заколдованные ворота: «Узрите конец всех,

кто слишком настойчив». Эльминстер мрачно улыбнулся этому небольшому поучению. Это было первое, что рассыпалось в пыль от прикосновения его самого мощного заклинания. Следующими были давно не проверенные обереги за ней. Рассвет почти наступил над Вестгейтом, и он хотел оказаться в безопасности внутри дома-гробницы до того, как люди выйдут на улицы. Стражники на углу все еще зевали и дремали у внешней стены склепа, когда Эльминстер проскользнул внутрь. Во время его короткой прогулки по окруженной статуями дорожке к дверям дома-гробницы с колоннами магия Эла уничтожила поразительное количество магических крючков и ловушек. Странное занятие для того, кто служит Мистре... но во ведении Мистры много «странных вещей». То, для чего он здесь, было одной из его самых важных задач как Избранного, на которую он тратил много времени в эти дни. Задача, которая, казалось, пробудила почти девичье ликование в Леди Тайн.

Эльминстер Омар сделал бы все, чтобы увидеть ее такой улыбающейся. Дверные обереги, ловушка падающего луча и ловушки с переплетением выступающих лезвий — все это следовало ожидать и было устранено за несколько секунд. Тот факт, что людям время от времени приходилось входить в семейную гробницу с законными целями — ради захоронения, а не кражи, — означал, что защита должна была быть меньшего порядка. За несколько спокойных вдохов Эльминстер оказался в темной комнате. Дверь за ним закрылась и была запечатана заклинанием, и свет, который он призвал, отразился от низкого, затянутого паутиной потолка. Останки Мундарков рядами лежали во все стороны от него в каменных гробах, которых, должно быть, насчитывалось около сотни. Самые старые из них были самыми большими, с резными витиеватыми сценами по бокам и изображениями умерших на крышках. Более поздние представляли собой простые каменные ящики, на некоторых даже не было имен. К счастью, никто не шевелился в нежизни; он и так опаздывал и никогда не любил торопить самое интересное. Прозорливые и богатые Мундарки были даже достаточно предусмотрительны, чтобы оставить погребальную плиту в центре склепа — высокий стол, на котором мог лежать гроб с недавно умершим во время последней поминальной службы, прежде чем его водружали на один из рядов мертвецов, выставленных вдоль стен, и больше никогда не беспокоить. Или, по крайней мере, до тех пор, пока не появился умный Избранный Мистры. Эльминстер напевал мелодию исчезнувшего Миф Драннора, раскладывая свой плащ на пустой плите — большой, но непримечательный кожаный плащ на подкладке, который больше не был какого-либо цвета, зато мог похвастаться большим, чем водится, набором заплат. На внутренней стороне плаща было несколько больших грубых карманов, хотя они казались плоскими и пустыми, когда Эл ласково похлопал по ним, а затем отвернулся, чтобы побродить по комнате, вглядываясь в темные углы, отдельные гробы и даже нижнюю сторону погребальной плиты. Вернувшись с прогулки, он сунул пальцы в верхний карман и вытащил оплетенную фляжку, полную янтарной жидкости. Подняв ее, он пробормотал:

— Мистра, за тебя, как всегда. Бледная тень огня от твоего прикосновения. Сделав долгий, судорожный глоток, Эл заткнул фляжку пробкой, удовлетворенно вздохнул и снова убрал ее в карман, который по-прежнему выглядел пустым. Он обеими руками порывлся в следующем пустом кармане и вытащил волшебную

палочку в потертом, почти рассыпающемся футляре из виверновой кожи. Ему понадобилось два осторожных заклинания и много беготни, волоча футляр по грубым каменным блокам старой стены замка, чтобы тот выглядел таким старым. Он еще больше гордился палочкой, обесцвеченной десятилетиями обращения, которые он провернул за несколько минут с гусиным жиром, песком и сажей. Эаргладден Мундарк умер в нищете, выпрашивая у своих сородичей несколько медяков, чтобы купить жареную курицу... Но кто, кроме Эльминстера, был еще жив, чтобы помнить об этом? У такого опытного мага, как Эаргладден, вполне могла быть волшебная палочка и, конечно же, книга заклинаний — Эл снова полез в пустой карман и вытащил потертый и громоздкий том с огромными, сильно потрепанными медными уголками, — которую он не продал в последний год своей жизни, конечно. Не говоря уже об обычном кинжале, заколдованном, чтобы не ржаветь и не тускнеть, и светиться по команде; эти чары были созданы, скажем, на три столетия с помощью заклинания эльфийского длинного взгляда, наложенного по найму одним из бедных миф-драннорских учеников. Да, так и было. Эл спокойно поднял крышку гроба Эаргладдена, пробормотал «Рад встрече, мастер-маг Мундарков» и аккуратно положил палочку, кинжал и книгу заклинаний на соответствующие места вокруг мумифицированного скелета. Затем он закрыл гроб и вернулся к плащу за несколькими свитками — на тщательно состаренном пергаменте — и потрепанной книжечкой магических наблюдений, скопированных рун и незаконченных заклинаний, которые должны были подвести даже слабоумного к созданию заклинания, временно наделяющего магически неодаренных способностью держать в памяти и произносить заклинание, помещенное в них магом.

Этим он в основном и занимался в последнее время на службе Мистре. По ее приказу Эльминстер путешествовал по Фаэруну, посещая руины и гробницы мертвых магов, подкладывая «старые» свитки, книги заклинаний, мелкие зачарованные предметы и даже, по случаю, посохи, которые могли найти в будущем — и все это было на самом деле предметами, которые он только что закончил создавать и заставил выглядеть старыми. Почти всегда часть сокровищ, которые он оставлял для других, включала заметки, которые должны побудить любого, обладающего магическим даром, поэкспериментировать и успешно создать «новое» заклинание. Мистру не слишком заботило, кто нашел эту магию или как ее использовали — пока использовалось все больше магии и все больше людей могли ею владеть, а не несколько архимагов, повелевающих с ее помощью магически обделенными, как это случилось во времена потерянного Нетерила. Эл любил такого рода работу, и ему всегда приходилось бороться с желанием задерживаться в руинах и склепах, намеренно позволяя другим видеть его огни и эффекты заклинаний, чтобы заманить искателей приключений к оставленному сокровищу.

«Незаметно, как орда орков», — так Мистра однажды назвала эту тактику, мило надув губы, и Эл знал, что она права. Поэтому сегодня он решительно взял свой плащ, применил мощное заклинание, которое дал ему Азут, уничтожив все следы или магические отголоски его визита и удалившись в виде тени. Предусмотрительная тень восстановила несколько оберегов и ловушек на своем пути, прежде чем выскользнуть обратно на улицу в нескольких дюймах от спины охранника, чье внимание было приковано к золотой монете, которая, казалось,

упала с неба несколько мгновений назад. Незамеченная, тень стала плотной и зашагала прочь. Фигура в плаще с ястребиным носом скрылась из виду за углом ровно на то время, которое потребовалось, чтобы сделать один хороший глубокий вдох, когда темная лошадь пробежала рысью сквозь непрерывный поток идущих людей и остановилась перед стражником. Эта достойная личность подняла глаза, вопросительно и с вызовом приподняв бровь при виде молодого эльфа в темно-бордовом одеянии и богатом плаще, который смотрел на монету в обветренной ладони охранника. Стражник поспешно сомкнул пальцы вокруг неё и сказал:

— Да? Чего ты хочешь, чужеземец?

— Миф-драннорская, не так ли? — тихо спросил эльф. — Нашел где-то поблизости?

Охранник покраснел.

— Скорее, честно и справедливо получил в оплату, — пророкотал он.

Эльф кивнул, и его пристальный взгляд теперь надолго задержался на заросшем склепе, перед которым дежурил охранник. Мундарки... этот ублюдочный дом магов-дилетантов. И все те, кто нашел свой путь домой, чтобы умереть, теперь делили каменную гробницу, как любят люди. Судя по всему, она в хорошем состоянии, и ее обереги все еще в действии. Она была закрыта слишком надежно, чтобы любопытные птицы или снующие белки могли схватить золотую монету и вынести ее за стены. Его глаза сузились, а лицо заострилось, как отточенный кремль, заставив охранника осторожно поднять оружие и спрятаться за ним. Илбрин Старим одарил мужчину невеселой и рассеянной улыбкой и поскакал дальше, к «Звездам и Мечу». Волшебники, которые приезжали в Вестгейт, всегда останавливались в «Мече» в надежде быть там, когда Альшинри войдет и исполнит свой танец-транс. Альшинри теперь постарела и немного осунулась; ее танцы уже не были такими, как когда-то, когда дом был переполнен жадно плящими мужчинами. И танец ее тоже в основном был притворством и пьяным бормотанием... но иногда, чуть чаще, чем раз в месяц, это случалось. В транс Альшинри произносила слова заклинаний, неизвестных с тех пор, как пал Нетерил, советы, которые могли исходить от самой Леди Тайн, и подробные инструкции о местонахождении, ловушках и даже содержимом гробниц некоторых архимагов, разрушенных школ волшебства, тайников с магией и даже давно забытых заброшенных храмов Мистры.

Плохие вещи случались с магами, которые просто разговаривали с Альшинри вне «Меча» или пытались принуждать или приставать к ней в его стенах, поэтому они довольствовались тем, что бронировали номера в гостинице так часто, что некоторые из них могли считаться жильцами. Даже если бы определенный человек-волшебник — некий Эльминстер, бывший придворный маг Галадорны, до падения этого королевства — не занял комнату в «Мече», там собралась лучшая компания в Вестгейте, кто мог видеть его поблизости или слышать что-то о его поступках и текущих делах. Суровые взгляды, брошенные в его сторону каждым охранником и многими торговцами, мимо которых он проезжал, наконец достигли цели. Илбрин моргнул, огляделся вокруг и обнаружил, что скачет по улице галопом на своем испуганном скакуне, чьи копыта скользили на булыжниках. Он натянул поводья и перевел лошадь на осторожный шаг. Впереди замаячил яркий, сверкающий, оживленный заклинаниями знак «Звезд и Меча», и защитник чести Старимов

направил своего скакуна сквозь суетливый народ к, как он надеялся, некоторым ответам или даже человеку, которого он искал. Когда он собрал поводья в одну руку, чтобы освободить другую для звонка, который должен был вызвать конюхов, чтобы они присмотрели за его лошадью, Илбрин обнаружил, что вещь, которую он носил в поясной сумке, попала ему в руку и теперь было зажата там: клочок красной ткани, бывшей частью накидки придворного мага Галадорны. Накидки Эльминстера. Эльф посмотрел на него сверху вниз, и, хотя его рука осталась неподвижной, красивое лицо медленно превратилось в каменную, задумчивую маску. В его глазах была такая сверкающая угроза, что оба конюха отшатнулись, и их пришлось уговаривать вернуться. Спрыгнув с седла и потянувшись к ручке изящно вырезанной входной двери «Меча», Илбрин Старм мягко улыбнулся.

И, как выразился один из конюхов, «это было похуже того взгляда!»

Все еще улыбаясь, Илбрин спрятал одну руку — ту, что мерцала в возникшем сиянии готового смертоносного заклинания — за спину, а другой открыл дверь и вошел.

Конюхи задержались, почти ожидая услышать ужасный грохот, или дым, или даже тела, выброшенные из окон... но ожидаемого развлечения так и не последовало.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ПУСТОЙ ТРОН

Должно быть, большинство волшебников очень беспокоит то, что, несмотря на все свои заклинания, они не могут обрести бессмертие. Многие пытаются стать богами, но мало кому это удастся. Давайте все будем очень благодарны за это.

*Самбрин Улгритин, лорд-мудрец Саммареша
из **Взгляда со Штормового Холма**,
опубликованного примерно в Год Врат*

Далеко к востоку от Вестгейта, как раз в тот момент, когда улыбающийся эльф проскользнул в гостиницу, ожидая неприятностей, туман плыл по старому дремучему лесу.

Этот туман искрился и звенел, когда целеустремленно двигался между деревьями. Иногда он поднимался в почти гуманоидную, шагающую форму, высокий, плотный и сильный; в другое время он двигался как бросающаяся, извивающаяся змея. Ни одна птица не кричала в тени вокруг него, и ничто не шелестело в мертвых листьях под ногами. Только его собственный кружащийся ветерок шевелил ползучие растения и клочья висячего мха, по которым он пробирался. Тишина царила в лесу, который он пересекал. Это было неудивительно: ранее звенящий голод не оставил в этой части леса ни одного живого существа,

которое могло бы наблюдать его спешку. Звонящий туман оставил кладбище Знамени Ледяного Огня далеко позади, двигаясь на многие мили по пустынной дороге к месту, где большинство глаз пропустило бы усеянные молодыми деревьями, заросшие остатки дороги, сворачивающей в лес. Туман плыл по изгибам и поворотам этой дороги, проносясь, как нетерпеливый дым, по осыпающимся каменным мостам, которые вели по дороге через ручьи, к темно-зеленому месту, где заканчивалась дорога... и начинались руины. Ряды гигантских старых деревьев, обрамлявших заросшую дорогу, уступили место куче осевших повозок и карет, покрытых ползучими растениями. За ними лежали заросли, в сердцевине которых травянистые холмики отмечали места, бывшие когда-то конюшнями и домами. За зарослями поднимались вершины теней, такие высокие, что их мрак душил заросли и лежал в бесконечной тени над гниющими развалинами подъемного моста через глубокую, грязную расщелину. Которая когда-то была рвом. Каменные столбы или зубья во рву когда-то были крепкими опорами ныне упавших стен. Стен, которые когда-то хмурились на Фаэрун с большой высоты и образовывали массивную крепость.

Давно разрушенная крепость теперь была скорее лесом и осыпающимся камнем, чем зданием. Туман целеустремленно двигался сквозь путаницу склонившихся деревьев и лиан, которые росли внутри, как будто знал, где какие комнаты можно найти. По мере продвижения стены становились все выше. Кое-где сохранились потолки или кровля, хотя все арочные проходы были открыты в отсутствие дверей, и не было никаких признаков того, что кто-то или что-то обитало внутри. Туман с тихим звоном остановился в комнате, которая когда-то была действительно большой и величественной. В щели в её стенах снаружи проглядывал лес, но там все еще был потолок и даже мебель. Кровать с прогнившим балдахином, больше, чем многие стойла конюшни, была богато украшена позолоченными столбиками и золотой тканью, поблескивающей среди зеленого меха плесени на матрасе. Рядом стоял буфет, наклоненный тем углом, где была сломана одна ножка, а за ним несколько стульев, обильно поросших грибами. Чуть дальше, на потрескавшемся мраморном полу рядом с провисшим рядом шкафов стояло облупившееся овальное зеркало высотой в человеческий рост. Вода капала на то, что когда-то было большим столом в другой части комнаты, а за ним, в самой темной задней части помещения с лучше всего сохранившейся крышей, был кольцообразный парапет. За круглой стеной высотой по колено была только глубокая тьма... И когда туман начал двигаться, он направился прямо к этому колодцу. Когда он приблизился, в воздухе над парапетом появились внезапные вспышки света.

Туман заколебался, поднялся немного выше и отважился приблизиться к колодцу. Сияние достигло его, становясь ярче, и ему вторили похожие отблески, которые змеились по каменным стенам и окружающему полу, очерчивая невидимые до сих пор руны и символы. Туман на мгновение заплясал среди этих огнеподобных языков безмолвного света, а затем устремился вниз, нырнув прямо в колодец. Сложные узоры магии вспыхивали и разгорались на мгновение, когда туман пронесся мимо, словно хлеща и царапая его, но, когда он исчез в колодце, эти слабеющие остатки защитных заклинаний снова погрузились в тишину. Шахта насчитывала приличное расстояние в поперечнике и спускалась прямо вниз. Путь

был долгий и без света. Она заканчивалась полом из неровного натурального камня — краем огромной и темной естественной пещеры. Туман двинулся в эту бархатную пустоту с уверенностью человека, который движется сквозь крошечную тьму к знакомому месту. Он тихо зазвенел, когда его собственное слабое сияние открыло что-то в пустоте впереди: высокое пустое каменное сиденье, обращенное к нему. Туман остановился, не дойдя до трона размером с человека, и завис над полукругом больших сложных рун, которые были выгравированы на полу перед тронем. Если бы трон был центральным сиденьем баржи, обращенным вперед, руны образовывали ее округлый нос. Туман, казалось, на какое-то время задержался в раздумьях, затем легкий ветерок от его движений внезапно ускорился, превратившись в закручивающийся стремительный вихрь, искрящийся и звенящий. Когда он набрал бешеную скорость, пыль поднялась и закружилась вместе с ним, камешки покатались по его приказу, и вихрь превратился в рогатый движущийся столб. Из него выросли руки и снова поглотились, затем появились горбы или движущиеся комки, которые могли быть головами или чем-то, прежде чем он вспыхнул один раз, а затем потускнел. Ни вихрь, ни змея тумана теперь не светились в темноте. Там, где только что был туман, стояла полупрозрачная фигура высокой худой женщины в простом платье, с голыми ногами и руками, непослушными спутанными волосами до колен, с диковатыми глазами. Она вскинула руки в триумфе или ликовании и разразилась безумным смехом, резким, высоким и пронзительным, эхом которого отразилось от сокрытых во тьме каменных расщелин.

* * * * *

— Ты смеешь сомневаться в видениях, посланных нашей Леди, Которая Поет Во Тьме? — сухо спросил голос из-за вуали. — По мне, это звучит опасно близко к ереси — или даже неверию.

— Н-нет, Ужасная Сестра, — поспешно ответил второй женский голос. — Мой разум подводит меня — личный недостаток, не акт неверия или непочтения по отношению к Ночной Певице — и я не могу понять, почему это святилище должно быть установлено в глубине леса, где никто не живет и никто не будет знать о его существовании или местоположении.

— Это необходимо, — ответил голос за вуалью. — Ложись на плиту. Ты не будешь закована в цепи; твоя вера будет продемонстрирована тем, что ты останешься на месте, пока совомедведь кормится. Предложи ему себя без сопротивления и будь свободна от страха. Мои заклинания сохраняют тебе жизнь, сколько бы он ни поглотил от тебя — и неважно, насколько болезненным это покажется, неважно, какие раны ты получишь, ты будешь полностью восстановлена, когда обряд завершится. Я пережила такой ритуал в свое время, как и собравшиеся здесь. Сделать это — знак истинной чести. Кровь кого-то столь преданного — лучшее посвящение, которое мы можем предложить Ужасной Госпоже Всего.

— Да, Ужасная Сестра, — прошептала младшая жрица, и в ее голосе была слышна дрожь ее тела. — Б-буду ли я... мой разум останется нетронутым, если я буду смотреть, как что-то съедает меня?

Ее голос поднялся почти до пронзительного крика ужаса при этой мысли.

— Что ж, Ужасная Сестра, — спокойно промурлыкал голос за вуалью, — это зависит от тебя. Плита ждет. Самые дорогие из тех, кем я руководила, заставили меня гордиться этим днем, а не стыдиться. Я буду наблюдать за тобой — и так же та, кто намного, намного больше, чем любой из нас когда-либо будет.

* * * * *

— Клянусь улыбкой Мистры, это так приятно! — удивленно сказал Белдрун, потягиваясь и для пробы шевеля пальцами. — Я действительно чувствую себя моложе, все боли прошли.

Он принял сидячее положение, потирая лицо вокруг глаз, и сквозь пальцы уставился на Табараста ровным взглядом.

— Время истины, доверенный коллега по тайному, — твердо сказал он. — Волшебники определенного положения не просто «находят» новые заклинания на доселе пустых последних страницах своих книг заклинаний. Откуда это на самом деле взялось?

Табараст Три Пропетые Проклятия довольно сурово оглянулся поверх своих запачканных большим пальцем очков.

— Вы не стареете изящно, высокочтимый Друн. Я замечаю в вас растущую и решительно непривлекательную тенденцию открыто не верить свидетельствам ваших более мудрых старших товарищей. Сокрушите этот недостаток, мой мальчик, пока вы еще сохраняешь некоторые дружеские отношения с людьми, которые могут быть вам более мудрыми старшими товарищами — ибо, учитывая ваш собственный возраст и мудрость, их немного, и, несомненно, впредь будет еще меньше.

Старый волшебник сделал несколько задумчивых шагов в сторону, почесывая переносицу.

— Я действительно только что нашел это на странице, которая всегда была пустой, и которую я хотел заполнить заклинанием, достаточно могущественным, чтобы быть достойным написания за последние три десятилетия. Я не знаю, как оно там оказалось, но я верю — могу только верить, — что не обошлось без священной Руки Леди. Избавьте меня от вашей обычной лекции о полном и вечном отказе Мистры давать магию смертным. Не хочу выслушивать, как вы теряете дыхание и брызгаете слюной.

Белдрун моргнул. Табараст ждал, стараясь не улыбаться.

— Очень хорошо, — сказал более молодой маг после паузы, которая казалась длиннее, чем была на самом деле, — Но вы почти не оставляете мне тем для разговора. Боюсь, что молчание затянется.

Затем Табараст действительно улыбнулся — за мгновение до того, как спросить невинным тоном:

— Обещаете?

К счастью, омоложенный Белдрун Согнутый Палец так же плохо метал подушки, как и старый.

* * * * *

Хотя в глубокой тени сумеречных деревьев, которые стояли так близко друг к другу, что были похожи на гигантские травинки, не было видно ни одного живого существа, одинокий человек чувствовал, что кто-то наблюдает за ним. Кто-то очень близкий. Сглотнув, он решил рискнуть.

— Это то место, которое люди называют «Запутанные деревья?» — спокойно спросил он воздух, усаживаясь на огромный, покрытый мхом изгиб поваленного ствола дерева и откладывая свой гладко истертый посох в сторону.

— Так и есть, — последовал серьезный ответ таким легким и мелодичным голосом, что он мог быть только эльфийским.

Амбрегард, некогда житель Галадорны, подавил инстинктивное желание повернуться туда, откуда, казалось, доносился голос, чтобы посмотреть, кто там может быть. Вместо этого он улыбнулся и протянул руки пустыми ладонями вверх.

— Я пришел с миром, без огня, без какого-либо злого намерения или желания грабить. Я пришел только в поисках ответов.

До его ушей донесся глубокий, плавный смешок, а затем слова:

— Как и все мы, человек, — и самые удачливые из нас находят некоторых из них. Будь моим гостем на некоторое время, без опасения и тревоги. Встань, обойди два переплетенных дерева справа от тебя и спускайся в лощину. Я подозреваю, что ее вода будет самой чистой из всей, что когда-либо попадала тебе в рот.

— Моя благодарность, — искренне ответил Амбрегард.

В лощине было холодно и темно, как в пещере. Здесь листья сходились близко над головой, и солнце совсем не касалось земли. Слабо светящиеся грибы давали достаточно света, чтобы разглядеть камень на краю маленького бассейна и хрустальный кубок, ожидающий на нем.

— Для меня? — спросил человек-маг.

— Конечно, — ответил спокойный голос, доносившийся отовсюду и ниоткуда. — Ты боишься порабошающих чар или эльфийского обмана?

— Нет, — ответил Амбрегард. — Скорее, не хочу обидеть, слишком дерзко хватаясь за вещи.

Он взял кубок — тот был прохладным на ощупь и каким-то образом мягче в его пальцах, чем должен быть, — окунул его в бассейн и выпил. Когда рябь побежала по воде, ему показалось, что он увидел в ней печальное темноглазое эльфийское лицо, на мгновение взглянувшее на него... но если оно и было там, то исчезло в следующее мгновение. Вода была хорошей и казалась одновременно бодрящей и успокаивающей. Мужчина позволил ей скользнуть по горлу, закрыл глаза и отдался безмолвному наслаждению. Где-то крикнула птица, и ей ответили. Все это было очень мирно... он резко сел, испугавшись на одно ужасное мгновение, что уснул под эльфийским заклятием, и осторожно поставил кубок обратно на камень, где он его нашел. — Моя благодарность, — снова сказал он. — Вода была такой, как ты и говорил. Знай, что я Амбрегард, некогда из Галадорны, и бежал далеко с тех пор, как пало это царство. Я творю магию, хоть и не могу похвастаться большой силой, и я часто молился Мистре — богине магии, которую почитают люди, — во время своих путешествий.

— И о чем ты молил её? — спросил эльфийский голос с вежливым интересом, звуча очень близко. И снова Амбрегард подавил желание обернуться и посмотреть на его источник.

— О руководстве в том, для каких хороших и подходящих вещей можно использовать магию, чтобы построить жизнь тому, кто не заинтересован в использовании заклинаний в качестве клинков, чтобы угрожать или вонзать их в других, — ответил он. — Галадорна до своего падения превратилась в гнездо гадюк, перебрасывающихся заклинаниями, и каждая из них стремилась свергнуть соперников, не заботясь о том, какие потери и разрушения они при этом причинили. Я не буду таким.

— Хорошо сказано, — ответил эльф, и Амбрегард услышал, как кубок опустили, а затем подняли из бассейна. — И все же это долгое и трудное для человека блуждание по тенистому лесу. Что привело тебя сюда?

— Мистра показала мне дорогу и эту рощу сумеречных деревьев, — ответил Амбрегард. — Я не знал, кого я здесь встречу, но подозревал, что это будет эльф, когда-то из Миф Драннора... ибо он знал бы, что значит выбрать путь после падения твоего дома и всего, что тебе дорого.

Он отчетливо услышал, как дрогнул эльфийский голос, когда тот ответил:

— У тебя определенно есть дар говорить прямо, Амбрегард.

— Я не хотел тебя обидеть, — ответил человек-маг, быстро поворачиваясь и протягивая руку. Лунный эльф в темно-синей рубашке с открытым воротом и обтягивающих кожаных бриджах с высокими сапогами сидел на расстоянии вытянутой руки с поднятым кубком в руке. Он казался безоружным, хотя два маленьких предмета — черные, каплевидные драгоценные камни, которые мерцали, как две темные звезды, — парили в воздухе над его левым плечом. Он улыбнулся в изумленные глаза Амбрегарда и сказал:

— Я знаю. Я также известен среди своего народа необычной прямоотой. На вашем языке меня зовут Звездопад. Звезда упала с неба в момент моего рождения, хотя я сомневаюсь, что то, что она предвещала, имело ко мне какое-либо отношение.

Человек ахнул, отпрянул назад и сказал:

— Это одно из...

Брови эльфа поползли вверх.

— Да? — спросил он. — Или ты выболтал секрет, который теперь должен постараться сохранить?

Амбрегард покраснел.

— Нет... нет, — сказал он. — Это одно из изречений жрецов Мистры. «Ищи того, для кого падают звезды, ибо он говорит правду».

Звездопад моргнул.

— Ну и ну. Похоже, у меня есть предначертание, — с улыбкой сказал эльф, осушил кубок и поставил его на камень так же осторожно, как это сделал Амбрегард. В мягкой тишине тот быстро исчез.

— Какие истины ты пришел услышать? — спросил эльф, и в тот момент Амбрегард понял, что нотки смеха в голосе эльфа не всегда были насмешкой. Он поколебался мгновение, затем сказал:

— Некоторые в Галадорне шептались, что человек Эльминстер, который был нашим последним придворным магом, также давным-давно жил в Миф Дранноре и творил там темную магию. Я знаю, что спрашиваю о человеке, и что я слишком много предполагаю — почему ты вообще должен свободно раскрывать мне секреты? — но я должен знать. Если люди могут жить долгие годы, как эльфы, то как... и почему? На какие задачи они должны потратить все это время?

Звездопад поднял руку.

— Начинается наводнение, — пошутил он. — Пока остановись на этом, чтобы твое воспоминание об ответах, которые я даю, не затерялось в стремительном потоке твоего следующего вопроса, и того, который последует, и так далее.

Он улыбнулся и прислонился спиной к корню дерева.

— Ответ первый: да, тот самый человек по имени Эльминстер жил в Миф Дранноре до закладки его мифала некоторое время после, изучая и творя много магии. Те, кто ненавидел идею человека, прокладывающего себе путь среди нас, эльфов — ибо он был первым или одним из первых — и многие люди, которые пришли в Миф Драннор, когда он был открыт для всех, завидовали его силе и могли бы назвать некоторые из его заклинаний «темными». Но я бы так не сказал ни о них, ни о причинах, по которым он творил то или иное заклинание.

Амбрегард открыл рот, чтобы заговорить, но Звездопад усмехнулся и поднял руку, чтобы остановить его.

— Не сейчас, пожалуйста. Неприкрытые и важные истины не следует торопить.

Амбрегард покраснел, затем улыбнулся и откинулся назад, жестом приглашая эльфа продолжать. В глазах Звездопада блеснул огонек, когда он снова заговорил.

— Люди, которые достаточно владеют магией — или, скорее, *думают*, что достаточно «овладели» магией, — пробуют много способов продлить отмеренный им срок. Большинство из них, от превращения в лича до эликсиров, имеют недостатки в том, что они искажают сущность людей, использующих их. Они становятся новыми и — как рассудили бы многие, я в том числе, — «меньшими» существами в процессе. Если ты спросишь меня, как ты мог бы прожить дольше, я бы сказал, что единственный незапятнанный способ сделать это... хотя это изменит тебя так же, как и меньшие пути... это тот, которым воспользовался Эльминстер... или, возможно, ему было даровано. Я не знаю, страстно ли он искал этого и стремился погрузиться, или был вынужден, или принужден. Он служит Мистре как особый слуга, выполняя ее приказы в обмен на долголетие, особый статус и полномочия. Я полагаю, что его называют «Избранным» богини.

— Как получилось, что его выбрали для этой службы? — медленно спросил Амбрегард. — Ты знаешь?

— Я не знаю, — ответил Звездопад, — но я знаю, что поддерживало его в течение того, что для людей очень долгое время: любовь.

— Любовь? Мистра любит его?

— И он любит ее, — в выражении лица человеческого мага ясно читалось недоверие или смущение, поэтому Звездопад мягко добавил: — Да, помимо привязанности, дружбы и неистовых желаний плоти — истинная, глубокая и прочная любовь. В это трудно поверить, пока ты по-настоящему не почувствуешь это, Амбрегард, но послушай меня. В любви есть сила, превосходящая большинство

вещей, которые могут коснуться людей... или эльфов, или орков, если на то пошло. Сила для добра и для зла. Как и все вещи такой силы, любовь очень опасна.

— Опасна?

Звездапад слабо улыбнулся и сказал:

— Любовь — это пламя, которое поджигает вещи. Это большая опасность для магов, чем любое неверно наложенное заклинание, о котором можно подумать.

Он наклонился вперед, чтобы положить руку на руку Амбрегарда, и сказал почти яростно, когда они смотрели друг другу в глаза:

— Магия, пошедшая наперекосяк, может просто убить мага; любовь может переделать его и заставить переделывать мир. Великая любовь нашего коронеля заставила его искать будущее для Кормантира, которое переделало его... и, как сказала бы большинство моего народа, в конце концов уничтожило его. Я был еще молод одной теплой ночью, плавал, чтобы повеселиться, и не чувствовал собственной магии — это, вероятно, сохранило мне жизнь, — когда великая леди Старим, Илдилинтра, которая любила коронеля и была любима им, убила себя, чтобы попытаться вызвать его смерть. Ей двигала любовь к нашей земле, такая же, как и его, — и оба они были опалены в своей отвергнутой, но не угасшей любви друг к другу. Лунный эльф вздохнул и покачал головой.

— Ты не можешь почувствовать печаль, которая поднимается во мне, когда я снова слышу их в своей голове, спорящих друг с другом — и ты первый человек после Эльминстера, узнавший о той ночи. Запомни и заметь, Амбрегард: говорить об этой тайне другим из моего народа может означать твою быструю смерть.

— Я запомню, — прошептал Амбрегард. — Рассказывай дальше.

Эльф криво улыбнулся и продолжил:

— Мне мало осталось сказать. Мистра выбрала Эльминстера, чтобы служить ей, и он преуспел там, где другие не смогли. Боги делают нас всех разными, и большинство из нас терпят неудачу, а не добиваются успеха. Эльминстер часто терпел неудачу, но его любовь — нет, и он продолжал выполнять свою задачу. Я думаю, ваши барды называют это храбростью.

— Храбрость? Как может человек, защищенный и поддерживаемый богом, чего-то бояться? Без страха бороться и побеждать снова и снова — где храбрость? — спросил Амбрегард, которому волнение придало смелости. Что-то похожее на нежность заплескало в глазах Звездапада, когда он ответил: — Есть много богов. Божественная милость привлекает к смертному большую опасность, чем к его «обычному» собрату, и очень редко является надежной защитой от опасностей этого мира — или любого другого. Только глупцы настолько верят в богов, что полностью отбрасывают страх и игнорируют или не видят опасности. Я часто видел храбрость среди вашего вида. Кажется, это то, чем люди могут похвастаться, хотя чаще я вижу в них безрассудство или глупое пренебрежение опасностью, которую менее наблюдательные могли бы назвать храбростью.

— Так что же такое храбрость? — спросил Амбрегард. — Стоять на пути опасности?

— Да. Оставаться на своем посту или задании таким же прилежным, как всегда, зная, что в любой момент меч, зависший над головой, может упасть, или видя быстро приближающуюся гибель и не бросая все, чтобы бежать.

— Пожалуйста, пойми, что я не хочу проявить неуважение, но я *должен* знать: если такова храбрость, то как же так получилось, — прошептал Амбрегард, со страхом в глазах от собственной смелости, — что Миф Драннор —Кормантир — пал, а ты все еще жив?

В ответной улыбке Звездопада была печаль.

— Расе и королевству нужны послушные дураки, чтобы выжить. Даже больше, чем им нужны храбрые — и скоро погибающие — герои.

Он встал и сделал движение рукой, которое могло быть прощальным взмахом.

— Ты видишь, кем я должен быть. Если когда-нибудь ты встретишься с этим своим Эльминстером лицом к лицу, спроси его, кто он из двоих, и верни мне его ответ. Я должен Знать Все — это мой недостаток.

Подобно грациозной пантере, он вышел из ложбины в сумеречную рощу наверху.

— Подожди! — запротестовал человеческий маг, поднимаясь и спотыкаясь, поднимаясь на деревья вслед за эльфом. — Я так много еще хочу спросить... Тебе обязательно уходить?

— Только для того, чтобы приготовить место для сна человека и еду для нас обоих, — ответил Звездопад. — Ты можешь остаться и задавать все вопросы, какие только сможешь придумать, столько, сколько захочешь здесь задержаться. У меня осталось мало друзей здесь, среди живых, и по эту сторону Разделяющих Морей.

— Для меня было бы честью считаться твоим другом, — осторожно сказал Амбрегард и почувствовал, что дрожит, — но я должен спросить вот что: как ты можешь мне так доверять? Мы говорили всего несколько минут, не больше. Как мог ты понять? Я мог бы быть убийцей эльфов, охотником за эльфийскими сокровищами — эльфийской гибелью. Даю тебе слово, что я не такой... но боюсь, что человеческие обещания эльфам слишком часто оказывались пустыми на протяжении многих лет.

Звездопад улыбнулся.

— Эта роща посвящена двум богам моего рода: Сеханин и Риллифэйну, — сказал он. — Они судили тебя. Смотри.

Глаза человеческого волшебника проследили за указывающей рукой эльфа на покрытое мхом поваленное дерево и прислоненный к нему деревянный посох. Амбрегард знал его привычную, изрядно поношенную поверхность так же хорошо, как знал руку, которая его держала. Этот посох сопровождал его на протяжении тысяч миль, когда он шел по Фаэруну, и был одновременно старым и закаленным в огне. Его концы для прочности были обиты медью. И все же, несмотря на это, пока маг сидел и разговаривал в лощине, посох пустил множество зеленых побегов вверх и вниз по своей длине — и каждый побег заканчивался маленьким красивым белым цветком, светящимся в тени.

* * * * *

В более холодной темноте призрачная женщина перестала смеяться и опустила руки. Отголоски ее холодного веселья некоторое время прокатывались по пещере, пока она оглядывала ее темные просторы, как будто видела их впервые, а глаза

медленно становились острыми, яростными и огненными. Они были двумя сверкающими языками пламени, когда она наконец двинулась, шагая с кошачьей, уверенной грацией к определенной руне. Она твердо коснулась символа одной ногой, наблюдая, как он наполняется ярким бело-голубым сиянием, затем встала, скрестив руки на груди, наблюдая, как струйки дыма поднимаются от сияния, образуя облако, похожее на искру размером с человека — облако, которое внезапно слилось во что-то другое. Безногий парящий образ молодого мужчины, нетерпеливый и энергичный, стоял перед пустым тронном, висая в воздухе над руной, которая его породила. Когда изображение начало говорить, призрачная женщина обошла руны и подошла к трону, оперлась на его подлокотник, и стала наблюдать за речью образа. На нем были одежды насыщенного малинового цвета, отделанные черным, а на пальцах сверкали золотые кольца — их оттенок соответствовал сверкающему золоту глаз мужчины. У него были взъерошенные каштановые волосы и неопрятная небритость, а его голос звучал напористо и уверенно.

— Я Карсус, как и ты Карсус. Если ты увидишь это, то меня, первого Карсуса, постигла беда, а ты, второй, должен идти дальше к славе. Изображение, казалось, двигалось вперед, но на самом деле оставалось над руной. Он беспокойно махнул рукой и продолжил:

— Я не знаю, что ты помнишь о моей — нашей — жизни; некоторые говорят, что в наши дни мой разум не совсем ясен. Знай, что многие маги нашего народа достигли великой власти. Самые могущественные из них, архимаги Нетерила, правят своими собственными владениями. Мой, как и многие другие — летучий город. Я назвал его в свою честь. Я самый могущественный из всех архимагов, Верховный Чародей. Они называют меня Карсус Великий.

Изображение пренебрежительно махнуло рукой, сверкающие глаза все еще были прикованы к трону. Призрачная женщина бормотала вместе со словами, которые она, очевидно, слышала много раз раньше. Что-то, что могло быть легкой насмешкой, заиграло на ее губах.

— Конечно, — продолжало изображение, — учитывая твое пробуждение, все это может ничего не значить. Возможно, я не был убит соперником или пострадал от чисто личной гибели. Карсус-город и слава самого Нетерила, возможно, пали в великой войне или катаклизме. Мы нажили много врагов, а величайшие — мы сами. Мы воюем между собой, мы, нетерезы, и некоторые из нас воюют внутри самих себя. Мой ум не всегда полностью принадлежит мне. Ты вполне можешь разделять это несчастье; следи за ним и остерегайся его.

Изображение Карсуса улыбнулось; сардонически изогнув бровь. Призрачная женщина улыбнулась в ответ. Карсус продолжал говорить. — Возможно, тебе не понадобятся мои записывающие заклинания, но я подготовил по одному для каждого зеркала, которое ты видишь на полу в этом месте. Серия уроков заклинаний, чтобы ты не столкнулся с опасностями этого мира, лишенный определенных заклинаний, которые я нашел критичными. Наша работа должна продолжаться. Только благодаря абсолютной силе я — мы — можем обрести совершенство... а Карсус существует, всегда существовал, чтобы достичь совершенства и преобразовать весь Торил.

Наблюдавшая за этим женщина рассмеялась коротким и неприятным лаем.

— Воистину сумасшедший Карсус! Судьба: изменить весь Торил. О, тебе определенно хватало способностей.

— Сейчас твоя первая потребность может заключаться в физическом исцелении, и я предвидел повторение этой потребности в будущем, в жизни, где тебе может не хватать верных слуг-магов или кого-либо, кому ты можешь доверять. Знай же, что прикосновение к зеркалу, которое вызвало этот мой образ, со словом «Далабриндар», исцелит все раны. Эту силу можно призывать так часто, как захочется, до тех пор, пока эта руна остается неразрывной, и она может служить любому, кто так говорит. Это слово — имя волшебника, который умер, чтобы это заклинание могло жить. Воистину, он хорошо послужил нам, и...

— Пустые слова, Карсус! — усмехнулась призрачная женщина. — Твой клон был обезглавленной мумией, украшавшей этот трон, когда я впервые увидела его! Интересно, кто убил его здесь? Мистра? Азут? Какой-то соперник? Или великий и несравненный спящий Карсус пал от руки проходящего мимо искателя приключений — мага с ничтожными заклинаниями, который думал, что обезглавливает лича?

— ...многие другие заклинания будут служить там, где не подойдет это, но здесь я сохранил демонстрации того, как я накладываю заклинания, которые имеют длительную полезность и...

Призрачная женщина отвернулась от слов, которые она слышала так много раз прежде, удовлетворенно кивнув.

— Будут. Они действительно будут служить. У меня здесь есть приманка, перед которой не устоит ни один маг.

Она снова прошла по руне, и изображение исчезло на полуслове. Сияние, исходившее от резьбы на камне, пропало и позволило тьме вернуться в пещеру.

— Но как сообщить об этом живым магам, не заставляя их толпиться здесь тысячами? — спросили призрачные губы в полной темноте.

Темнота не ответила. Хмурый призрак шагнул на дно шахты и начал расплываться, расплываясь в ветре, пока снова вихрь мерцающих огней не заплесал в темноте, медленно поднимаясь по спирали вверх по шахте.

— И как сохранить мой магический улов здесь более чем на одну ночь? — донесся мягкий, гулкий голос из верхней части колодца, где завис звенящий вихрь огней. — Я должна соткать могущественные заклинания, чтобы быть уверенной. Руны должны реагировать только на меня — и только по одной в месяц, какие бы средства ни применялись. Это должно заставить молодого мага задержаться здесь достаточно долго.

С внезапной силой туман метнулся к одной из дыр в стенах и нырнул в нее, пробираясь сквозь деревья, сопровождаемый диким смехом и ликующим криком:

— Достаточно долго, чтобы хорошо поесть.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДОБРОТА ОБЖИГАЕТ КАМЕНЬ

Жестокость — это известный бич, но редко умный, за что мы все должны благодарить богов. Доброта — более сильный клинок, хотя ее чаще презируют. Большинство людей никогда этому не учатся.

*Ральдерик Хэллоушоу, Шут
из **Правления королевством, от осадной башни до навозной кучи**,
опубликовано примерно в Год Кровавой Птицы*

Высокий, худой незнакомец, который одарил их веселой улыбкой, входя в «Деву», вернулся обратно гораздо быстрее, чем требовалось, чтобы осушить кружку. Двое стариков на скамейке, прищурившись, посмотрели на него с некоторым подозрением. Люди редко поворачивались в их сторону — вот почему это была их любимая скамейка. Он стоял в полной тени все более ветшавшего крыльца «Прекрасной девы из Рипплстоунса». Холодный уголок, но, по крайней мере, он не был в полном блеске утреннего солнца. В отличие от незнакомца, чье лицо было очерчено золотом, когда он отбросил свой непримечательный плащ назад, чтобы обнажить темные и пыльные одежды и штаны, на которых не было ни значка, ни украшений. И — чудеса Королевств! — Алнискаввер выскочил с лучшим раскладным столом, креслом... и едой! Хозяин таверны, пытаясь, ходил взад и вперед, пока двое стариков наблюдали, как еда, подобной которой они не видели уже много лет, накапливается у них под самым носом: супница с горячим супом, от которого все утро урчали два старых живота, кусок самого острого красного сыра — и *три* пирога с куропатками! Бердаг и Каладастер почесали различные зудящие места и кисло уставились на незнакомца с ястребиным носом, удивляясь, почему, во имя всех разгневанных богов, ему взбрело выбрать *их* скамейку в качестве места для утренней трапезы. Все, о чем они мечтали в течение нескольких месяцев, теперь испарялось у них под носом. И вообще, кем, во имя подмышки Темпуса, он себя возомнил? Двое стариков обменялись взглядами, когда их слишком пустые животы заурчали, а затем в едином порыве оглядели незнакомца с ног до головы. Никакого оружия... и, судя по его виду, не так уж много богатства, хотя его потертые от путешествий сапоги были очень хороши. Преступник, который снял их с того, кого зарезал? Да, это объясняло бы все деньги, выброшенные на такой пир, если ты возвращаешься из диких земель голодным и с большим количеством украденных монет. Теперь Алнискаввер вернулся с оленьим окороком, запах которого они чувствовали весь вчерашний вечер. Все было разложено холодным среди маринованного лука, нарезанного языка и тому подобного на блюде, которое использовали, когда приходил великий герцог... это было слишком тяжело вынести! Высокомерный молодой ублюдок.

Покачав головой, Бердаг многозначительно сплюнул в пыль у сапог незнакомца и начал ерзать по скамейке, чтобы убраться подальше, пока этот молодой обжора не устроил такой пир у них под самым носом и не свел его и его пустые жизненно важные органы с ума. Каладастер, однако, мешал ему и двигался медленнее, так что двое стариков все еще ерзали задами вдоль скамейки, когда хозяин таверны вернулся с бочонком пива и кружками.

Тремя кружками. Незнакомец сел и ухмыльнулся Бердагу, когда старик поднял глаза с первыми проблесками изумления, появившимися на его лице. — Рад встрече, добрые господа, — вежливо сказал он. — Пожалуйста, простите мою смелость, но я голоден, ненавижу есть в одиночестве, и мне нужно поговорить с кем-то, кто немного знает о старых временах Рипплстоунса. Похоже, у вас достаточно ума и лет... что скажете, если мы заключим сделку? Мы трое разделяем это — и едим свободно, не скупясь, вы оставляете себе все, что мы сейчас не съедим, — и вы даете мне, насколько сможете, ответы на несколько вопросов о леди, которая раньше жила поблизости.

— Кто ты такой? — прямо спросил Бердаг, примерно в то же время, когда Каладастер сказал себе под нос:

— Мне это не нравится. Еда не просто падает с неба. Он, должно быть, заплатил Алнискавверу, чтобы получить хотя бы четверть этого здесь, на столе, но кто сказал, что нам не придется тоже платить?

— Наши тонкие кошельки, — сказал Бердаг своему другу. — Алнискаввер знает, насколько мы бедны. Как и все остальные.

Он кивнул головой в сторону окон таверны. Каладастер посмотрел, уже зная, что увидит. Почти все в заведении столпились у грязного стекла, наблюдая, как незнакомец с ястребиным носом налил две полные кружки и подвинул их через стол, вынимая вилки и ножи для еды из последней кружки и тоже передвигая их. Каладастер нервно почесал нос, провел рукой по своим неопрятным бело-серым бакенбардам — верный признак торопливых, взволнованных мыслей — и повернулся к незнакомцу.

— Мой друг спросил, кто ты, и я тоже хочу знать. Я также хочу знать, какой маленький трюк ты приготовил для нас. Я могу оставить тебе еду и просто уйти, знаешь ли.

В этот момент его желудок решил протестовать очень громко.

Незнакомец провел рукой по непослушным черным волосам и наклонился вперед.

— Меня зовут Эльминстер, и я выполняю кое-какую работу для моей госпожи-наставницы. Работу, которая включает в себя поиск и посещение старых руин и гробниц волшебников. Мне дали денег, чтобы я тратил их так, как мне нужно, не скупясь — понимаете? Я оставляю эти монеты на столе... Теперь, если мне случится исчезнуть в клубах дыма до того, как вы поднимете эту кружку, здесь достаточно, чтобы вы сами заплатили Алнискавверу.

Бердаг посмотрел вниз на монеты, как будто они были горстью маленьких эльфов, танцующих у него под носом, а затем снова на незнакомца.

— Хорошо, эту историю я признаю, — медленно сказал он, — но почему мы? Эльминстер налил себе полную кружку, поставил ее и спросил:

— Вы хоть представляете, какая это утомительная работа — целыми днями бродить по городу, населенному все более подозрительными людьми, заглядывать через заборы и искать надгробия и руины? С первыми сумерками фермеры всегда хотят проткнуть меня вилами для сена. С каждой секундой они пытаются сделать это толпами!

Оба старика коротко прыснули при этих словах.

— Поэтому я подумал, что избавлю себя от беготни и подозрений, — добавил незнакомец, — если просто разделю трапезу с теми людьми, которые мне понравились, у которых за плечами достаточно лет, чтобы знать старые сказки, и где похоронен такой-то и такой-то, и...

— Ты охотишься за Шариндалой, не так ли? — медленно спросил Каладастер, его глаза сузились.

Эл весело кивнул.

— Так и есть, — сказал он, — и прежде чем вы попытаетесь найти правильные слова, чтобы спросить меня, знайте: я ничего не возьму с ее могилы, я не заинтересован в том, чтобы открывать ее гроб, колдовать над ней, пока я там, или выкапывать или сжигать что-либо. И я был бы рад, если бы вы или кто-то еще из Рипплстоунса были рядом, чтобы посмотреть, что я делаю.

— Откуда нам знать, что ты говоришь правду?

— Пойдемте со мной, — сказал Эльминстер, раздавая блюда и разрезая один из пирогов. — Увидите сами.

Бердаг чуть не застонал от запаха, исходившего от открытого пирога вместе с потоком пара, но в этом не было необходимости: его желудок позаботился об этом за него. Его руки вытянулись прежде, чем он смог остановить себя. Незнакомец ухмыльнулся и сунул ему в руки блюдо с куском пирога.

— Я бы предпочел не беспокоить мертвых колдуний, — ответил Каладастер, — и я немного староват для того, чтобы карабкаться по разбитым камням, гадая, когда крыша упадет мне на голову, но ты не можешь пропустить Зал Обожженного Камня; ты пришёл...

Он замолчал, когда Бердаг пнул его под столом, но Эльминстер только снова ухмыльнулся и сказал:

— Продолжай, пожалуйста. Я не собираюсь убирать еду, как только услышу это!

Каладастер налил себе миску супа руками, которые, как он надеялся, не дрожали от нетерпения, и хрипло сказал:

— Друг Эльминстер, я хочу предупредить тебя о ее берегах. Вот почему никто давно не грабил это место, и вот почему ты его не видел. Деревья и колючие кустарники и тому подобное выросло вокруг него в стене сразу за мерцанием... но я помню, что до того, как они выросли, я видел, как белки, лисы и даже птицы падали замертво, когда они касались берегов Шариндалы. Ты прошёл мимо него по пути сюда, сразу после моста, где дорога делает большой поворот. Она огибает Обожженный Камень.

Он откусил большой кусок сыра, закрыл глаза в мгновенном блаженстве и добавил:

— Он сгорел после ее смерти, заметь. Она не называла его Обожженный Камень.

Бердаг наклонился ближе через стол, чтобы заговорщически подышать пивом на Эльминстера и хрипло прошептать:

— Знаешь, говорят, она все еще ходит там, скелет в лохмотьях прекрасного платья, все еще способный убивать своими заклинаниями.

Эл кивнул.

— Хорошо, я постараюсь не беспокоить ее. Какой она была при жизни, ты знаешь?

Бердаг мотнул головой в сторону Каладастера. Пожилой мужчина дул на свой суп, чтобы остудить его; он поднял глаза, погладил подбородок и сказал:

— Ну, я был мальчишкой, понимаешь, и...

Один за другим, охваченные любопытством, жители Рипплстоунса выходили из «Девы» или шли по улице, чтобы послушать — и, без сомнения, с энтузиазмом добавить свои собственные предупреждения. Эльминстер ухмыльнулся, отхлебнул из своей кружки и махнул двум старикам, чтобы они продолжали. Они расправлялись с едой с впечатляющей скоростью. Бердаг уже однажды ослабил свой ремень, и до полудня еще оставалось несколько часов.

* * * * *

В конце концов, двое стариков были довольны тем, что их хороший друг Эльминстер отправился один в Зал Обожженного Камня, хотя Каладастер серьезно попросил мага с ястребиным носом остановиться у них в доме по соседству, если ему нужна кровать на ночь, или просто сообщить им, что он благополучно добрался. Эл серьезно пообещал, что так и сделает, предполагая, что за закрытыми дверями раздастся оглушительный храп, если он вернется до следующего утра. Он помог старикам отнести домой еду, которую их переполненные животы не позволяли им есть, и купил им еще по бочонку пива, чтобы запить ее. Время от времени они смотрели на него так, словно он был переодетым богом, пришедшим на зов, сердечно пожали ему руку в почти слезной благодарности и проковыляли в дом. Эл улыбнулся и пошел своей дорогой, весело махая стайке детей из Рипплстоунса, которые шли за ним, и матерям, которые бросились тащить их обратно. Он повернулся и пошел прямо в густые деревья, которые скрывали Зал Обожженного Камня от посторонних глаз. Последние наблюдатели издали, которые шли от «Девы» с кружками в руках, задумчиво сплюнули на дорогу, согласившись с тем, что Рипплстоунс видел в последний раз еще одного сумасшедшего, и отвернулись, чтобы вернуться в таверну или по своим делам. Мерцание было таким, как описал его Каладастер, но кануло в пустоту после первого заклинания Эла. Он снова стал тенью на случай, если его поджидали более грозные ловушки, и тихо скользнул в заросшие сады того, что когда-то было прекрасным особняком. Он обгорел, но совсем немного. То, что, видимо, было передней восточной башней, теперь представляло собой лишь почерневшее кольцо камней среди ежевики, примыкающее к дому, но здание с остроконечной крышей за ним казалось нетронутым. Эл нашел место, где провис ставень, и погрузился во мрак через окно, которое, казалось, никогда не знало стекла. В темном особняке были протечки, плесень и останки грызунов, но он выглядел так, как будто кто-то регулярно его

чистил. Призрачный Избранный не нашел ловушек и вскоре вернулся в твердую форму, чтобы тыкать, всматриваться и открывать. Он нашел скульптуры, картины, запачканные там, где кто-то недавно соскреб плесень, и книжные полки, заполненные дневниками путешествий, научными историями королевств и выдающихся семей и даже романтическими романами. Однако нигде в доме, насколько он мог видеть, не было никаких следов магии. Если эта Шариндала была магом, все ее книги, чернила и заклинания, должно быть, были уничтожены в огне, который обрушил ее башню... и, по-видимому, леди тоже погибла там. Эл пожал плечами. Что ж, исследователи в будущем не узнают этого, если он сделает свою работу должным образом. Забытый свиток на полке здесь, палочка в деревянной коробке, спрятанная за тем высоким сундуком, и пачка незаконченных заметок о заклинаниях, засунутых в эту книгу. Теперь оставалось положить еще несколько свитков в шкафы, которые он видел в спальнях, и его работа здесь закончена. Магии достаточно, чтобы направить молодого чародея на путь к мастерству, если ее разумно использовать, и...

Он открыл дверцу шкафа, и что-то шевельнулось. На самом деле съежилось, когда между пальцами Эльминстера вспыхнул огонь. Коричневые и серые кости зашевелились и поползли в самый дальний угол шкафа, держа в руках дрожащую палочку, направленную на него. Эл увидел блестящие глаза, клочок ткани, который, возможно, когда-то был частью платья, и пучок длинных каштановых волос, которые выпадали из сморщенного остатка скальпа, когда скелет касался стен. Он отступил назад, подняв руку в останавливающем жесте, надеясь, что она не активирует эту дрожащую палочку.

— Леди Шариндала? — спокойно спросил он. — Я Эльминстер Омар, некогда из Миф Драннора, и я не желаю причинить ни вреда, ни неуважения. Пожалуйста, выходите и будьте спокойны. Я не знал, что вы все еще живете здесь. Я окажу вам должное уважение, а затем уйду из вашего дома и оставлю вас в покое.

Он отступил к двери, надел плащ и вызвал защиту на случай, если немертвая волшебница все-таки воспользуется палочкой, и стал ждать, наблюдая за открытой дверью шкафа. Спустя долгое время этот темноглазый череп выглянул наружу — и поспешно ретировался. Эл прислонился к дверному косяку и ждал. Еще через несколько мгновений скелет нерешительно выбрался из шкафа, оглядываясь во все стороны в поисках искателей приключений, которые могли бы ждать, чтобы наброситься. Она подняла палочку вверх, не направляя на него, и остановилась на полпути по комнате, молча глядя на него. Эл жестом предложил ей кресло рядом с собой. Она не пошевелилась, поэтому он поднял стул и понес его к ней.

Палочка поднялась, но он проигнорировал ее, даже когда магические снаряды вылетели и устремились на него, оставляя за собой синий огонь. Его защита от заклинаний поглотила их, не причинив вреда. Эл почувствовал только легкие толчки, когда они ударили. Делая вид, что их вообще никогда не существовало — или второго залпа, который ударил ему в лицо с расстояния вытянутой руки, — последний принц Атантара поставил кресло и указал на него ходячим останкам Шариндалы. Затем он поклонился и вернулся к двери. После долгого молчания скелет подошел к креслу и сел, скрестив ноги в лодыжках и по давней привычке откинувшись на подлокотник.

Эльминстер снова поклонился.

— Я прошу прощения за свое вторжение в ваш дом. Я служу богине Мистре и нахожусь здесь по ее приказу, чтобы оставить магию для последующих искателей. Я восстановлю ваши обереги и больше не буду вас беспокоить. Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Спустя долгое время скелет почти устало покачал головой.

— Не желаете ли вы вечного покоя? — мягко спросил Эл. Палочка взметнулась вверх, угрожая ему. Он останавливающе поднял руку и спросил: — Вы все еще творите магию?

Лысеющий череп кивнул, затем пожал плечами, подняв палочку. Эл кивнул. — Я не искал никакой магии, которую вы могли спрятать. Я только добавил, а не отнял.

Затем ему пришла в голову мысль, и он спросил:

— Вы хотели бы узнать новые заклинания?

Скелет напрягся, сделал вид, что собирается встать, затем кивнул так выразительно, что волосы выпали горстями.

Эл сунул руку под плащ и вытащил книгу заклинаний. Пробормотав над этим какое-то слово, он прошагал обратно через комнату, игнорируя нерешительно поднятую палочку, которая больше ничего не запускала в него, и осторожно положил том ей на колени, держа его, пока ее свободная рука протянулась, чтобы сжать его. Другая ее рука выронила палочку и импульсивно потянулась, чтобы схватить его за руку. Вместо того чтобы высвободиться, Эл медленно протянул руку, положил свою ладонь на сухие костлявые пальцы на своем предплечье и погладил их. Шариндала задрожала всем телом, и долгое время серо-голубые глаза и темные точки света в глазницах лишенного плоти черепа смотрели друг на друга. Эл убрал свою поглаживающую руку и сказал:

— Леди, я должен идти. Я должен оставить больше магии в других местах. Но если я выживу, чтобы вернуться в Рипплстоунз в будущем, я остановлюсь и навещу вас должным образом.

В ответ он получил медленный, но решительный кивок.

— Леди, вы можете говорить? — спросил Эл.

Скелет напрягся, затем рука на его руке превратилась в кулак, который в отчаянии ударил по подлокотнику кресла. Эл наклонился и постучал по книге.

— Здесь, в конце, есть заклинание, которое может изменить это для вас. Очевидно, оно не требует вербального компонента, но я хочу, чтобы вы кое-что запомнили. Когда у вас будет немного свободного времени, чтобы посвятить этому делу, и вы овладеете этим заклинанием, я хочу, чтобы вы взяли этот том и произнесли вслух слова: — «Мистра, пожалуйста». Вы запомните?

Череп снова кивнул. Эл взял костлявые кончики пальцев и поднес их к губам. — Тогда, леди, пока прощайте. Я ухожу, но в свое время вернусь. Будьте счастливы.

Он выпрямился, махнул на прощание и вышел из комнаты. Скелет сумел помахать рукой, в последний раз взглянув на его улыбающееся лицо, затем его рука упала на книгу, прижимая ее к себе, как будто никогда не отпустит. Долгое время скелет, который был Шариндалой, сидел в кресле, уставившись на дверь и содрогаясь. Единственным звуком в комнате был сухой щелчок, когда работали лишенные плоти челюсти. Она пыталась заплакать.

* * * * *

— Но *больше* того! — прошипел Белдрун, подкрадываясь вперед и выставя перед собой пальцы словно когти. Завороженный, круг учеников наблюдал за ним без единого смеха при появлении старого и толстого волшебника, пытающегося ходить на цыпочках как актер, переигрывающий роль крадущегося вора. — Этот могущественный маг ходил по *этим* самым улицам! Здесь — совсем рядом, в том переулке, не прошло и трех ночей, как я *сам* его видел!

— Только подумайте, — взволнованно подхватил Табараст, не подозревая, что маг, о котором они говорили, в этот момент целовал кончики пальцев скелета. — Мы гуляли с ним, мы изучали магию рядом с ним в легендарной Башне Лунного Рога — и скоро, возможно, у вас тоже появится такая возможность! Поговорить с верховным магом эпохи — человеком, которого коснулся бог!

— Нет, — Белдрун многозначительно ухмыльнулся, — мужчиной, которого коснулась *богиня*!

— Только подумайте! — поспешно вставил Табараст, бросив предупреждающий взгляд на молодого Друна. Неужели молодежь никогда не думает ни о чем другом? — Великий Эльминстер жил на протяжении веков! Некоторые считают его Избранным, тем, на кого лично обратила внимание богиня Мистра — вот что пытался сказать мой коллега — и записи ясны: он человек, который жил в легендарном Миф Дранноре, когда эльфийская магия текла, как вода, был достаточно уважаем, чтобы быть принятым там в благородную семью эльфов, советовать их правителю, коронелю — и даже пережить тьму его разрушения от рук визжащей армии мерзких демонов! Трудно поверить? Спросите народ Галадорны о том, как Эльминстер выжил перед лицом ужасной магии верховной жрицы Бэйна, бросив ей вызов в самом ее храме! Это было до падения Галадорны, когда он был придворным магом этого королевства.

— Да, все это правда, — согласился Белдрун, продолжая рассказ. — И не забывайте: его видели здесь — бесстрашно выходящим из гробницы мага Тараска *среди бела дня*!

При этой последней новости все ахнули, и многие невольно посмотрели в сторону окон.

Призрачная фигура, которая парила за одним из этих окон, внимательно прислушиваясь, предусмотрительно отступила и растворилась в тумане.

— Я тоже жила веками, — пробормотала она, звеня и набирая скорость, чтобы отправиться в другое место. — Возможно, этот Эльминстер станет подходящей парой... если он живой и человек, а не какой-нибудь хитроумно замаскированный лич или выползший из преисподней дух.

Не подозревая, что возбужденные ученики толпились у окон, рассматривая ее как предполагаемое магическое проявление того самого мага, о котором она размышляла, колдунья удалилась, бормоча:

— Эльминстер... Пришло время отправиться на охоту на Эльминстера.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ОХОТА НА ЭЛЬМИНСТЕРА

Самый смертоносный вид спорта Зентарима — борьба за превосходство в своих темных рядах... и, в частности, гибель слишком молодых и откровенно амбициозных: быть отправленным на охоту за Эльминстером. Держу пари, что это всегда было опасным времяпрепровождением. Некоторые достаточно мудры, как я, чтобы использовать это как шанс «умереть», чтобы выйти из Братства. Было интересно — хоть и немного удручающе — услышать, будучи переодетым, что люди говорили обо мне, когда они думали, что я благополучно умер. Однажды я вернусь и буду преследовать их всех.

*Дестрар Галхоллоу
из **Посмертных размышлений волшебника Зентарима**,
опубликованных примерно в Год Утренней Звезды К тому.*

Тьма никогда не покидала Илбрина Старима. Этого никогда не произойдет, по крайней мере с того дня, когда последний охотничий домик Старимов был разрушен заклинаниями и пламенем, их гордые залы в Миф Дранноре пали, и клан Старим был разрушен навсегда. Если кто-то из его родственников все еще был жив, он никогда не находил их следов. Некогда гордая и могущественная семья, которая возглавляла и определяла Кормантир в течение целого века, теперь превратилась в одного молодого и искалеченного дальнего родственника. Если бы Селдарин улыбнулся, с помощью своей магии он мог бы зачать детей, которые продолжили бы род... но только если бы Селдарин улыбнулся. И снова был виноват Проклятый, тот ухмыляющийся человецишка Эльминстер, чьи заклинания разлетались в храме, когда он сражался с королевой Галадорны. Тысячу раз Илбрин переживал те обжигающие мгновения падения храма, разбитого и охваченного пламенем. Магия, которая восстановит его ногу и разгладит кожу, чтобы она стала такой, какой была когда-то, разрушит заклинания, которыми он никогда не владел. Заклинания, которые стоили ему так дорого, и заставляли работать его опустошенные внутренности. Впереди были годы агонии — если он проживет так долго. Агония тела соответствовала агонии в его сердце.

— Прими мою благодарность, человек, — прорычал он в пустоту. Лошадь трясла его, вызывая острую боль в искривленном боку, когда скакала по изношенному и неровному мосту. Сквозь боль он увидел впереди вывеску. На шестой день после отъезда из Вестгейта и пути в одиночестве по трудной дороге, это было приятное зрелище. Оно говорило ему, что он куда-то движется... даже если он не совсем знал, куда.

— Рипплстоунс, — прочитал он вслух. — Еще одна возвышающаяся крепость человеческой культуры. Как вдохновляюще.

Он обернулся в свой горький сарказм как в темный плащ и пустил лошадь рысью, выпрямившись в седле, чтобы выглядеть впечатляюще под взглядом испуганных человеческих глаз. Эльф, едущий один, весь в черном, с мечами и кинжалами и — когда он позволял заклинанию ослабеть — искривленной, пятнистой массой ожога на половине лица. Оружие, конечно, было выставлено напоказ, чтобы сделать его заклинания сюрпризом. Илбрин опустил одну руку на гладкую рукоять меча и погладил ее, сохраняя суровое и мрачное выражение лица, когда дорога обогнула густую рощу деревьев, являя взгляду Рипплстоунс.

Он всегда был в дороге, всегда искал Эльминстера. Выследить и убить Эльминстера Омара было главной целью, которая управляла его жизнью, — хотя уже нет Дома Старим, в который можно было бы вернуться с триумфальной вестью о мести за семью. Если только Илбрин не восстановит его сам. Теперь он был близок к следу Эльминстера, он чувствовал его.

Он выбросил из головы, сколько раз был так близок раньше и в конце дня хватал только пустоту.

Вот таверна, «Прекрасная дева из Рипплстоунс». Наверное, единственная таверна в этом пыльном фермерском городке. Илбрин остановил коня, перекинул поводья через голову, чтобы произнести заклинание, которое удерживало бы его как статую, пока он не произнесет нужное слово, и начал отчаянную борьбу, чтобы спешиться, не упав лицом вниз. Его искусственная нога лязгнула, как подпрыгивающая тележка с мечами, когда он приземлился и вцепился в ремень седла на долгие секунды, прежде чем смог убрать с лица выражение боли и выпрямиться. Двое стариков на скамейке просто сидели и спокойно смотрели на него, как будто странные путешественники каждый день подъезжали к «Прекрасной деве». Илбрин мягко заговорил с ними, но взялся за рукояти клинка и метательного кинжала как своего рода молчаливое обещание грядущих неприятностей... если они хотели неприятностей.

— Пусть этот день принесет вам удачу, — сказал он официально. — Я надеюсь, что вы сможете мне помочь. Я ищу своего друга, чтобы передать срочное сообщение. Я должен нагнать его! Вы видели волшебника-человека по имени Эльминстер? Он высокий и худой, с темными волосами и ястребиным носом... и он входит в каждую гробницу волшебника, рядом с которой оказывается.

Двое стариков на скамейке уставились на него, нахмурившись, но не сказали ни слова. Третий мужчина, стоявший в дверях таверны, бросил на двоих на скамейке еще более странный взгляд, чем на Илбрина, и сказал эльфу:

— О, *этом*! Да, он был в Обожженном Камне, но вскоре вышел и направился на восток, в Мертвое Место.

— Мертвое Место?

— Ага. Те, кто входит, не выходят. Между ручьем Оггла и холмом Рэрдрана, по эту сторону Стармантла, нет ни белки, ни бурундука. Мы плывем на лодке, если понадобится. Никто не идет по дороге, никто не идет через лес. Дней десять назад какая-то расфуфыренная группа авантюристов — и не первая, кстати — пошла туда. Сам великий герцог их нанял... Тоже не вернулась. И не вернется, не будь я Джалобал, а ведь я он и есть, ха. Их больше никто не увидит, нет. Я слышал, что уже новая группа дураков только что вышла из Стармантла...

Эльф уже повернулся и снова начал борьбу с седлом. С рывком и стоном, который перерос в рычание боли между стиснутыми зубами, он вернулся на свое место в седле с высокой спинкой и взял поводья, чтобы направиться на восток.

— Эй! — позвал Джалобал. — Так ты не останешься?

Илбрин скривил губы в мрачной улыбке.

— Я никогда не поймаю его, если буду останавливаться и отдыхать там, откуда он только что ушел.

— Но это Мертвое Место, я ж тебе говорил.

Двумя быстрыми рывками эльф расстегнул две серебряные застёжки на бедре, которые Бердаг считал декоративными, и задрал бриджи. Под ними была не гладкая кожа, а бугристая масса шрамов, похожих на старую древесную кору, болезненно-желтого цвета там, где она еще не стала серой. Искривленные шрамы от ожогов тянулись от его колена до подмышки, а выше колена были распорки и крепления, удерживающие ногу из металла и дерева, которая явно не была у эльфа с рождения.

— Я, наверное, буду чувствовать себя там как дома, — сухо сказал эльф трем разинувшим рты мужчинам. — Как вы можете видеть, я уже наполовину мертв.

Не говоря больше ни слова и не глядя в их сторону, он щелкнул застёжками и пришпорил своего скакуна. В потрясенной тишине трое мужчин наблюдали, как поднимается пыль, а за ней подпрыгивал на своей лошади эльф, исчезая из виду вдоль заросшей дороги к ручью Оггла.

— Вы видели? Вы видели? — взволнованно спросил Джалобал двух молчаливых мужчин на скамейке. Они уставились на него, как два камня. Он моргнул, глядя на них, а затем поспешил обратно в «Деву», чтобы рассказать о своем дерзком столкновении с обожженным эльфийским всадником. Бердаг повернул голову, чтобы посмотреть на Каладастера.

— Он сказал «догнать его» или «поймать его?»

— Он сказал «поймать», — категорично ответил Каладастер. — Я обратил внимание.

Бердаг покачал головой.

— Я бы не хотел ходить быть магом, несмотря на всю их силу. Сумасшедшие, все они. Ты заметил?

— Да, — ответил Каладастер глубоким и мрачным голосом. — Но это проходит, если ты достаточно быстро остановишься.

И, как будто это было прощанием, он встал со скамейки и зашагал к своему дому.

Что-то мелькнуло, когда он шел, и в руке старика внезапно оказался крепкий, усыпанный драгоценными камнями посох, которого Бердаг никогда раньше не видел. Бердаг закрыл разинутый рот и потер глаза, чтобы убедиться, что все правильно понял. Да, это было так, несомненно. Он уставился в спину Каладастера, пока его старый товарищ шагал по дороге домой, но его друг ни разу не оглянулся.

* * * * *

Несмотря на серое небо и прохладный ветерок снаружи, многие ученики бросали взгляды в окна во время этого дневного урока. На самом деле так много, что в какой-то момент Табараст был вынужден сурово прокомментировать:

— Я очень сомневаюсь, что великий Эльминстер собирается взгромоздиться, будто голубь, на наш подоконник, чтобы услышать то, что для него является зачатками магии. Тем из вас, кто желает постичь десятую часть его величия, рекомендуется сесть прямо и обратить внимание на наши, по общему признанию, менее захватывающие учения. Все маги, даже божественный Азут, Повелитель Заклинаний, который превосходит Эльминстера, как и любого из вас, начинали так: изучали магические знания со слов, летающих с уст старших, более мудрых волшебников.

После этого взгляды по сторонам заметно уменьшились, но Белдрун все еще раздраженно вздыхал к тому времени, когда Табараст вскинул руки и рывкнул:

— Поскольку способность концентрироваться, этот краеугольный камень магии, кажется, сегодня совершенно ускользает от слишком многих из вас, мы закончим урок на этом этапе и начнем — со свежим пониманием и интересом, я надеюсь, — завтра. Вы свободны. Возвращайтесь домой, на этот раз не разыгрывая фокусов с заклинаниями, господин Магласт.

— Да, сэр, — довольно угрюмо ответил один красивый юноша среди общего шума скрипящих стульев, развевающихся плащей и спешащих тел. Бормоча что-то себе под нос, Табараст повернулся к очагу, чтобы выгрести угли в сверкающее дно и подбросить в огонь еще одно полено. Белдрун взглянул на дым, висящий и клубящийся под стропилами. Когда все разогреется, дымоходу пригодится одно-два заклинания, чтобы очистить его и выдолбить немного шире. Затем маг сцепил руки за спиной и смотрел, как класс уходит, просто чтобы убедиться, что никакие демонстрационные кинжалы или заметки о заклинаниях случайно не попали в рукава, сумы, сапоги или рубашки одежды студентов. Как обычно, Магласт ушел одним из последних. Белдрун встретил его пристальный взгляд твердой и понимающей улыбкой, которая заставила покрасневшего юношу поспешно выйти за дверь, и только тогда осознал, что человек, который тихо сидел в конце класса с видом человека, чьи мысли где-то далеко — несмотря на золотую монету, которую он заплатил, чтобы сидеть там, — медленно продвигался вперед. Новичок — возможно, у него были какие-то вопросы. Белдрун вежливо спросил:

— Да? Чем мы можем вам помочь, сэр?

У мужчины были неухоженные светло-каштановые волосы и выцветшие карие глаза на приятном незапоминающемся лице. Его одежда была одеждой потрепанного торговца: грязная туника и верхняя накидка с оттопыренными карманами поверх залатанных и поношенных штанов и хороших, но поношенных ботинок.

— Я должен найти человека, — сказал он очень тихим голосом, спокойно проходя мимо Белдруна туда, где Табараст склонился над очагом, — и я готов щедро заплатить, чтобы меня направили к нему.

Белдрун на мгновение уставился на спину мужчины.

— Я думаю, вы неправильно понимаете наши таланты, сэр. Мы не...

Его голос затих, когда он увидел, что было нарисовано в золе очага. Неприметный мужчина взял палку для растопки у очага и рисовал арфу между рогами полумесяца, окруженного четырьмя звездами. Мужчина повернул голову, чтобы убедиться, что оба пожилых мага увидели его рисунок, затем поспешно посыпал его пеплом, пока его рисунок не исчез. Белдрун и Табараст обменялись взглядами, подняв брови и возбужденно дернув уголками ртов. Табараст наклонился вперед, пока его лоб почти не коснулся лба Белдруна, и пробормотал:

— Арфист. Эльминстер приложил руку к их основанию, знаете ли.

— Я знаю, болван — ведь это я прислушиваюсь к новостям, помните? — ответил Белдрун немного раздраженно и повернулся к Арфисту. — Так кого же вы все-таки хотите, чтобы мы нашли?

— Волшебника по имени Эльминстер. Да, нашего основателя, *этого* Эльминстера.

Ученики, если бы кто-нибудь вернулся, чтобы следить за очагом с тем же вниманием, которое они уделяли окнам, в этот момент стали бы свидетелями того, как двое их пожилых, строгих учителей визжали, как возбужденные дети, прыгали и шаркали перед огнем, нетерпеливо хлопали в ладоши, а затем бормотали о согласии без каких-либо упоминаний о гонорах или платежах. А потрепанный торговец спокойно возвращал палку туда, где он ее нашел, в центре счастливой суматохи. Белдрун и Табараст столкнулись друг с другом в своих первых нетерпеливых порывах к шкафам, засмеялись и с одинаковым энтузиазмом оттолкнули друг друга с дороги, а затем бросились, хватая все, что, по их мнению, могло бы пригодиться в охоте на Эльминстера. Усталый Арфист прислонился спиной к стене с улыбкой на лице, по мере того как куча «предметов первой необходимости» быстро приближалась к стропилам.

* * * * *

— Что случилось, Бресмер?

В голосе великого герцога не было особой надежды или нетерпения; он не ожидал хороших новостей. Сенешаль не обманул ожиданий:

— Их нет, сэр, насколько мы можем судить. Одна мертвая лошадь, замеченная плывущими рыбаками. Они взяли Гаэрлина посмотреть на неё. Он был укротителем лошадей, прежде чем поступил на службу к вам, милорд. Он сказал, что её глаза были вытаращены, а копыта и ноги все в крови. Он думает, что она спрыгнула прямо со скалы, без всадника, убегая в страхе. Лодочная охрана сообщает, что Знамя не зажгло сигнальный маяк и не подняло свой вымпел... Я думаю, что они все мертвы, милорд.

Хоростос кивнул, едва замечая бокал с вином, который вертел в пальцах.

— Мы нашли кого-нибудь еще, кто готов взяться? Есть новости от Марскина? Бресмер покачал головой.

— Он думает, что все в Вестгейте слышали все об убийствах, как Элтравар в Рете тоже.

— Увеличь, что мы предлагаем, — медленно произнес великий герцог. — Двойная цена.

— Я уже сделал это, милорд, — пробормотал сенешаль. — Элтравар сделал это сам, и я подумал, что будет разумно подтвердить его предложения вашей герцогской печатью. Марскин предлагает новую сумму уже десять дней... это удвоенный гонорар, от которого отказываются все наемники.

Великий герцог хмыкнул.

— Ну, мы видим меру их храбрости, по крайней мере, чтобы знать, кого не нанимать в будущем.

— Или их благоразумие, милорд, — осторожно сказал Бресмер. — Или их благоразумие.

Хоростос резко поднял глаза, встретился взглядом со своим сенешалем, затем снова опустил взгляд, ничего не сказав. Он с такой силой опустил свой бокал с вином на стол, что тот разлетелся на осколки между его пальцами, и рывкнул:

— Но мы должны *что-то* сделать! Мы даже не знаем, что это такое, а в следующий раз оно проглотит целые деревни! Я...

— Это уже произошло, милорд, — пробормотал Бресмер. — Обрубок Айкена, где-то в последнюю декаду.

— Лесорубы? — Хоростос запрокинул голову и вздохнул, глядя в потолок.

— У меня не будет земли, которой я мог бы править, если так будет продолжаться и дальше, — печально сказал он. — Убийца будет грызть ворота этого замка, и снаружи не останется ничего, кроме костей мертвых. Потолок, мудрый под стать его долгим годам, не соизволил ответить.

Хоростос снова опустил взгляд, чтобы встретиться глазами со своим бесстрастным, подчеркнуто спокойным сенешалем, и спросил:

— Есть ли какая-нибудь надежда? Кто-то, к кому мы сможем обратиться, прежде чем мы с тобой поднимем щиты и вместе выедем за эти ворота?

— Я действительно встречался с одним чужеземцем, милорд, — сказал Бресмер богато плетеному ковру у его ног. — Он просил передать вам, что Арфисты проявили интерес к этому делу, милорд, и они доложат вам до конца сезона — если вас удастся застать. Я воспринял это как намек задержаться здесь по крайней мере до тех пор, милорд.

— Боги *разрази* это, Бресмер! Сидеть, как младенец, дрожа в углу, в то время как мои люди смотрят на меня и говорят: «Вот идет трус, а не правитель»? Сидеть и ничего не делать, пока эти таинственные бродячие арфисты бормочут мне, что происходит на моей земле, и держаться от этого подальше? Сидеть и смотреть, как деньги утекают из хранилища, а люди умирают, все еще сжимая их в руках, в то время как урожай гниет на полях, и в живых не осталось фермеров, чтобы ухаживать за ним или собирать, чтобы мы не голодали зимой? *Что бы ты хотел, чтобы я сделал?*

— Это не мое дело требовать чего-либо от вас, лорд, — тихо сказал сенешаль. — Вы оплакиваете свой народ и свою землю, и это больше, чем большинство правителей когда-либо думали сделать. Если вы решите выступить против Убийцы завтра утром, я поеду с вами... но я надеюсь, что вы дадите приют тем, кто хочет бежать из леса, милорд, и останетесь здесь, пока Арфист не въедет в наши ворота, чтобы по крайней мере сказать нам, что разрушает нашу землю, прежде чем мы выступим против него.

Великий герцог устался на осколки бокала у себя на коленях, на кровь, стекающую по его пальцам, и вздохнул.

— Благодарю, Бресмер, за то, что ты сказал мне разумное. Я подожду, пусть меня назовут трусом... и буду молиться Малару, чтобы он отозвал этого Убийцу и пощадил моих людей.

Он встал, нетерпеливо отодвинув стакан в сторону, и на его лице появилось подобие усмешки, когда он спросил:

— Еще какие-нибудь советы, сенешаль?

— Да, еще кое-что, — пробормотал Бресмер. — Будьте осторожны там, где вы охотитесь, милорд.

* * * * *

Холодный, звенящий туман нырнул между двумя изогнутыми, покрытыми мхом фандарами и скользнул, как змея, сквозь дыру в осыпающейся стене. Он закрутился в короткий вихрь в соседней комнате и снова превратился в движущийся, полутвердый силуэт женщины. Она оглядела разрушенную комнату, вздохнула и бросилась на обшарпанный лежак, чтобы подумать, дергая себя за волосы, которые были немногим больше, чем дым. Откинувшись на один локоть, она обдумывала будущие победы.

— Он не должен видеть меня, — размышляла она вслух, — пока не придет сюда и сам не найдет руны. Я должна казаться... *связанной* с ними, привлекательной пленницей, которую он должен освободить, и разгадать какую-то тайну. Не только как я здесь оказалась, но и кто я такая.

Медленная улыбка появилась на ее лице.

— Да, да, мне это нравится.

Она развернулась и взлетела в воздух размытым вихрем, чтобы мягко опуститься и встать лицом к облупившемуся зеркалу в полный рост. Достаточно высокая, да... Она поворачивалась то в одну, то в другую сторону, слегка изменяя свою внешность, чтобы выглядеть более экзотично и привлекательно — талия уже, бедра шире, небольшая горбинка на носу, глаза больше...

— Да, — наконец сказала она стеклу с удовлетворением в голосе. — Немного лучше, чем Сазреде Лионора была при жизни... и все же — не менее смертоносна.

Она направилась к одному из рядов шкафов, сделав длинные стройные ноги достаточно твердыми, чтобы ходить. Прошло много времени с тех пор, как она с важным видом пересекала танцевальный зал, не говоря уже о том, чтобы метаться или семенить. Шкаф завизжал, открываясь, влажная дверца отвалилась от рамы. Сазреде нахмурилась и подошла к следующему шкафу, куда она положила одежду, недавно изъятую из фургонов — и жертв — на дороге... когда еще были повозки. Ее улыбка стала кошачьей при этой мысли, когда она сделала свои руки достаточно твердыми, чтобы держать ткань, морщась от чувства пустоты, которое это вызвало в ней. Быть плотной так сильно истощало ее. Так быстро, как только могла, она просмотрела платья, выбрав три, которые больше всего привлекли ее внимание, и повесила их на лежак. Поднявшись через первое, она на мгновение стала плотной целиком — и ахнула от холодной пустоты, которая свернулась внутри нее.

— Не надо этого делать... долго, — громко выдохнула она, и ее дыхание с шипением затуманило зеркало. — Нельзя использовать... слишком много, но это *должно* подойти... Синие оборки первого платья были расплющены и помяты после висения в шкафу. Черное, с его смелыми разрезами по всему телу, выглядело лучше, но легче всего порвалось бы и развалилось. Последнее платье было красным и гораздо более скромным, но ей понравилось качество, которое бросалось в глаза, и украшенные драгоценными камнями ползущие по бедрам драконы. Ее силы быстро иссякали. Боги, ей нужно было поскорее высосать жизни, или... С почти лихорадочной скоростью она изменила свою фигуру, чтобы наиболее привлекательно заполнить три платья, зафиксировала в уме их различные требования и наконец снова рухнула в вихрь, в беспорядке сбросив красное платье на землю. Как туман, она проплыла над ним, затвердев только кончиками пальцев, чтобы отнести обратно в шкаф и аккуратно повесить.

Когда она вернулась за двумя другими предметами одежды, наблюдатель заметил бы, что ее мерцающие огни потускнели, а туман стал рваным и меньшим в объеме, чем был. К тому времени, как дверца шкафа закрылась за последним платьем, Саэреде заметила, что теперь она немного потускнела. Она вздохнула, но не смогла удержаться и снова приняла женственный вид, чтобы в последний раз критически взглянуть на себя в зеркало.

— Я полагаю, тебе придется сделать... и еще кое-что, Саэреде, — упрекнула она себя. — Перестань разговаривать сама с собой. Ты одинока, да, но не совсем растаяла рассудок.

— Попробуй вон там, — сказал следом хриплый мужской голос, который, вероятно, должен был быть шепотом. Он доносился из деревьев за развалинами, через один из проемов в стенах. — Я уверен, что видел там женщину в красном платье...

Призрачная женщина замерла с высоко поднятой головой, затем по-волчьи улыбнулась и снова рухнула в мерцающие огни и туман.

— Как заботливо, — пробормотала она зеркалу. Ее голос был слабым, но все же отдавался эхом. — Как раз тогда, когда они мне больше всего нужны.

Ее смех зазвучал веселым звоном.

— Я никогда не думала, что застану это, но авантюристы становятся почти... предсказуемыми.

Она нырнула в дыру в стене, как голодный угорь. Через несколько секунд раздался хриплый крик. Он все еще отражался эхом от осыпающихся стен, когда раздался еще один.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ПОДНИМАЕТСЯ ТЕМНОЕ ПЛАМЯ

И поднимется темное пламя и рассеет все перед собой, разжигая красную войну, дикую магию и резню. Просто еще один тихий перерыв перед новыми опасностями следующего месяца...

*Калдрахан Мелимбрин, Мудрец Священных Дел
из Дня Путешественника из Ташлутана - Мысли,
опубликовано в Год Падения Луны*

Ужасный Брат Дарлахан. Такое имя было звучным.. Оно хорошо сочеталось с клеймом и шрамами от хлыста, которые пересекали его предплечья. Он усердно работал с пастой из крови, мочи и черной краски для лица, чтобы превратить эти шрамы в темные, несмываемые рельефные борозды. Его стремление принять участие в храмовых ритуалах не осталось незамеченным. Ветер с Шаара был жарким и сухим этой ночью, и он с нетерпением ждал тихого вечера распростертой молитвы на холодном камне пола подвала — но служительница, которой он заплатил, чтобы его выпороли первым, вместо этого пришла к нему с резким шепотом: по приказу Ужасной Сестры Клалаэры он должен был немедленно отнести это блюдо с едой и вином в самые сокровенные покои Дома Святой Ночи.

— Я волнуюсь за тебя, Ужасный Брат, — прошептала она ему на ухо, прежде чем дать ему обычную пощечину. Опустившись на колени, он вцепился в ее лодыжки с еще большим, чем обычно, энтузиазмом, его сердце колотилось от собственного возбуждения. Ему казалось, что жестокая Начальница Послушников довольно пристально наблюдала за ним в течение последней десятидневки или около того; был ли это его шанс, наконец? Когда он остался один, то поспешил закрепить мантию из осколков вокруг себя, плотно подоткнув ее между бедер, чтобы заставить ее пустить кровь перед первым шагом, вместо того, чтобы идти с бесконечной осторожностью, избегая ран, как это делало большинство. Затем он взял блюдо, высоко поднял его и вознес безмолвную молитву всевидящей богине.

О, святая Шар, прости мою самонадеянность, но я буду служить тебе как темный ночной ветер, зазубренный черный клинок, твой бич и верная рука, а не просто как храмовая марионетка по прихоти Клалаэры.

— Шар, — выдохнул он вслух, на случай, если кто-то подглядывал из-за панелей и думал, что он дрожал или мечтал вместо того, чтобы молиться. Он поднял и опустил блюдо в знак приветствия и быстро зашагал по тускло освещенным факелами залам храма. Гладкий черный мрамор был холоден под его босыми ногами, и его конечности покалывало там, где стекали струйки крови. Он шел прямо и гордо, никогда не оглядываясь на голых послушников, ползущих за ним по пятам, слизывая его кровь там, где она падала, и не подавал никаких признаков того, что слышал хрюканье, рыдания и приглушенные крики за дверями, мимо которых

проходил, когда амбициозное духовенство Дома приносило свои собственные жертвы боли Святой Шар. Он услышал грохот одинокого барабана задолго до того, как достиг Внутреннего Портала, и его возбуждение переросло в почти невыносимое пение внутри него. Высокий Ритуал, необъявленный и неожиданный, и он должен был стать его частью. Ужасный Брат Дарлахан. О да. Наконец-то хоть какая-то мера власти. Он был на пути к величию. Дарлахан обогнул последнюю колонну и направился к арке, где две жрицы скрестили перед ним свои острые, как бритва, черные клинки, затем самым нежным движением привели ими по его груди, пока он высоко держал блюдо. Они повернулись к нему этой ночью, и Дарлахан остановился, дрожа, чтобы получить высшую награду: они позволили ему наблюдать, как стряхивали его кровь с лезвий своих мечей в сложенные чашей ладони и подносили ко рту. Он прошептал им «Как пожелает Шар» тоном благодарности, затем зашагал по последнему проходу к Внутреннему Порталу. Барабанный бой впереди становился все громче. Он был удивлен, обнаружив, что сам Портал не охраняется. Черный занавес, украшенный Темным Диском, висел в обычно пустой Арке Портала. Дарлахан на мгновение замедлился, раздумывая, что делать, затем решил, что должен следовать процедуре, которой обучались все послушники, как будто ничего необычного не происходило. Он остановился у Портала, выставил локти, чтобы осколки в последний раз впились в него и не мешали, когда он опустил на колени, вытянув перед собой блюдо и прикоснувшись лбом к холодному мрамору порога. Быстрые руки выхватили блюдо, а другие обезглавили его одним резким ударом.

Длинная, гладкая рука схватила за волосы истекающую кровью голову. Смазанное маслом тело потянулось и сунуло голову Дарлахана в жаровню, не обращая внимания на пламя, которое устремилось по намавленной плоти.

— Последний, — пробормотал этот кто-то напряженным от боги голосом.

— Тогда познай покой, Ужасная Сестра, — сказал кто-то другой, касаясь ее черным Гасящим Жезлом, который выпил весь огонь. Барабан гроыхнул в последний раз и замолчал, рука с длинными ногтями сделала жест, и черное пламя взметнулось из дюжины жаровен со слаженным треском и рычанием. На каждой жаровне в круге лежала почерневшая отрубленная голова. Каждый язык темного пламени поднимался извилистой струящейся колонной, питая темную сферу над головой. Священная комната Шар, самая священная комната в Доме Святой Ночи, действительно была переполнена. Все жестокие и могущественные верховные жрицы Шар собрались здесь в своих черных и пурпурных одеждах под сферой клубящихся теней. У всех их текла кровь из открытых ран, все их глаза блестели от возбуждения, и все их внимание теперь было приковано к сфере, которая возвышалась над головами, такая большая, высотой с шесть человек. Что-то на мгновение появилось в поле зрения внутри сферы: человеческая рука, тонкая и женственная, с белой кожей, тщетно цепляющаяся за пустоту. Затем показался локоть, и внезапно в поле зрения появились голова и плечи слабо сопротивляющейся человеческой женщины. Все, что можно было разглядеть, было обнажено, и она металась в огне, по-видимому, слепая. Отчаяние было написано на ее лице, глаза потемнели, застыв, рот открылся в бесконечном, беззвучном крике. Среди собравшихся жриц послышался ропот недоумения и удивления — и самая высокая из них, блистательная в своем черном головном уборе с рогами и мантии

темно-фиолетового цвета, шагнула вперед и с жестокой силой опустила длинную плеть в руке на голую спину мужчины, стоящего на коленях под сферой.

— Объясни, Высший Ужасный Брат, — приказала Темная Госпожа Дома резким голосом. — Ты обещал нам, как и послание самого Пламени Тьмы, что твое начинание принесет нам великую силу и великие возможности. Даже если эта девка — какая-нибудь великая королева Фаэруна, я не вижу здесь ни силы, ни возможностей, кроме сомнительного достижения захвата земли и ее сундуков. Объясни хорошо и быстро — и живи.

Старший жрец Дома посмотрел на борющуюся фигуру в сфере, он опустил руки по бокам, а затем в изнеможении откинулся на мраморный пол. Сквозь его вздохи жрицы увидели яркую вспышку улыбки.

— Это успех, ваше Темнейшество, — сказал он, когда смог достаточно отдышаться. — Это аватар богини Мистры, хотя и обладающий гораздо меньшей силой, чем большинство из тех, что она посылает. Мы не можем причинить ему вред, не высвобождая магию, слишком дикую для всех нас, чтобы надеяться контролировать, но пока мы держим его в ловушке таким образом, мы можем в любое время использовать Плетение, получая магию, которую можно изучать и творить, как это делают волшебники. Этот аватар, должно быть, был запятнан своим флиртом с Бэйном... Я полагаю, это давняя слабость.

— Позже будет достаточно времени для таких размышлений, — твердо сказала Темная Госпожа Авроана. Ее голос все еще был холодным и резким, но нетерпение на ее лице и постукивание хлыстом по собственному бедру, а не по лицу Высшего Брата Нарлконда, выдавали ее волнение и одобрение. — Расскажи мне об этих заклинаниях. Мы сядем и будем учить, как это делают маги, и заполним наши умы — и что тогда?

— Сила не проникает в эти заученные узоры, пока наша пленница здесь не попытается прикоснуться к Плетению, — ответил коленопреклонный старший жрец, поворачиваясь лицом к ней, — что происходит каждые несколько часов или около того. Кажется, она не может не стремиться к этому, ибо такова суть ее природы, и...

— Как долго мы сможем продолжать в том же духе? — рявкнула Авроана, указывая хлыстом на сферу.

— До тех пор, пока у нас есть восторженные верующие в Темную Мать, снабжающие нас своими головами.

— Еще больше было призвано сюда, — сказала Темная Госпожа, и ее губы на очень короткое мгновение сложились в улыбку, которая была такой же холодной, как ледник, который запечатывает северную гробницу. — Им сказали, что мы отправляемся в священный поход.

— Ваше Темнейшество, — ответил Верховный Брат Нарлконд, сам мягко улыбаясь, — так и есть.

* * * * *

— Это то, что в человеческой речи было бы названо Наблюдательным Деревом, — сказал лунный эльф, садясь на огромный лист, который быстро свернулся и

изогнулся вокруг него в форме кушетки, обхватив его как гигантская нежная рука. Амбрегард огляделся по сторонам, созерцая вид между огромными изогнутыми ветвями, которые расходились там, где они стояли, и поднимались еще выше в разреженный холодный воздух.

— Клянусь богами, — медленно произнес он, — это облака! Мы смотрим вниз на *облака*!

— Только самые низкие облака, — с улыбкой сказал Звездопад. — О, разве ты не знал? Да, разные формы облаков висят на разных уровнях, точно так же, как рыбы в озере ищут уровни в воде, которые им подходят.

— Рыбы?.. — спросил человеческий маг, затем ухмыльнулся и сказал: — Неважно. Мы быстро отклоняемся от моего первоначального вопроса. Звездопад ухмыльнулся в ответ.

— Теперь ты понимаешь, как получилось, что люди веками учились в Миф Дранноре, — сказал он, — и некоторые из них изучали лишь горстку заклинаний, которые они искали? Лучшие из них даже не возражали. Амбрегард покачал головой.

— О, если бы я был там, — с тоской прошептал он, довольно осторожно присаживаясь на другой лист. Тот быстро швырнул его в центр, вызвав короткое удивленное бормотание, и свернулся вокруг него, утвердив его в вертикальном положении в теплом комфорте.

— Что ж, кхм, — произнес он с приятным удивлением, в то время как Звездопад усмехнулся. — Мило, очень мило.

Он посмотрел на кресло Звездопада, все еще явно живое и прикрепленное к гигантскому тенистому дереву, на вершину которого они с таким трудом взобрались по казавшейся бесконечной спиральной лестнице.

— Я полагаю, что нет никаких шансов получить такое кресло где-нибудь еще, кроме как при Эльфийском дворе?

— Никаких, — сказал Звездопад с широкой улыбкой, — вообще никаких. Извини.

Амбрегард фыркнул.

— В твоем голосе совсем не слышно сожаления. Почему нам пришлось потеть на нашем утомительном пути сюда, шаг за тысячным шагом? Что плохого в использовании заклинаний полета?

— Дереву нужно было узнать тебя получше, — объяснил эльфи. — В противном случае, когда ты только что сел, оно, скорее всего, выбросило бы тебя вон в те облака как катапульта... и лишило меня человеческих волшебников, с которыми можно было бы поболтать этим вечером. Амбрегард содрогнулся, представив, как его беспомощно вытолкнули в пустой воздух, и ужасное, долгое падение...

— Ааа! — взвизгнул он, размахивая руками, чтобы прогнать свое мысленное видение. — Боги! Прочь, прочь! Давай вернемся к нашему разговору! Когда мы ели — о, это древесное желе! Как... нет. Позже, я спрошу об этом позже. Сейчас я хочу знать, почему ты сказал, когда мы ели, что Эльминстер сейчас в такой опасности? И близок к тому, чтобы стать еще большей опасностью для всех нас... почему?

Звездопад посмотрел на мили зелени в сторону далекой линии гор на мгновение, прежде чем сказал:

— Любой человек-маг, который живет столько лет, сколько этот Эльминстер, превосходит большинство нажитых им человеческих врагов. Они умирают, а он живет. Само его долголетие и сила делают его естественной мишенью для тех представителей любых рас, крое хотел бы завладеть им, или его силами, или его предполагаемыми богатствами и зачарованными предметами. Такие опасности подстерегают всех магов, которые добились хоть какого-то успеха. Амбрегард кивнул, и эльф продолжил.

— Разумно предположить, что более успешный волшебник привлекает больше внимания, а значит, и более опасных врагов, не так ли?

Амбрегард снова кивнул, нетерпеливо подавшись вперед.

— Ты собираешься рассказать мне о каких-то великих таинственных врагах, с которыми сейчас сталкивается Эльминстер?

Звездапад улыбнулся.

— Такие, как фаэриммы, малаугримы и, возможно, даже шарны? Нет. Амбрегард нахмурился.

— Фаэвр..?

Звездапад усмехнулся.

— Если я расскажу тебе о них, они больше не будут загадочными, не так ли? Более того, ты проживешь остаток своих дней в страхе, и никто не поверит тебе, когда ты расскажешь о них. И каждый раз, когда ты будешь говорить о них, увеличится вероятность того, что кто-то из их числа почувствует потребность заставить тебя замолчать — и это приведет к жестокому и раннему концу жизни Амбрегарда. Нет, забудь о них. Это хорошая практика для магов — забывать и отпускать то, что их интересует. Некоторые из них так и не научились этому и умирают задолго до своего времени.

Амбрегард нахмурился, открыл рот, чтобы что-то сказать, и снова закрыл его. Затем он сказал почти сердито:

— Но тогда, если мы говорим об отсутствии врагов, с какой особой опасностью сталкивается Эльминстер?

Маленький, туго скрученный листик у локтя Звездапада развернулся, открыв две стеклянные чаши, наполненные чем-то похожим на воду. Он передал одну из чаш Амбрегарду, и они выпили вместе. Это была *вода*, и самая прохладная, самая чистая, которую Амбрегард когда-либо пробовал. Когда она скользнула в каждый уголок его существа, он внезапно почувствовал себя невероятно бодрым и энергичным. Он повернул голову, чтобы воскликнуть о своих чувствах, посмотрел в глаза Звездападу и увидел в них печаль. Он не заговорил достаточно долго, чтобы лунный эльф смог неспешно сказать:

— С собой.

— С собой?

Во имя богов, неужели он превратился в эхо? И был ли это его шестой вечер здесь со Звездападом... или седьмой? Да. Он был похож на маленького ребенка, приглашенного в беседу взрослых, впервые увидевшего более масштабный и серьезный взгляд на Фаэрун вокруг себя. С внезапным усилием Амбрегард придержал язык и наклонился вперед, чтобы послушать. Звездапад наградил его легкой улыбкой и добавил:

— С уходом всех друзей, любовников, врагов и даже царств его юности, Эльминстер будет чувствовать себя все более одним — и, как это свойственно людям, одиноким. Он будет цепляться за все, что у него осталось — за свою силу и достижения в магии — и начнет раздражаться из-за сделки, которая отняла у него молодость и все то, что он мог бы сделать, но не сделал... Короче говоря, он служба Мистре начнет беспокоить его.

— Нет! Ты сам так сказал: любовь...

— Таков путь людей, — спокойно продолжал Звездопад, — и всех нас, в разные периоды нашей жизни... Но сейчас я отвлекся. Словом, Эльминстер, став зрелым могущественным магом — в отличие от пылкого, легко отвлекающегося юноши — впервые заметит искушения.

— Искушения?

— Шансы использовать свою власть так, как он считает нужным, без приказов или ограничений, установленных другими. Желание поступать так, как ему заблагорассудится, игнорируя последствия, хорошие или плохие, сокрушая всех, кто выступает против него. Делать то, о чем он праздно думал, выполнять каждую прихоть.

— И что дальше?

— И дальше, пока он этим занимается, каждое живое существо на славном Ториле или под ним должно скрываться и прятаться — ибо какой судьбой будет наслаждаться Амбрегард, если проходящему Эльминстеру покажется, что горсть амбрегардовых потрохов станет хорошей игрушкой или едой на следующие нескольких минут?

Эльф позволил своим словам повиснуть в тишине на некоторое время, ожидая, что Амбрегард заговорит. Довольно скоро волшебник-человек не смог удержаться:

— Ты хочешь сказать, — тихо спросил он, — что мы — я или еще кто-то... должны сейчас отправиться уничтожить Эльминстера, чтобы спасти весь Торил?

Звездопад почти устало покачал головой.

— Почему люди так любят это слово? «Уничтожить»! — он поставил миску с водой обратно на лист и с улыбкой спросил: — Если тебе это удастся, Амбрегард Могучий, скажи мне: кто тогда защитит Торил от *тебя*?

* * * * *

Если б был Убийцей я, жил бы, в логово таясь...

— Милая Мистра, — пробормотал Эльминстер, невольно улыбаясь, — что бы ты ни делала, останови меня от попыток стать бардом.

Он сделал еще один шаг вдоль осыпающейся стены руин. Легкий скрип его сапога по влажным мертвым листьям казался очень громким в жуткой тишине пустого леса. Каким-то образом он знал, что эта разрушающаяся крепость должна быть связана с тем, что убивало людей и лесных существ поблизости. Он ясно чувствовал это на прибрежной дороге. Оно звало его сюда... звало его...

Он остановился и уставился на замшелые камни. Могло ли на него подействовать заклинание, заманившее его сюда? Он бы почувствовал любое простое очарование или принуждение... Не так ли? Эл резко развернулся и

направился обратно по провисшему мосту, уверенным шагом удаляясь от руин. Он оглянулся один раз, просто чтобы убедиться, что никто не мчится за его спиной, но все казалось таким же тихим, как и раньше. Однако он все еще чувствовал, что за ним наблюдают. Он долго изучал похожие на зубы остатки стен, но ничего не двигалось и, казалось, ничего не изменилось. Пожав плечами, Эл снова развернулся и направился обратно по дороге. Он не ушел далеко, когда краем глаза увидел ее — не совсем то, что ожидал, — женщину, наблюдающую за ним из-за двух сумеречных деревьев. Он обернулся на деревья, но там никого не было. Он медленно повернулся на каблуках, оглядываясь по сторонам, но не увидел ни наблюдающего человека, ни кого-либо перелетающего с дерева на дерево или прячущегося в какой-нибудь лощине. В любом случае, он услышал бы шорох опавших листьев при любом таком движении. Слегка улыбнувшись, Эл повернулся к тропе и неторопливо побрел по ней обратно к прибрежной дороге. Он подозревал, что ему не придется долго ждать, прежде чем он снова увидит это лицо, уставившееся на него, — потому именно это он и видел: не фигуру в мантии, а голову и шею. Она могла быть парящим призраком. Если она была Убийцей, это вполне могло объяснить отсутствие следов, по которым можно было бы идти, или существ, которых люди великого герцога могли бы загнать в угол. Манера убивать даже утверж...

Она снова была там, смотрела на него с дерева впереди. На этот раз Эл не бросился вперед, а медленно повернулся, чтобы посмотреть во все стороны... и, как он и ожидал, это лицо смотрело на него с дерева позади него, ближе к руинам, достаточно долго, чтобы их глаза встретились. Он медленно улыбнулся и вернулся к этому второму дереву. Он был всего в нескольких шагах от него, когда призрачное лицо повернулось, чтобы посмотреть на него с высоты дерева на приличном расстоянии еще ближе к руинам. На этот раз Эльминстер весело помахал ей рукой и позволил отвести себя обратно к развалинам. Чем скорее он разберется в этом, тем скорее сможет уйти до наступления темноты и приступить к выполнению главной задачи, которую поставила перед ним Мистра. На этот раз он обошел стены с другой стороны, просто чтобы осмотреть новую территорию, и обнаружил, что смотрит сквозь щели в осыпающейся каменной кладке на огромную комнату, в которой, казалось, даже была мебель. Он осторожно приблизился, вглядываясь сквозь заросли чахлого кустарника и упавшего камня.

— Там! — прорычал голос, человеческий, грубый и не очень далекий. Когда Эльминстер низко пригнулся и развернулся, он услышал знакомое жужжание приближающихся стрел. Жизнь, на которую покушались эти стрелы, принадлежала ему.

* * * * *

Илбрин Старим натянул поводья после испуганного крика часового и поднял пустую руку.

— Я пришел с миром, — начал он, — один...

К тому времени в его сторону со свистом полетели дротики, и люди с наспех выхваченными мечами в руках со страхом и изумлением на лицах со всех сторон прыгали через деревья.

— Эльфы! — взревел один из них. — Я все время *говорил* тебе, что это эльфы...

Эльф вздохнул, сбросил плащ со словом, которое погрузило мир в темноту, и дернул своего фыркающего скакуна вбок. Его внезапный рывок подсказал ему, что один из дротиков нашёл цель, еще до того, как конь встал на дыбы, выронив его из седла, и тяжело рухнул на бок в нескольких дюймах от Илбрина. Эльф откатился так резво, как никогда в жизни ничего не делал. От случайного удара копыто его здоровое бедро онемело и, вероятно, было распорото.

Проклятые люди! Нельзя даже проехать по лесным тропам, не наткнувшись на идиотов-авантюристов, достаточно самонадеянных, чтобы разбить свои лагеря *прямо* поперек самой тропы. Илбрин поднялся на ноги, неуклюже поплелся прочь, пока не наткнулся на дерево и не прислонился к нему. Люди бродили вокруг в маленьком участке тьмы, который он создал, рубили друг друга — конечно, дураки! — кричали в тревоге и в основном разоряли свой лагерь и лес вокруг них. Если это были Убийцы, они были более чем неумелыми... Нет, это, должно быть, одна из банд наемников... ха! Они думали, что он был Убийцей! Хорошо, тогда...

Окутанный тьмой, сквозь которую мог видеть только он, Илбрин некоторое время наблюдал за яростью схватки, переводя дыхание и оглядываясь вокруг в поисках магов или священников, у которых хватило бы ума и силы покончить с его заклинанием. Как только он выпустит еще одно, его тьма упадет, как сброшенный плащ, поэтому он хотел, чтобы это заклинание было хорошим. Двое из этой ослепленной банды искателей приключений уже были мертвы от рук своих товарищей, и пока Илбрин наблюдал, третий встретил вопящий конец, насаженный на два дротика. Более сильный из его убийц прижал его спиной к дереву и оставил приколотым к нему истекать кровью. Эльф с отвращением покачал головой и продолжал смотреть... Вот! Тот человек у палатки, склонившийся над свитками. Илбрин приготовил свое заклинание, затем поднял камень с земли у дерева, прицелился, щурясь, и бросил. Камень отскочил от котелка и опрокинул его в огонь. Человек со свитками резко повернул голову, чтобы посмотреть, что случилось, и двое других авантюристов вприпрыжку побежали обратно через деревья, употребляя самое любимое из человеческих слов — «Что?» — посреди множества ругательств. Хорошая группа. А теперь, пока они все снова не убежали!

Илбрин прислонился к дереву, произнес заклинание так тихо и с неторопливой осторожностью, как только мог, и был вознагражден за мгновение до его окончания, когда человеческий маг прошипел:

— Эй, все — *тихо!* Слушайте!

Семеро с лишним авантюристов послушно прекратили кричать и метаться и стояли как статуи, когда тьма рассеялась. Вращающиеся осколки стали появились из пустого воздуха на уровне пояса и разрезали их всех пополам. Некоторые из людей даже видели эльфа, стоявшего у дерева и насмешливо смотревшего на них. Наклонившийся маг был обезглавлен, и его кровь разлилась по всем свиткам, когда он рухнул вперед в грязь. Видя это, Илбрин больше не утруждал себя осмотром убитых. Теперь он напряженно прислушивался к звукам живых. По меньшей мере двое, а возможно, и четверо все еще скрывались поблизости. Один из них пробежал прямо мимо него, крича от ужаса, бросившись в окровавленный лагерь. Милые колышущиеся деревья, неужели все люди такие *глупые*?

Очевидно, так оно и было. Двое других присоединились к первому, завывая и крича. Илбрин вздохнул. Пройдет совсем немного времени, прежде чем даже такие дураки, как эти, заметят неподвижного эльфа, стоящего у дерева. Почти с сожалением он послал взрыв заклинания, который убил их.

Его эхо все еще звенело в деревьях вокруг, когда он услышал легкий скрип сапога, который заставил его обернуться и увидеть одинокого, пораженного ужасом воина-человека в трех шагах от него, идущего к нему с поднятым мечом.

— Ты Убийца? — спросил мужчина, чье лицо и костяшки пальцев побелели от страха.

— Нет, — сказал ему Илбрин, пятась за дерево. Мужчина поколебался, затем продолжил свое осторожное продвижение. — Почему ты убил моих братьев по мечу?

Он зарычал, выхватывая еще и кинжал. Илбрин отступил еще на шаг, держа дерево между ними, и пожал плечами.

— Вы совершили ошибку, — сказал он человеку, когда они начали медленно кружить вокруг дерева, глядя друг другу в глаза. — Я ехал по тропе, спокойно и без намерений причинить вред, а вы напали на меня, больше дюжины на одного. Разбойники? Авантюристы? У меня не было времени вести переговоры или выяснять, кто вы такие. Все, что я мог сделать, это защитить себя. Немного подумав, прежде чем размахивать мечами, можно было бы предотвратить так много смертей.

Он насмешливо улыбнулся.

— Вам следует быть осторожнее, приходя в лес. Здесь опасно.

Это вызвало ярость, на которую он надеялся. Люди были такими предсказуемыми. С бессловесным ревом воин бросился в атаку, яростно рубя. Илбрин позволил дереву принять на себя большую часть ударов, подождал, пока лезвие зацепится, затем бросился вперед, чтобы одной рукой отвести руку с кинжалом в сторону — и прижать другую к лицу мужчины, произнося заклинание, которое отнимет у него жизнь. Плоть дымилась и плавилась; булькая, человек упал на колени. Судя по отчаянному стону, который он издал после этого, он понял, что умирает, еще до того, как начал царапать свою собственную текучую плоть, пытаясь глотнуть воздуха.

— Не то чтобы мне было неприятно убивать вас всех, — легко сказал ему Илбрин, — учитывая, что вы стоили мне очень хорошей лошади.

Он отступил назад и огляделся по сторонам на случай, если приближались другие выжившие авантюристы или Убийца, кто бы это ни был. Казалось, что такой опасности нет и в помине. Воин издал последний сдавленный звук и обмяк.

— В конце концов, — сказал ему Илбрин, — мне сказали, что это Мертвое Место.

Эльф отвернулся, чтобы пройти по лагерю и посмотреть, есть ли что-нибудь, что он мог бы использовать сам. Пройдя несколько шагов, он остановился, снова огляделся в поисках врагов, довольно неуклюже наклонился и поднял хороший тонкий клинок с примятыми листьями.

— На всякий случай, — сказал Илбрин разорванному телу его бывшего владельца с навеки застывшим взглядом и пальцами, протянутыми к клинку, который он уронил. Клинку, которого теперь там больше не было. Когда эльф достал свой собственный меч, чтобы высвободить ножны из окровавленной, спутанной перевязи, он добавил почти весело:

— В конце концов, ты никогда не знаешь, когда тебе понадобится хороший клинок.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ЕСЛИ МАГИЯ ПРОПАДЕТ

Если магия пропадет, Фаэрун изменится навсегда — и немало людей приветствовали бы эти перемены. Сама земля прогнулась бы под тяжестью угнетенных и обиженных, преследующих ныне бессильных магов, чтобы свести старые счета. Интересно, как бы выглядела река крови волшебников?

*Таммараст Тенглавс, бард Элупара
из **Струн Разбитой Лир**,
опубликованной в Год Бехира*

— Убирайтесь! Могущественные события потрясают весь Фаэрун, и святые внутри не могут выйти, чтобы поговорить с вами сейчас! Ради любви Мистры, уходите!

Голос охранника был глубоким и мощным, он прокатился над собравшейся толпой как штормовая волна, разбивающаяся о песок пляжа... но когда он затих, люди все еще были там. От страха их голоса звучали громко, а лица побелели, но они цеплялись за ступени крыльца Дома Звезды Леди так, словно боялись за свою жизнь, и их нельзя было сдвинуть с места. Охранник сделал последний величественный жест «убирайтесь отсюда» и отступил с балкона.

— Мне жаль, Светлый Мастер, — пробормотал он. — Они чувствуют, что что-то очень не так. Потребовались бы заклинания самой Мистры, чтобы сдвинуть их сейчас.

— Ты смеешь богохульствовать здесь, в самом святом месте? — прошипел верховный жрец, чьи глаза горели яростью. Он отвел руку, словно собираясь ударить охранника, который был на голову выше его, несмотря на собственный огромный рост, а затем позволил ей упасть на бок. Он выглядел ошеломленным.

— Потеряно, — сказал он дрожащими губами. — Все потеряно...

Стражник заключил Владыку Дома в утешительные объятия, как обнимают плачущего ребенка, и сказал:

— Это пройдет, владыка. Дождитесь наступления ночи, тогда многие уйдут. Ждите, познайте покой и ждите какого-нибудь знака.

— Этот совет — он был направлен тебе свыше? — спросил верховный жрец почти в отчаянии. Он не смог сдержать дрожи в своем голосе. Охранник похлопал его по плечу и отошел с серьезным ответом:

— Нет, владыка, но послушайте, что еще мы можем сделать?

Владыка Дома выдавил смешок, который был опасно близок к рыданию, и сказал:

— Моя благодарность, верный Лаером.

Он глубоко вздохнул, откинул голову, словно облачаясь в свое достоинство, как в мантию, и спросил:

— Что делают воины, когда они должны наблюдать и ждать за стенами, бездельничая, пока на них не обрушится сильный удар?

Лаером усмехнулся в ответ.

— Многое, владыка, и большинство из этого я оставляю вашему воображению. Но есть кое-что успокаивающее, что может служить ответом на ваш вопрос: мы варим суп. Горшки и горшки супа, настолько хорошего и наваристого, насколько получается. Мы позволяем всем принять участие или, по крайней мере, понюхать, если они не могут поужинать.

Верховный жрец на мгновение уставился на него, затем поднял руки в жесте «почему бы и нет?» и приказал молча наблюдавшим младшим жрецам:

— Ступайте отсюда! На кухню, и приготовьте суп! Идите!

— Вот увидите, владыка, — добавил неуклюжий стражник, — что...

— Лаером, — рявкнул один из его товарищей-охранников, — новые неприятности.

Не говоря больше ни слова, охранник отвернулся от Владыки Дома и нырнул обратно на балкон. Жрец сделал два шага вслед за ним, но только для того, чтобы обнаружить охранника, преграждающего ему путь.

— Нет, владыка, — сказал он, старательно сохраняя бесстрастное выражение лица. — Это было бы неразумно. Некоторые из них бросают камни.

Снаружи яркое солнце падало на закрытые бронзовые двери Дома Звезды Леди. А еще на них обрушивалось множество кулаков, и стражники и привратники уже давно перестали отвечать на стуки и крики о помощи. Они беспокойно расхаживали взад и вперед внутри ворот, бросая тревожные взгляды на засовы и решетки, гадая, выдержат ли они. Все шипы, которые можно было найти в подвалах храма, давным-давно были вбиты между камнями, чтобы не дать выбить двери. Яркие отметины на этих шипах говорили о том, как часто этим утром двери уже подвергались серьезным испытаниям. Священник облизнул пересохшие губы и спросил, наверное, в сороковой раз:

— А если все это рухнет? Что...

Ближайший к нему охранник яростно замахал рукой, призывая его замолчать. Жрец нахмурился и открыл рот, чтобы гневно ответить, затем его глаза проследили за рукой охранника, указывающей на двери, и его челюсть отвисла почти до груди. Сквозь бронзу торчала мужская рука, магия потрескивала вокруг запястья там, где она проходила сквозь толстый металл. Она жестикулировала, формируя знаки, используемые священнослужителями Мистры при проведении безмолвных ритуалов.

Жрец понаблюдав за несколькими из них, затем прошепел «Оставайтесь здесь!» и потопал вверх по ступенькам к двери, ведущей в барбакан. Он должен был попасть на этот балкон...

Руки высокого мужчины в черном плаще дрожали, когда он отвел их от дверей. Он знал, что его заметили, и знал настроение толпы, напирающей на него сзади.

— Это бесполезно, — громко сказал он. — Я не могу войти.

— Ты ведь один из них, не так ли? — прорычал голос рядом с его ухом.

— Да, я видел, он использовал заклинание, он сделал это! — вставил другой, охваченный страхом и гневом, или, скорее, потребностью выплеснуть эмоции. Человек в черном плаще ничего не ответил, но с отчаянной надеждой посмотрел на балкон.

Его надежда оправдалась. Двое дюжих охранников появились в поле зрения с длинными пиками в руках — настолько длинными, что с легкостью были способны проткнуть любого, стоящего у ворот, — и хриплым хором спросили:

— Да? У тебя есть законные дела в этом святом доме?

— Это так, — сказал им человек в черном плаще, игнорируя сердитое бормотание, поднявшееся волной после его слов. — Почему ворота закрыты?

— Великие деяния на высоком уровне, требующие созерцания со стороны всех посвященных слуг Мистры, — прогремел стражник.

— Ой? Там что, оргия происходит или просто пир со свиньями? — крикнул кто-то из гущи толпы, и раздался рев согласия и насмешки: — Да,пусти нас! Мы тоже хотим!

— Убирайтесь! — проревели охранники, выпрямляясь перед лицом толпы.

— Мистра жива? — крикнул кто-то. Другие подхватили: — Да! Богиня магии еще дышит?

Охранник презрительно посмотрел на них.

— Естественно, — прорычал он. — А теперь уходите!

— Докажи это! — крикнул кто-то. — Произнеси заклинание!

Стражник поднял свою пiku.

— Я не колдую, Ролдо, — угрожающе сказал он. — А ты?

— Позовите одного из священников! Позовите их всех! — крикнул Ролдо.

— Да, — согласился кто-то еще. — И посмотрим, сможет ли один из них, хотя бы один, произнести заклинание!

Рев согласия, последовавший за его словами, потряс даже стены храма, но сквозь него человек в черном плаще услышал, как один из охранников пробормотал:

— Да, и чтобы это был хороший большой огненный шар, прямо там.

Другой без улыбки согласился.

— Послушайте, — сказал им человек в черном плаще, — я *должен* поговорить с Кадельном. Кадельном Пароспером. Скажите ему, что это Тентар.

Ближайший охранник наклонился.

— Нет, это ты послушай, — холодно сказал он. — Я не открою эти врата ни для кого... кроме самой святой Мистры. Так что, если ты сможешь вернуться, держа ее за руку, и вы двое очень вежливо попросите войти, хорошо, но в противном случае...

Третья фигура появилась на балконе, выглядывая из-за плеча охранника. На нем были плащ и шлем стражника, но без перчаток, и шлем, который был слишком велик, все время сползал вперед на лицо. Нетерпеливая рука откинула шлем, и белое, встревоженное лицо Кадельна, жреца-летописца Храма, уставилось на его друга сверху вниз.

— Тентар, — прошипел он, — тебе не следовало приходить сюда. Эти люди обезумели от страха.

— Ты знаешь, — почти небрежно заметил человек в черном плаще, — стоя здесь с ними, я начал это замечать.

Затем самообладание подвело его, и он почти пробрался по стене на балкон, игнорируя предупреждающий удар пики. Грязное лезвие остановилось в нескольких дюймах от его носа и многозначительно зависло там. Тентар не обратил на это ни малейшего внимания.

— Кадельн, — прорычал Тентар, — *что происходит?* Вся до единой проклятая магия, которую я творю, выходит из-под контроля, а когда я учу — ничего. Я не могу запомнить никаких новых заклинаний!

— Здесь то же самое, — прошептал бледный жрец. — Они говорят, что Мистра, должно быть, умерла, и...

Один из стражников оттащил Кадельна от края балкона, а другой злобно ткнул пикой. Тентар отчаянно отпрянул назад, оказавшись вне досягаемости, и рухнул на землю с бронзовых дверей. Толпа откатилась на несколько шагов, как по волшебству, и он обнаружил, что лежит на небольшом расчищенном пространстве, а пика снова зависла на расстоянии вытянутой руки над его горлом.

— Кто ты? — спросил охранник, стоявший за ним. — Отвечай или умри. У меня новые приказы.

Тентар сел и презрительно оттолкнул наконечник пики одной рукой. Однако, когда он поднялся на ноги, он позаботился о том, чтобы быть на добрых два шага за пределами ее досягаемости.

— Меня зовут Тентар Терамос, — сурово сказал он, распахивая плащ, чтобы показать богатые одежды и усыпанный драгоценными камнями медальон, сверкающий на его груди. — Архимаг Башни Феникса. Я вернусь.

И с этим мрачным обещанием верховный маг развернулся и почти гордо протолкался сквозь толпу. Все вокруг него шептали «Это правда! Мистра мертва? Магия полностью уничтожена?» и тому подобное. Откуда-то вылетел камень и ударил Тентара в плечо. Он не остановился и не попытался повернуться, но пробирался вперед сквозь тела, не желавшие его пропускать. — Архимаг? — воскликнул кто-то.

— Без заклинаний? — спросил другой, совсем рядом.

Еще один камень ударил Тентара, на этот раз по голове, и он пошатнулся. Вокруг него раздался рев, в котором смешались благоговейный трепет и ликующий голод, и кто-то закричал:

— Хватайте его!

— Хватайте его! — эхом отозвался громовой хор. Тентар опустился на колени, поднял глаза и увидел, что со всех сторон на него надвигаются сапоги, палки и руки, сжал свой драгоценный медальон, чтобы защититься от разыгравшихся чар, и произнес слова, которые, как он надеялся, ему не придется произносить. Молнии сверкали во всех направлениях, и Тентар старался не смотреть на умирающий народ, танцующий под их голодные всплески вокруг него. Цепная молния — ужасная вещь, даже когда она не усилена; но с медальоном...

Он вздохнул и встал, когда последние крики стихли, наблюдая, как дергающиеся головы тех, кто выжил, чтобы бежать, становятся все меньше, пока они исчезают в полях. Ему тоже лучше бежать, пока какой-нибудь кровожадный идиот не собрал их или людей здесь, которые были только ошеломлены, чтобы отомстить. Запах жареной плоти был сильным, тела были навалены со всех сторон. Тентар поперхнулся, затем перешел на рысь. Он даже не видел, как в него с балкона швырнули пику. Она пролетела совсем недалеко и, дрожа, ударилась в грязь.

Почерневшее тело поднялось среди мертвых и вытащило её.

— Что я больше всего ненавижу в этих маленьких играх, — заметило он в пустоту, — так это *стоимость*. Сколько жизней будет уничтожено, прежде чем все закончится на этот раз?

Еще одно почерневшее существо поднялось, пожало плечами, коснулось пики и печально сказала:

— Всегда есть цена... вся наша сила не может этого изменить.

В воздухе появилось два мерцания — и два почерневших тела исчезли. Мгновение спустя пика исчезла из виду.

— Там архимаги под каждым камнем, что ли? Или что это были за проклятые кривляющиеся боги? — рявкнул стражник, бросивший пику, в чьем голосе было больше страха, чем гнева.

— Мистра и Азут, — прошептал жрец рядом с ним. Стражники повернулись, чтобы посмотреть на Кадельна, и ахнули от изумления. Пропавшая пика только что появилась в дрожащих руках священника. Он уставился на них глазами, полными удивления, и простонал:

— Это были Мистра и Азут. Стояли прямо там, и над их головами сияли символы с символами, по которым они даровали нам возможность узнавать их. Прямо *там*!

Он попытался указать на груду тел, но вместо этого решил упасть в обморок. Он сделал это очень хорошо, закатив глаза и согнувшись всем телом. Один из охранников поймал его по привычке, а другой схватил пику. Если боги собирались прийти на зов, он не хотел стоять там безоружным.

* * * * *

— Мистра мертва! — торжествующе объявила Темная Госпожа. — Заклинания ее жрецов — бесполезное мерцание, а маги не чувствуют силы за словами, которые изучают. Магия теперь только наша, мы повелеваем ей, мы контролируем!

Пурпурное пламя, бушевавшее в жаровне перед ней, отбрасывало странные блики на ее лицо, когда она подняла очень большие и темные глаза, чтобы посмотреть на всех. Вокруг огня сидели ее нетерпеливые слушатели: шесть жрецов Темной Леди, которые согласились работать волшебниками, используя для своих заклинаний силу того, что уже стало известно в храме как Секрет в Сфере. С их помощью она могла бы сделать Дом Святой Ночи самым могущественным храмом Шар во всем Фаэруне, а веру Несущей Ночь — самой могущественной во всем Торице. Это может даже не занять много времени.

— Верные Заклинатели Ужаса, — сказала им верховная жрица, — у вас есть прекрасная возможность завоевать расположение Шар и власть для себя.

Отправляйтесь в Фаэрун и найдите самых способных магов и самые большие твердыни магией. Убивайте по своему желанию и хватайте все, что сможете. Забирайте фолианты, редкие вещи и все, что несет в себе малейший отблеск магии. Вы *должны* убить любого из тех слуг Мистры, которых называют Избранными, если встретитесь с ними. Мы здесь будем усердно работать с нашими заклинаниями, чтобы попытаться найти их для вас.

— Ваше Темнейшество? — нерешительно спросил один из волшебников.

— Да, Ужасный Брат Элрин? — голос Темной Госпожи Авроаны был шелковистым, ясное предупреждение всем, что у любого, кто осмелится прервать ее, должна быть очень веская причина для этого — или она скоро сама ее даст.

— Моя работа включает в себя дальновидение наших агентов в Вестгейте, — быстро сказал Элрин, — и слухи, которые сейчас распространяются в этом городе, говорят, что недавно многие видели Избранного в окрестностях Стармантла... и что-то о путешествии в «Мертвое место»...

— Я тоже слышала такие новости, — охотно согласилась Темная Госпожа. —

Спасибо, что дал нам координаты, Элрин. Все вы немедленно отправитесь туда и там начнете свое святое дело. Суньте руки в огонь — о, и *самые* верные Заклинатели Ужаса, имейте в виду, что мы всегда можем видеть и слышать вас.

Шесть лиц побледнели, и шесть рук неохотно протянулись в огонь. Темная Госпожа Авроана радостно рассмеялась над их страхом и позволила им гореть несколько мгновений, пока не произнесла слова, которые телепортировали их всех в другое место.

* * * * *

В лесу вокруг святилища было очень спокойно и, с тех пор, как начались убийства и страх прогнал людей, очень тихо. Большую часть дней Ульдус Блэкрам в одиночестве стоял на коленях перед каменным блоком, вяло хлестал себя несколько раз — осторожно, чтобы не шуметь — и шептал молитвы Ночной Певице.

Святилище было основано красиво, освящено кровью и таким диким ритуалом, что Ульдус до сих пор краснел, вспоминая об этом. Теперь не было леди в черных одеждах, чтобы танцевать и кружиться босиком вокруг рогатого блока, и некому было вести его в полузабытых молитвах... так что он просто поблагодарил Шар за то, что она сохранила ему жизнь во время его тайных посещений леса. Он надеялся, что она простит его за то, что он больше не приходит по ночам.

— Пусть твоя тьма защитит меня от Убийцы, — выдохнул Ульдус, чьи губы почти касались темного камня. — Да приведешь ты меня к власти и ликованию над моими врагами и сделаешь из меня сильный меч, чтобы резать там, где тебе нужно, и рубить там, где тебе угодно. О пресвятая Владычица Ночи, услышь мою молитву, мольбу твоего самого верного слуги, Ульдуса Блэкрама. Шар, услышь мою молитву. Шар, ответь на мою молитву. Шар, внимай м...

— Исполнено, Ульдус, — решительно произнес голос над ним.

Ульдусу Блэкраму удалось удариться головой об алтарь, кувыркнуться назад, отойти на добрых четыре шага и подняться на ноги одним размытым движением. Когда он замер, полуобернувшись, чтобы бежать, и тяжело дыша, он увидел

шестерых лысых мужчин в черно-фиолетовых одеждах, стоявших полукругом у алтаря лицом к нему со слабым весельем на лицах.

— Повелители Леди? — ахнул Ульдус. — Были ли наконец услышаны мои молитвы?

— Да, Ульдус, — любезно сказал самый старший из них, делая шаг вперед, — Наконец-то. Более того, для тебя была выбрана подходящая награда. Ты поведешь нас в Мертвое Место!

— Х-хвала Шар! — ответил Ульдус, дико закатив глаза, и рухнул на землю в глубоком обмороке.

— Приведите его в чувство, — приказал Элрин, не потрудившись скрыть презрение ни на лице, ни в голосе. — Подумать только, что такие, как он, поклоняются Пресвятой Леди Потерь.

— Что ж, — прокомментировал другой волшебник, склонившись над упавшим Ульдусом, — мы все должны с чего-то начинать.

* * * * *

Светящаяся сфера заклинаний вращалась вокруг трона почти лениво. Саэреде уделила этому лишь мимолетное внимание, поглощенная тем, что посылала образы своего вглядывающегося «я» в деревья, чтобы заманить этого смелого Эльминстера обратно в свой замок. Да, давайте мягко подразним этого подходящего по силе и довольно привлекательного мага отсюда.

И все же новости были достаточно ясны от всех магов, за которыми она тайно шпионила. Весть о смерти Мистры распространялась как лесной пожар, заклинания выходили из-под контроля по всему Фаэруну. Маги запирались в башнях, прежде чем до них могли добраться обиженные простолюдины, или медлили и попадали на концы вил в дюжине королевств. Наконец-то пришло время действовать и снова сделать Саэреде Лионору именем, которого следует опасаться!

Внезапно что-то прорвалось сквозь одно из ее изображений. Саэреде, нахмурившись, села и всмотрелась, пытаясь понять, что это было. Сфера заклинаний внезапно перестала показывать вид городских шпилей и хлопающих крыльев грифона под бронированными всадниками и переместилась на пятнистый мрак леса над ней. Лес, в котором скрывался согнувшийся Эльминстер, несколько ее плавающих лиц и... Стрелы пронзили ее наколдованный облик и мертвые листья за ним, с глухим стуком воткнувшись в лесной суглинок и заставив Эльминстера прижаться к другой стороне дерева. Стрелы?

— Проклятые искатели приключений! — взревела она, и ее крик отразился от крыши пещеры. Она вскочила с трона. Магическая сфера погасла и упала, сияние вокруг каменного сиденья померкло, но Саэреде уже кружилась вверх по шахте, ее глаза извергали пламя магического огня. Неужели кучка неуклюжих махателей мечами собирается *сейчас* разрушить ее давно вынашиваемые планы?

* * * * *

Подходящий по силе и довольно привлекательный Эльминстер смело увернулся от еще одной стрелы, бросившись лицом в мокрый мох и мертвые листья, когда еще одно темное древко просвистело мимо его уха, как разъяренный шершень, и с очень сильным стуком вонзилось в ствол ближайшего хикселя. Эл вскочил, набирая в легкие воздуха для проклятия, и снова бросился ничком. Вторая стрела прогудела низко над головой, присоединяясь к первой. Хиксель, похоже, был не в восторге, но у Эльминстера не было времени наблюдать за его печалью — или делать что-либо еще, кроме как вскочить на ноги, перепрыгнуть через упавшее дерево и развернуться за его гниющим стволом. Он сразу же появился в поле зрения, держа пари, что у двух лучников еще не было времени наложить новые стрелы на тетивы. Он должен был их увидеть.

Ага! Там! Он выпустил поток магических снарядов в одного из них, затем снова пригнулся, услышав приближающийся топот обутых ног, быстро бегущих в его направлении.

Пришло время уходить да побыстрее! Он помчался прочь, вниз по склону, петляя из стороны в сторону и слыша за собой грохот, который возвещал о приближении кого-то большого, тяжелого, в доспехах и размахивающего мечом. Он не остановился, чтобы обменяться любезностями, а развернулся вокруг дерева, чтобы швырнуть седому воину несколько волшебных снарядов прямо в лицо. Голова мужчины дернулась назад, струйки дыма вырвались у него изо рта и глаз, и он вслепую пробежал еще дюжину шагов, прежде чем споткнулся и рухнул на землю, мертвым или без чувств. «Мертвым или без чувств». Это конечно, могло бы стать девизом для некоторых групп авантюристов, но...

Пришло время вернуться и позаботиться об этом втором лучнике, иначе он бежал бы через лес, чувствуя призрачные стрелы между лопатками до конца дня... или пока они бы не свалили его. Эл отбежал на приличное расстояние вправо и начал пробираться обратно к развалинам, стараясь держаться как можно ниже и тише. Не имело значения, если бы он потратил несколько часов, чтобы подобраться поближе, лишь бы его не заметили слишком рано. Он должен был прокрасться достаточно близко, чтобы...

Мрачного вида мужчина в кожаном доспехе, с луком наготове, натянутым в руке, появился в поле зрения из-за скрюченного фандара менее чем в двенадцати шагах от него. Он не мог не увидеть некоего мага с ястребиным носом в тот момент, когда поднял глаза от стрелы, которую только что наложил. Эл поднял руку, чтобы выпустить свое последнее заклинание магических снарядов. Мгновение спустя лучник взорвался, превратившись в кружащиеся кости и огонь. Эл мельком увидела два темных глаза — если это были глаза — в запутанном вихре тумана. Затем, что бы это ни было, оно исчезло, и обгоревшие кости с глухим стуком упали на мох.

Убийца? Скорее всего. Все разговоры были о чем-то, что сжигало своих жертв, когда убивало. Это было оно. «Рад встрече», — пробормотал Эльминстер пустому лесу и осторожно двинулся вперед. Он знал, что уже не найдет ничего, кроме пепла и костей остальных авантюристов, но на всякий случай... Разбросанная одежда, оружие и кости были повсюду, куда бы он ни посмотрел, когда приблизился к заросшему замку. Руины снова казались пустынными. Над ними повисла напряженная тишина, как будто что-то ждало и наблюдало за его приближением. Эл

прокрался обратно к дырам в стене, в которые он заглядывал раньше. Та большая комната, где он видел шкафы и... зеркало? Стоило, конечно, взглянуть еще раз.

Он снова очень осторожно заглянул в эту огромную комнату и снова встретился с этими темными глазами. Туман, в центре которого они были, клубился вокруг шкафа, когда его двери распахнулись. Затем туман вспыхнул ослепительным блеском, и он не смог разглядеть, что было извлечено из шкафа. Что бы это ни было, вихрь закружился вокруг него, как будто намеренно скрывая от его взгляда в яркими и звенящими клочьями. Затем он умчался через комнату. Эл почти забрался в щель вслед за ним, чтобы лучше видеть, но благоразумно остановился, когда это сделал светящийся туман. На мгновение он задержался в самом дальнем, самом темном углу комнаты, завис над чем-то похожим на колодец, затем нырнул в кольцевидное отверстие и скрылся из виду.

— Ты хочешь, чтобы я последовал за тобой, не так ли? — пробормотал Эльминстер, глядя на колодец. Он осмотрел комнату, облупившееся зеркало, ряд шкафов — в открытом хранился набор женской одежды, — гостиную и все остальное... Затем направился прямо к колодцу.

— Очень хорошо, — сказал он со вздохом. — Еще один безрассудный прыжок в опасность. Похоже, это основная суть моей работы.

И он перелез через край колодца, вцепился руками в первую из ряда опор для рук в камне, постучал носками сапог по другой, нашел ее и начал спускаться. Ему ой как может понадобится заклинание полета, чтобы снова выбраться.

* * * * *

Она разложила три платья на камне на дне шахты осторожно, как нянька, гладящая больного ребенка, и так же осторожно положила на них камни из-под обломков. Это истощающее усилие стоило ей много энергии, но она работала быстро, не обращая внимания на цену, и бросилась прочь, прежде чем ее добыча добралась до верха шахты, чтобы посмотреть вниз. Мгновение спустя она погрузилась в одну из рун, которые поддерживали ее, полностью скрывая свое туманное «я». Она слишком долго была голодна, и непрекращающийся перезвон действовал даже *ей* на нервы. Брандагерис был могучим героем, высоким, загорелым и сильным. Она питалась им в течение трех сезонов, и он полюбил ее и добровольно предложил себя... но в конце концов она осушила его и снова осталась голодной. Это была ее судьба. Как только ее собственное тело превратилось в пыль, то, что осталось, было магией, которая должна была питаться живыми — или жить внутри и обязательно сжигать внутренности молодого, сильного, полного жизни тела. Брандагерис был одним из таких, колдун Сардон — другим... Но каким-то образом магам, какими бы умными они ни были, не хватало того, чего она жаждала. Возможно, у них было слишком мало жизненных сил. Она надеялась, что этот Эльминстер не станет еще одним таким разочарованием. Возможно, она могла бы завоевать его любовь или, по крайней мере, покорность, и ей не пришлось бы долго бороться с ним, чтобы попробовать, какой силой обладает Избранный.

— Иди ко мне, — жадно прошептала она, и ее слова были не более чем слабым вздохом над глубоко вырезанной руной. — Иди ко мне, мое кушанье.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЯ

Говорят, путешествия расширяют кругозор и истощают кошелек. Я обнаружил, что они делает гораздо больше. Они разрушают умы непреклонных и уменьшают ряды избыточного населения. Возможно, правителям следует издать указ, чтобы мы все стали кочевниками.

Тогда, конечно, мы могли бы остаться только в пределах досягаемости тех правителей, которых мы любим, — и я не могу представить себе хаос и нагрузку на войска и чиновников в той стране, где люди могли бы выбирать своих правителей. К счастью, я не могу поверить, что кто-то когда-то настолько лишится ума, что сделает это. Во всяком случае, не в этом мире.

*Яринус Ваэлидон
из **Разногласий чессентца**,
опубликованных в Год Шпоры*

— Ты отлично справляешься, храбрый Ульдус, — успокаивающе сказал Элрин, подталкивая их дрожащего проводника его же мечом. Храбрый Ульдус выгнулся дугой, уклоняясь от клинка, но петля на его шее, крепко зажатая на коротком поводке в кулаке Заклинателя Ужаса Фемтера, не позволила ему полностью пропустить это острое напоминание. Заклинатель Ужаса Хрельграт тоже шел рядом, держа наготове кинжал у ребер их невольного проводника.

— Шар очень довольна тобой, — сказал Элрин мужчине, когда они пошли по почти невидимой охотничьей тропе вглубь Мертвого Места. — А теперь просто покажи нам эти руины... о, и Ульдус, еще раз скажи: это единственные руины, или здание, или пещера, или сооружение, о которых ты знаешь в этих лесах, не так ли?

Задыхаясь в своей петле, Ульдус заверил его, что это так, о да, Повелитель Ужаса, действительно так, пусть Несущая Ночь поразит меня сейчас, если я лгу, и все наблюдающие боги будут свидетелями... На этот раз Фемтер не стал дожидаться знака Элрина, прежде чем затянуть петлю достаточно туго, чтобы прервать Ульдуса на полуслове. Проводник молча схватился за горло, спотыкаясь, пока Фемтер не смягчился настолько, чтобы позволить ему снова дышать.

— Ийриндил? — спросил Элрин, не поворачивая головы.

— Я наблюдаю, Повелитель Ужаса, — с энтузиазмом ответил младший Заклинатель Ужаса. — При первых признаках стен или чего-то подобного я крикну.

— Я вижу не стены, — несколько шагов спустя вставил глубокий протяжный голос Заклинателя Ужаса Далута, — а эльфа. Один, идет с обнаженным мечом в руке, вон там.

Жрецы Шар остановились, без необходимости зажимая руками рот своего проводника, и уставились сквозь деревья. Одиноким эльф оглянулся на них, на его

лице было ясно написано отвращение. Мгновение спустя Элрин прорычал «В атаку!», и шарранцы бросились вперед, Элрин и Далут замерли, чтобы метать заклинания. Они увидели, как эльф вздохнул, снял плащ и перебросил его через веткой дерева, затем повернулся к ним лицом, слегка присев.

— Проклятые авантюристы-люди! — воскликнул он. — Разве я еще не убил достаточно вас?

Илбрин Старим смотрел, как атакующие волшебники *мчатся* к нему. Поистине, Фаэрун с каждым днем все глубже погружался в безумие. Он поднял клинок, трофей от последней банды дураков, и произнес над ним слово. Когда он метнул его, как дротик, в наступающих людей, тот засветился, разделился на три части и метнулся, словно три сокола, пикирующие на разные цели.

В тот же момент дерево сразу за линией бегущих волшебников стало яркосиним и с оглушительным стоном вырвалось из земли, разбрасывая землю и камни во все стороны. Кто-то очень удивленно выругался. Затем над бегущими магами на мгновение вспыхнула белая молния, и человек, у которого, кажется, была петля на шее, забился в конвульсиях, несколько мгновений хватал воздух руками, крикнул «Моя *награда!*» и упал на землю скрюченной кучей. Волшебники бежали без остановки, а Илбрин вздохнул и приготовился разнести их в пух и прах. Его три клинка должны были что-то сделать.

Один из бегущих магов хрюкнул, развернулся и упал с чем-то светящимся в плече. Илбрин улыбнулся. Первый. Последовала вспышка, кто-то вскрикнул от удивления и боли, и трое оставшихся волшебников прорвались сквозь все еще мерцающее сияние и вышли вперед. Один из них тряс пальцами, от которых шел дым. Илбрин перестал улыбаться. Какое-то защитное заклинание, и оно забрало оба других его клинка. Он поднял руки и стал ждать. Конечно же, теперь, когда они были достаточно близко к нему, чтобы армии из Илбрина и полудюжины магов могли пересчитать зубы друг друга, тяжело дышащие волшебники остановились и приготовились швырнуть в него заклинания. Илбрин укрылся защитной сферой, оставив открытой только лазейку для следующего заклинания. Если его оценка этих болванов была правильной, ему не придется слишком сильно бояться в предстоящей битве... пусть даже с волшебник, который получил его клинок, медленно поднимался на ноги, а двое других, которые не побежали, медленно приближались на расстоянии. Внезапно воздух перед сферой Илбрина наполнился голубыми цветами, кружащимися по мере того, как они опускались на землю. Рот эльфа изогнулся в улыбке. Судя по испуганным ругательствам, доносившимся до его ушей, *этого* не должно было случиться. Возможно, он попал в боевое испытание какой-нибудь школы волшебства для неумелых учеников. Он вежливо подождал, чтобы посмотреть, что еще ему продемонстрируют. Мгновение спустя он моргнул с возросшим уважением. Земля расступалась с ужасным треском между сапогами одного из магов — и расселина помчалась к Илбрину, лишь слегка делая зигзаги по мере приближения. Деревья, валуны и все остальное были отброшены в сторону быстрым продвижением пропасти, и Илбрин на всякий случай приготовил свое единственное заклинание полета. Он должен был правильно рассчитать время, сжав сферу и подпрыгнув более или менее в одной плавной последовательности. Пропать свернула и с рычанием пронеслась мимо, сопровождаемая

благоговейными криками волшебника, который, казалось, был удивлен, что создал ее. Глаза Илбрина сузились. Что это были за сумасшедшие люди? Что ж, он уже потратил на них более чем достаточно времени и магии. Он быстро произнес собственное заклинание через лазейку, наблюдая, как ствол теневого дерева, которое он разбил на приличном расстоянии над волшебниками, почти лениво развернулся, а затем рухнул вниз. Волшебники закричали и бросались во все стороны, но когда колышущиеся ветви почти замерли, один человек лежал сломанный, как выброшенная кукла, под стволом, в десять раз превышающим его обхват.

Илбрин рискнул еще раз произнести заклинание через защиту. Почему бы не залп магических снарядов? Эти идиоты почти казались сбитыми с толку актерами, *играющими* в магов, а вовсе не врагами, которых нужно бояться. Мгновение спустя он понадеялся, что не подал богам какой-нибудь ужасный сигнал.

* * * * *

— Если Мистра мертва, что помогает *его* заклинаниям? — зарычал Заклинатель Ужаса Хрельграт, пыхтя и возвращаясь туда, где стоял Элрин, наблюдая за происходящим холодными глазами.

— Какой-то бог магии, которому молятся эльфы, болван, — ответил Далут за мгновение до того, как бело-голубые разряды силы понеслись в их сторону.

— Назад! — рывкнул Элрин. — Я не думаю, что они могут промахнуться, но все равно, *назад!* Это обходится нам слишком дорого!

Предсказание Элрина оказалось верным; ни один из разрядов не промахнулся. Заклинатели Ужаса хрюкнули и, пошатываясь, побрели обратно сквозь деревья, надеясь, что эльф не потрудится последовать за ними.

— Фемтер? — крикнул Элрин.

Тот резко поднял голову.

— Все будет в порядке в следующий раз, когда нас омоет сила, — мрачно ответил он. — Какой-то магический клинок. Но я не могу пользоваться своей рукой.

— Наш проводник — мертв?

— Весьма, — коротко сказал Фемтер, и раздалось несколько мрачных смешков.

— Ийриндил?

— Пал. Совсем. На него свалилась половина дерева.

Элрин сделал глубокий вдох и прерывисто выдохнул, прекрасно сознавая, что невидимые глаза Темной леди Авроаны устремлены на него.

— Что ж, считайте это фиаско нашей первой боевой практикой. Больше не неситесь сломя голову в сторону противника. С этого момента мы крадемся по этим лесам, как тени. Когда мы находим руины, то ждем, пока Плетение снова наполнит нас, и тогда — только тогда, даже если это займет всю ночь — мы продвигаемся вперед. В этих лесах только Избранный действительно важен для нас, и я не собираюсь снова быть застигнутым врасплох.

* * * * *

— *Это* хороший план, — саркастически согласился Илбрин, позволив своему яснослышанию исчезнуть, попрощался с волшебниками-идиотами и их болтовней и произнес заклинание наведения, которое направит его к тем руинам, к которым они направлялись. Он велел ему искать обработанный камень, массой превышающий четырех человек, — что должно устранить надгробия и тому подобное — и указал примерное направление... Почти сразу же он почувствовал притяжение магии. Илбрин послушно последовал за ним, шагая по лесу вдоль невидимой, но непоколебимой линии. Да, магия иногда может быть полезной.

* * * * *

В Зале Обожженного Камня уже много лет было холодно и темно. Слишком холодно для живых.

Скелет распахнул ставни одного окна, чтобы впустить солнце, и вернулся к столу, где лежала книга заклинаний. Осторожно усевшись на самый прочный стул, оставшийся в Зале, скелет взял том, прижал его к грудной клетке обеими костлявыми руками, обхватив его, и призвал силу заклинания, которое он произнес ранее. Сила, которая позволяла ему говорить. Он произнес всего два слова, достаточно твердо, чтобы они эхом отразились от темных углов комнаты.

— Мистра, пожалуйста.

Из книги вырвался бело-голубой огонь. Скелет чуть не выронил книгу от удивления, его костлявые пальцы царапали обложки, когда пламя, которое ничего не сжигало, охватило его кости, устремляясь от книги к... ней. Шариндала вздрогнула, когда бело-голубой огонь пробежал вверх и вниз по ее конечностям, оставляя что-то на своем пути. Она с удивлением уставилась на свои светящиеся кости, затем снова на книгу, чувствуя, как что-то подступает к горлу.

* * * * *

Бердаг напрягся от внезапного звука, донесшегося из-за деревьев, и чуть не выронил свою трость. Он обернулся, чтобы быть абсолютно уверенным, что слабый плач исходил от Обожженного Камня. Так и было. В самом сердце этого разрушенного особняка рыдала женщина — плакала так, словно у нее никогда не хватит дыхания снова заговорить. В темном, населенном призраками Обожженном Камне, где бродила скелетообразная колдунья. Бердаг отчаянно засуетился, направляясь к «Деве», где его ждал крепкий напиток, и в большом количестве.

* * * * *

— Это должно быть здесь, — сказал Белдрун, когда они свернули за поворот и чуть не сбили старика с тростью, который, судя по громкому пыхтению, только что решил пробежаться. — Вон там! Впереди, слева — «Прекрасная Дева Рипплстоунса». Мы можем хорошо поесть там, и есть приличные кровати через несколько дверей. Можно спросить в обоих местах, что слышно об Эльминстере. Я знаю, что ему нравится смотреть на башни старых магов.

— И их могилы тоже, — вставил Табараст. — Прошло несколько лет с тех пор, как я останавливался здесь, но старина Ральдер, если он еще жив, обычно жарит неплохого оленя.

Приземистый Арфист со светло-каштановыми волосами и карими глазами, ехавший между ними, любезно кивнул.

— Звучит неплохо, — вот и все, что он сказал, когда они остановили лошадей у ветхого крыльца и позвонили в гонг, который должен был привести конюхов. Старик, сидевший на скамейке в углу крыльца, пристально посмотрел на них, особенно на Табараста, когда они вошли внутрь. Через мгновение он встал и подошел к «Деве» за ними по пятам. Казалось, Каладастер был достаточно голоден для второго завтрака в этот день. К тому времени, как Бердаг, пыхтя, подошел к входной двери «Девы», Каладастер сидел с тремя всадниками, которые так навалились на него, как будто они знали друг друга много лет.

— Да, я достаточно хорошо знаю этого Эльминстера, — говорил Каладастер, — хотя несколько дней назад я бы ответил вам по-другому. Он подошел к этой самой таверне. Бердаг... о, привет! Вот он, Бердаг. Садись с нами, старый пес. Так вот, я грел ту скамейку, где ты только что меня видел, и он подошел и купил нам ужин — это был огромный пир! — в обмен на то, что мы расскажем ему о Зале Обожженного Камня. Боги, мы наелись как принцы!

— Мы не можем сделать меньше, — сказал тогда самый молодой и бедный на вид из трех всадников, произнес свои первые тихие слова с тех пор, как передал мальчику-конюху несколько монет. — Ешьте как следует, вы оба, и мы снова обменяемся сведениями.

— О, а-ха. Хорошо... это очень любезно с вашей стороны, взаправду, — сердечно сказал Каладастер, наблюдая, как на стол подают блюда с дымящимися черепахами и улитками в масле. Алнискаввер даже подмигнул ему, когда рядом с ними поставили кружки. Каладастер моргнул. Боги, он становился местным львом!

— Итак, где и что такое Зал Обожженного Камня? — почти весело спросил Белдрун, беря кружку и делая большой глоток. Бердаг не преминул заметить, какое лицо сделал новоприбывший, почувствовав вкус напитка, и как быстро он снова поставил кружку.

— Разрушенный особняк чуть дальше по дороге, — быстро сказал он, решив заработать свою долю еды. — Вы проехали его по пути, дорога огибает его как раз с этой стороны моста.

— Он защищен, — тихо сказал Каладастер. — Вы, благородные господа, маги, не так ли?

Три пары глаз поднялись на него в кратком молчании, пока Табараст не вздохнул, не взял намазанную маслом улитку, которая, должно быть, обожгла ему пальцы, и не проворчал:

— Это так так бросается в глаза, да?

Каладастер улыбнулся.

— Я был магом много лет назад. Полагаю, остаюсь до сих пор. У вас такой вид, как будто ваши глаза... видят дальше соседнего плетня. Брюшко и морщины, но все же пальцы ловкие, как у менестрелей. Не говоря уже о защитных знаках на ваших седельных сумках.

Белдрун усмехнулся:

— Хорошо, мы маги. Во всяком случае, двое из нас.

— Не трое? — брови Каладастера поползли вверх.

Мужчина со светло-кариими глазами и взъерошенными волосами слабо улыбнулся и сказал:

— Здесь и сейчас я играю на арфе.

— А, — сказал Каладастер, старательно не глядя на завсегдатаев «Девы», которые почти свесились со своих стульев, чтобы не пропустить ни слова из беседы между этими путешественниками и двумя старыми любителями кружек. Волшебники! И Обожженный Камень с привидениями! Нельзя пропустить такое...

Арфист и два волшебника, охотящиеся за Эльминстером. Теперь Каладастер чувствовал себя немного свободнее, рассказывая им обо всем. Разве Эльминстер не имел отношения к созданию Арфистов?

— Зал Обожженного Камня, — продолжил Каладастер таким тихим голосом, что внезапное насвистывание Бердага полностью скрыло его от ушей людей за другими столами, — Это дом местной колдуньи — леди по имени Шариндала. Хороший маг, и мертва уже много лет. Конечно, есть обычные рассказы о том, что ее видели гуляющей мимо своих окон в виде скелета и все такое... но нужно быть чертовски хорошим древолазом, чтобы добраться туда, где можно просто увидеть окно Зала, не говоря уже о том, чтобы заглянуть через закрытые ставни!

Он улыбнулся своей мысли и продолжил:

— Как бы то ни было, Эльминстер спрашивал нас о ней, и мы предупредили его о защитах, но я думаю, что он пошел туда и сделал что-то. Мы приглашали его заехать к нам — мы с Бердагом живем в двух домах неподалеку от Обожженного Камня, вон там, — когда он закончит, чтобы мы знали, что у него все хорошо

— И нам не пришлось бы идти туда в поисках его тела, — проворчал Бердаг и вернулся к своему напеву. Табараст и Арфист обменялись удивленными взглядами.

Каладастер одарил своего старого друга тем, что некоторые люди называли бы неприязненным взглядом, и продолжил свой рассказ.

— Он действительно заглянул к нам — и выглядел счастливым, хоть и немного грустным, как бывает у людей, когда они вспоминают ушедших друзей или видят старые руины, которые помнят как яркие и шумные. Он сказал, что ему нужно выполнить «задание», и ему нужно было направиться на восток. Мы, конечно, предупредили его об Убийце, но...

— Убийца? — тихо спросил Арфист. Что-то в его словах погрузило всю «Деву» в безмолвие, от двери до стропил. Алнискаввер, хозяин таверны, быстро двинулся вперед.

— Здесь этого никто не видел, господа, — сказал он, — что бы это ни было...

— Да, здесь ты в безопасности, — проворчал кто-то еще.

— О? Тогда почему старый Терлун собрал вещи и вернулся в...

— Он сказал, что собирается навестить свою сестру, она больна и все такое...

Раскрытая ладонь Каладастера с грохотом опустилась на стол.

— Если вы не возражаете, — мягко сказал он в наступившей краткой тишине и снова повернулся к трем путешественникам. — Убийца — это то, что очень беспокоит великого герцога в его замке Стармантл. Что-то убивает все, что живет в

лесу или проезжает мимо него по прибрежной дороге, между ручьем Оггла — прямо за нами здесь — и холмом Рэдрана. Коров, лис, целые банды наемных авантюристов, и одиночек тоже — всех. Этот участок леса начали называть Мертвое Место, но никто не знает, что убивает. Некоторые говорят, что мертвые сгорели до костей, иные говорят другое, но это неважно. Мы не знаем, с кем мы столкнулись, поэтому люди называют его Убийцей.

Он оглядел пивную.

— Достаточно хорошо? Я все сказал, не так ли?

Последовала череда ворчания, неохотные согласия и пара поспешно высказанных возражений, а Каладастер натянуто улыбнулся и снова понизил голос.

— Эльминстер вошел прямо в Мертвое Место и сейчас должен быть там, вот так, — сказал он. — Я не совсем понимаю, зачем ему понадобилось туда идти... Но это чем-то важно, не так ли?

Снова наступило короткое молчание. Затем Арфист сказал:

— Думаю, так.

А Табараст отрезал:

— Все, что делает Эльминстер, важно.

— Вы идете за ним? — спросил Каладастер голосом, который был едва громче шепота.

Через мгновение Арфист снова кивнул.

— Я иду с вами, — так же тихо сказал Каладастер. — Здесь много лесов, и вам понадобится проводник. Более того, я догадываюсь, куда он направлялся.

Белдрун пошевелился:

— Ну, — серьезно сказал он, — не знаю насчет этого. Ты немного стар для приключений, и я бы не хотел быть...

— Стар? Стар? — спросил Каладастер, выпятив челюсть. — Тогда он что? — Он указал на Табараста. — Цветущая юная дева?

Старый маг уставился на Каладастера взглядом, который заставил бы испугаться гораздо более могущественных людей, и рявкнул:

— «Догадываешься», куда направлялся Эльминстер? Что он тебе сказал — или это твои домыслы? Цветущая юная дева желает знать!

— В том лесу есть развалины, — тихо сказал Каладастер, — в стороне от дороги. Ты можешь бродить среди деревьев весь день, ожидая, что тебя съест Убийца, пока ты его ищешь, или я могу отвести тебя прямо к руинам. Если я ошибаюсь — что ж, по крайней мере, во время прогулки рядом будет еще один старый толстый маг и его заклинания.

— Толстый? — рявкнул Табараст. — Кто толстый?

— Ах, — сказал Белдрун, прочищая горло и потянувшись за блюдом с грибами, фаршированными сыром, которое Алнискаввер только что поставил на стол, — это обо мне.

— Я не думаю, что это хорошая идея — брать с собой еще одного человека, — резко сказал Табараст, — которого нам, возможно, придется защищать от боги знают чего.

— А вот я, — тихо сказал Арфист, кладя руку на плечо Табараста, — думаю, что мне бы очень хотелось, чтобы ты был рядом, Каладастер Дэрмри. Если ты сможешь

уйти с нами в ближайшие несколько минут, и тебе не понадобится целая ночь на подготовку.

Каладастер отодвинул стул и встал.

— Я готов, — просто сказал он.

В глубине глаз Арфиста было что-то похожее на улыбку, когда он поднялся, положил на стол стопку монет высотой с кружку, при виде которой многие глаза в комнате выпучились, и крикнул Алнискавверу:

— Хозяин! Наши лошади — вот за конюшни на десять дней и за еду. Если к тому времени мы не вернемся, чтобы забрать их, считай, что они твои. Отсюда мы пойдем пешком. Обед был отличный.

Бердаг смотрел на своего старого друга снизу вверх, и его лицо было бледным.

— К-Каладастер? — он спросил. — Ты действительно идешь туда — в Мертвое Место?

Старый волшебник посмотрел на него.

— Да, но мы не можем взять с собой старого воина, так что не бойся. Останься — нам нужно, чтобы ты съел все остальное за нас!

— Я... я... — сказал Бердаг, и его взгляд упал на свою кружку. — Хотел бы я не быть таким старым, — прорычал он.

Арфист положил руку ему на плечо.

— Это никогда не бывает легко, но ты заслужил отдых. Ты был Львом Элверсульты, не так ли?

Бердаг уставился на Арфиста так, словно у того только что выросло три головы и корона на каждой.

— Как ты узнал об этом? *Каладастер* об этом не знает!

Арфист мягко похлопал его по плечу.

— Это наше дело — всегда помнить героев. Мы менестрели, помнишь? — Он подошел к двери и сказал: — О тебе есть очень хорошая баллада...

А потом он исчез. Бердаг приподнялся, чтобы последовать за ним, но Каладастер решительно толкнул его обратно.

— Сиди и ешь. Если мы не вернемся, попроси следующего Арфиста спеть ее тебе.

Он направился к двери, затем обернулся.

— Все эти годы, — сказал он, нахмурившись, — ты никогда не говорил мне, что ты Лев! Такая мелочь, что просто вылетела у тебя из головы, да?

Он вышел за дверь. Табарасть и Белдрун последовали за ним. Они просто пожали плечами и ухмыльнулись в сторону двери, но Табарасть повернулся, положив пальцы на ручку, и проворчал:

— Если тебе от этого станет легче, ты не единственный, кто не знает, что происходит!

Дверь со скрипом закрылась, и Бердаг долго тупо смотрел на нее — достаточно долго, чтобы все остальные отошли от окон, где смотрели, как четверо мужчин выходят из города, и снова сели. Алнискаввер опустился на лавку рядом с Бердагом и нерешительно спросил:

— Ты был Львом Элверсульты?

— Давным-давно, — с горечью сказал Бердаг. — Давным-давно.

— Если бы ты мог вернуться в какой-нибудь момент, то, — тихо спросил хозяин таверны у кружки, стоявшей перед ним, — какой бы это был момент? Бердаг медленно произнес:

— Ну, в Сюзейле была одна ночь... Мы провели ранний вечер бегая по замку, гоняясь за молодыми благородными леди, которые пытались вонзить свои кинжалы друг в друга. Видишь ли, там был спор о...

Повернувшись к Алнискавверу, чтобы как следует рассказать ему эту историю, Бердаг внезапно осознал, как тихо в комнате. Он поднял глаза и повернул голову. Все жители Рипплстоунса, достаточно взрослые, чтобы стоять, молча столпились вокруг него кольцом, ожидая услышать. Бердаг сильно покраснел и пробормотал:

— Ну, это было так давно...

— Это тогда ты получил ту медаль? — лукаво спросил Алнискаввер, указывая на цепочку, исчезавшую в не слишком чистой рубашке Бердага.

— Ну, нет, — нахмурившись, ответил старый воин, — Это было...

Он откинулся на спинку стула и покраснел еще сильнее.

— О боги, — сказал он.

Хозяин таверны ухмыльнулся и вложил кружку Бердага в руку старого воина. — Ты был в замке в Сюзейле, гонялся за благородными леди вверх и вниз по коридорам, и, без сомнения, Пурпурные Драконы преследовали тебя, и...

— Ха! — рявкнул Бердаг. — Так и было — вы когда-нибудь видели, как человек в полном доспехе падает с круглой лестницы? Звучало как два кузнеца, дерущихся в кузнице! Так вот, мы...

Один из жителей деревни похлопал Алнискаввера по плечу в знак молчаливой благодарности. Хозяин таверны подмигнул в ответ, когда рассказ старого воина началлиться все быстрее.

* * * * *

— Сегодня будет не так уж много солнца, — проворчал Каладастер, — как только мы окажемся под деревьями.

— Угу, — согласился Белдрун. — Глубокий лес. Много шорохов, странных завываний и тому подобного?

Каладастер покачал головой.

— Нет, со времен Убийцы — сказал он. — Ветерок пробивается сквозь листву, это все... а, и иногда падают мертвые ветви. В остальном здесь тихо, как в могиле.

— Тогда мы легче услышим, как он придет, — спокойно сказал Арфист. — Веди, Каладастер.

Старый волшебник гордо кивнул, и они вместе зашагали по дороге. Они преодолели несколько миль и были почти у того места, где заросшая тропа к руинам сворачивала с прибрежной дороги, когда его осенила внезапная мысль — холодная и внезапная, как ведро озерной воды в лицо. Он был очень осторожен, чтобы не обернуться и не показать Арфисту лицо — Арфисту, который никогда не называл своего имени. Но с этого момента он чувствовал на себе пристальный взгляд этого человека — холодный наконечник копья касался верхней части его позвоночника, там, где начиналась шея. Арфист назвал его полным именем. Каладастер Дэрмри.

Каладастер никогда не использовал свою фамилию... и он не назвал ее Арфисту. Он никогда никому не говорил ее. Бердаг не знал ее — на самом деле, вероятно, в живых не осталось никого, кто бы о ней слышал. Так как же получилось, что этот Арфист ее знал?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ НЕТ НЕДОСТАТКА В ЖЕРТВАХ

Единственное, в чем можно быть уверенным во время переворота, набега орков или обмена сплетнями, так это в том, что недостатка в жертвах не будет.

*Ральдерик Хэллоушоу, Шут
из Правления королевством, от осадной башни до навозной кучи,
опубликовано примерно в Год Кровавой Птицы*

Стало темно и тихо, как только прекратился скрип его сапог. Он был один посреди холодного, влажного камня. Пыль веков резала ему ноздри — и чувство напряжения, пока что-то наблюдало за ним из темноты и ждало. Эльминстер стал таким же неподвижным, как каменные опоры, за которые он все еще цеплялся, повернулся лицом к осознающей и скрывающейся тьме и призвал одну из сил, дарованных ему Мистрой. Это было то, что он использовал нечасто, потому что оно требовало спокойной концентрации и времени... гораздо больше времени, чем большинство существ, с которыми он делил Фаэрун, когда-либо были готовы ему дать. Слишком часто в эти дни жизнь казалась стремительной.

Его сознание простерлось сквозь ожидающую, прислушивающуюся темноту. Вещи, как живые, так и неживые, он не мог видеть, но магия... когда Эл вот так концентрировался, *ее* он мог чувствовать так остро, что мог различить поверхности, на которые цеплялся двомер, завитки заклинаний и даже слабые, исчезающие следы разрушенной защитной магии. Все это лежало перед ним. Повсюду кружилась слабая магия, ни одна из них не была сильной или точно расположенной. Но вместо чары очерчивали большую пещеру или открытое пространство. На приличном расстоянии, на полу этой комнаты или пещеры — или внизу, в яме, он не мог сказать, где именно — несколько тесно сгруппированных узлов огромной, не такой уж сонной магической мощи пульсировали и непрерывно бормотали. Эл моргнул. Ловушка или нет, он должен был увидеть, что ждет здесь, что может содержать такую магическую мощь. Его привели сюда. Кружащееся сознание, которое это сделало, наблюдало за ним или, по крайней мере, знало о его приближении — так какой смысл скрываться? Эл произнес заклинание, исследующее камень, ища ямы или разломы перед собой. Окутанный его призрачным слабо-голубым сиянием, он осторожно шагнул вперед.

Огромные пространства пола были естественным камнем пещеры. По мере продвижения Эла он плавно переходил в огромные плиты, гладко отполированных и ровных. На них не было пятен мха, но кое-где тонкий белый мех солей, выщелачивающихся из вековой породы, тянулся по камню как палец. Трон или сиденье из того же камня стояло перед Эльминстером — на удивление, лишенное магии, хотя оно было почти скрыто из виду за блеском, отбрасываемым семью узлами магии, когда он смотрел на него своим магическим зрением. К счастью, место было пусто. Эл вздохнул, запрокинул голову и шагнул вперед. Семь узлов, ослепляющих своей магической мощью. Он предсказуем, но он не мог игнорировать такую силу и оставаться Эльминстером. Он улыбнулся, печально покачал головой — и сделал еще один шаг.

Он вполне мог умереть здесь, но не мог отвернуться.

* * * * *

Человек приближался. Великий Враг скоро будет в пределах досягаемости — но также и близко к рунам, которые были слишком сильны, чтобы безопасно приблизиться. Слишком близко. У него, вероятно, будет только один шанс, так что это должен быть сокрушительный удар, который даже великий маг, тронутый богом, не мог надеяться пережить. После всех этих лет еще несколько дней или даже месяцев не имели бы никакого значения. Важен лишь убийственный удар. Удар, который одновременно раскроет его и причинит Врагу вред, должен быть смертельным. Или, по крайней мере, превратить его врага в нечто бессильное, но осознающее — осознающее боль, которую он затем причинит ему на досуге, и то, кто причинял ему вред в течение этого долгого, темного времени... и почему. Так что подожди еще немного, как терпеливый призрак в тени.

Два темных глаза, которые пылали, как два чернильных пламени ярости, смотрели из глубины одной из самых темных расщелин в задней части пещеры и наблюдали, как осторожный волшебник шагнул навстречу своей гибели. Годы, поглощенные жаждой мести, грызущей потребностью, которая управляла им днем и ночью... Годы, которые все свелись к этому.

* * * * *

— Да, Велам? — спросил Заклинатель Ужаса Элрин опасно мягким и шелковистым голосом. Напряженное ползание к руинам, где их почти наверняка поджидали могущественные враги, не улучшило его настроения — особенно после того, как его сапог первый раз попал в грязную, заполненную водой старую нору. Это произошло за три шага до того, как его второй сапог угодил во вторую. С тех пор он потерял счет тому, сколько шипов ползучих растений вонзилось в него и царапнуло руки и лицо... И все это, конечно, издали насмешливо наблюдали жестокие верховные жрицы Дома, среди которых была и сама Темная Госпожа. Велам практически танцевал от возбуждения, его глаза были большими и круглыми. Впередсмотрящим «волшебников» Шар был худощавый жрец с тихим голосом,

внимательный и скрупулезный в своих обязанностях. Сейчас он был взволнован больше, чем Элрин когда-либо видел его.

— Темный брат, — взволнованно прошипел он, — я кое-что нашел.

— Нет, — пробормотал Элрин, нахмурившись, — Правда? Ты *действительно* удивляешь меня.

— Это камень, — продолжил Велам, на удивление совершенно не уловив сарказма Элрина или талантливо скрыв это. — Камень с надписью на нем.

— И эта надпись гласит?..

— Ну, э-э... на самом деле всего одна буква — но она высотой с человека. Это буква «К»!

— Нет! — саркастически выдохнул Фемтер. — Не может быть!

— Брат, это так, — подтвердил Велам. Казалось, он искренне не обращал внимания на их насмешки.

— Покажи нам, — коротко приказал Элрин и немного повысил голос. — Братя, двигайтесь медленно, держитесь порознь и следите за деревьями вокруг. Я не хочу, чтобы мы толпились вместе, когда кто-то нападет из укрытия. Если один огненный шар сможет накрыть нас всех, враждебный маг не устоит перед такой возможностью, да?

— Да, — пробормотал Далут, в то же время как кто-то другой — Элрин не мог сказать, кто — пробубнил: — Наш Элрин обо всем подумал.

Несмотря на мрачные мысли, «волшебники» Шар добрались до каменной плиты, найденной Веламом, без происшествий. Та лежала между двумя мшистыми берегами, почти полностью покрытая многолетними гниющими опавшими листьями, но буква «К» была отчетливо видна. Глубоко вырезанная буква занимала чуть больше места, чем могло бы покрыть одно из богато украшенных храмовых кресел. Каменная плита казалась старой и огромной. Элрин наклонился вперед, не потрудившись скрыть собственное быстро нарастающее возбуждение. Магия. Это должно было иметь какое-то отношение к магии, сильной магии... А магия была тем, для чего они здесь. — Расчистите ее полностью, — приказал он и благоразумно отступил, чтобы посмотреть, как это будет сделано. Камень оказался шириной с человека, длиной — с двух, а вглубь, в той точке, где земля опускалась вдоль его краев, по крайней мере на длину короткого меча. Закончив очищать, шарранцы устали на массивную плиту... а та лежала, терпеливо глядя на них.

Она знала, кто моргнет первым. После того, как молчание стало неприятно долгим, и младшие жрецы начали бросать косые взгляды на своего лидера, Элрин вздохнул и сказал:

— Далут, произнеси заклинание, которое волшебники используют для раскрытия магии. Я не вижу никакого катализатора, но он должен быть. Далут кивнул и все сделал. Элрин был так же потрясен, как и остальные, когда он медленно поднял голову и сказал:

— Вообще никакой магии. Ни на той плите, ни вокруг нее. Ничего в пределах досягаемости моего заклинания, кроме тех немногих вещей, которые мы носим.

— Невозможно, — отрезал Элрин.

Далут кивнул.

— Я согласен... Но мое заклинание не может лгать мне, не так ли?

Пока Элрин стоял, свирепо глядя на него, у других шарранцев вырвался общий вздох облегчения, и они шагнули вперед, чтобы встать на плиту, как будто она звала их. Элрин резко обернулся. С его губ готов был сорваться предупреждающий крик, но так и не прозвучал. Жрецы под его командованием шагали по плите, скребли и топали по ней каблуками сапог, оглядывая деревья, как будто плита была зачарованным наблюдательным пунктом, который давал им какое-то особое зрение. Ни одна молния не вырвалась из камня, чтобы убить их, и никто из них не изменил форму, не закричал и не приобрел необычного выражения на лицах. Вместо этого, один за другим, они пожали плечами и замолчали, глядя друг на друга и снова на Элрина, пока Хрельграт не сказал то, о чем они все думали:

— Но здесь должна быть *какая-то* магия, какая-то цель для этого — и это не может быть крышка гробницы, иначе понадобился бы дракон, чтобы поднимать и снимать ее.

Далут поднял бровь.

— И раз мы не имеем дел с драконами, никто не имеет? Что если это какое-то хранилище, построенное драконом для себя?

— Посреди леса? Прямо на открытом месте, не опоясанное камнями? Признаю свое незнание змеев, но это все еще *кажется* мне неправильным, — ответил Фемтер. — Нет, это пахнет работой людей. Или дварфов, работающих на людей, или, возможно, даже гигантов, искусных в обработке камня.

— Так к чему или к кому относится буква «К»? — взорвался Велам. — Королю или королевству?

— Или богу? — тихо произнес Далут, и что-то в его голосе привлекло к нему все взгляды.

— Коссут? В лесу? — озадаченно спросил Хрельграт.

— Нет, нет, — взволнованно сказал Велам. — Как звали того мага в легенде, который бросил вызов богам, чтобы украсть всю магию и самому стать над ней господином? Клар... нет, *Карсус*.

И как только это имя слетело с губ молодого шарранца, он исчез, пропал, даже не успев перевести дыхание. Плита, на которой он стоял так близко между Фемтером и Хрельгратом, что они легко могли бы коснуться его локтями, была пуста. Эти два храбрых и стойких жреца вскочили и бросились прочь от плиты с почти комичной поспешностью, в то время как Далут мрачно кивнул, не сводя глаз с того места, где стоял Велам, а Элрин медленно сказал:

— Так-так...

Четверо оставшихся священников несколько напряженных мгновений молча смотрели на плиту, прежде чем самый почтенный Заклинатель Ужаса почти мягко сказал:

— Далут, встань на букву и произнеси имя, которое произнес Велам.

Далут бросил быстрый взгляд на Элрина, прочитал на его лице, что это был ясный и твердый приказ, и сделал, как ему было велено. Фемтер и Хрельграт беспокойно заерзали, наблюдая, как их самый способный товарищ исчезает. Затем Элрин сказал:

— Теперь сделай то же самое, Хрельграт.

Тот не смог подавить низкий стон и так дрожал от страха, что едва смог произнести имя «Карсус», но исчез так же быстро и бесследно, как и его предшественники. Фемтер пожал плечами и, не дожидаясь приказа, шагнул на плиту и оглянулся в ожидании утвердительного кивка Элрина, когда его сапоги утвердились прямо в центре гигантской буквы. Кивок последовал, и еще один фальшивый волшебник исчез. Оставшись один, Элрин оглядел деревья, не увидел ничего движущегося или наблюдающего, пожал плечами и последовал за своими товарищами на плиту. Еще до их битвы с эльфом, который убил Ййриндила с такой непринужденной легкостью, он думал, что вся эта схема святых шарранцев, пытающихся быть магами, была неправильной — опасно неправильной. Заклинатели Ужаса — скорее уж, «ужасные закливатели». Тем не менее, если каким-то чудом то, что лежало на другом конце этого телепорта, не было одной огромной ловушкой, оно могло привести к достаточному количеству магии, чтобы завоевать высочайшее одобрение Темной Госпожи Авроаны — и прожить достаточно долго, чтобы наслаждаться этим. Он медленно улыбнулся от этой мысли, неторопливо произнес «Карсус» и стал наблюдать, как мир уносится прочь.

* * * * *

Красное сияние осветило темноту, отражаясь от сотен изгибов металла и бесчисленных драгоценных камней. Свет исходил от пола — где бы они ни прошли, отпечатки ботинок светились. Было слишком поздно выкрикивать предупреждения о пробуждающихся заклинаниях или существах-хранителях: Велам уже пробирался по колену в ценностях, перемещая их, чтобы схватить перчатку, ряды сапфиров на которой мерцали своим собственным внутренним светом, сиянием пробужденной магии, отраженной зловещими переливами из дюжины мест в склепе. Комната с низким потолком была забита грудami сокровищ, большинство из которых были странными на вид, и все они, судя по всему, таили в себе магию. Элрину удалось удержаться, чтобы не ахнуть вслух, но он заметил быстрый взгляд, брошенный на него Далутом, и понял, что его благоговение и удивление должны быть ясно написаны на его лице. Младшие Заклинатели Ужаса определенно не теряли времени даром. Хрельграт словно вальсировал с фигурой в доспехах, пытаясь вырвать у нее латный воротник, и ряд палочек в ножнах хлопал по правому бедру Фемтера, свисая с инкрустированного драгоценными камнями пояса, который охватывал его талию так, будто он был сделан для него. Конечно, он изменился, чтобы соответствовать. Жрец с горящими глазами уже рылся в очередной куче браслетов для рук и ног, выискивая что-то еще, что привлекло его внимание. Велам натягивал перчатку, а его взгляд уже был прикован к чему-то другому. Только Далут стоял с пустыми руками, поднимая их, чтобы произнести гасящее заклинание, если одно из безрассудных младших Заклинателей Ужаса выпустит что-то, что может погубить их всех. Элрин бросил взгляд во все стороны, не увидел ничего движущегося само по себе, никаких дверей или других выходов из комнаты с каменными стенами и тихо спросил:

— О самые прилежные Заклинатели Ужаса, кто-нибудь задумывался о том, как мы сможем покинуть это место?

— Карсус, — четко произнес Хрельграт, торжествующе сжимая в руках латный воротник.

Ничего не произошло, но Велам уже указывал в самый дальний, самый темный угол комнаты.

— Еще одна буква «К» на свободном участке пола вон там, — доложил он. — Она перенесет.

— Да, но, обратно ли, или глубже, в другое неизвестное место? — спросил Далут.

— Более того, если бы я намеревался убить воров, которые пробрались сюда без приглашения, то именно у выхода я бы поставил какую-нибудь охрану, — добавил Элрин. Затем, не сдвинувшись ни на шаг с того места, где он появился, он осторожно сказал «Карсус». Никакого кружения перед глазами не произошло, но он не удивился.

Металлическое шуршание возвестило о продолжении раскопок Веламом, и пока Элрин наблюдал, он увидел, как Фемтер сунул что-то в свою мантию, в до сих пор скрытом мешочек подмышками.

— Не берите ничего, что вы не могли бы унести, — предупредил старший Заклинатель Ужаса, — и будьте полностью готовы отдать Темной Госпоже все до единого магические предметы, которые мы вынесем из этого места, какими бы незначительными они ни были. Мы не остаемся без присмотра, сейчас и всегда.

Голова Фемтера резко поднялась, и он покраснел, обнаружив, что Элрин смотрит на него. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Далут опередил его, спросив у всех присутствующих:

— Кто-нибудь нашел что-нибудь, чьи способности очевидны?

Ему ответили покачиванием голов и хмурыми взглядами. Элрин носком сапога открыл маленький черный сундучок, поднял брови к потолку, когда увидел ряд колец, которые в нем находились, снова захлопнул его, затем моргнул, увидев, что лежало рядом с ним.

— Далут, — тихо спросил он, наклонив голову к куче сверкающих тайн у своего ботинка, — этот обруч... Разве этот символ не использовался для обозначения исцеления? Далут схватил диадему. Она была из неукрашенного, но массивного золота поверх какого-то более прочного металла, и на ней было изображение сверкающего солнца, заключенного в две стилизованные ладони.

— Да, — сказал он взволнованно. Он поднял её, чтобы показать остальным, и рявкнул: — Найдите еще таких. Перестаньте пока смотреть на другие вещи. Младшие Заклинатели Ужаса сделали то, что им было велено, выкапывая и отбрасывая в сторону сокровища и время от времени поднимаясь с криками удовлетворения. Далут взял предложенные ими предметы — четыре обруча и браслет — а Элрин рявкнул:

— Хватит. Все вы, возьмите не больше, чем можете унести, и оставьте мечи, шлемы и тому подобное. Мы будем рисковать пробудить здесь что-нибудь. Снаряжайтесь как для битвы. Я не хочу видеть, как кто-то шатается под охапкой незакрепленных предметов.

Он наклонился и вытащил несколько скипетров из груды томов в металлических переплетах, тарелок и маленьких ящиков. Затем, словно спохватившись, он небрежно поднял черный сундук, в котором была надежно

спрятана дюжина колец. Несколько минут работы с длинными ремешками, которые всегда были у него в сумке на поясе, и скипетры уже висели наготове у бедра, а сундучок был спрятан спереди. Элрин был готов. Он быстро сказал:

— Велам, я полагаю, эта честь принадлежит тебе. Выведи нас из этого места. Самый молодой Заклинатель Ужаса посмотрел на свободное пространство в задней части склепа, молча поджидавшее его, сглотнул и сказал:

— Ты сказал, что там может быть защита...

Элрин кивнул.

— Я полностью уверен, что ты умело справишься с ней, — решительно сказал он и стал ждать.

Неохотно самый молодой жрец, ставший волшебником, пробрался через переполненную комнату, замедляясь по мере приближения к букве на полу. Четыре пары глаз смотрели ему вслед, а их владельцы присели на корточки за кучами неопознанной магии. Велам послал им всем взгляд, полный смеси гнева и отчаяния, выпрямился и рявкнул:

— Карсус.

Так же быстро и бесшумно, как и в первый раз, Велам исчез.

Как будто это было сигналом, что-то шевельнулось в куче, ближайшей к Хрельграту, поднимаясь среди грохота множества мелких предметов, скользящих и падающих, когда шарранец отшатнулся, постанывая в бессловесной тревоге.

— Ничего не делайте, — отрезал Элрин.

В ледяной тишине четверо мужчин наблюдали, как появился светящийся меч, чье обнаженное и лезвие было нацелено куда-то между Далутом и Элрином. Он казался добрых пяти или шести футов длиной, его богато украшенная рукоять сверкала множеством блестящих драгоценных камней, постоянно меняющийся набор рун и букв на мгновение вспыхивал вверх и вниз по синим бокам клинка.

— Хрельграт, — приказал Элрин, — следуй за Веламом. Не высовывайся и ничего не делай в спешке. Вперед.

Когда магия переместила второго потейущего Заклинателя Ужаса в другое место, меч в воздухе, казалось, на мгновение задрожал, но в остальном не двигался. Элрин некоторое время наблюдал за этим, затем медленно сказал: — Фемтер, следуй за остальными.

И снова меч остался там, где был. Когда остались только Далут и Элрин, старший Заклинатель Ужаса спросил своего самого способного товарища:

— На случай, если какое-то заклинание помешает нам когда-либо вернуться сюда, есть ли что-то особенное, что мы должны взять с собой?

Далут пожал плечами.

— Потребовались бы годы, чтобы изучить все, что здесь есть, — и даже тогда мы знали бы только несколько способностей каждой вещи. Это совершенно... изумительно. Здесь вокруг нас сосредоточено больше магии, чем, полагаю, могут собрать тысячи тех, кто поклоняется Святой Шар. Если мне придется взять только одну вещь — пусть это будет вон та подставка для посохов. Четыре посоха, почти по одному на каждого из нас, и все они наверняка содержат какую-то магию, которую мы можем использовать в бою. Если мы сумеем пробудить их, то сможем, по крайней мере, убедительно притвориться архимагами... некоторое время.

— Будем надеяться, что это будет достаточно долгое время, — согласился Элрин — По два на каждого?

Они еще раз внимательно посмотрели на парящий меч, осторожно проскользнули мимо него, и Далут взял два посоха под одну руку, а другой вытащил палочку, которую он нашел ранее. Целебные браслеты оттопыривались в его сумке. Элрин посмотрел на приготовленную палочку Далута, натянуто улыбнулся и процитировал высказывание:

— «Мы не смеем доверять никому, кроме самой Святой Шар».

Говоря это, он поднял палочку, которую уже держал в своей руке, так, чтобы Далут мог ее увидеть.

— Это для опасностей, которые могут обнаружиться за пределами телепорта, — осторожно сказал Далут, — а не из-за более близких.

Его голос изменился, зазвенев от тревоги:

— Берегись меча!

Элрин обернулся и увидел, что меч висит так же, как и раньше. Он все еще поворачивался, когда услышал, как Далут спокойно добавил: «Карсус». Старший Заклинатель Ужаса дико отскочил в сторону на случай, если Далут почувствовал непреодолимое желание привести в действие свою палочку, и растянулся на куче зачарованной одежды. Светящаяся ткань мерцала под ним, пока он болезненно скользил по ней, преодолевая множество острых точек. Поспешно Элрин выпрямился, бросил еще один взгляд на меч и обнаружил, что тот все еще неподвижен. Он оглядел комнату, посмотрел на красные отпечатки ног, уже начинающие приобретать оттенок старой крови, на, к счастью, неподвижные груды сокровищ, и еще раз бросил взгляд на одежду, на которую упал. Несомненно, это был корсет, какой носили надменные леди... Он подхватил один предмет одежды, затем другой, чувствуя покалывание мощной магии, проходящей через кончики его пальцев. Все это были платья с вырезами в ткани под богато украшенными корсажами. Элрин посмотрел на плечи одного из них, задумчиво нахмурившись... затем пожал плечами и начал снимать с себя одежду. Ему лучше поторопиться, если он хочет быть достаточно быстрым, чтобы уберечь остальных от беды, или, зная их, от того, чтобы просто уйти без него. Спеша в сгущающихся сумерках, пытаясь не спускать глаз с плавающего поблизости меча, Элрин на мгновение порадовался, что они не нашли зеркала, в которое ему пришлось бы посмотреть на себя. Он мог представить себе веселье Авроаны, наблюдавшей, как он сражается с незнакомой одеждой, — и когда, наконец, он встал на букву на полу и, настороженно глядя на парящее лезвие, произнес имя «Карсус», это больше звучало как ругательство.

* * * * *

Дымящийся обрубок того, что, вероятно, было старым и большим сумеречным деревом, безмолвно свидетельствовал об эффективности чего-то, что пробудил один из младших Заклинателей Ужаса. Элрин уставился на него с зарождающимся темным гневом, но прежде чем он успел что-либо сказать, Фемтер взволнованно сунул ему кольцо.

— Темный Брат, смотри! Это кольцо полностью скрывает двеомеры всей магии, соприкасающейся с его владельцем. Все попытки брата Далута противостоять ему провалились! Можно явиться в присутствии короля, вооруженным как для войны с созерцателями, и безнаказанно нанести удар. — Такие смелые уловки обычно более эффективны в балладах, чем в реальной жизни, — строго ответил Элрин, — не говоря уже о благоразумии. Он поискал глазами Далута и обнаружил, что тот осторожно вынимает один венец за другим из своей сумки.

— Ага,— удовлетворенно объявил лидер Заклинателей Ужаса, — более разумный способ провести время. Давайте все исцелим себя, а затем посвятим некоторое время изучению волшебных палочек и посохов, прежде чем возобновить наше путешествие к руинам.

В последующие мгновения пострадало еще несколько деревьев. Ни один из целебных предметов не оказался однократного использования. Два посоха смогли не больше, чем выплевывать стремительные стрелы, которые люди называли «магическими снарядами», но остальные могли выпускать лучи хищного огня и взрывные вспышки магии... а два из них, казалось, могли истощать прикосновением магические предметы и даже заклинания их владельцев по команде, усиливая свои разрушительные атаки.

— Какая блестящая удача! — Велам рассмеялся, превратив беспомощное теневое деревце в пепел.

— Удача? Святая Шар привела нас к этому месту, Темный Брат, — сурово сказал Элрин, подыгрывая жрицам, наблюдавшим издалека. — Шар всегда направляет нас... Тебе никогда не следует забывать об этом.

— Конечно, — поспешно сказал Велам, а затем от души рассмеялся, когда посох в его руках снова зарычал, и еще одно дерево исчезло в бурлящем пламени, которое превратилось в струйки дыма, опускающиеся на опавшие листья вокруг.

— Служитель Шар Велам, — резко сказал Элрин, — немедленно прекрати это расточительное разрушение. Я бы предпочел, чтобы этот лес не пылал вокруг нас, или чтобы каждый друид и маг в радиусе ста миль не окружили нас, чтобы дать бой. Ты уже забыл судьбу Ййриндила?

Велам поморщился, но, казалось, не мог перестать ласкать и направлять посох, как воин, которому только что вручили превосходный клинок.

— Мои извинения, Темный Брат, — сказал он покаянно, — меня очаровала его власть.

Он облизнул губы, твердо поставил посох на землю и спросил, как бы ища одобрения:

— Ты знаешь, как заманчиво просто уничтожить все, что раздражает или противостоит тебе?

— Да, Велам, вообще-то знаю, — ответил Элрин и слегка пошевелил палочкой в своей руке — направленной на лицо Велама — чтобы привлечь внимание молодого человека. Когда Велам увидел это и побледнел, старший Заклинатель Ужаса мрачно продолжил:

— Это всего лишь одно из многих подобных искушений.

Элрин натянуто улыбнулся и засунул палочку обратно за пояс.

— Да, — медленно добавил он, ровным шагом направляясь в сторону руин. — Одно из многих.

Он коротким жестом приказал Заклинателям Ужаса следовать за ним. Они с неохотой послушались. Велам остановился, чтобы с тоской оглянуться на каменную плиту и лес за ней, и обнаружил, что смотрит прямо в холодно улыбающиеся глаза и поднятый посох Далута, который бдительно замыкал шествие. Велам выдавил слабую улыбку, но глаза Далута не потеплели. Самый молодой выживший Заклинатель Ужаса сглотнул, повернулся и поплелся навстречу гибели.

* * * * *

— А вот *такое* скручивание листа, с другой стороны, говорит тебе, что это при...

Звездопад остановился на полуслове и внезапно выпрямился, чуть не стукнувшись головой об Амбрегарда. Человеческий маг поспешно отступил в сторону, когда эльф вскинул руки. Все еще стоя драматически неподвижно с раскинутыми руками, лунный эльф запрокинул голову и открыл рот, словно пытаясь попробовать небо на вкус.

Наступила тишина. Амбрегард наблюдал за своим статуеподобным другом, казалось, очень долго, прежде чем осмелился спросить:

— Звездопад?

— Ты ожидаешь, что кто-то другой прыгнет в это тело только потому, что я перестану двигаться? — последовал мягкий упрек, когда Звездопад повернул голову, развернулся и одним плавным движением схватил Амбрегарда за руку. — Ты знаешь о какой-нибудь похищающей тело волшебной опасности, о которой я не знаю?

— К-куда мы идем? — спросил Амбрегард вместо ответа, когда стройный лунный эльф в темно-зеленом плаще практически потащил его через деревья.

— Туда, где мы нужны, и срочно, — почти рассеянно сказал Звездопад, побуждая человека, которого он волок за собой, перейти на рысь.

— И где... — Амбрегард запыхался, хотя они спускались по покрытому папоротником склону, а не поднимались, — именно?

— В лесу, почти таком же старом, как этот, через залив, — ответил Звездопад, чей голос был таким спокойным, а дыхание таким ровным, будто он непринужденно развалился на гигантском листе, а не мчался по лесу, перепрыгивая через поваленные деревья и корни и огибая лесных гигантов. — У этого места нет названия, которое помнили бы люди.

— Зачем? — почти закричал Амбрегард, мчась так быстро, как никогда в жизни, а стройный эльф все еще был на полшага впереди и угрожал вырвать руку из сустава.

— Деревья горят, — сказал ему Звездопад, нахмурившись, — внезапно, как будто пораженные молнией или огненной бурей, но в небе не видно бури, способной причинить такой вред. Вот мы и на месте!

Они нырнули между двумя теневыми деревьями, которые идеально походили друг на друга и росли на расстоянии не более трех футов, и где-то во мраке между ними голубая дымка схватила их и понесла далеко-далеко.

Следующий шаг Амбрегарда был в другом лесу, более сухом и без криков птиц и шорохов животных. Он разинул рот и попытался оглянуться, но в этот момент Звездопад отпустил его руку и схватил за подбородок. Глядя в глаза Амбрегарду с расстояния в несколько дюймов, лунный эльф пробормотал:

— Не производи лишнего шума и не окликай никого, кого видишь... даже если они старые друзья. Хмм, особенно если они старые друзья.

— Почему? — почти с отчаянием спросил Амбрегард. Зачем он учил другие слова, кроме «зачем» и «почему»?

— Дольше проживешь, — сказал Звездопад, приложив два тонких пальца к губам человеческого мага. — Вот почему.

* * * * *

Башня Феникса была темной, прохладной и сиротливой. В своей крепости, окруженной толстыми шипами, зубчатыми обломками и огромной пропастью, вырытой его големами буквально по мере того, как они разваливались, Тентар чувствовал себя в безопасности от вторжения всех, кроме самых стойких искателей приключений. Если бы такой появился, ему нужно было уметь очень хорошо прятаться... или умереть. Архимаг Башни Феникса давным-давно перешел от одиночества к скуке. В конце концов, как часто можно читать старые и знакомые книги, из которых никто не осмеливается использовать заклинания? Он устал таскаться в темноте в подвалы, чтобы пожирать грибы как какой-то могильный зверь. Если уж на то пошло, он устал таскаться повсюду без помощи полета — и никогда не покидал Башню. Весь Фаэрун, который он наблюдал за последние недели, уместился в вид из окон. Он жил от рассвета до заката, не смея легкомысленно использовать ни один из восьми драгоценных огарков свечей, которые он нашел, — он, Тентар Терамос, который привык вызывать свет по мере необходимости, почти не задумываясь. Свет после наступления темноты может привлечь внимание искателей приключений или голодных зверей к тому, что кто-то находится в закрытой ставнями башне. Не прошло и двух дней, как он захлопнул и запер ставни как раз вовремя. Он провел большую часть оставшегося дня, скорчившись за ними с пересохшим от страха ртом, слушая, как сердитый перитон хлопает и ударяет рогами по старому дереву, которое, как он надеялся, будет крепко держаться. И если бы такие враги проникли в Башню, что бы он мог сделать? У него не было особой силы или умения владеть оружием, и его заклинания постоянно подводили его, по крайней мере, всякий раз, когда он не подкреплял их драгоценной силой своего медальона, который становился все слабее с каждым использованием. Он слишком часто обращался к нему в первые дни этого хаоса заклинаний, когда отчаянно пытался выяснить, что происходит и почему. Теперь он просто сидел в бесконечном мраке, ожидая, когда магия снова подчинится ему — или кто-нибудь проникнет в Башню Феникса и убьет его. Каждое утро Тентар спускался в подземелье, произносил простое заклинание из своей памяти и мрачно наблюдал, как оно окрашивает каменные стены в пурпурный цвет, или заставляет их таять, или побуждает к безумному проявлению прорастающих цветов — или к какому-то новому идиотизму, случившемуся по капризу Мистры в тот день. Каждое утро он

надеялся, что заклинания вернутся в нормальное русло, и он снова сможет начать жизнь Архимага Башни Феникса. Каждый день посещение нижней кладовой разочаровывало его.

Каждый день он мрачно забирался обратно в холодную и одинокую кухню, варил себе немного фасоли и срезал еще немного зеленой плесени с огромного круга сыра под мраморным колпаком, прежде чем подняться по лестнице к большому окну, чтобы заново изучить заклинание, которое он произнес неправильно. С каждым днем он все больше впадал в отчаяние. Дело почти дошло до того, что он подумывал использовать свой медальон, чтобы улететь из этого места. Он мог бы найти какое-нибудь отдаленное царство, где никто не знал его в лицо, найти там работу писца и попытаться забыть, что он когда-то был архимагом и вызывал монстров из других миров. Да, был бы малейший повод...

Что-то разбилось в соседней комнате, словно дюжина колокольчиков среди музыкального перезвона стекла. Тентар мгновенно вскочил и проскользнул в дверь, всматриваясь — ага! Заклинание, которое он наложил на эльфийские ворота в Запутанных деревьях... Кто-то только что использовал их, чтобы отправиться на юг в леса возле Звездного Покрова. Вот оно. Ему надоело прятаться и ничего не делать.

— Эльфы начали действовать, — величественно сказал Тентар Терамос осколкам стекла у своих ног. — Я должен быть там. По крайней мере, я смогу узнать об этом хаосе заклинаний столько же, сколько они.

Он отрезал себе кинжалом большой кусок сыра, завернул его в старое одеяло вместе со своей походной книгой заклинаний и засунул сверток в потрепанную старую заплечную сумку. Вложив клинок обратно в ножны, Тентар призвал мерцающую силу своего медальона и произнес заклинание, которое уже давно было у него наготове.

— Прощайте, старые камни, — сказал он своей Башне, бросая на нее, возможно, последний взгляд. — Я вернусь — если смогу.

Мгновение спустя пол, на котором он стоял, был пуст. А еще через мгновение спустя другое сигнальное заклинание разлетелось вдребезги в комнате, где никого не осталось, чтобы услышать.

Слишком часто жизнь архимага такова.

* * * * *

Возбуждение горело в ней, подскакивая к отсутствовавшему горлу, как не бывало годами.

Осторожно, Саэреде. Не потеряй ничего из-за спешки... Тебе уже много веков не к лицу дрожать, будто деве... казалось бы.

Как струйка темного дыма в темноте, Саэреде взлетела по тонкой щели в задней части пещеры обратно в главную комнату наверху. Она давно приготовила это заклинание, и он не мог прервать ее. В мгновение ока все было сделано, серый дым потек наружу, чтобы осесть старым камнем на вершине шахты. Его завеса показалась бы любому на поверхности приподнятым каменным полом, полностью скрывавшим устье колодца. Ее добыча оказалась в ловушке под этой паутиной так

же верно, как если бы это был твердый камень. Саэреде позволила себе немного позлорадствовать, прежде чем снова нырнуть в холодный темный камень.

Теперь пусть мой принц-спаситель освободит меня... и добровольно придет на медленную бойню.

Она нырнула в пещеру как стрела, падающая на землю. Эльминстер нахмурился и посмотрел вверх, почувствовав какое-то магическое возмущение, но ничего не уловил, и после долгого, подозрительного времени магического осмотра пыльной темноты он возобновил свое осторожное продвижение. Этого времени было более чем достаточно для Саэреде, чтобы подкрасться к одной из рун через потрескавшийся камень под ней, заставив ее слабо светиться.

Эльминстер остановился перед ней и уставился на незнакомые изгибы и росчерки. Он не узнал ни одного из этих символов. Они выглядели сложными и старыми, и это, конечно, наводило на мысль об исчезнувшем Нетериле... или любом из множества его отголосков, мимолетных царств, следовавших за его падением, с их самозванными королями-волшебниками. Если хоть какая-нибудь из ветхих старых хроник, которые он читал за эти годы, была правильной.

Только этот символ светился. Эл пристально уставился на него.

— Здесь дремлет разум, — пробормотал он, — но чей?

Только тишина была ему ответом. Последний принц Аталантара изобразил подобие улыбки, вздохнул и применил расковывающие чары. Тихое эхо его заклинания все еще возвращалось к нему от стен вокруг, когда призрачная голова и плечи вырвались из бледного звездного свечения руны. На него взирали темные влажные глаза, длинная и стройная шея поднималась от плеч поразительной красоты. Длинные волосы ниспадали на пышную грудь, но, казалось, его заклинание не могло полностью освободить это видение от власти теперь пульсирующей руны.

— Освободи меня! — голос был прерывистым шепотом, доносившимся из одинокой дали. — О, если доброта и милосердие богов что-то значат для тебя, позволь мне быть *свободной*!

— Кто ты такая? — тихо спросил Эл, отступая на шаг и опускаясь на колени, чтобы внимательнее взглянуть в призрачное лицо: — И что это за руны? Призрачные губы, казалось, дрожали и задыхались. Когда ее голос снова зазвучал, в нем чувствовалась высокая певучая нота той, кто одержал победу над болью.

— Я Саэреде ... Саэреде Лионора. Я привязана здесь так долго, что не знаю, сколько лет прошло.

При последних нескольких словах она, казалось, потускнела и снова погрузилась в руну по самые плечи.

— Кто привязал тебя здесь? — спросил Эльминстер, бросив быстрый взгляд на пустую, настороженную темноту вокруг. Да, так оно и было: он не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают... и не только темные призрачные глаза, парящие у его ног.

— Я была связана тем, кто создал эти руны, — сказала ему шепчущая тень. — Моя воля и сущность — это то, что дает им силу.

— Почему ты была связана? — тихо спросил Эл, глядя в глаза, в глубине которых, казалось, таились крошечные звездочки, когда они умоляюще вглядывались в него.

Ответ был такой тихий, что он едва расслышал его. И все же вместо со вздохом ясно прозвучало:

— Карсус был жесток.

Брови последнего принца Аталантара взлетели вверх. Он знал это имя. Самый Гордый Маг из Всех, кто в своей безумной глупости осмелился попытаться завладеть силой божественности и был обречен на вечную гибель. Имя «Карсус» означало опасность для любого разумного мага. Глаза Эльминстера сузились, он отступил назад и тут же пробормотал заклинание. Был ли это связанный дух, нежить, волшебная тень или живая женщина, он будет знать, правду она скажет или ложь. Конечно, эта Саэреде, скорее всего, была сильной колдуньей, возможно, ученицей или соперницей Карсуса, раз ее выбрали для таких чар. Она поняла, что он только что наложил заклинание правды. Их взгляды встретились, разделяя понимание, и Эльминстер пожал плечами. Она отвечала так правдиво, как только могла, скрываясь только за своей краткостью. Подобно дуэлянтам, им придется взвешивать слова друг друга и тщательно планировать. Он произнес заклинание, которое должен был использовать перед входом в шахту, вызвав вокруг себя защитную мантию, и снова шагнул вперед.

В темноте глубины пещеры, куда не достигало мерцание мантии, в глазах невидимого наблюдателя с новой силой вспыхнула ярость.

— Что ты будешь или должна будешь делать, если тебя освободят? — спросил Эл у головы.

— Жить снова, — выдохнула она. — О, человек, освободи меня!

— Что твое освобождение сделает с рунами?

— Пробудит их по одной, — простонала призрачная голова, — и тогда они будут истощены.

— Какими силами обладают пробужденные руны?

— Они вызывают образы Карсуса, который наставляет всех, кто смотрит на них, в магических искусствах. Карсус предназначал их для воспитания своего клона, спрятанного здесь.

— Что с ним стало? — резко спросил Эл, торопясь услышать ее ответ, пока заклинание правды не иссякло.

Темные, сверкающие звездами глаза, пристально смотрели на него.

— Когда сознание вернулось ко мне после моего связывания — думаю, прошло много времени, — я нашла его безголовым и высохшим на троне. Я не знаю, как это случилось.

Его заклинание рухнуло еще до того, как второе слово слетело с этих призрачных губ, но Эл почему-то поверил ей.

— Саэреде, как мне освободить тебя? — спросил он.

— Если у тебя есть подавление заклинаний или другие расковывающие чары, наложи его на меня... не на руну, а на меня.

— А если у меня нет такой магии?

Темные глаза блеснули.

— Встань надо мной так, чтобы твоя мантия касалась руны, и я окажусь внутри нее. Затем брось магический снаряд, и пусть его целью будет руна. Ты останешься невредим — а я освобождена. Имей в виду: это будет стоить тебе твоей мантии.

— Приготовься, — сказал Эльминстер и шагнул к ней.

— Человек, кажется, я ждала целую вечность; я хорошо подготовлена. Не прикасайся к руне своими сапогами.

Последний принц Аталантара убедился, что его ноги находятся подальше от светящегося знака, и осторожно прочитал заклинание. Его окутало клубящееся бело-голубое сияние, руна под ним вспыхнула ослепительным блеском, и он услышал, как Саэреде ахнула. Ее дыхание было прерывистым и быстрым, когда она прыгнула в разрушающуюся мантию. Когда Эл отступил назад, он увидел дикий восторг на ее лице. Вся магия, казалось, врывалась в нее, и с каждым мгновением она становилась все более плотной... более материальной. Ее мерцающая призрачная фигура стала цельной и приобрела темное платье. Она была широкоплечей, с тонкой талией и ростом с него, а то и. Ее волосы были распущены, бархатисто-черные длиной до талии. Брови поразительно темными стрелами над выразительно зелеными глазами. Ее лицо было гордым и живым — и очень, очень красивым.

— Приветствую тебя, маг-спаситель, — сказала она. Ее глаза светились благодарностью, когда последние огни магии проникли в нее. Единственный язычок пламени вырвался из ее рта, когда она заговорила. — Саэреде у тебя в долгу.

Она поколебалась, затем протянула тонкую руку.

— Могу я узнать твоё имя?

— Меня зовут Эльминстер, — сказал ей Эл, осторожно ступая вне досягаемости.

— Эльминстер, — выдохнула она, сверкая глазами, — о, прими мою *благодарность!*

Она обхватила себя руками, словно с трудом веря, что снова стала цельной и твердой, и шагнула вперед с руны. На ее ногах были остроносые черные сапоги на шпильках.

В тот момент, когда она сошла с руны, та вспыхнула. Из него вырвался ревущий столб белого огня, вдвое выше человеческого роста, и от него во все стороны повалил дым. Эльминстер отступил на шаг назад, прищулив глаза, а что-то невидимое в темноте глубокой расщелины зашевелилось и едва не выпрыгнуло вперед... но осталось там, где было, не так уж далеко от ничего не подозревающей спины мага.

— Саэреде, — рявкнул Эл, не сводя глаз с разворачивающейся магии, — что это?

— Магия руны, — ответила она, улыбаясь ему. — Карсус приготовил её, чтобы произвести впечатление на незваных гостей. Это безобидно, парад иллюзий. Смотри.

Она повернулась, чтобы посмотреть на столб пламени, скрестив руки на груди, с легким интересом на лице. Когда она это сделала, вздымающийся дым, казалось, застыл и сгустился. Арка из светящихся рун с поразительной быстротой соткалась из дыма и воздуха. Она появилась за огненной колонной, обрамляя ее, и выглядела такой же старой и прочной, как стены пещеры вокруг, но парила в нескольких футах над гладким каменным полом. Руны вокруг арки соответствовали тем, что были выгравированы на полу, за исключением того, что все они были в огне и даже плевались молниями... молниями пробужденной магии, теперь ползущими между ними почти непрерывно. Саэреде спокойно стояла, наблюдая, и Эл, пораженный внезапной мыслью, подошел к ней и указал на пустой трон.

— Не присядете ли вы, леди?

Саэреде одарила его ослепительной улыбкой, подняла руку в безмолвной благодарности, но не коснулась его, и села на трон. Пристальному взгляду Эла не было заметно никаких изменений ни в нем, ни в ней. Что ж. Так он ничего не узнал. Когда Саэреде скрестила ноги и непринужденно откинулась на каменную спинку сиденья, в столбе пламени появилось лицо — молодое лицо, окруженное взъерошенными волосами и короткой щетиной, глаза — две точки пылающего золота. Они были прикованы к трону, и когда Эльминстер внезапно и дико взмахнул левой рукой, глаза не двинулись, чтобы проследить за движением. Воздух в пещере внезапно наполнился певучим напряжением. Гордый рот открылся, и голос, исходивший из него, громом прокатился по разуму Эльминстера, а также по всей пещере.

— Я Карсус! Смотри на меня и страшись. Я Господин Господствующих, Бог Среди Людей, Верховный Чародей. Вся магия — мои владения, и все, кто ею занимается или шутит с ней без моего благословения, будут страдать. Уходи и живи. Задержись, и первое и наименьшее из моих проклятий немедленно начнет действовать на тебя, вырывая воспоминания из твоего мозга, пока не останется ничего, кроме вздыхающей тени.

При этих последних словах Эльминстер пристально посмотрел на Саэреде, но она спокойно сидела, наблюдая, как волосы на пылающей голове выплунули ореол молний в руны. Эхо могучего голоса все еще катилось по пещере, сотрясая ее и заставляя осыпаться пыль, когда молнии потускнели, взорвались дождем искр и исчезли, унося с собой иллюзию арки. Все еще продолжая жестоко улыбаться, лицо закрыло глаза, снова превратилось в столб пламени и исчезло. Через несколько мгновений пламя вернулось в руну, и она погасла, превратившись просто в темные и безжизненные бороздки на каменном полу.

— Это проклятие поразило тебя? — осведомился Эльминстер, шагая туда, где он мог видеть Саэреде.

Она приподняла уголок своего красивого рта в кривой улыбке.

— Отнюдь... как не тронуло и никого другого, потому что все это блеф. Поверь мне, я видела это много раз на протяжении долгих лет, когда мне становилось слишком одиноко без вида и звука другого человека. Это пустое предупреждение, не более. Эл кивнул, почти дрожа от нетерпения, и спросил: — Как можно увидеть сцены, удерживаемые другими рунами — и что именно в каждой из них?

Саэреде указала пальцем.

— В этой руне заключены два самых разрушительных заклинания, изобретенных Карсусом, магии, которой с тех пор не достиг никто другой, а также мощная защитная и исцеляющая магия. Он разместил их таким образом на случай, если его новому «я» срочно понадобится сражаться.

Ее указующий палец шевельнулся.

— Следующая руна содержит еще четыре заклинания, такие же мощные, как боевые, но более бытового плана. Одна создает летающий островок, чтобы служить оплотом для мага, который может затем изменять его магией. Второе останавливает и сдерживает воды реки, прокладывая новый курс для ее русла. Третье постоянно и с точной настройкой защищает область от определенных заклинаний или школ заклинаний, например, чтобы можно было применять удар молнии, а цепную

молнию — нет. Четвертое и последнее может помочь живому человеку избежать вреда, изменив его конечность или орган — Карсус чаще всего использовал это, чтобы переместить сердце или мозг в неожиданное место, или пересадить когти зверя туда, где были руки, или дополнительные глазные яблоки от других... Насколько я помню, он также дал некоторым людям жабры, чтобы они работали на него под водой.

Саэреде махнула рукой на изогнутый ряд рун.

— Остальные содержат меньшую магию, по четыре в каждой — и Карсус сам демонстрирует все заклинания, отмечая недостатки, детали и эффективные стратегии.

Она увидела голод на лице Эльминстера и подавила улыбку. Она видела это так много раз прежде... Даже Избранные были похожи на нетерпеливых детей, когда им предлагали новые игрушки. Она ждала вопроса, который, как она знала, должен был последовать. Эльминстер облизнул внезапно пересохшие губы, прежде чем смог сглотнуть, и тихо сказал:

— Я спросил, как можно пробудить эти руны, миледи, чтобы увидеть, что ждет внутри... и вы не ответили на это. Есть ли здесь какой-то секрет, какая-то опасность или предостережение?

Саэреде одала его теплой и приветливой улыбкой.

— Нет, сэр. Поскольку ты не Карсус и не способен творить магию, которая реагирует только на его кровь, это всего лишь вопрос времени — и твоего терпения.

Эл вопросительно поднял бровь, и ее улыбка стала шире и сменилась печалью.

— Только я могу активировать руны, — тихо добавила женщина на троне, — и я могу призвать силу только одной руны в месяц с помощью безымянного заклинания, вложенного в меня Карсусом. Это заклинание, которое я не знаю, как произносить, и я не могу научить ему другого. Я могу обратиться к нему только тогда, когда приходит время — и я не сомневаюсь, что это единственная причина, по которой я все еще существую.

Эльминстер открыл рот, чтобы что-то сказать, его глаза загорелись нетерпеливым огнем, но Саэреде подняла руку, чтобы остановить его речь, и добавила:

— Ты спросил об опасности? Есть одна, и она такова: должно быть, прошло много лет с тех пор, как я была связана здесь, ибо мои силы иссякли. Я могу пробудить одну руну, и не больше. Открытие другой уничтожит меня — и вся магия, хранящаяся здесь, иссякнет и будет потеряна. Она не может существовать без меня.

— Значит, нет никакого способа увидеть хранящиеся здесь заклинания Карсуса — или, по крайней мере, более одной четверки из них?

— Есть способ, — тихо сказала Саэреде, не сводя с него глаз. — Если ты используешь то последнее заклинание, о котором я говорила, не для того, чтобы дать мне жабры или хвост, а для передачи в меня магической силы... магии другого заклинания, которое исцеляет или придает жизненную силу, или помещает живую силу Искусства в предметы, чтобы зарядить их. Все это должно работать. Эльминстер нахмурился в раздумье.

— И мы должны ждать здесь месяц, чтобы увидеть руну, которая содержит это заклинание?

Саэреде развела руками.

— Ты освободил меня и пробудил первую руну. Сейчас я все еще могу пробудить руну — и я обязана тебе самой своей жизнью. Хотел бы ты увидеть упомянутую мной руну с заклинанием, которое позволит мне жить, чтобы открыть другие для тебя?

— Да, — нетерпеливо сказал Эл, шагая вперед.

Саэреде поднялась с трона и предупреждающе подняла руки.

— Помни, — серьезно сказала она, — ты увидишь, как Карсус учит себя произносить эти заклинания, и затем руна будет мертва навсегда. Ее заклинания — заклинания, которые ни ты, ни любой другой живой маг, возможно, теперь не сможете произнести — будут потеряны вместе с ней. Она сделала два медленных шага в сторону от Эльминстера, затем повернулась к нему лицом, указывая вниз на руну.

— Если ты хочешь сохранить ее силу и иметь возможность снова увидеть ее в будущем, есть способ... но он в значительной степени потребует твоего доверия.

Брови Эльминстера снова поползли вверх, но он сказал только:

— Продолжай.

Саэреде развела пустыми руками в старинном жесте, который торговцы используют, чтобы показать, что они безоружны, и мягко сказала:

— Ты можешь направить энергию в руну через меня. Прикоснись ко мне, когда я стою на руне, и произнеси свое заклинание, выбрав ее целью. Узы, наложенные на меня Карсусом, уберегут меня от вреда и передадут ярость твоей магии в руну. Одного мощного заклинания должно хватить... или пары меньших.

Глаза последнего принца Аталантара сузились.

— Мистра защити, — пробормотал он, неохотно поднимая руку.

— Эльминстер, — умоляюще сказал Саэреде, — Я обязана тебе своей жизнью. Я не причиню тебе вреда. Прими все меры предосторожности, какие сочтешь нужным — повязку на глаза, узы, кляп.

Она протянула к нему руки, скрестив запястья друг на друге в жесте покорности.

— Тебе не нужно меня бояться.

Эльминстер медленно шагнул вперед и взял ее холодную руку в свою.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ БОЛЬШЕ КРОВИ, ЧЕМ ГРОМА

Гром королевского языка всегда может пролить больше крови до рассвета следующего утра, чем его собственный вес в золоте.

*Минтипер Лунное серебро, Бард
из баллады **Зарождение великих перемен**,
впервые исполненной примерно в Год Меча и Звезд.*

Прикосновение Саэреде было холодным — холоднее, чем любые ледяные реки, в которые он погружался, холоднее даже, чем укус голубого ледника, который когда-то обжигал его обнаженную кожу. *Боги!* Эльминстер попытался отдышаться, слишком потрясенный, чтобы даже застонать. На лице, так близко находившемся к нему, не было и намека на торжество, только тревожное беспокойство. Эл уставился в эти прекрасные глаза и заревел от боли в бессловесном крике, который эхом разнесся по пещере. Мгновение спустя ему ответил более сильный рев, грохот, который потряс пещеру и расколол ее мрак вспышкой света — вспышкой, которая заставила все руны на мгновение загореться, и заставила тонкую сокрытую фигуру поспешно отпрянуть в свою щель, никем не замеченной.

Одно из ее лучших заклинаний разбилось вдребезги, как стеклянный кубок, брошенный на камни, — и это не могло быть делом рук беспомощного, дрожащего мага в ее руках. О, правило темной удачи: были ли на Избранных заклинания, которые сами звали на помощь? Саэреде выпрямилась, сверкая глазами, и прорычала:

— Кто?..

Свет, пронзивший шахту на этот раз, был не вспышкой разрушения, а золотым столбом более длительного колдовства. Четыре фигуры плавно спустились на своей магии в пещеру с тронem. Трое мужчин в этом столбе света были старыми, тучными и изумленными. Каладастер, Белдрун и Табараст с благоговением смотрели на своего товарища. Тихий Арфист только что разрушил заклинание, которое сотрясло даже деревья на своем пути, и смел толстый каменный пол небрежным взмахом руки. Он сделал несколько шагов вперед, ободряюще улыбнулся им, и еще один жест поднял их в сияние и понес в шахту.

— Эльминстер, — решительно сказал четвертый мужчина, когда его сапоги коснулись каменного пола так же легко, как падающее перо целует землю, — отойди от этих рун. Мистра запрещает нам делать то, что ты пытаешься. Задышающийся Эльминстер только сейчас обрел дар речи. Он повернулся, неловко пошатнувшись, с дрожащими конечностями, и резко сказал тонкими и синими губами:

— Мистра запрещает нам делать, но смотреть — никогда. Кто ты?

Мужчина слегка улыбнулся, и его глаза превратились в два копыта магического огня, вонзившихся через пещеру в Саэреде.

— Зови меня Азут, — ответил он.

— Заклинание снова не сработало, м-милорд, — сказал человек в мантии, тщетно пытаясь говорить ровно.

Лорд Эсбре Фелморель коротко кивнул.

— Можешь удалиться. Оставайся там, откуда мы сможем быстро позвать тебя, если потребуется.

— Будет исполнено, милорд, — пробормотал волшебник. Он не то чтобы бросился бежать, когда выходил из комнаты, но глаза обоих охранников у двери блеснули, когда он проходил мимо.

— Насмаерэ?

Леди Фелморель подняла на него несчастные глаза и сказала:

— Это не моих рук дело, милорд. Молитвы Пресвятому Азуту — вот и все мое касание к Искусству. В этом я клянусь.

Большая волосатая рука накрыла ее руку.

— Будьте спокойны, миледи. Я могу забыть этот тяжелый урок не больше, чем вы. И я знаю, что вы не забываете и не преступаете границы дозволенного. Я видел вашу кровь на плитках перед алтарем и видел вас во время молитвы. Вы унижаете себя так, как может только тот, кто действительно верит.

Улыбка на мгновение тронула его губы и снова исчезла.

— Знаешь, сейчас ты пугаешь людей больше, чем когда управляла этим замком своим колдовством. Они говорят, что ты разговариваешь с Азутом каждую ночь.

— Эсбре, — прошептала его леди, не сводя с него глаз, несмотря на румянец, окрасивший ее лицо, шею и за ее пределами в пунцовый цвет, — я верю. И сейчас я напугана больше, чем когда Азут отобрал у меня мое Искусство на твоих глазах. Вся магия идет наперекосяк, во всех Королевствах. Все снова будет зависеть от самого острого меча и волчьей хитрости, и ни один из наших наемных магов не сможет нам помочь!

— И что плохого в том, чтобы полагаться только на острые мечи, сильные руки и хитрость воинов?

— Эсбре, — прошептала леди Насмаэре, поднимая губы, чтобы коснуться его губ, но слишком медленно, чтобы он не заметил яркий блеск непролитых слез, навернувшихся ей на глаза, — Как долго ты сможешь противостоять врагу за врагом без разрушительных заклинаний наших магов? Сколько острых мечей и сколько хитрости у орды орков?

* * * * *

Звон множества колокольчиков разнесся по залу. Он почти оглушил Эльминстера, когда издававший его холодный ветер пронесся сквозь него, снова погрузив в ледяную неподвижность. Призрачный туман, который был Сазреде, извивался и закручивался вокруг него спиралью, словно бы неповрежденный ревущими лучами огня, которые бросил Азут сквозь нее в Эльминстера. Лед, затем огонь — огонь, который поднял его в воздух в вихре сражающегося тумана и пламени и снова опустил на землю, шатающегося, ошеломленного и способного только блеять от бессловесной боли.

— Вот, — пробормотал Табараст побелевшими и дрожащими от страха губами, — это наш Эльминстер, которого вы сокрушаете, сэр... ваша, э-э, Божественность, сэр!

— Освободись от нее, — тихо сказал Арфист, оказавшийся Азутом. Его взгляд больше не пылал, но теперь был устремлен в прищуренные от боли глаза Эльминстера, — или ты обречен.

— Я бы сказал, что ты все равно обречен, — произнес насмешливый голос сверху, и пять посохов плюнули в унисон, обрушив на шахту сокрушительный дождь обреченности.

* * * * *

Начальница Послушников шагнула сквозь черный занавес висящих цепей с тем непререкаемым ощущением бессердечной власти, которое заставляла низшее духовенство так бояться ее. Жестокая колючая плеть висела у нее на плече, готовая рвануться вперед при малейшем действии или бездействии, которое ей не понравится, и на ее лице под рогатой черной маской была улыбка безжалостного предвкушения. Даже две жрицы-хранительницы Палаты отпрянули от нее, но она проигнорировала их и зашагала дальше. Подкованные металлом каблуки ее черных сапог до бедер стучали по плиткам и привели сквозь три занавеса ткани в самое сокровенное место созерцания Темной Леди — Бассейн Шар. Фигура двигалась во мраке за бассейном, фигура в знакомом рогатом головном уборе и темно-фиолетовой мантии. Ужасная Сестра Клалаэра немедленно опустилась на колени, держа обеими руками свою плеть. Неторопливой походкой Темная Госпожа обошла чернильные воды и забрала её у нее. Начальница немедленно наклонилась вперед, чтобы поцеловать острые, как ножи, носки сапог Темной Госпожи, прижимая язык к холодному, окровавленному металлу, пока плеть не опустилась на ее спину. Та горела, несмотря на переплетение перекрещенных шнуровок, которые были частью одежды, но это был знак гордости — не вздрагивать и не ахать. Она держалась твердо, ожидая второго удара, который означенвал бы неудовольствие ее госпожи, или дождя порезов, которые означали, что Авроана в ярости. Ничего не последовало, и плавным движением, которое почти сумело скрыть ее облегчение, она снова выпрямилась в сидячее положение, чтобы Авроана поднесла плеть к губам. Она поцеловала её, получила назад и расслабилась. Ритуал был завершен.

— Ваше Темнейшество? — спросила она, как это было принято.

— Клалаэра, — сказала Темная Госпожа с легким нетерпением, и эта фамильярность заставила Начальницу напрячься от волнения, — мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня. Несмотря на заверения Нарлконда, эти пять Заклинателей Ужаса подведут нас. Ты должна быть ударной рукой, которая воздаст им за их проступки. Если они предадут Дом Святой Ночи, ты должна свершить над ними правосудие Дома, какова бы ни была опасность для тебя. Я требую этого. Этого требует само Пламя Тьмы. Самая дорогая из моих верующих, ты сделаешь это для меня?

— С радостью, — серьезно сказала Клалаэра. Снова выйти за пределы Дома! Дышать свободными ветрами Фаэруна, на открытом воздухе, и снова видеть земли, раскинувшиеся перед ней! О, Авроана!

— Добрейшая госпожа, — сказала она дрожащим голосом, — что я должна делать?

* * * * *

Шум ударил их по ушам. Клубилась пыль, земля дрожала и вздымалась под сапогами, и тут и там взлетали каменные плиты, подбрасываемые в воздух гейзерами поднимающегося пара.

Пять Заклинателей Ужаса обменялись благоговейными, восхищенными взглядами, рев высвобожденной магии заглушил их крики возбужденного одобрения, и они изливали смерть, пока Элрин не хлопнул их по рукам и не взмахнул скипетрами в своих руках — оружием, которое он выхватил из-за пояса после того, как его посох разрядился. Когда он привлек их внимание, старший Темный Брат направил скипетры под углом к полу рядом с шахтой. Если их огонь прорвется в пещеру внизу, он прожжет наклонный путь, ведущий туда, где шпионское заклинание Элрина показало ему ошеломляющего Избранного рядом с тронном и кольцом или полукольцом рун, которые по случаю можно было бы заставить взорваться. Уничтожение Избранного было, в конце концов, их святой миссией. Когда Фемтер, Велам и Хрельграт с неустрашимым энтузиазмом нацелили свои посохи, Элрин отступил на шаг или два и увидел, что Далут на дальней стороне группы делает то же самое. Они обменялись невеселыми улыбками. Если бы была обратная реакция, кто-то должен был выжить, чтобы сообщить об этом далекой Темной Госпоже или продемонстрировать по той связи, которую она использовала, чтобы шпионить за ними, какую участь она допустила. Возможно, это даже позволило бы двум ложным волшебникам разойтись в разные стороны по Фаэруну, унося столько зачарованных предметов, что они едва могли стоять. Более разумное время для таких мечтаний наступит позже — когда они не будут стоять в руинах с привидениями на закате в самом сердце убивающего леса, лишенного жизни, и у них под ногами не будут сражаться известный Избранный, сумасшедший, который считает себя богом, и призрак волшебницы. Но пока они перебрасывались заклинаниями вокруг старых и мощных волшебных рун, вырезанных на каменном полу для какой-то древней и очень важной цели. Гром разрушительной магии не ослабевал, младшие Заклинатели Ужаса смеялись и ликовали от чистого прилива силы под их контролем. Стены рухнули, разбивая шкафы, а полы, которые их поддерживали, растаяли и рухнули во все увеличивающуюся пропасть. Деревья вокруг застонали и заскрипели, когда земля сдвинулась с места.

Далут держал свои собственные палочки направленными прямо вниз, на самозваного Азута и его спутников. Он видел небрежные взмахи руки, которые творили то, для чего большинству архимагов требовались долгие и сложные ритуалы. Бог, или аватар, или дерзко блефующий архимаг, кем бы он ни был, его нужно уничтожить. Элрин нацелил свои скипетры, чтобы выстрелить через открытое пыльное пространство вслед за тремя посохами, которые теперь, один за другим, истощались и были отброшены в сторону в пользу нетерезских скипетров, чьи ударные волны были почти такими же мощными. Избранный или нет, ни один волшебник-одиночка не смог бы устоять невредимым перед лицом такого разрушения. Элрин зарычал, когда скипетр рассыпался в прах, и схватил другой на замену. Нет, у человека не было ни малейшего шанса пережить это. Почему же тогда ему было так не по себе?

* * * * *

Край пещеры исчез в падающих камнях, вспышках и каменных брызгах вызванных заклинаниями взрывов. Плиты пола подпрыгнули вверх, когда по ним прокатилась ударная волна, опрокинув трон. Еще больше камней откололось и упало с потолка, подпрыгивая среди бушующей там ярости. Стоя на коленях, ошеломленный Эльминстер наблюдал затуманенными от боли глазами, как обвал потолка продолжался по неровной линии, направляясь к нему. Куски камня больше размером, чем он, рушились или были отброшены в сторону бесконечным ревущим приливом. Кто-то или что-то наверху, должно быть, пытается убить его или уничтожить руны... Не то чтобы он страдал от нехватки врагов поблизости. Саэреде, которая, должно быть, солгала ему обо всем, кроме того, кто нанес здесь руны, скакала на нем, как конный рыцарь, ее когти сомкнулись у него на горле и обжигали спину ледяным железом. Он знал еще до того, как попробовал, что никакое движение или удар о стену не смогут причинить ей вреда или сдвинуть ее с места. Как можно раздавить или соскрести клочок призрачного тумана? Однако он должен был двигаться, иначе его похоронят или разорвут на части рычащие, дымящиеся стрелы и лучи магии, которые прогрызали себе путь сквозь землю и камень, чтобы добраться до него. Эл застонал и прополз немного по вздымающимся камням — пока руны Карсуса не вспыхнули раскаленными добела столбами пламени, один за другим. Когда они лизали и обжигали рушащийся потолок, магия играла по всей пещере, танцуя пурпурными молниями, и странные полуразличимые формы и образы формировались, разрушались и снова формировались в бесконечном параде. Последний принц Аталантара ударился носом и плечом о плиту пола, которая поднималась ему навстречу, и перевернулся со стоном боли и отчаяния. Когда он вцепился в края камня окровавленными, слабыми пальцами, пытаясь снова встать, камень растаял, превратившись в дым, и в него ворвалась раздирающая магия. Ах, ну вот и все... Прости меня, Мистра.

Но никакой агонии не последовало, и ничто не вцепилось в его плоть, чтобы расплавить, иссушить и разорвать... Вместо этого он был перевернут, как будто пустым воздухом, и светящееся ничто окружило его веревками сияния. Смутно, сквозь слезы и кружащиеся пылинки света, Эльминстер видел, как магия несется к нему со всех сторон, притягивается к нему, поворачивает в своем танце, чтобы ворваться внутрь. Дикий смех поднялся вокруг него, высокий, резкий и ликующий. Саэреде! Она обвилась вокруг него, цепляясь за паутину светящегося тумана, который становился все гуще и ярче по мере того, как она насыщалась магией, призрак яркого волшебства. Солнечный свет теперь проникал в расколотую пещеру, но клубящаяся пыль скрывала все во мраке — все, кроме поднимающегося гиганта, сформировавшегося вокруг слабо корчившейся фигуры Эльминстера. Рунное пламя извивалось в воздухе, вливалось в Саэреде, и она поднималась все выше, словно существо из потрескивающего огня. Эл напрягся, чтобы взглянуть на нее — и два темных пятнышка среди магического огня превратились в глаза, которые смотрели на него с холодным торжеством... затем из пламени выплыл рот и жестоко улыбнулся.

— *Теперь ты мой, глупец,* — прошептала она хриплым шипением огня, — *на то короткое время, что ты продержишься...*

* * * * *

— Лорд Фессамель Арандер, Лорд Заклинаний, — величественно объявил управляющий, когда двери широко распахнулись. Волшебник медленно шагнул между ними с холодной усмешкой на острых чертах лица. На нем была мантия без украшений, черного цвета с высоким воротником, которая делала его худощавую фигуру похожей на могильный обелиск, а невысокая, более пышно сложенная дама в платье зеленого цвета цеплялась за его руку, и в ее больших карих глазах плясало живое озорство.

— Господа, — начал он без любезностей, — зачем вы пришли сюда ко мне еще раз в этот день? Сколько раз вы должны услышать мой отказ, прежде чем слова проникнут в ваши черепа?

— Рад встрече, лорд Арандер, — сухо сказал торговец Фелбеллоу. — Надеюсь, утро застало вас в добром здравии?

Арандер бросил на него испепеляющий взгляд.

— Избавь меня от своего подхалимажа, продавец тряпья. Я не продам этот дом, воздвигнутый могущественной магией, и ни шага своей земли, независимо от того, как сладко вы упрашиваете или сколько золота предлагаете. Зачем мне нужны монеты? Если уж на то пошло, зачем мне наряды?

— Да, я согласен с этим, — проворчал один из других торговцев. — Не могу представить, как он выглядит в хорошей одежде. Ноги не те.

— И бедер тоже нет, — добавил кто-то еще.

Послышалось несколько смешков со стороны торговцев, столпившихся в дверях. Волшебник оглядел их всех с холодным презрением и тихо сказал:

— Я устал от этих оскорблений. Если вы не покинете мои залы к тому времени, как я закончу Заклинание Призрака, когти моих духов-хранителей...

— Леди Фейя, — спросил Халдер Фелбеллоу, — разве он не видел документы?

— Конечно, видел, добрый сэр Фелбеллоу, — мелодично произнесла дама в зеленом. Одарив их всех улыбкой, она отошла от своего лорда и вытащила полоску сложенного пергамента: — И он даже подписал их.

Она протянула их Фелбеллоу, который нетерпеливо развернул их. Мужчины позади него столпились, чтобы посмотреть. Лорд Заклинаний уставился на бумагу и торговцев, затем на Фейю.

— Ч-что здесь происходит? — выдохнул он.

— Разумная необходимость, милорд, — сладко ответила она. — Я так рада, что вы сочли разумным подписать его. Это очень заманчивое предложение — достаточное, чтобы вы могли полностью отказаться от занятий магией, если пожелаете.

— Я ничего не подписывал, — выдохнул Арандер с побелевшим лицом.

— О, но вы сделали это, милорд, и так страстно, — ответила она, и в ее глазах заплясали огоньки. — Вы что, забыли? В то время ты отметили твердость и плоскость моего живота, что сделали ваш почерк таким легким. Насколько я помню, подпись была довольно размашистой.

Арандер напрягся.

— Но... это был...

— Низменный обман? — усмехнулся один из торговцев. — Ах, молодец, Фейя! Кто-то еще разразился лающим смехом, и третий кто-то пробормотал:

— Богато, да уж.

— Ученица, — свирепо прошептал Лорд Заклинаний, — *что ты наделала?* Леди Фейя сделала три быстрых шага в сторону от него, в самую толпу торговцев, которые растаяли, освобождая ей дорогу, как туман перед пламенем, и повернулась к нему лицом, положив руки на бедра.

— Помимо всего прочего, Фессамель, — тихо сказала она ему, — за последние десять дней я убила двух человек, которые пришли свести старые счета с тех пор, как твои заклинания подвели тебя, и об этом распространились слухи.

— *Фейя! Ты с ума сошла?* Рассказывать об этом...

— Они знают, Фесс, они знают, — сказала ему леди с холодным презрением. — Весь город знает. У каждого мага заклинания сошли с ума, не только у тебя. Если бы ты обратил хоть каплю внимания на Фаэрун за твоим окном, ты бы уже это знал.

Лорд Заклинаний побледнел, как старые кости, и уставился на нее, разинув рот, как рыба, задыхающаяся без воды. Все ждали, когда он снова обретет дар речи. Это заняло довольно много времени.

— Но... значит, твои заклинания все еще действуют? — наконец сумел спросить он.

— Ни одно, — решительно сказала она. — Я убила их этим.

Она вытащила крошечный кинжал из ножен на бедре, затем откинула левый рукав, чтобы обнажить длинную широкую линию сосновой смолы и бинтов. — Вот как я это получила.

— Эти торговцы тоже приходили, чтобы... чтобы..? — слабо спросил Арандер, покачиваясь на каблуках. Его руки дрожали, как у больного старика.

— Я пошла к ним, — сказала ему Фейя резким тоном, — чтобы попросить их снова сделать предложение, от которого ты так *очаровательно* отказался два месяца назад. Они были достаточно добры, чтобы услужить, хотя вполне могли натравить своих собак на меня: ученицу человека, который за ночь превратил троих из них в свиней.

Среди торговцев вокруг нее послышался сердитый ропот воспоминаний и согласия. Арандер отступил назад и исключительно по привычке поднял руку, чтобы произнести заклинание, прежде чем опустить ее с выражением болезненного отчаяния.

Его леди выпрямилась и сказала более спокойно:

— Итак, теперь сделка заключена. Ваша башня и все эти земли, начиная с сегодняшнего полудня и впредь, принадлежат этой клике торговцев и может быть использована по их усмотрению.

— И... и что будет со мной? Боги, женщина...

Фейя подняла руку, и невнятная речь волшебника оборвалась, словно отрезанная ножом. Кто-то усмехнулся.

— Мы, милорд, вольны беспрепятственно жить в Южном Шпиле, накладывая заклинания — до тех пор, пока они не причинят вреда или не нанесут ущерб никому в этом владении — столько, сколько пожелаем... или сможем. Ты, Фесс, получаешь

двести тысяч золотых монет — вот почему все эти добрые люди здесь — достаточное количество дров и дюжину оленей в год.

Не говоря ни слова, Халдер Фелбеллоу положил мешок на боковой столик. Тот приземлился с тяжелым звоном монет. Мясник Вендел последовал за ним, затем, один за другим, все остальные. Мешки поднимались, пока не достигли стены. Стол протестующе скрипел. Глаза Арандера выпучились.

— Но... у вас не может быть достаточно золота, ни у кого из вас!

Его дама присоединилась к нему в изящном зеленом платье и успокаивающе положила руку ему на плечо.

— У них есть покровитель, Фесс. Теперь вежливо поблагодари их. Нам нужно кое-что упаковать, или тебе *придётся* носить мои платья.

— Я... я...

Ее доселе нежная рука сильно толкнула его в ребра.

— Милорды, — сглотнул Арандер, — я не знаю, как вас благодарить.

— Фессамель, — добродушно сказал Фелбеллоу, — вы только что это сделали. Примите и нашу благодарность. И удачи в Южном Шпиле, да? Арандер все еще сглатывал, когда торговцы, посмеиваясь, вышли. Однако звуки, которые он издавал, превратились в хныканье, когда их отступление показало человека, который все это время спокойно сидел позади них. Слабое свечение смертоносной магии играло на обнаженном широком мече, который лежал у него на коленях. Этот клинок был в умелой хватке больших волосатых рук знаменитого воина Барундрин Харбрайта, чья улыбка, когда он поднялся и посмотрел прямо в глаза волшебнику, была ледяной.

— Итак, мы снова встретились, Арандер.

— Ты...! — рычание волшебника исходило из яд.

— Теперь ты мой арендатор, маг, так что избавь меня от обычных проклятий и плевков. Если ты меня сильно разозлишь, я отнесу тебя под мышкой к ручью, где играют малыши, и отшлепаю по заднице, пока она не станет красной, как редиска. Мне сказали, что это ничуть не помешает твоему колдовству.

Одна большая рука с толстыми пальцами небрежно махнула в воздухе мимо носа Арандера. Волшебник встревоженно моргнул.

— Что? Кто?..

— Сказал мне об этом? — Харбрайт приподнял подбородок в нежной улыбке, которая была направлена мимо плеча Арандера.

Лорд Заклинаний обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть кошачью улыбку Фейи, выплывающей из двери, через которую они вошли вместе. Затем она показалась полностью, видение в лесной зелени. Лорд Фессамель Арандер застонал, покачнувшись на ногах и повернулся, готовый разрыдаться от ярости, убежать от всего этого. Но тут же резко остановился, взвизгнув от настоящей тревоги, когда он обнаружил, что вот-вот наткнется прямо на край светящегося клинка Харбрайта. Его глаза медленно и неохотно поднялись от стали, преграждавшей ему путь, к огромному и неуклюжему воину, который держал ее. В глазах Барундрин Харбрайта было что-то похожее на жалость, когда он прогрохотал:

— Почему волшебники, при всем их уме, так медленно усваивают жизненные уроки?

Клинок скользнул вниз и в сторону, ища ножны, и большая и твердая рука опустилась на дрожащее плечо волшебника.

— Маги, как правило, живут дольше, Арандер, — мягко сказал Харбрайт, — если им удастся противостоять самым привлекательным из своих искушений.

* * * * *

Шарранцы уже начали потеть от сильного напряжения, прицеливаясь и удерживая равновесие, пока Искусство, которым они управляли, отбрасывало старые камни и землю, чтобы пробить дыру в крепости и убить существ внизу. Элрин наблюдал, как Фемтер вздрогнул и стряхнул дымящиеся осколки кольца с пальца, Хрельграт отбросил в сторону свою третью палочку, а Далут сунул разрядившийся скипетр обратно за пояс.

— Хватит, — взревел Элрин, размахивая руками. — Хватит, Заклинатели Ужаса Шар!

Что-то нужно было сохранить на случай, если в этот день они встретятся с другими врагами, или, боги небесные, там внизу еще кто-то был жив. Жрецы-волшебники, повернули головы во внезапном умиротворении и заморгали, как будто забыли, кто и где они были.

— У нас есть святая задача, Темные Братья, — напомнил им Элрин, добавив сожаления в свой голос, — и она не в том, чтобы плавить землю и камень в забытых руинах в сердце леса. Наша добыча — Избранный. Что с ним?

Три головы уставились на клубящуюся пыль. Все пятеро посмотрели вниз в шахту, откуда они начали, где пыль струилась лишь несколькими языками. Там внизу были обломки и...

Один из шарранцев недоверчиво вскрикнул. Арфист, который утверждал, что он Азут, спокойно смотрел на них, стоя примерно там же, где он был, когда начался их обстрел. Трое стариков, все еще благоговейно моргая, стояли вокруг него. Он, они и пол на дне шахты казались нетронутыми.

— Закончили? — тихо спросил он, глядя на них спокойными серыми, как штормовой дым, глазами. Элрин почувствовал, как холодный страх подступил к горлу и медленно скатился в низ живота, но Фемтер прорычал: — Шар, заberi этого человека! — и выхватил из-за пояса волшебную палочку. Прежде чем Элрин или Далут смогли остановить его, Фемтер наклонился над колодцем и прорычал слово, которое послало полосу пламени вниз, во мрак внизу, прямо в запрокинутое лицо сероглазого мужчины. Арфист не пошевелился, но его рот каким-то образом растянулся шире, чем должен быть рот человека, и пламя попало прямо в него. Он на мгновение вздрогнул, когда огонь целиком проник в его жизненно важные органы. Судя по тому, как споткнулись трое стариков вокруг него, казалось, что какая-то магия удерживала их на расстоянии, двигая вместе с ним. Мгновение спустя огненный шар взорвался с глухим грохотом. Арфист стоял с беззаботным выражением лица, а из его ушей повалил дым.

Он бросил на наблюдающих за ним шарранцев укоризненный взгляд и заметил:

— Нужно еще немного перца.

* * * * *

Заклинатели Ужаса дико закричали и убежали еще до того, как Азут опустил голову и снова посмотрел через расколотую пещеру на Эльминстера.

— Я не шучу,—серьезно сказал он. — Ты должен освободиться от нее.

— Я... не могу, — выдохнул Эльминстер, глядя в темные глаза Саэреде, когда она с триумфом поднялась над ним как какая-то гигантская змея, обвивающаяся вокруг него большими сжимающимися кольцами.

— И никогда не сможешь, — торжествующе выдохнула она. Ее холодные губы были в нескольких дюймах от его. Он чувствовал ледяной холод ее дыхания на своем лице, когда она промурлыкала:

— С силами Избранного и всей мощью, которую Карсус оставил здесь, мне нипочем даже такой, как *он*.

Она подняла голову, чтобы бросить на Азута вызывающий взгляд, и сжала одну гигантскую руку из твердого тумана вокруг горла Эла. Другие щупальца тумана поднялись вокруг них ограждающим частоколом, колыхаясь и хлеща по брошенным и разбитым каменным плитам. Последний принц Аталантара изо всех сил пытался дышать в ее объятиях, настолько задушенный, что не мог ни говорить, ни кричать, когда призрачная волшебница неторопливо превратила самый верхний завиток своих туманов в пышный и очень твердый человеческий торс, осанистый и смертоносный. На тонких пальцах выросли ногти, похожие на длинные когти, и когда они стали такими же длинными, как рука Саэреде, она почти с любовью потянулась к его рту.

На тонких пальцах выросли ногти, похожие на длинные когти, и когда они стали такими же длинными, как рука Саэреде, она почти с любовью потянулась к его рту.

— Только вототрежем язык, полагаю, — сказала она вслух, — чтобы предотвратить любые неприятные... Ах, но подожди немного, Саэреде, ты хочешь, чтобы он сказал тебе несколько вещей, прежде чем замолчит... Хмммм...

Острые, как бритва, когти пролетели всего в нескольких дюймах от плотно сжатого горла Эльминстера, чтобы вонзиться в первую попавшуюся обнаженную плоть. Сделав глубокие порезы на шее придушенного мага, она стряхнула его кровь каплями, которые попали в ее кружащийся туман, и торжествующе подняла свои запачканные когти к солнечному свету.

— Ах, я снова жива, — прошипела Саэреде, — жива и невредима! Я дышу, я чувствую!

Она поднесла эту руку ко рту, прикусила костяшки пальцев и протянула руку к мрачно наблюдающему аватару Азута, чтобы он увидел льющуюся кровь. — Я истекаю кровью! Я *живу*!

Затем темные глаза расширились в неверии, она закричала, покачнувшись и уставившись вниз, на скользкий от крови, дымящийся кончик меча, который только что пронзил ее грудь сзади.

— Некоторые люди живут намного дольше, чем следовало бы, — вкрадчиво произнес Илбрин Старим, державший рукоять, злорадно глядя в глаза мага, все еще застывшего в объятиях Саэреде. — Ты не согласен, Эльминстер?

* * * * *

Дверь широко распахнулась, со скрипом и грохотом ударив об обшитую тяжелыми панелями стену. Прошли годы с тех пор, как высокая, широкоплечая женщина, которая сейчас стояла в дверях, носила доспехи, которые она так ненавидела. Ее глаза сверкали от тревоги и гнева, когда она стояла, впиваясь взглядом в комнату, а наполовину обнаженный длинный меч на ее бедре блестел. Она выглядела как воин. Иногда Раунтлавону хотелось быть красивее, сильнее и лет на десять старше. Он бы многое отдал за то, чтобы такая великолепная женщина улыбнулась ему. Прямо сейчас она делала что угодно, только не улыбалась. Она смотрела на него сверху вниз, как будто нашла гадюку в своем ночном горшке — и его единственным утешением было то, что он был не единственным магом, катающимся по полу под ее недовольным взглядом. Его учитель, грубоватый, сардоничный эльф Айриклаунаван задыхался на прекрасном плетеном ковре на расстоянии вытянутой руки.

— Айрик, клянусь всеми богами, — прорычала леди-лорд Нуресса. — Что здесь случилось?

— Мое заклинание дальнего видения пошло наперекосяк, — огрызнулся эльф в ответ. — Если бы не этот парень, здесь все книги были бы сейчас в огне, и мы бы лили воду и бегали с ведрами, спасая свои жизни!

Лицо Раунтлавона вспыхнуло, когда леди-лорд сделала шаг вперед и посмотрела на него сверху вниз с довольно добрым выражением.

— Я... это пустяк, великая леди, — пробормотал он, заикаясь.

— Мастер Раунтлавон, — мягко сказала она, — ученик никогда не должен противоречить своему наставнику магии... и не должен умалять суждения любого из Четырех Лордов Замка.

Раунтлавон покраснел, сравнившись цветом со своей темно-бордовой мантией, и произнес бессмертные слова:

— Выпр...выпр...э-э-э...эммм...я, а...

— Да, да, мальчик, блестяще объяснил, как обычно, — пренебрежительно сказал Айриклаунаван, приподнимаясь на локтях. — Теперь соберись и огляди комнату: что-нибудь не так? Что-то сломано? Тлеет? Горит? Вперед, вперед!

Раунтлавон с готовностью вскочил, но больше сосредоточил свое внимание на том, что говорили двое из Четырех Лордов Замка. Все они были жизнерадостными и успешными искателями приключений менее десяти лет назад, и никто не знал, какие дикие и захватывающие вещи они могут сказать. Ну, *на этот раз* ничего о спаривании драконов.

— Так объясни мне, Айрик, — произнесла леди-лорд своим голосом «И-откуда-у-меня-столько-терпения», — *почему* твое заклинание дальнего видения взорвалось. Это одни из тех чар, которые тебе просто лучше не пробовать? Или, может быть, тебя отвлекла какая-нибудь юная эльфийская служанка, замеченная во время слежки?

— Несса, — прорычал эльф, поднявшись и яростно уставившись на нее одним глазом. Раунтлавон всегда восхищался тем, как он мог выглядеть таким проворным,

элегантным и молодым и в то же время быть более грубым, чем любой дварф. — Это серьезно. Для всех нас, повсюду на Фаэруне. Перестань на минутку разыгрывать из себя чванливую сучку-воительницу и послушай. На этот раз.

Раунтлавон замер, втянув голову в плечи, задаваясь вопросом, переживал ли кто-то всю ярость великой леди Нурессы — и насколько быстро и жестоко она заметит его и выкинет из комнаты. Оказалось, очень и с железным спокойствием.

— Мастер Раунтлавон, — спокойно сказала она, — теперь ты можешь оставить нас. Закрой дверь, когда будешь уходить.

— Ученик Раунтлавон, — так же спокойно сказал его учитель, — моя воля в том, чтобы ты остался с нами.

Раунтлавон сглотнул, глубоко вздохнул и повернулся к ним лицом, едва осмеливаясь поднять глаза.

— Я... я не нашел ничего плохого в этом конце комнаты, — объявил он. Его голос был выше и несколько более неуверенным, чем ему хотелось бы.

— Должен ли я изучить вторую половину сейчас... или позже?

— Пусть будет сейчас, Раунтлавон, — сказала леди-лорд бархатным угрожающим голосом. — Прошу тебя, продолжай.

Ученик еще сильнее задрожал, затем поклонился и пробормотал:

— Как пожелает моя великая леди.

— Это чудесно — заставлять мужчин и мальчиков бояться тебя, Несса. Но компенсирует ли это твои годы под плетью? Сбежавшая рабыня сводит счеты, порабощая других?

Голос его учителя был резким. Раунтлавон постарался не выдать своего минутного колебания. Леди-лорд была рабыней? Стояла голой на коленях под плетью работоторговца, в пыли и жаре? Боги, но он бы никогда не...

— Как думаешь, мы можем оставить мои прошлые занятия в моем собственном шкафу в спальне, Айрик? — почти мягко сказала леди-лорд. Однако ее следующая фраза была почти боевым криком. — Или есть какая-то насущная необходимость *рассказать об этом всему миру?*

— Я никому не скажу, никому... Клянусь! — пробормотал Раунтлавон, опускаясь на колени на ковер.

Он услышал, как Великая Леди вздохнула, и почувствовал на своем плече железные пальцы, поднимающие его на ноги. Другие пальцы схватили его за подбородок и повернули голову так резко, будто щелкнули кнутом. Ученик обнаружил, что смотрит в стальные глаза леди Нурессы с расстояния не больше длины его самого длинного пальца.

— Раунтлан, — сказала она, обращаясь к нему как его друзья, коротким именем. Он понятия не имел, что кто-либо из лордов его знал, — Ты знаешь, что один из самых важных навыков, которым должен обладать любой волшебник — это хранить правильные секреты и хранить их хорошо. Так что я проверю тебя сейчас, чтобы увидеть, достаточно ли ты хорош, чтобы остаться в замке в качестве ученика мага... или полноправного волшебника, со временем. Сохрани мой секрет и останься. Раскрой его — и будешь изгнан из наших земель, преследуем до наших границ, а мой клинок будет бить тебя по заднице так часто, как я смогу.

Раунтлавон услышал, как его учитель начал что-то говорить, но леди-лорд сделала какой-то жест, который он не мог видеть за ее спиной, и Айириклаунаван снова замолчал.

— Ты понимаешь, Раунтлан?

Ее голос был таким спокойным и нежным, как будто она обсуждала сенокос на поле. Раунтлавон сглотнул, кивнул, поежился под жестким взглядом и сумел сказать:

— Великая леди, я клянусь хранить вашу тайну. Я подчинюсь вашему испытанию... и если когда-нибудь я проговорюсь, то сам приду к вам и признаюсь в содеянном, чтобы погоня могла начаться в удобное для вас время.

Ее темные брови приподнялись.

— Хорошо сказано, уважаемый ученик. Значит, договорились.

Она быстро отступила от него на шаг и неторопливо приподняла платье, демонстрируя загорелую мускулистую ногу, такую длинную и стройную, что он дважды сглотнул, не в силах оторвать от нее глаз. Где-то далеко-далеко его наставник усмехнулся, но Раунтлавон потерялся в медленном, но продолжающемся движении тонкой ткани вверх, к ее бедру. Теперь он тяжело сглатывал и знал, что его лицо пылало как лампа. Его глаза остановились на пурпурно-белом клейме. Жестокий рисунок был выжжен глубоко в ее плоти, чуть ниже края кости, из-за которой выступало ее бедро. Она обвела его одним длинным пальцем и спросила сухо:

— Насмотрелся, Раунтлан?

Он чуть не поперхнулся, пытаясь одновременно сглотнуть и горячо кивнуть, и где-то в разгар его отчаяния платье снова спустилось к ее лодыжкам, рука хлопнула его по плечам как обрушивающаяся дубинка, и ее глубокий голос сказал ему на ухо:

— Итак, у тебя теперь нас есть секрет. Что-то запоминающееся.

Она мягко оттолкнула его и добавила:

— Я полагаю, что этот конец комнаты еще не был полностью осмотрен, ученик.

Ее голос снова звучал задорно, и Раунтлавон поймал себя на том, что почти ухмыляется, когда он отошел в конец комнаты и объявил:

— Проверка возобновляется, великая леди!

Его учитель громко рассмеялся, и через мгновение Раунтлавон услышал низкое, волнующее бормотание, которое, должно быть, было хихиканьем леди-лорда. Затем она обрушила силу своего голоса на Айириклаунавана, прервавшись на полуслове:

— Хватит терять время, маг. Ты пугаешь меня, поднимаешь из-за стола с наполовину нарисованной картой и остывшим супом, а потом начинаешь юлить. Что такого «серьезного», что твой ученик должен слышать об этом вместе со мной? Как думаешь, у тебя хватит времени рассказать мне отаком серьезном деле, скажем, до наступления темноты?

— Я не шутил, когда говорил, что это серьезно, Несса, — тихо сказал учитель Раунтлавона. — Прикуси на мгновение язык и послушай. Пожалуйста.

Затем он сделал паузу и — о чудо — леди-лорд Нуресса замолчала, ожидая, когда он заговорит! Раунтлавон даже обернулся, чтобы посмотреть, чем заслужил почти удивленный взгляд великой леди. Айириклаунаван моргнул, сам выглядя удивленным, затем быстро сказал:

— Ты знаешь, что магия — вся магия, не подкрепленная истощением нескольких видов зачарованных предметов, — сбоит. Заклинания приводят к искаженным результатам, ненадежным и опасным. Некоторые маги прячутся в своих башнях, неспособные защититься от любого, кто может попытаться свести счеты. Магия сошла с ума. Если бы об этом знало меньше людей, я бы сказал, что это должно быть *нашим* секретом — моим и Раунтлавона — который ты должна сохранить. Тебя не удивит, что многие маги пытались выяснить, почему обрушилась эта тьма. Я один из них.

— И это вообще не удивительно, — тихо сказала леди Нуресса. Голова Раунтлавона резко повернулась, чтобы посмотреть на ее мрачное лицо. Он никогда раньше не слышал, чтобы она говорила так мягко. Ее голос звучал почти... нежно.

— У меня нет предметов, которые можно было бы потратить на усиление моих заклинаний, — продолжил Айриклаунаван, — поэтому мальчик, Раунтлавон, был моим оплотом, своими заклинаниями укрепив мои. До нас даже дошли слухи, что некоторые волшебники — и даже священники Плетения — считают, что божественные Мистра и Азут сами намеренно искажают магию, преследуя какие-то цели, на которые смертные даже не могут отважиться.

— Ты поклоняешься нашим богам магии?

— Несса, — спокойно сказал Айриклаунаван, — у меня даже *нет* шкафа в спальне, чтобы хранить свои секреты. Я пытаюсь рассказывать побыстрее, правда пытаюсь. Просто послушай.

Нуресса прислонилась спиной к одной из опоясанных лампами колонн, которые поддерживали потолок комнаты заклинаний, и жестом велела эльфийскому магу продолжать. Она даже не выглядела раздраженной.

— Только что мы искали место, но еще не вызвали в нашем видении. Чары были только едва завершены, — продолжил Айриклаунаван, — когда я почувствовал одно, а увидел другое. Я думаю, что все на Фаэруне, кто в то время пытался провидеть, почувствовали то же, что и я: умышленное, безрассудное высвобождение волшебства многих посохов одновременно, в одном месте, и все они были направлены на одну и ту же цель.

— Ты имеешь в виду, что маги повсюду чувствуют это, когда один волшебник убивает другого? — В голосе Нурессы звучало недоверие. — Неудивительно, что вы все такие сложные.

— Нет, обычно мы не чувствуем таких вещей, и сила ощущений не поражает нас так сильно, чтобы наши собственные заклинания превращались в лесной пожар, — сказал ей учитель Раунтлавона. — Причина, по которой так случилось это на этот раз — цель высвобожденного волшебства. Высший. Я видел его, стоящего на дне шахты с тремя смертными магами, в то время как на него дождем обрушивалась магия, стремящаяся уничтожить. Но его внимание было в другом месте.

— Азут? Кто был настолько безумен, чтобы использовать магию в попытке уничтожить бога магии?

Леди-лорд выглядела удивленной.

— Этого я не видел, — ответил Айриклаунаван. — Я, однако, видел, что рассматривал Азут. Призрачную колдунью, которая пыталась убить Избранного Мистры.

— Кто это? — спросила великая леди. — Какой-то слуга богини?

— Да, — мрачно сказал эльфийский маг, — ты его, возможно, помнишь. Припомни тот день, когда мы бежали из гробницы — гробницы, обставленной колоннами с глазами. Над нами висел маг, спящий или пойманный в ловушку, и он вышел после того, как мы убежали. Он спросил тебя, какой это был год.

— О, да, — пробормотала леди-лорд, унесясь взглядом к картине прошлого, — и я сказала ему.

— И тем самым мы заслужили благосклонность богини Мистры, — заметил Айриклаунаван, — которая передала этот замок в наши руки.

Леди Нуресса нахмурилась.

— Я думала, что Амандарн выиграл право на эти земли, играя в кости с некоторыми торговыми лордами, рискуя при этом всеми нашими деньгами, — сказала она.

Раунтлавон стоял очень тихо, не желая, чтобы его сейчас снова вышвырнули. Несомненно, это была еще более опасная тайна, чем...

— Амандарн потерял все наши деньги, Несса. Фолоссан чуть не убил его за это, и им пришлось бежать, когда он украл несколько монет, чтобы купить еду той ночью, и был пойман. Они вдвоем спрятались в святилище Мистры — забрались прямо под алтарь и спрятались под его тонкой тканью. Там они уснули, хотя оба клянутся, должно быть, их погрузила в сон магия, потому что они почти ничего не пили и были взбудоражены своим бегством и опасностью. Когда они проснулись, все наши деньги вернулись в сумку Амандарна — вместе с титулом на замок.

Бровь великой леди изогнулась, и она спросила:

— И ты веришь в эту историю?

— Несса, я использовал заклинания, чтобы вытащить все до единой подробности из их голов, после того, как они рассказали мне. Все так и было.

— Понимаю, — спокойно сказала великая леди. — Раунтлавон, знай, что это еще один секрет, который нужно сохранить, или тебе придется бежать от четырех Лордов Замка, а не только от одного.

— Да, великая леди, — сказал ученик, затем сглотнул и повернулся к ним обоим.

— Есть кое-что, что я должен сейчас сказать. Если что-то случится с Великим Азутом — или Пресвятой Мистрой — и магия продолжит рушиться, у всех нас будет серьезная проблема.

— И какая же, Раунтлавон? — спросила леди Нуресса почти ласковым тоном, лаская пальцами рукоять ее длинного меча.

Взгляд Раунтлавона опустился на эти пальцы, чья легендарная сила была одной из скал, на которых стоял его мир, затем снова поднялся, чтобы встретиться с ее стальными глазами.

— Я думаю, мы должны молиться за Азута или найти какой-нибудь способ помочь ему. Замок был построен с большим количеством магии, — поспешно сказал он двум лордам. — Если его заклинания подведут, он падет — и мы вместе с ним.

Выражение лица великой леди не изменилось. Она повернула голову, чтобы встретиться взглядом с лордом Айриклаунаваном.

— Это правда?

Эльф просто кивнул. Нуресса мгновение смотрела на его. Ее лицо оставалось спокойным, но Раунтлавон увидел, что ее рука теперь сомкнулась на рукояти длинного меча и сжалась так крепко, что костяшки пальцев побелели. Она снова посмотрела ему в глаза.

— Хорошо, Раунтлавон, у тебя есть какой-нибудь план, как предотвратить такую катастрофу?

Раунтлавон развел пустыми руками, отчаянно желая стать героем и увидеть, как в ее глазах просыпается любовь к нему... Желая, чтобы он мог дать ей больше, чем свое отчаяние.

— Нет, Нуресса, — он был поражен, услышав свой спокойный шепот. — Я всего лишь ученик. Но я умру за тебя, если ты попросишь.

* * * * *

Он с диким ликованием вытащил свой клинок из покачнувшейся колдуньи, чтобы вонзить его в Великого Врага, которого он так долго преследовал, хваткого, вонючего человека, который осмелился запятнать яркий Кормантир своим присутствием и обречь Дом Старим. Теперь он был беспомощен перед ним, способен двигать только глазами — подходяще, чтобы увидеть, откуда настиг его рок.

— Ощути свою смерть, человеческий червь, — прошипел Илбрин, — и знай, что Старим отомс...

И это были его последние слова, поскольку вся магия, которую древняя волшебница втянула в себя, снова вырвалась наружу, в огненном потоке чистой колдовской энергии, которая поглотила лезвие, освободившее ее, и эльфа, чья рука держала этот клинок, в единой бушующей волне, которая разбилась о дальнюю стену пещеры и проела твердый камень, как будто это был мягкий сыр, продвигаясь вперед, пока не увидела дневной свет на склоне за ним. Стон падающих деревьев и камней усилился.

Саэреде взвыла, изо рта у нее вырвалось пламя, и отлипла от Эльминстера. Ее туман отступил, превратившись в облако, чьи темные и отчаянные глаза несколько мгновений умоляюще глядели, прежде чем оно рухнуло и превратилось в вихристую пыль. Эл все еще шатался и кашлял, прижимая руки к изуродованному горлу, когда Азут шагнул вперед и высвободил магию, чье жуткое зеленое свечение затопило руны и пыль, которой стала Саэреде. Подобно нежной волне, накатывающей на пляж, заклинание бога проникло в расщелину, в которой спрятался Илбрин, и все остальные уголки разрушенной пещеры. Затем оно замерцало, приобрело блестящий золотистый оттенок, который заставил Белдруна ахнуть, и поднялось с пола, оставив после себя чистую пустоту. Азут без задержки прошел сквозь поднимающуюся магию, схватил пошатывающегося Эльминстера за плечи и повел его на шаг дальше. На полпути они исчезли вместе, оставив трех старых магов пялиться на упавший трон в луче солнечного света. Яма в лесу, в которой они стояли, внезапно стала тихой и пустой. Они сделали несколько шагов к месту, где кружилось столько смерти и колдовства — достаточно далеко, чтобы увидеть, что руны теперь представляли собой дугу из семи ям выщербленного камня, — затем остановились и посмотрели друг на друга.

— Они ушли и все, да? — внезапно сказал Белдрун. — Вот и все — вся эта ярость и борьба, и всего за несколько вдохов... Вот и все. Все сделано, а нас оставили и забыли.

Табараст Три Пропетые Проклятия изящно поднял кустистые белые брови и спросил:

— Вы ожидали, что на этот раз все будет по-другому?

— Мы были достойны личной защиты бога, — почти прошептал Каладастер. — Он шел с нами и защищал нас, когда мы подвергались опасности — опасности, которая ему не грозила, иначе он никогда бы не расправился с этим огненным шаром так, как он это сделал.

— Это было нечто, правда, — хмыкнул Белдрун. — Ах, представляю, как я рассказываю юнцам, что... действительно, еще немного перца.

— Полагаю, ради этого он так и поступил, — заметил Табараст. — Да. Нам выпала честь — и мы еще живы, в отличие от призрачной колдуньи и эльфа. Это достижение.

Они снова посмотрели друг на друга, Белдрун почесал подбородок, прочистил горло и сказал:

— Да, кхм. Что ж. Я думаю, мы можем просто выйти вон там, в конце, где огонь вырвался из пещеры.

— Я пока не хочу уходить отсюда, — ответил Каладастер, пиная потрескавшийся край одной из ям, где была руна. — Я никогда раньше не стоял с людьми, обладающими реальной властью, в месте, где происходят важные вещи... и, думаю, никогда больше не буду. Пока я здесь, я чувствую себя... живым.

— Ха, — проворчал Белдрун, — она так сказала, и посмотри, что с ней случилось.

Табараст шагнул вперед и крепко обнял Каладастера, бормоча:

— Я точно знаю, что ты чувствуешь. Учти, мы должны уйти до темноты, и к тому времени мне понадобится кружка.

— Много кружек, — согласился Белдрун.

— Но где-нибудь в тихом месте можно посидеть и подумать только вдвоем, — добавил Табараст почти яростно. — Я не хочу поднимать себя на смех, рассказывая всем пьяным фермерам, как мы гуляли с богом этой ночью.

— Согласен, — спокойно сказал Каладастер и отвернулся.

Белдрун уставился ему в спину.

— Куда ты идешь?

Старый волшебник добрался до усыпанного щебнем дна шахты и посмотрел вниз на камни.

— Я стоял прямо здесь, — пробормотал он, — и бог был... там.

Хотя его голос был ровным, даже грубым, его щеки внезапно стали мокрыми от слез.

— Он защитил нас, — прошептал он. — Он сдерживал больше магии, чем я когда-либо видел сотворенной раньше, за всю свою жизнь, магии, которая превратила самые камни в пустой воздух... ради нас, чтобы мы могли жить.

— Боги должны это делать, понимаешь, — сказал ему Белдрун. — Кто-то должен видеть, что они делают, и жить, чтобы рассказать другим. В противном случае, какая польза от всей этой власти?

Каладастер посмотрел на него с презрением. Гневом вспыхнул в его глазах, и он отступил от Белдруна.

— Ты *смеешь смеяться* над божественным...

— Да, — просто ответил ему Белдрун. — Иначе что хорошего в том, чтобы быть человеком?

Каладастер, казалось, очень долго таращился на него, открыв рот. Затем старый волшебник медленно сглотнул, покачал головой и слабо усмехнулся.

— Я никогда раньше так не смотрел на вещи, — сказал он почти восхищенно. — Ты часто смеешься над богами?

— Один или два раза в десять дней, — торжественно сказал Белдрун. — Трижды в великие святые дни, если кто-нибудь о них напомним.

— Отойдите-ка, святотатец, — внезапно сказал Табараст, махнув ему рукой. Белдрун поднял брови в безмолвном вопросе, но его старый друг просто отогнал его рукой и шагнул вперед, добавив:

— Двигайте своими огромными копытами, я сказал!

— Хорошо, — легко сказал Белдрун, подчиняясь, — если вы сообщите мне, зачем.

Табараст опустился на колени среди обломков и потянул за что-то; уголок яркой ткани среди камней.

— Драгоценные камни и алый шелк? — спросил он у всего Фаэруна. — Что у нас здесь?

Его морщинистые старые руки уже отбрасывали камни в сторону и проворно разворачивали ткань, когда Белдрун с ворчанием опустился на одно колено и присоединился к нему за этим занятием. Каладастер встревоженно стоял над ними, боясь, что каким-то образом опасная призрачная колдунья вновь поднимется из этих лохмотьев. Белдрун оценивающе хмыкнул, когда красное платье с украшенными драгоценными камнями драконами, ползущими по бедрам, было освобождено полностью. Но он быстро поднял его и передал Каладастеру, махнув рукой на еще одну ткань под ним:

— Это еще не все!

Смелое черное платье было встречено еще более громким бормотанием, а когда в поле зрения появились синие оборки, и Табараст пошевелил камни под ними достаточно, чтобы убедиться, что эти три предмета одежды — все, что они могли найти, Белдрун прошептал с тихим любопытством:

— Поскольку Азут их не носил, насколько я мог заметить, они, должно быть, принадлежали *ей*, — сказал он.

Табараст и Каладастер обменялись взглядами.

— Будучи старше и мудрее вас, — любезно сказал ему его старый друг, — мы уже это поняли.

Белдрун высунул язык в ответ на это и поднял голубое платье для более пристального изучения.

— Как вы думаете, они обладают силой? — спросил Табараст, держа в пальцах черное платье. Каладастер подавил ухмылку.

— Пфф. Обладают или нет, фасон с открытой спиной я не ношу, — ответил Белдрун, снова поворачивая синие оборки лицом к себе. — Вырез слишком

глубокий, и сквозняки будут задувать куда не надо, если вы понимаете, что я имею в виду...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НИКОГДА ЕЩЕ СТОЛЬКО ЛЮДЕЙ НЕ БЫЛИ ДОЛЖНЫ ТАК МНОГО

Никогда еще в истории этого прекрасного королевства столько людей не были должны так много королевской казне. Не бойтесь ничего, кроме того, что он вскоре придет за взысканием — и ценой будут жизни его должников в какой-нибудь иностранной войне. Он назовет это Священным Походом или чем-то столь же грандиозным... но те, кто умрет в цветах Кормира, будут так же мертвы, как если бы он назвал это Грабительским Набегом или Головорезным Патрулем. Это обычай королей — взыскивать кровью. Только архимаги могут собирать такие платежи быстрее и безрассуднее.

*Альбертин из Марсембера
из **Небольшого, Но Предательского Сборника**,
опубликованного в Год Змеи*

— Судный час, — прогремел этот глубокий голос в голове Эльминстера. — Убедись, что делаешь правильный выбор.

Каким-то образом аталантарец знал, что Азут ушел, и он *был* один в потоке голубых искр — потоке, который, как он думал, был Азутом, — кружащем его снова и снова и вниз... во тьму с холодным каменным полом под его голыми коленями. Он был обнажен, его мантия, кинжал и бесчисленные мелкие магические предметы исчезли куда-то в вихре.

— Ограблен богом, — пробормотал он и усмехнулся. Его веселье не вызвало эха, но оставило ощущение, что он где-то под землей... где-то в не таком уж большом пространстве. Хорошее настроение покинуло его вскоре после смешка. Внутренности Эльминстера чувствовались разрушенными.

Было сыро, и его начал пробирать озноб, но Эл не поднялся с колен. Он чувствовал себя слабым и больным, и — когда он пытался найти магию или вызвать свои заклинания — все его силы как Избранного и как мага, казалось, исчезли. Он снова был просто человеком, стоящим на коленях где-то в темной комнате. Он знал, что должен быть в отчаянии, но вместо этого почувствовал умиротворение. Он прожил гораздо больше лет, чем большинство людей, и прожил — насколько он мог судить, по крайней мере, по своим собственным стандартам — довольно хорошо. Если настало время смерти прийти к нему, так тому и быть. Были только обычные жалобы: *пришло* ли время для его смерти? Что он должен был делать? Что

происходит? Кто собирался зайти и предоставить ему ответы на все его вопросы — и когда?

За всю его жизнь существовал только один источник помощи и руководства, который к настоящему времени не был давно мертв или погребен и спал неизвестно где... и этим единственным источником была богиня, которая сделала его своим Избранным.

— О, Мистра, ты была моей возлюбленной, моей матерью, наставницей моей души, моей спасительницей и моей учительницей, — сказал Эльминстер вслух. — Пожалуйста, услышь меня сейчас.

На самом деле он не собирался молиться... Или, возможно, собирался, но просто все это время не признавался в этом самому себе.

— Для меня было честью служить тебе, — сказал он слушающей тьме. — Ты подарила мне прекрасную жизнь, за которую, как и свойственно людям, я недостаточно поблагодарил тебя. Сейчас я готов встретиться лицом к лицу с любой судьбой, которую ты сочтешь подходящей для меня, но все же, как и свойственно волшебникам, я хочу сначала кое-что сказать тебе.

Он усмехнулся и поднял руку.

— Прибереги свои чары и ярость, — сказал он. — Это всего лишь три вещи. Эльминстер глубоко вздохнул.

— Первая: спасибо тебе за то, что ты дала мне ту жизнь, которая есть.

Что-то двигалось во мраке и тенях за пределами видимости?? Он пожал плечами. А если и так? Один, раздетый, на коленях, без помощи магии. Если что-то приблизилось к нему, вот так он поприветствовал бы это, и это было все, что он мог предложить.

— Вторая, — спокойно объявил Эл. — Быть твоим Избранным — это действительно то, на что я хочу потратить свои дни.

Эти слова эхом отзывались там, где раньше темнота заглушала его слова. Эл нахмурился, затем снова пожал плечами и серьезно сказал тьме:

— Третье и самое важное для меня, что я должен сказать: Леди, я люблю тебя.

Когда эти слова отзывались эхом, темнота извергла нечто, что отчетливо двигалось, приближаясь. Что-то огромное и чудовищное со щупальцами неторопливо скользнуло к нему.

* * * * *

— Это был бог? — спросил Велам побелевшими губами. Пожатие плечами и тяжелое дыхание были первыми ответами, которые он получил от других Заклинателей Ужаса, когда они лежали, задыхаясь, в лощине. Исцарапанные ветвями деревьев во время бега и основательно запыхавшиеся, они только сейчас сбросили тяжелый покров страха.

— Бог или не бог, — пробормотал Фемтер, — с любим, кто может выдержать все, что мы обрушили на его голову, — и *глотать* огненные шары, ради Шар! — я не хотел бы сталкиваться в бою.

— Действительно, ради Шар, Ужасный Брат, — сказал кто-то почти ласково с дальней необследованной стороны лощины, где росли высокие папоротники. Пять

голов повернулись с расширенными в тревоге глазами... и пять челюстей отвисли, глотки под ними шумно сглотнули, а тревога в глазах пререросла в выражение загнанного страха. Леди в маске и плаще, парящая в воздухе чуть выше их досягаемости, непринужденно развалившаяся ни на чем, была слишком знакомой.

— Ибо во Тьме есть Черное Пламя, — промурлыкала жестокая Начальница Послушников в формальном приветствии.

— И оно согревает нас, и его святое имя — Шар, — пробормотали пятеро священников неохотным, отчаянным хором.

— Вы далеки от Дома Святой Ночи, Ужасные Братья, и не привыкли к путям волшебников — слишком склонны сбиваться с пути и остро нуждаетесь в руководстве, — заметила Ужасная Сестра Клалаэра. Ее голос был нежным, медовым от угрозы. — Поэтому наша самая заботливая и внимательная Темная Госпожа Авроана послала Дом Святой Ночи... к вам.

— Приветствую, Ужасная Сестра — сказал тогда Заклинатель Ужаса Элрин, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Какие новости?

— Новости о глубоком недовольстве Темной Госпожи твоим руководством, о смелый Элрин, — почти весело сказала Начальница. Ее глаза были двумя мечущими искры кремнями. — И о ее воле: чтобы ты прекратил скитаться по Фаэруну в свое удовольствие и вернулся туда, откуда ты так недавно сбежал. Там заключена огромная сила — и Шар повелевает, что мы должны обладать ею. Я знаю, ты бы не хотел подвести Пресвятую Шар... или разочаровать Темную Госпожу Авроану. Так что разворачивайся и возвращайся туда, чтобы служить Шар так умело, как, я знаю, ты можешь. Я буду сопровождать вас, чтобы передавать волю Темной Госпожи во время миссии, для которой вас послали сюда. А теперь всем встать!

— Вернуться? — зарычал Фемтер, и его рука метнулась к одной из палочек, все еще висевших у него на поясе. — На дуэль с богом? Ты *с ума сошла*, Клалаэра?

Остальные Заклинатели Ужаса молча наблюдали, не поднимаясь и не высказывая недовольства. Что-то невидимое промелькнуло между Начальницей, непринужденно подпиравшей голову рукой, и Фемтером Дельдраннусом, палочка которого все еще была на пути с пояса и не могла угрожать кому-либо. Священник вскрикнул и схватился обеими руками за голову, отбросил палочку и, пошатываясь, двинулся вперед. Его конечности дрожали, остальные наблюдали, как он корчился в судорогах и бормотал, казалось, очень долго, прежде чем Клалаэра небрежно подняла одну руку и сомкнула пальцы — и Фемтер рухнул на полуслове, упав в распростертой бескостной кучей, как марионетка, у которой были обрезаны веревки.

— Я могу сделать то же самое с любым из вас и со всеми сразу, — протянула Начальница. — А теперь встаньте и возвращаетесь. Вы боитесь смерти от рук этого «бога», о котором бормочете — что ж, я могу обеспечить вам верную и бесспорную смерть в противовес тому, что может произойти... или не произойти. Хотел бы кто-нибудь из вас встать на колени и умереть здесь и сейчас — в муках и немилости Шар? Или вы покажете Пламени Тьмы хоть немного послушания, которого она ожидает от тех, кто заявляет, что поклоняется ей?

Когда Ужасная Сестра Клалаэра произнесла эти едкие слова, она плавно спустилась на землю, снимая с пояса печально известную колючую плетъ, которой

наказывала своих послушников. Заклинатели Ужаса неохотно повернулись лицом к руинам, которые они так поспешно покинули, и начали выбираться из лощины — под серенаду ее хлыста, обрушивающегося на беззащитную спину неподвижного Фемтера. На краю лощины они в не сговариваясь обернулись, чтобы оглянуться назад — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фемтер с опущенной головой и остекленевшими глазами поднимается на ноги во власти нечестивой магии и, пошатываясь, следует за ними. Его спина превратилась в полосы плоти, над которыми уже жужжали насекомые, а сапоги оставляли кровавые отпечатки на каждом шагу. Клалаэра стряхнула капли его темной крови со своей намокшей плети и мягко улыбнулась им.

— Продолжайте идти, — сказала она вкрадчиво. — Я буду прямо за вами.

* * * * *

Несмотря на нависающую угрозу Начальницы позади них, пять Заклинателей Ужаса продвигались осторожно, когда они поднялись на последний лесистый гребень перед руинами. Слепой напор может означать быструю гибель... и задержка вполне может привести их к шахте, в которой сейчас нет опасных магов, чтобы помешать им мародерствовать.

— Осторожнее, — пробормотал Элрин в тот момент, когда услышал скрип кожи, означавший, что Ужасная Сестра Клалаэра наклонилась вперед, чтобы сильно ударить плетью по чьим-то плечам... возможно, его. — Не следует наносить удар в одиночку, если мы будем работать вместе и...

— Попридержи свои красивые речи, Элрин, — огрызнулась Клалаэра. — Закрой свой рот и показывай дорогу! Между нами и руинами нет ничего, кроме пары пней, кучи бесполезной древесины, твоих собственных страхов и...

— Нас, — прожурчал мелодичный голос. Эльфийский голос. Его владелец поднялся с другой стороны хребта, держа в обеих руках деревянный меч без ножен.

— Прогулка по лесу в наши дни таит в себе так много опасностей, — добавил Звездапад. — Вот, например, мой друг.

Маг Амбрегард поднялся из-за хребта по сигналу и одарил шарранцев короткой улыбкой. В каждой руке он держал наготове по волшебной палочке. Верховная Госпожа рывкнула:

— Убейте их!

— Ну что ж, — театрально вздохнул Звездапад, — если ты *настаиваешь*. Затем магия вырвалась из него ревущим потоком, который смел волшебные палочки, простые заклинания и жизни борющегося Хрельграта и ошеломленного Велама. Фемтер закричал и слепо побежал обратно в деревья — пока невидимая магия Клалаэры не остановила его, будто петля на шее, и не развернула, бьющегося и стонущего, чтобы медленно направить в бой. Лучи света пронзали бурлящий воздух и сталкивались, когда Элрин и рычащий Далут пытались сразить эльфийского мага, а Амбрегард использовал свои собственные палочки, чтобы прервать и отразить их атаки. Далут закричал от боли, когда шальной луч обнажил кость его плеча. Плоть, сухожилия и одежда — все это вскипело в одно мгновение. Он отшатнулся на пару шагов, примерно в то же время, когда Амбрегард со вскриком и дождем искр отлетел

назад, оставив эльфа одного против шарранцев. Начальница Послушников натянула свою самую холодную, жестокую улыбку. Та медленно становилась шире по мере того, как защитное заклинание Звездопада потемнело, замерцало и начало сжиматься под разрядами и вспышками, исходящими от волшебных палочек Заклинателей Ужаса.

— Я не знаю, кто ты, эльф, — почти любезно заметила Клалаэра, — или почему ты решил встать у нас на пути, но, скорее всего, это будет роковое решение. Я могу убить тебя заклинанием прямо сейчас, но я бы предпочла получить ответы на некоторые вопросы. Что это за место? Какая магия кроется здесь, из-за чего это стоит того, чтобы ты потерял свою жизнь?

— Единственное, что поражает меня в людях больше, чем их привычка разделять прекрасный Фаэрун на отдельные «места» без видимой связи с другими, — ответил Звездопад так небрежно, как будто он лениво беседовал со старым другом за бокалом лунного вина, — это их потребность злорадствовать, угрожать и бушевать в бою. Если ты *можешь* убить меня, сделай это и пощади мои уши. Иначе...

С этими словами он подпрыгнул в воздух, позволив взрывам волшебных палочек шарранцев разрушать лишенные эльфов пни и папоротники, и превратил свой щит в сеть смертоносной силы, которая вцепилась в Начальницу. Она извивалась в воздухе, всхлипывая и рыча, пока ее отчаянные мысленные приказы не заставили Фемтера с ошалевшими глазами подойти и встать под ней. Затем она обрушила свою собственную защиту — и атаку Звездопада, все еще грызущую ее — на беспомощного Заклинателя Ужаса в смертельном потоке, который оставил его шатающейся, ослепленной массой крови и обнаженной кости. Суставы Фемтера Дельдраннуса отказали, и он отправился к своему последнему, вечному объятию с землей. Тут же забытый всеми, он даже не успел закричать. Задыхающаяся Начальница отлетела в воздух, хотя ее заклинание полета начало разрушаться.

Элрин победно взревел, когда его палочки наконец нашли Звездопада, закружив эльфа в рое кусачих снарядов. Амбрегард пытался подняться, его лицо исказилось от боли, когда он наблюдал, как его друга осаждают. Далут направил свою собственную палочку на человека-мага в упор, поверх дымящихся тел павших товарищей, и улыбнулся медленной и мягкой улыбкой испуганному человеку. Затем он развернулся и ударил Ужасную Сестру Клалаэру со всей силой, на которую была способна палочка в его руке. Она рассыпалась, оставив его ни с чем, а плоть, которую так ненавидел и боялся весь Дом Святой Ночи, вспыхнула от конца до конца и закружилась высоко в деревьях, отброшенная бьющимся в конвульсиях дымящимся телом в черной коже. Вдруг скорчившееся тело снова встало в стойку, окруженное потрескивающим черным пламенем, и мертвое лицо Клалаэры с вытаращенными глазами, прогремело:

— Далут, ты умрешь за это!

Голос был хриплым и громоподобным, но двое выживших Заклинателей Ужаса узнали его. Голова Элрина резко повернулась, отрываясь от задачи разорвать бьющееся в конвульсиях, темнеющее тело эльфийского мага.

— Ты лишен благосклонности Шар! Умри без друзей, ложный жрец! — изрекла Темная Госпожа Авроана губами, которые не принадлежали ей. Вспышка черного пламени, которая вырвалось из тела Начальницы, смела священника-отступника,

старое и могучее дерево за ним и огромный пенёк, сотрясла лес вокруг и швырнула Элрина на землю. Последний Заклинатель Ужаса все еще пытался подняться на ноги, когда болтающееся тело Клалаэры, все еще извергающее черное пламя, поплыло вперед.

— Теперь избавимся от назойливых магов, как эльфа, так и человека, и...

Сфера фиолетового пламени, появившаяся из ниоткуда и поразившая то, что осталось от Начальницы, разорвала ее на части, забрызгав деревья вокруг клочьями черной кожи.

— Ах, глупая, это единственное, от чего никто из нас никогда не избавится, — сказал новый голос уменьшающейся и исчезающей сфере черного пламени, которая висела там, где была Клалаэра. Элрин уставился на человека в развевающемся черном плаще, который стоял, держа в руке дымящийся, рассыпающийся амулет. — На Фазруне всегда будут назойливые маги, — сказал новоприбывший умирающему сгустку пламени тоном мрачного удовлетворения. — Я, например.

Элрин вложил всю свою мощь в выпад против этого нового врага, злобно размахнувшись булавой и подпрыгивая в воздух, чтобы вложить весь свой вес в удар.

Размытый порыв металла, однако, не достиг цели. Пришелец вонзил нож в горло жреца с почти деликатной легкостью, обойдя последнего Заклинателя Ужаса, и вежливо сказал:

— Тентар Терамос, Архимаг Башни Феникса, к вашим услугам... похоже, похоронным.

Поперхнувшись чем-то ледяным в горле, которое не проходило, пока приятный мир деревьев и пятнистой тени темнел вокруг него, Элрин обнаружил, что ему не хватает сил ответить.

* * * * *

Пурпурное пламя внезапно вспыхнуло над Алтарем Шар, опалив стоявшую там чашу с черным вином. Избранный послушник высоко держал светящийся нож, который должен был быть в нем погашен, и усердно повторял свою молитву нараспев, не зная, что вспышки фиолетового огня не были частью этого наисвященного ритуала. Он так сосредоточился на плавных словах заклинания, что не заметил, как Темная Госпожа Дома пошатнулась и упала мимо него на алтарь. Из ее конечностей струился пурпурный огонь. Вино шипело и брызгало под ней, пока она билась, подняв лицо и уставившись на черный круг с пурпурной каймой, украшавший сводчатый потолок высоко вверху. Авроана все еще выгибалась дугой и пыталась набрать достаточно воздуха, чтобы закричать, когда молитва достигла своих последних триумфальных слов... и нож опустился. Обеими руками послушник направил освященный клинок со светящимися пульсирующими рунами на темных боках вниз, вниз к сердцу чаши, к самому центру груди Темной Госпожи Авроаны. Их взгляды встретились, когда сталь вошла по самую рукоять. Авроана успела увидеть торжествующее ликование, вспыхнувшее в глазах послушника на фоне дикого ужаса от осознания своей ошибки, прежде чем все померкло навсегда.

* * * * *

Задыхаясь, Звездопад сумел приподняться на одной руке. Его лицо исказилось от боли. Большие мокнувшие волдыри покрывали весь его левый бок — за исключением тех мест, где расплавленная плоть блестела в свисающих каплях и веревках обожженных сухожилий. Амбрегард, пошатываясь, побежал в его сторону, стараясь не смотреть на Архимага Башни Феникса, своего многолетнего врага. Страх перед тем, что может сделать Тентар, стоящий так близко позади него, был ясно написан на лице Амбрегарда, когда он опустился на колени рядом со Звездопадом и осторожно наложил на раненого эльфа самое мощное исцеляющее заклинание, которое знал. Он не был священником, но даже дураку было ясно, что без посторонней помощи Звездопаду осталось недолго жить. Эльфийский маг вздрогнул в объятиях Амбрегарда, немного осел, затем задышал легче. Его глаза были полузакрыты, а бок все еще выглядел так же, но органы, лишь частично скрытые под ужасными обожженными ранами, больше не были сморщенными и дымящимися. Все же...

Длинная рука протянулась мимо Амбрегарда и коснулась бока Звездопада. Ее пальцы светились исцеляющим сиянием. Вспыхнуло свечение, эльф вздрогнул, и последние осколки чего-то, что висело на цепочке вокруг шеи архимага, рассыпались в летящую пыль. Тентар поспешно поднялся и отступил назад, его рука потянулась к поясу. Амбрегард посмотрел на палочку, которую сжимала его рука, и нерешительно спросил ее владельца:

— Между нами будет насилие?

Тентар покачал головой.

— Когда весь Фаэрун висит на волоске, личные обиды должны быть отложены в сторону. Думаю, что я достаточно повзрослел, чтобы навсегда забыть о них, — он протянул руку. — А ты?

* * * * *

Эльминстер стоял на коленях на холодном камне, пока скользящая, покрытая щупальцами туша приближалась... и приближалась. С почти ленивой легкостью длинное пятнистое сине-коричневое щупальце потянулось к нему, обвилось вокруг его горла. Ледяное пламя страха поднялось по его спине, и Эл задрожал, когда щупальце сжалось почти любовно.

— Мистра, — прошептал он в темноту, — я...

Воспоминание о том, как он держал богиню в своих объятиях, когда они летели по воздуху, невольно пришло к нему, и он воспользовался гордостью, которую это пробудило в нем, чтобы подавить страх.

— Если мне суждено умереть под этими щупальцами, так тому и быть. У меня была хорошая жизнь, и гораздо более долгая, чем у большинства.

Когда его страх растаял, то же самое сделал и скользящий монстр, превратившись в ничто. На мгновение он повисла вокруг него, как липкий дым,

прежде чем его окутал внезапный свет. Эл повернул голову к его источнику — и замер в удивлении.

То, что раньше казалось голой каменной стеной, хотя покров мрака мешал разглядеть как следует, теперь было огромной открытой аркой. За ней была просторная комната, заваленная сверкающими золотыми монетами, дорогими статуями и драгоценными камнями — буквально бочонками, полными сверкающих драгоценных камней. Эльминстер посмотрел на все это великолепие и просто пожал плечами. Едва его плечи опустились, как сокровищница погрузилась во тьму, и все ее богатства растаяли... после чего позади него громко запела труба.

Эл обернулся и увидел еще одну огромную, величественную и тепло освещенную комнату. В ней не было сокровищ, а вместо них была толпа людей... члены королевской семьи, судя по их сверкающим одеждам, коронам и гордым лицам. Короли людей и чешуйчатые, похожие на ящериц императоры толкались с мерфолками, которые задыхались в воздухе, все они протискивались вперед, чтобы положить свои короны и скипетры к его ногам, бормоча бесконечные вариации «Я препоручаю тебе себя и все свои земли, великий Эльминстер». Принцессы снимали свои усыпанные драгоценными камнями платья, и предлагали ему и их, и себя, падая ниц, чтобы ухватиться за его лодыжки. Он почувствовал на себе их похожее на перья пальцы, посмотрел во множество преклоняющихся, благоговеющих и жаждущих глаз, затем на мгновение крепко закрыл свои, чтобы собраться с необходимой ему волей. Когда он начал открывать их, вечность спустя, то сказал громко и твердо:

— Мои извинения, и я не хочу обидеть своим отказом, но — нет. Я не могу принять вас или что-либо из этого.

Когда он открыл глаза, все вокруг таяло в нарастающем полумраке, а справа от него разгорался другой свет, на этот раз пятнистый танец истинного солнечного света. Иммейра из Старна Бакралама скользила к нему через светлую комнату, раскинув руки, с этой нетерпеливой улыбкой на лице, предлагая ему себя. Когда она приблизилась, беззвучно произнося его имя на губах и распахнула лиф своего темно-синего платья, Эльминстер тяжело сглотнул, когда воспоминания нахлынули внезапной теплой волной.

* * * * *

Солнце проникало в окна Башни Лиса и касалось пятнистыми пальцами пергаментов, над которыми хмурилась Иммейра. Боги, как кто-то мог понять подобное? Она вздохнула и откинулась на спинку стула, а затем, словно во сне, обнаружила, что встает и скользит через комнату в самый темный угол. На полпути ее пальцы начали теребить застёжки и шнуровку, чтобы разорвать перед платья, как будто предлагая себя пустому воздуху. Иммейра нахмурилась.

— Почему?.. — пробормотала она, затем резко вздрогнула, развернулась и снова поправила платье дрожащими пальцами. Ее деловитые пальцы сжались в кулаки, когда она закончила, и она оглядела пустую комнату во всех направлениях, ее лицо побледнело.

— Ванлорн, — прошептала она. — Эльминстер? Я тебе нужна?

Молчание было ей ответом. Она разговаривала с пустой комнатой, ведомая своими собственными фантазиями. Раздраженная, она направилась обратно к своему креслу... и остановилась на полпути, когда внезапное ощущение, что за ней наблюдают, нахлынуло на нее. За этим последовала волна невероятного покоя и тепла. Иммейра поймала себя на том, что улыбается пустоте, такая довольная, какой она никогда себя не чувствовала. Она просияла, оглядев пустую комнату вокруг себя, и со вздохом села обратно. Солнечные блики заплясали на ее пергаментях, и она улыбнулась воспоминанию о стройном мужчине с ястребиным носом, спасающем Старн на ее глазах. Иммейра снова вздохнула, тряхнула головой, чтобы убрать волосы с глаз, и вернулась к задаче, кто в Старне должен что сажать, чтобы у всех было достаточно еды, чтобы с комфортом пережить зиму.

* * * * *

Ее теплое, страстное рвение и надежда, ее восторг... Эльминстер потянулся к Иммейре, на его лице появилась широкая улыбка — улыбка, которая застыла, когда его осенила мысль: была ли эта энергичная молодая женщина своего рода наградой для него, чтобы отметить его уход со службы Мистре? Он отдернул руки от приближающейся женщины и яростно сказал тьме:

— Нет. Давным-давно я сделал свой выбор... идти долгой дорогой, темным путем и знать, что такое опасность, приключения и гибель. Я не могу отступить от этого сейчас, потому что пока я нужен Мистре, Мистра нужна мне.

При его словах Иммейра и залитая солнцем комната позади нее растаяли, превратившись в падающие пылинки угасающего света, которые опустились далеко под ним в огромную темную пустоту, в которой он висел, пока его глаза больше не могли их видеть. Внезапно справа от него хлынул свежий солнечный свет. Эльминстер повернулся к нему и обнаружил, что смотрит в длинную комнату, уставленную рядами книжных полок, которые доходили до высокого потолка. Залитые солнцем пылинки густо висели в воздухе, и сквозь их блеск Эльминстер мог видеть, что полки были забиты томами заклинаний, и ни один дюйм не оставался пустым. Из некоторых корешков торчали ленты, другие светились таинственными рунами. Удобное на вид кресло, скамеечка для ног и приставной столик манили с правого конца этой библиотеки. Боковой столик был завален книгами. Эл сделал шаг вперед, чтобы получше рассмотреть их, и обнаружил, что жадно направляется в комнату. «*Заклинания Аталантара*», — четко гласила позолоченная надпись на одном корешке. Эл нетерпеливо протянул руку и позволил ей упасть обратно на бок, пробормотав:

— Нет. У меня разрывается душа, когда я отказываюсь от такого знания, но... где удовольствие от поиска новой магии, овладения ею с помощью догадок и анализа пробных заклинаний?

Комната не погрузилась во тьму, как это делали все предыдущие видения. Эль оглядел больше книг с заклинаниями, чем он мог надеяться собрать за целое столетие упорного поиска, и сглотнул. Затем, словно во сне, он сделал шаг к ближайшей полке, потянувшись за особенно толстым томом, который носил

название «Сборник нетерезских заклинаний Галагарда». Он был... в нескольких дюймах от кончиков его пальцев, когда Эл развернулся и прорычал:

— Нет!

В отголосках этого восклицания его мир снова потемнел и опустел, пыльная комната исчезла в одно мгновение, и он снова стоял в темноте и на темноте, один. Свет приблизился из черного бархатного небытия и превратился в человека в богато украшенных одеждах с высоким воротником, стоящего на каменном полу с волшебным посохом, подмигивающим и гудящим в руке. Не видя Эльминстера, мужчина мрачно смотрел вниз на мертвую женщину, распростертую на камнях перед ним. От ее тела поднимался легкий дымок, а лицо застыло в вечном крике страха.

— Нет, — устало сказал мужчина. — Хватит. Я нахожу, что «Первый среди Её Избранных» — это пустое хвастовство. Найди другого дурака, который будет твоим рабом на протяжении веков, леди. Все, кого я любил — все, кого я *знал*, — мертвы, моя работа сметается каждым новым поколением заклинателей, Фаэрун превращается в бледную тень того, что я видел в юности — и больше всего я... так... невероятно... устал....

Мужчина напряг руки и сломал свой посох с внезапным приливом силы. Голубой свет вспыхнул на сломанных концах, закружившись за мгновение до того, как мощный взрыв высвободившейся магии слился в стремительную волну. Отчаявшийся Избранный вонзил одно копьё, похожее на сломанный конец древка, себе в грудь. Он запрокинул голову в беззвучном вздохе или крике — и упал в кружащуюся пыль за мгновение до того, как поток магии вокруг стал ослепительным.

Эл отвел взгляд от этой вспышки — и обнаружил ее миниатюрное отражение в другом месте, в сфере прорицания размером с ладонь, над которой склонился лысый мужчина в красных одеждах. Мужчина торжествующе потряс кулаком при виде того, что увидел в глубине кристалла, и прошипел: — Да! Да! Теперь я Первый среди Избранных Мистры — и если они думали, что Элтаэрис был властным, они научатся преклонять колени и дрожать от страха под захватывающим заклинания скипетром Уиркимбранда! Хахахаха! Слабые с таким же успехом могут убить себя прямо сейчас и отдать свою силу тому, кто еще способен ею владеть — мне!

Безумный крик все еще звенел в ушах Эльминстера, когда эта сцена исчезла, и круг света возник прямо рядом с последним принцем Аталантара. Вместе с ним выплыл кинжал — и когда Эл увидел его, тот медленно повернулся и поднялся, подставляя рукоять его руке. Эл посмотрел на него, улыбнулся и покачал головой.

— Нет. Это выход, которым я никогда не воспользуюсь, — сказал он. Кинжал исчез — и быстро появился слева от Эльминстера, в руке человека в мантии, стоявшего спиной к Элу, который быстро вонзил его в спину другого человека в мантии. Жертва напряглась, когда из его раны вырвалось голубое сияние, и лезвие кинжала убийцы вспыхнуло синим пламенем, которое быстро поглотило его. Умиравший мужчина повернулся, из его раны сочился след из крошечных звездочек, и Эл увидел, что это был Азут. Лицо исказилось от боли, бог голыми руками вцепился в лицо человека, который ударил его, — и исходящее от него

сияние показало Элу лицо отшатнувшегося убийцы. Убийцей Азута был... Эльминстер.

— Нет! — закричал Эл, разгребая видение руками. — Прочь! *Прооочь!*

Две фигуры боролись друг с другом в самом сердце распространяющегося облака голубых звезд, не обращая на него внимания.

— У меня нет таких амбиций, — прорычал Эл, — и никогда не будет, ди милости Мистры. Я доволен тем, что хожу по Фаэруну и знаю его пути больше, чем знаю глубокие тайны... Ибо как я могу по-настоящему оценить одно без другого?

Умиравший Азут закружился, и из звезд, которые были его кровью, вышел человек, которого Эль знал по воспоминаниям, не своим собственным, а которыми однажды поделились с ним в Миф Дранноре. Это был Раумарк, король-волшебник Нетерила, который пережил падение этого упадочного королевства, чтобы стать одним из основателей Халруаа. Раумарк Могучий стоял один в зале с толстыми белыми колоннами и обширными гулками пространствами, на вершине высокого помоста, и его лицо было бледным и мрачным. Он осторожно сотворил вращающийся завиток дезинтеграции, проверил его, протащив через одну из гигантских колонн. Потолок провис, когда верхняя часть срезанной колонны обрушилась тяжелыми осколками на невидимый этаж внизу. Раумарк с каменным лицом наблюдал за обвалом и вернул завиток назад, сразу за край помоста. Он ему, как будто был удовлетворен — и прыгнул сквозь него. Сцена умерла вместе с Раумарком, и ее сменил вид пыльной гробницы. Человек, которого Эл не узнал, но каким-то образом знал, что он был Избранным Мистры, доставал старый и потрепанный гримуар из заплечного мешка и помещал его в открытую шкатулку. Ту же задачу Эл так часто выполнял для Леди Тайн. Этот Избранный, однако, был охвачен кипящей яростью, его глаза горели почти безумием. Он вытащил из шкатулки покрытый паутиной череп, заглянул в его незрячие глазницы и прорычал:

— Заклинание за заклинанием я просто *отдаю*, в то время как мое тело рассыпается, становится глухим и спотыкающимся. Через несколько зим я стану таким же, как ты! Почему другие должны вкушать награды, которые я раздаю, в то время как я этого не делаю? А?

Он швырнул череп обратно на место и с силой захлопнул каменную крышку, скрежет которой прозвучал так громко, что Эл поморщился. Избранный шагнул вперед с красным огнем в глазах и сказал:

— Жить вечно — почему бы и нет? Захвати здоровое тело, уничтожь его разум, доведи его до гибели, а затем возьми следующее. У меня были заклинания в течение долгого времени — почему бы не использовать их?

Он продолжил решительно шагать, проходя, как призрак, сквозь Эльминстера, но когда аталантарец повернул голову, чтобы посмотреть, что случилось с Избранным, человек исчез, а гробница, которую он оставил, быстро исчезла позади него.

— Такая пустая трата времени, — пробормотал Эл, и в его глазах заблестели непролитые слезы. — О, Мистра, Моя Леди, неужели это должно продолжаться? Не мучай меня больше, но дай мне какой-нибудь знак. Достоин ли я служить тебе отныне? Или ты так недовольна мной, что я должен просить тебя о смерти? Леди, скажи мне!

Было потрясением почувствовать внезапное покалывание губ на своих — должно быть, это были губы Мистры, потому что при их прикосновении трепет необузданной силы пронзил его, заставляя чувствовать себя бодрым, энергичным и могущественным. Эльминстер открыл глаза, подняв руки, чтобы обнять ее — но Леди Плетения была не более чем уменьшающимся ликом света, недоступным для него и быстро удаляющимся в пустоту.

— Леди? — выдохнул он почти в отчаянии, протягивая к ней умоляющие руки. Мистра улыбнулась.

— Ты должен быть терпелив, — тихо донесся до его уха ее спокойный голос. — Я навещу тебя должным образом в свое время, но сначала я должна поставить перед тобой задачу: долгую, возможно, самую важную, за которую ты когда-либо возьмешься, — ее лицо изменилось, стало печальным, и она добавила: — Хотя я могу предвидеть по крайней мере еще одну задачу, которую можно было бы счесть важной.

— Какая задача? — выпалил Эл.

Мистра теперь была немногим больше, чем мерцающая звезда.

— Скоро, — сказала она успокаивающе. — Ты узнаешь очень скоро. Теперь возвращайся на Фазрун — и исцели первое раненое существо, которое ты встретишь.

Темнота растворилась, и Эл обнаружил себя снова одетым. Он стоял в лесу снаружи развалин. В нескольких шагах двое людей разговаривали с эльфом. Все трое сидели, прислонившись спинами к стволам старых корявых деревьев. Они прервали свой разговор, чтобы посмотреть на него с некоторой тревогой. У одного из магов внезапно в руке появилась волшебная палочка. Направив его на Эльминстера, он холодно спросил:

— А ты..?

Эл улыбнулся и сказал:

— ...был бы давно мертв, Тентар Терамос, не будь у Мистры других планов. Трое магов уставились на него, и эльф довольно нерешительно спросил:

— Ты тот, кого они называют Эльминстером, не так ли?

— Это я, — ответил Эл, — и миссия, возложенная на меня, состоит в том, чтобы исцелить тебя.

Игнорируя внезапно появившийся арсенал волшебных палочек и мерцающих колец, он наложил исцеляющее заклинание на Звездопада, затем еще одно на Амбрегарда. Он и Тентар встретились взглядами, когда он закончил свои наложения, и Эл наклонил голову в сторону руин и спросил:

— Значит, все кончено?

— Все, кроме выпивки, — ответил Тентар, и внезапно в его руке появилась пыльная бутылка вина. Он потерял этикетку, подозрительно взгляделся в нее, вытащил пробку, понюхал и улыбнулся.

— Магия, кажется, снова надежна, — объявил он, протягивая другую руку и наблюдая, как в ней появляются четыре хрустальных кубка.

— Я думаю, что эта потребность Мистры в прошлом, — сказал ему Эл. — Проведено испытание, и были отбракованы многие темные маги.

Тентар нахмурился и сказал:

— Таков путь жестоких богов — отнимать у нас самое лучшее и яркое. Амбрегард пожал плечами, принимая стакан и наблюдая, как из воздуха появляются еще несколько бутылок.

— Это путь богов, — добавил он, — забрать нас всех в конце концов.

Затем Звездопад сказал:

— Моя благодарность за исцеление, Эльминстер. Что касается путей богов, я верю, что никто из нас не был создан для долгой жизни. Эльф, гном, человек... даже, я думаю, сами наши боги. Течение слишком многих лет что-то делает с нами, сводит нас с ума... Потери — друзей, возлюбленных, семьи, любимых мест — и одиночество. Таких, как я, ждет награда, но это не делает пребывание здесь менее мучительным. Это только дает нам возможность взглянуть на что-то помимо нынешней боли.

Эльминстер медленно кивнул.

— В твоих словах вполне может быть правда.

Затем он искоса посмотрел на Звездопада и спросил:

— Встречались ли мы, пусть и ненадолго, в Миф Дранноре?

Лунный эльф улыбнулся.

— Я был одним из тех, кто не согласился с коронелем по поводу допуска других рас в Светлый Город, — признался эльф. — И все еще не соглашаюсь. Это ускорило наш уход и не принесло нам ничего, кроме кражи всех наших секретов. И ты был тем, кто взломал ворота. Я ненавижу тебя и желал тебе смерти. Если бы существовал простой, бесследный способ, я мог бы ее устроил.

— Что остановило твою руку? — тихо спросил Эл.

— Я несколько раз оценивал тебя, на праздниках, в Мифале и после. И ты был таким же одиноким, как мы, и старался изо всех сил. Я отдаю тебе должное, человек. Ты сопротивлялся нашим подначкам, вел себя достойно и преуспел. Твои добрые дела переживут тебя.

— Моя благодарность, — ответил Эльминстер. Его глаза блестели от слез, когда он наклонился, чтобы обнять эльфа. — Услышать это было очень важно.

* * * * *

«Прекрасная Дева» была переполнена. Похоже, последней идеей великого герцога было послать огромные вооруженные караваны по опасной дороге. Рипплстоунс выглядел как скотный двор, где повсюду всхрапывали и двигались звери. Внутри, слегка защищенные от пыли, пусть и не от шума, Белдрун, Табараст и Каладастер сидели за одним столом с надменным магом с Побережья Мечей, держа в каждой руке полные кружки. Разговор шел о заклинаниях, побежденных чудовищах и неупокоенных волшебниках, восставших из своих гробниц. Народ толпился вокруг, чтобы послушать.

— Да это же *ничто*! — рычал Белдрун. — Меньше, чем ничего! В этот самый день, в сердце Мертвого Места, я стоял рядом с богом *Азут*!

Маг с Побережья усмехнулся с открытым недоверием, и подстегнутый этим Белдрун поспешил продолжить:

— О, да, Азут, говорю я тебе, и...

Каладастер и Табараст обменялись молчаливыми взглядами, кивнули и единодушно поднялись и стали рыться в рюкзаке Каладастера, в то время как их товарищ продолжал рычать, тыча пальцем в нос ошарашенного мага с Побережья.

— Говорю тебе, ему нужна была наша помощь. *Наши* заклинания спасли положение — он так и сказал! — и он дал нам понять...

— Что мы заслужили эти волшебные мантии! — торжествующе встрял Табараст, выставя на всеобщее обозрение дерзкое черное платье. Последовавший за этим взрыв смеха угрожал сотрясти сам потолок гостиницы и обрушиться на всех хлопающих по столу, улюлюкающих пьяниц, но, когда их смех наконец затих, из дверного проема раздался пронзительный смешок. Те, кто обернулся, чтобы увидеть его источник, замерли.

— Выглядит почти моего размера, — радостно сказала колдунья Шариндала четверем разинувшим рты магам. — И мне действительно нужно что-то, чтобы сохранить свою скромность, как вы можете видеть.

Леди из Зала Обожженного Камня прикрывалась только своими длинные шелковистыми каштановыми волосами. Они скрывали ее грудь и бока, когда она шагала вперед, но ни один мужчина не мог не заметить, что, кроме ее локонов, она была обнажена от макушки головы до бедер, а дальше плоть заканчивалась, являя до пола голые кости.

— Вы позволите? — спросила она, протягивая руку за одеждой. Вокруг нее несколько человек соскользнули со своих мест, упав в обморок, и послышался топот ног в сапогах к двери. Внезапно в «Прекрасной деве» образовалось пустое пространство, окруженное бледными таращащимися мужчинами.

— Мне нужно наложить на себя еще несколько заклинаний, прежде чем я смогу что-нибудь есть или пить, — объяснила Шариндала, — и это довольно неловко...

Табараст с испуганным возгласом выхватил платье из пределов ее досягаемости, но Каладастер встал перед ним, стягивая свою мантию. Он стащил ее через голову, через мгновение, обнажив пухлое волосатое тело, одетое в бриджи и подтяжки, которые были жесткими и блестящими от возраста и грязи.

— Он не слишком чистый, миледи, — нерешительно сказал он, — и, вероятно, будет висеть на вас свободно как палатка, но... возьмите его от чистого сердца.

Длинная, тонкая белая рука взяла его, и наградой была улыбка.

— Каладастер? Ты был совсем мальчишкой, когда я... О, боги, неужели это было так давно?

Каладастер сглотнул, покраснел и облизнул губы, которые внезапно показались очень сухими.

— Что с вами случилось, леди Шари?

— Я умерла, — просто ответила она, и в комнате воцарилась полная тишина. Затем волшебница накинула предложенное одеяние и улыбнулась мужчине, который подарил его ей. — Но я вернулась. Мистра указала мне путь.

В толпе послышался ропот. Шариндала взяла ладонь Каладастера в одну руку, а его кружку в другую. Ее прикосновение было прохладным, мягким и вполне нормальным. Она мягко сказала:

— Пойдем, прогуляйся со мной. Нам о многом нужно поговорить.

Когда они вместе направились к двери, полу-скелетная волшебница остановилась перед магом с Побережья и добавила:

— Кстати, сэр: все, что было сказано об Азуте здесь этим вечером, правда. Верите вы в это или нет.

Они вышли за дверь в такой глубокой тишине, что людям приходилось хватать ртом воздух, когда они снова вспоминали, что нужно дышать.

* * * * *

Казалось, он снова потерял сапоги и шел босиком по лунному свету где-то в Фазруне, где все еще должно было царить послеполуденное солнце. Мгновение назад он разговаривал с тремя магами в лесу, начали доставать сыр к вину — и теперь он был здесь, лишь мельком увидев их испуганные лица при виде того, как он исчезает.

Так где же именно это *здесь*?

— Мистра? — с надеждой спросил он вслух. Лунный свет поднялся вокруг него в серебряное пламя, которое не горело, а вместо этого посылало через него трепет силы, и это пламя сформировалось в руки, которые обняли его. — Моя леди, — выдохнул Эльминстер, почувствовав мягкое прикосновение знакомого тела к своему — снова исчезла его одежда; как она это сделала? — и покалывающее прикосновение ее губ. Он жадно поцеловал ее в ответ, и серебряный огонь пронесся по нему, когда их тела задрожали в унисон. Он попытался погладить мягкое, колеблющееся пламя — только для того, чтобы обнаружить, что ничего не держит и снова стоит во тьме, а Мистра оказалась неподалеку в виде столба серебряного огня.

— Мистра? — спросил ее Эл, позволив голосу выдать немного одиночества, которое он чувствовал.

— Пожалуйста, — умоляюще прошептала богиня, — Мне так же тяжело, как и тебе... Я не должна задерживаться. А ты искушаешь меня, Эльминстер... ты так искушаешь меня.

Серебряное пламя закружилось, и голодный рот сомкнулся на Эле на одно долгое, прекрасное мгновение. Пламя сокрушило и пронзило его, превратившись в великолепие, которое заставило его плакать, стонать и корчиться одновременно.

— Эльминстер, — сказал ему этот музыкальный голос, пока он парил в туманном блаженстве, — я отправляю тебя сейчас в башню Серебряной Руки, чтобы взрастить трех Избранных.

— Взрастить? — испуганно спросил Эл. Его блаженство сменилось тревогой. Казалось, сквозь интонации богини пробивался смех, когда она сказала: — Ты найдешь трех маленьких девочек, ожидающих в башне, одиноких и неуверенных. Будь для них добрым дядей и наставником. Корми их, одевай и учи, как быть и кем быть.

Эльминстер сглотнул, наблюдая, как Мистра снова превращается в далекую звезду.

— Тебе запрещено контролировать их разум или принуждать, кроме самых исключительных обстоятельств, — добавила она. — Когда они станут старше,

позволь им продвигаться вперед, строить свою собственную жизнь. Тогда твоя задача будет состоять в том, чтобы тайно наблюдать за ними, время от времени приезжать и помогать, чтобы обеспечить их выживание, но не направлять их, если они не обратятся за твоим советом... и мы оба знаем, как часто своевольные Избранные обращаются за советом к другим, не так ли?

— Мистра! — в отчаянии воскликнул Эл, протягивая к ней руки.

— О, клянусь Плетением, не усложняй, — пробормотала Мистра, и поцелуй и ласка, которые воспламенили его, затем закружили и унесли прочь.

ЭПИЛОГ

Возможно, величайшая услуга, которую Эльминстер когда-либо оказывал Фаэруну — это быть отцом и матерью дочерям Мистры. Удерживать почти всю магию Мистры и кончиками пальцев не давать развалиться Торилу в период Смутного Времени — это было легко. Воспитывать маленьких девочек с острым умом, большой энергией, завораживающей красотой и могучей магической силой, и делать это хорошо — вот что трудно.

Антарн Мудрец

*из Великой Истории Могущественных Архимагов Фаэруна,
опубликованной примерно в Год Посоха*

Башня Серебряной Руки, как он обнаружил, очутившись немного в стороне от нее и моргая на солнце, была расколотым каркасом, немногим больше, чем домик, пристроенный к пустому кольцу зубчатых стен и выпотрошенному обрубку крепости. Густые леса окружали её, укрывали и терпеливо подавляли, вырубленные только в овальном огороде. Маленькое грязное личико с сомнением посмотрело на Эльминстера из сердца зелени и исчезло, как только он улыбнулся, оставив после себя только танцующие листья. Эльминстер взгляделся в огород, не заметит ли он где-нибудь маленькое тельце, убегающее прочь. Он не заметил, пожал плечами и вскоре побрел к коттеджу, соломенная крыша которого была усыпана яркими цветами и вьющимися травами.

— Амбара? — мягко позвал он, приближаясь. — Этена?

Дверь, казалось, крепко заклинило — она была без защелки, но отказывалась открываться. Он толкнул ее коленом, помня о том, что за ней могут прятаться маленькие тельца, и услышал слабый протестующий треск раскалывающегося дерева. Она была плотно приколочена к земляному полу. У кого-то под рукой был молоток, булава или топор.

— Амбара? — спросил он тьму внутри. — Этена? Анамануз?

Волшебная палочка полыхнула так близко позади него, что он совершенно отчетливо услышал, как юный высокий голос пробормотал командное слово, прежде

чем дождь магических снарядов обрушился на него, отбросив к двери. Его тело все еще содрогалось, когда что-то вырвало колышек и распахнуло дверь, швырнув его в полутемное нутро, и что-то еще сильно ударило его топором по голове.

Он отскочил от его магического щита с дождем искр, отчего руки, которые были слишком малы для него, онемели и заставили их владельца всхлипнуть от боли. Недолго думая, Эл протянул руку и положил исцеление на маленькую босоногую девочку, которая пыталась не плакать... и осознал, что наступила полная тишина. Он медленно отвел руку от той, которую исцелил, увидев напряженное лицо над крепко сжатым пыльным кинжалом рядом со своим левым ухом, и такое же напряженное лицо над палочкой наготове, вне досягаемости, справа. Длинные и взъерошенные серебристые волосы украшали все три головы, и все три лица, даже в их грязном, встревоженном и детском состоянии, захватывали дух своей красотой.

— Откуда ты знаешь наши имена? — яростно спросила его старшая, с палочкой.
— Кто ты такой?

— Мистра сказала мне, — ответил Эльминстер, одарив ее серьезной улыбкой, — и послала меня сделать для вас троих то, что сейчас не может ваша мать.

— Наша мать *мертва*! — все так же яростно сказала ему девочка с палочкой. Эльминстер кивнул.

— Ты Амбара, — сказал он, — не так ли?

— Никто меня *так* не называет, — сказала ему девочка, сердито тряхнув головой. Боги, она была прекрасна.

— Ты Амбара Дав, тебе четыре лета, — мягко сказал Эл. — Как бы ты хотела, чтобы я тебя называл?

— Дав, — сказала ему маленькая девочка. — И это Шторм. Она может немного говорить. Лаэр пока не может — она просто плачет.

— Ей нужно переодеться, — серьезно заметил Эл.

— Нам всем нужно, — строго сказала ему Дав, — после того, как ты нас напугал. Однако больше всего нам нужно что-нибудь поесть.

— Я не могу тратить эту драгоценную вещь впустую, — она взмахнула палочкой с видом опытного боевого мага, — уничтожая еще больше маленьких птиц и зверей, от которых нас тошнит даже при взгляде на них... А все, что, как я знаю, безопасно есть, *исчезло*.

— Я не очень хорошо готовлю, — сказал ей Эл. Дав вздохнула.

— Тогда зачем Мистра послала *тебя*? — грубо спросила она, затем указала палочкой. — Мы используем *этот* участок ручья, ниже пня, чтобы мыться и пить. Ты переодеваешь Лаэр, а я отправляюсь на охоту. Шторм будет...

— Следить за тобой, — внезапно сказала Шторм, протягивая руку, чтобы крепко ухватить Эльминстера за бороду. — Защищай Лаэр. Будь милым... как твоя борода. Милым.

Эльминстер ухмыльнулся ей, обнаружив, что у него в горле застрял комок и слезы угрожают вырваться наружу. Он заключил их всех в объятия и открыто заплакал, лишь немного понимая, какой долгий и трудный путь предстоит пройти этим трем малышам за долгие годы. Лаэраль булькнула от удовольствия, находясь так близко к мужчине, который избавил ее от боли, но Дав как ни в чем не бывало шлепнула его по голове и рявкнула:

— Прекрати плакать. Скоро ночь, и нам нужно поесть.

Слезы Эльминстера превратились в смешок, и внезапно он покатился по грязному полу с тремя смеющимися, кувыркающимися девочками, вцепившимися в его волосы и бороду.

Сколько же лет он собирался этим заниматься?

* * * * *

От жареной ящерицы теперь остались только кости, обожженная чешуя и приятный запах. Его соус из измельченных ягод был каким-никаким началом, и он обнаружил, что ни у одной из девочек не было достаточно одежды, чтобы согреться во время сна, не говоря уже о приличных... впрочем, его плащ легко заменял три достаточно большие одеяла, чтобы можно было завернуться. Солнце садилось, и когда Эл посмотрел на сумеречный лес, он увидел темные глаза Мистры, пристально смотрящие на него из-за переплетенных ветвей. Он пристально смотрел в эти глаза глубокой тайны, а они посылали ему безмолвную любовь, сочувствие и нежное восхищение. В ответ он направил безмолвную молитву о руководстве. Он не двигался, пока не стемнело окончательно, и на земле не воцарилась истинная ночь. Маленькая ручка схватила одну из его рук. Боги, да они могли двигаться бесшумно, эти трое — или достаточно незаметно, чтобы, по крайней мере, хор насекомых мог скрыть их шум. Эльминстер посмотрел вниз и прошептал: — Разве тебе не пора идти спать?

Дав потянула его за руку.

— Дядя Чудная Борода, — настойчиво сказала она, — сейчас темно, и я не смогу уснуть, пока не буду знать, что ты сторожишь от волков и всего остального. Иначе мне придется не ложиться со своей палкой. Я устала. Не лучше ли нам войти внутрь?

Он уставился на нее, почувствовал, что в его глазах снова появились слезы, и быстро поднял глаза на светлеющие звезды над головой.

— Сэр, — спросила она почти строго, снова потянув его за руку, — Не лучше ли нам войти?

Эл вздохнул, бросил последний взгляд на звезды. Его сердце было полно чувств. Он опустил на колени, нежно поцеловал ее, улыбнулся и сказал:

— Да, я полагаю, лучше. Почему бы тебе не показать дорогу?

